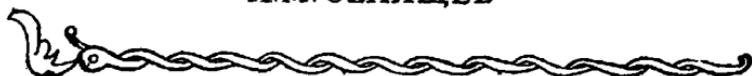

А. М. СЕЛИЩЕВ

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

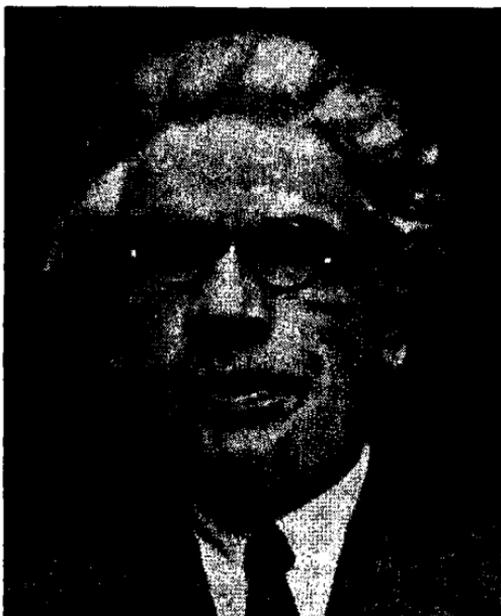
ВВЕДЕНИЕ ФОНЕТИКА

Допущено

*Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия для студентов
и аспирантов филологии как факультетов
университетов и факультетов русского языка
и литературы педагогических институтов*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА ~ 1951

ОТ АВТОРА

Задача курса старославянского языка заключается в том, чтобы представить необходимые лингвистические сведения, которыми должен располагать каждый приступающий к изучению истории русского и других славянских языков. По мере своих сил, я выполнял эту задачу в своих курсах, которые читал в течение многих лет в университетах и педагогических институтах. В своем изложении я не останавливаюсь на истории решения того или иного лингвистического вопроса. Дать подробное критическое обозрение мнений по излагаемому вопросу невозможно в таком вводном курсе, а ограничиться сводкой мнений, по меньшей мере, бесполезно. Поэтому я даю изучаемым фактам такие объяснения, какие считаю ближе соответствующими истине. Усвоив предлагаемый курс, студент или аспирант будет иметь возможность критически отнестись к разным мнениям по изучаемым вопросам.

Издаваемая часть моего курса старославянского языка включает в себе филологическое введение и фонетику. Острая нужда ощущается в старославянских текстах, необходимых при прохождении этого курса. Поэтому одновременно с фонетикой издается сборник текстов со словарем, а также с краткими замечаниями о словообразовании и о формах.

А. М. Селищев.

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. Старославянский язык — это язык славянских переводов греческих книг, — переводов, выполненных Константином и Мефодием и их учениками во второй половине IX в. До нас не дошли рукописи на этом языке, которые относились бы ко времени деятельности первых переводчиков. Древнейшие старославянские рукописи принадлежат X—XI вв. Одни из них писаны азбукой, называемой „глаголица“, другие — „кириллицей“.

Такое общее определение старославянского языка не отвечает на следующие два вопроса: 1) элементы какой славянской языковой группы второй половины IX в. были положены в основу языка первых славянских переводов; 2) какой азбукой, глаголицей или кириллицей, пользовались первые славянские переводчики.

Данные, на основании которых можно ответить на эти вопросы, извлекаются из указаний: 1) исторических, 2) лингвистических и 3) палеографических.

§ 2. Необходимо представить главные моменты и обстоятельства, относящиеся к начальному периоду славянской письменности. Источниками служат произведения на славянском, греческом и латинском языках. Это — легенды (жития) и исторические документы.

и характером), в письме архиепископа Теотмара Зальцбургского, в легенде о папе Клименте (*Vita cum translatione s. Clementis*), в полемической „Истории обращения хорутан“ („*Historia conversionis Carantanorum*“ или „*Libellus de conversione Bagoariorum et Carantanorum*“), отстаивающей интересы немецкого духовенства. См. в названной выше книге проф. Пастрнека („*Dějiny...*“, стр. 239—278).

§ 3. В 862 или 863 г. в Константинополь прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Цель посольства, по сообщению жития Константина, заключалась в желании Ростислава получить проповедников, которые пользовались бы славянским языком. Повидимому, это желание было вызвано тем, что Ростислав хотел парализовать деятельность латино-немецкого духовенства, распространявшего христианство в Моравии: это духовенство было проводником влияния немецкого императора. Возможно полагать, что политическая цель посольства заключалась и в другом: в желании заключить союз с Византией в противоположность союзу Болгарии с государством Людовика Немецкого. Область государства Моравского граничила на западе с государством немецким, на юге, у Дуная, с княжеством Паннонским, а на востоке — с Болгарией (на севере и северо-западе границы Болгарии простирались до Днестра и Тиссы). В борьбе против моравского князя Людовик Немецкий хотел воспользоваться помощью болгарского князя Бориса. Папа Николай I, благословляя Людовика на войну с Моравией, получил в начале 864 г. сведение, что Людовик „намерен отправиться в Тулну и там укрепить мир с болгарским королем и заставить Ростислава волей или неволей подчиниться“. Союз же Бориса с Людовиком был, видимо, заключен ранее, в 861—862 гг. Несомненно, в Константинополе придавали большое значение отношению с Моравией. Открывалась перспектива распространить и укрепить влияние Византии на западе, в областях государства моравского. В пределы этого государства входили области нынешней Словакии, — в областях реки Моравы и далее на восток к Грону, Ипелю и северной Тиссе. В зависимости от моравского княжества находились и края чехов и далее на северо-запад — некоторые племена славян, живших в бассейне средней Эльбы (Лабы).

Где был центр Моравского государства? Определенного указания по этому вопросу исторические документы не дают. Историки полагали, что таким центром был или высокий Девин

у Дуная, недалеко от Братиславы, или Нитра. В последнее время получили некоторое подтверждение средневековые упоминания о Велеграде, у Угорского Градишта, как о центре Великой Моравии. Такое упоминание идет от XIII в. Недавние раскопки обнаружили недалеко от Угорского Градишта, в его предместье (Staré Město — „Старый Город“), следы крепости и многочисленного населения, которое вело оживленную торговлю с Византией. Может быть, тут-то и была *urbs antiqua Rastici* („старый город Растица“ — Ростислава), упоминаемая в фульдских анналах под 871 г. Византия отправила в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата-грека Константин и Мефодий. Руководящая роль в этой миссии принадлежала младшему брату, высокообразованному Константину-философу. Константин и Мефодий были уроженцы города Солуня (Фессалоники). Они хорошо знали язык славян, живших в самом городе и в окрестностях его. „Вы оба солуняне, а солуняне все говорят хорошо по-славянски“ („вы во уста солунянина, да солуняне вси тисто словьньекы вьсвѣдоуютъ“; жит. Меф.). Мефодий был некоторое время правителем какой-то славянской области („князьини словьньско“; жит. Меф.) в Византии, — на юго-востоке в Македонии или в областях побережья Эгейского моря (прочие области Македонии и восточной части Балканского полуострова входили в состав болгарского государства). Константин получил блестящее по тому времени образование. Как человек больших знаний, он был назначен хартофилаксом (библиотекарем) при патриаршей библиотеке. Но это занятие не соответствовало настроению Константина. Он предпочел удалиться в уединенное место, „на узкое море“ (жит. Конст.) — у Босфора. Спустя некоторое время он получил назначение „утити философии своа зьвѣца (твзвѣца) и стрѣнныа („своих и приходящих со стороны“), „и по то са ить“ („и он принялся за это дело“). С эпитетом „философ“ обычно представляется в источниках его имя. Еще ранее моравской миссии на Константина была возложена миссия к сарацинам в Малую Азию и затем миссия к хозарам. В последней принимал участие и Мефодий, живший до этого в монастыре Олимп, в Малой Азии. Там некоторое время перед хозарской миссией провел и Константин, сосредоточившись на книжных занятиях („токмо книгами вьсвѣдоу“; жит. Конст.). Византия нередко в политических целях пользовалась религиозными миссиями. Повидимому, хозарская миссия находилась в какой-то связи с походом русских на Константи-

нополь в 860 г. В хозарской миссии обнаружилось многосторонние способности Константина. По пути к хозарам, в Херсонесе, он находит евангелие и псалтырь, „рушкым писменем“ писанные, и человека, знающего этот язык,— и быстро научился читать эти книги. Он изучает древнееврейский язык. Состязался он и с самарянином, жившим в Херсонесе, и самарянские книги, принесенные им, Константин за несколько дней выучился читать, „бес порока“ (жит. Конст.). Свое знание древнееврейской, в частности самаритянской, письменности Константин обнаружил вскоре после возвращения из хозарской миссии, прочтя в Константинополе загадочную самаритянскую надпись на одной древней чаше. С древнееврейской письменностью Константин мог познакомиться и раньше, в Олимпе (в Малой Азии). Там он мог узнать и письмо коптское.

На Константина и Мефодия и была возложена миссия в Моравию. По сообщению житий и Константина и Мефодия, Константин еще до отъезда в Моравию составил азбуку для славянского языка и приступил к переводам на этом языке: „сложи писмена и нача въсѣдоу писати вудгвальскую“ (жит. Конст.); „и акии оустроиъ писмена и въсѣдоу съставля, поути са шть моравьскаго“ (жит. Меф.). Это — важное указание. Возможно полагать, что Константин не впервые только теперь, в связи с моравской миссией, занялся делом славянской азбуки. В такой непродолжительный период времени, который оставался до отбытия в Моравию, едва ли можно было составить цельную, хорошо приспособленную к славянской фонетической системе азбуку, какой является алфавит Константина. Требовал значительной подготовительной работы и перевод, приспособление славянского языка и его элементов к новой функции — к передаче книжного языка литургических текстов. Ввиду всего этого можно полагать, что вопрос о славянской письменности для славян Византии и для соседней с нею Болгарии давно уже занимал Константина и вызвал некоторую подготовительную работу. По каким-то обстоятельствам введение славянской письменности для этих славян замедлилось. Моравская миссия побудила Константина продолжить работу по формированию книжного языка для славян. Он не изменил прежней языковой основы этого языка — основы языка, какой он знал, славян солунских: по справкам, какие он мог навести у членов моравского посольства, язык солунских славян был вполне доступен пониманию мораван.

Миссия отправилась в Моравию не позднее 864 г. Константин, Мефодий и несколько лиц, знавших славянский язык и помогавших братьям в деле славянской письменности, отправились вместе с другими членами миссии в Моравию. Первые годы пребывания в Моравии прошли в подготовке кадров славянских книжных людей и в изготовлении дальнейших славянских переводов с греческого. С первых же дней славянский язык в письменности и в церковном ритуале встречен был враждебным ропотом со стороны латинского духовенства в Моравии, утверждавшего латинский язык в письменности и ритуале. К Константину и Мефодию это духовенство относилось враждебно и по другой причине: в них оно видело не без основания опасных противников своему господству.

Проработав более трех лет в Моравии, Константин и Мефодий с группой своих учеников отправились в Рим, чтобы представить папе сведения о своем деле. Вместе с тем они надеялись получить поддержку папы — поддержку в их трудном положении среди враждебно относившегося к ним латинского духовенства. По пути из Моравии они на некоторое время остановились в Паннонии. Там их радушно принял князь Коцель и дал им около 50 учеников обучить славянским книгам (жит. Konst.). Далее путешественники направились в Венецию. Там у них были горячие споры с „треязычниками“, т. е. с лицами, утверждавшими, что только на трех языках законна письменность — на еврейском, греческом и латинском. „Треязычники“ были посрамлены греческим философом. „Как вам не стыдно принимать во внимание только три языка, а прочие народы и племена заставлять быть слепыми и глухими? Мы же знаем много народов, имеющих письмена... на своем языке. Ведь известны (в этом отношении) армяне, персы, авазги (абхазцы), иверы (грузины), сугдеи (аланы Сугдеи), готы (крымские готы), авары, турки, хозары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие“. Посрамив их многими текстами из писания, Константин оставил их. В средние века создалось представление, что в письменности могут быть допущены только три языка: еврейский, греческий и латинский. Такой взгляд был в особенности распространен на Западе в связи с тенденцией к универсальности латинского языка. Были и в Византии такие „треязычники“. Но там в господствующих верхах свободнее относились к письменности на других языках. Греческий язык не получил на Востоке того исключительного

господства, которое принадлежало латинскому языку на Западе. Глубокой давности традиция письменности существовала у египтян, сирийцев, халдеев, персов. На Востоке свободнее, чем на Западе, применялись народные языки в письменности, и Византия нередко пользовалась даже в целях политических ролью народного языка в письменности.

В Риме папа Адриан II торжественно принял Константина и Мефодия. Обстоятельства сложились так, что папа в целях укрепления своего влияния в Моравии и Паннонии признал славянский язык в письменности и в литургии. Из Рима Константин не вернулся. Заболев, он умер там в 869 г. в возрасте 42 лет. Перед смертью он принял имя Кирилл. По смерти Константина Мефодий действовал некоторое время в Паннонии. В Моравии положение было смутное — война с немцами, перемены в княжестве: Ростислава сменил его племянник Святополк, признавший верховную власть Карломана. Затем Мефодий получил назначение епископом Паннонии. Неудача папского Рима в Болгарии побуждала папу Адриана II к утверждению своего влияния в Моравии и в Паннонии: для этих областей основана была особая славянская епископия. Но Мефодий попал скоро в руки немецких епископов, которые заключили его в тюрьму в Баварии. Там он просидел больше двух лет. В Моравии произошли изменения. Вспыхнуло восстание против франков. Святополк стал независимым правителем Моравии. Мефодий вернулся в Моравию. Но деятельность там славянских книжников проходила в крайне тяжелых условиях. Святополк не был защитником славянской письменности. Приобрели большее значение латинники. Интриги, ложные доносы в Рим с обвинением Мефодия в „ереси“, подложные письма — всё они пускали в ход, чтобы скомпрометировать дело славянской письменности и восстановить свое господство над населением. В особенности мрачной фигурой является в это время интриган епископ Вихинг. (Позднее он покинул Моравию и стал канцлером у короля Арнульфа.) Последние годы деятельности Мефодия были заняты изготовлением славянских переводов. В 885 г. он умер. После его смерти противники славянской письменности во главе с интриганом и фальсификатором Вихингом торжествовали. Они добились у папы Стефана V запрещения славянского языка в церковном ритуале. Ученики Мефодия были изгнаны из Моравии, а некоторые проданы в рабство. Изгнанники отправились одни на юг, к хорватам, другие — на

юго-восток, в Болгарию. Там они продолжали дело славянской книжности.

§ 4. В особенности благоприятны условия для славянской письменности были в Болгарии. Из учеников Мефодия выдающимся писателем был Климент, действовавший в Македонии и в юго-восточной Албании. Македония была областью, где было изготовлено много славянских рукописей,— изготовлено с сохранением книжных традиций в языке и в письме, как они установлены были в кирилло-мефодиевских оригиналах и их продолжениях под пером Климента и близких его учеников. Из Македонии идет и большинство тех рукописей, глаголических, XI в., которые объединяются в группу старославянских.

Во время правления Симеона (893—927) государственный центр Болгарии Преслав становится и центром славянской книжности на востоке Болгарии. Из преславского круга писателей выдающимся был Иоанн экзарх. Преславские книжные люди пользовались тем же языком, каким писали и в Македонии. Связь личная и обмен рукописями в книжной среде востока и запада Болгарии существовали в разные периоды государственной жизни этой страны и в период ее независимости, и под властью Византии (972—1186). Но в восточноболгарских рукописях отражались отступления от прежних языковых книжных норм более значительно, чем на западе, в Македонии. Отступили в Преславе и от графической традиции: глаголицу там, повидимому, заменили так называемой кириллицей. В Преславе было изготовлено много рукописей, списки с которых распространялись затем в среде восточных славян и среди сербов.

§ 5. В Моравии и Чехии славянская письменность не совсем прекратилась. Кое-где она продолжалась и в X—XII вв. О письменности на славянском языке в этих краях свидетельствуют Киевские листки (X в.) и Пражские отрывки (конец XI или XII в.). На том же языке была составлена там легенда о Вячеславе и некоторые другие произведения. В конце XI в. в чешском Сазавском монастыре, где ютилась еще славянская письменность, славянские книги были совсем уничтожены приверженцами латинского языка или так испорчены, чтобы никоим образом нельзя было больше по ним читать. Так сообщает современный летописец (см. „Fontes rerum bohemicarum“, II, стр. 250). Следы старославянского языка отражаются в позднейших памятниках чешской письменности, на лексике ее.

Таковы главнейшие факты из начальной истории славянской письменности. Эти факты помогают дать ответ на поставленные выше вопросы: 1) об элементах языка кирилло-мефодиевских переводов и 2) о начальной славянской азбуке.

§ 6. По вопросу об элементах языка кирилло-мефодиевских переводов надо принять во внимание указание легенд, что в Моравию Константин, Мефодий и их помощники отправились с начатыми переводами. В основу языка этих переводов был положен язык тех славян, с которыми Константин и Мефодий имели общение, — славян Солуня и его района. Среди них прошли детские годы братьев. Среди славян, близко родственных с солунскими, проходила в течение некоторого времени административная деятельность Мефодия как правителя „княжества словенского“ где-то на юго-востоке Балканского полуострова.

Черты языка кирилло-мефодиевских переводов указывают также на область славян болгарских. Это была область, находившаяся рядом с греческой. Связи с греческим населением обусловили появление греческих слов в языке славян этой области. В славянской среде там употреблялись слова *сѣбота*, *параск'вѣг'ни*, (*параск'вѣг'ниа*), *лѣвг'нтъ* и др. Звуковой вид некоторых из слов греческого происхождения указывает, что они перешли в язык славян не из литературного греческого языка, а из речи народной греческой среды: *сѣбота* [1. „неделя“, 2. „суббота“] указывает на народно-греческое *σάββατον*, а не на литературно-греческое *σάββατον*. На греческое сочетание *αὐτ* вместо *ββ* может указывать и передача имени *Ἀββαχούμ*, находящаяся в древнерусских книгах: *Аввакумъ*; такая передача ведет к греческому *Ἀββαχούμ*.

На греческую народную среду указывают заимствования с *г'* (*параск'вѣг'ни*, *лѣвг'нтъ*): народно-греч. *παρασκευή*, литератур. *παρασκευή* („день перед субботой“, „пятница“), *λευγ'ίτις*, литератур. *λευίτης*: *домъ лѣвг'нѣтъ* — *τὸ λευγί (λευί)* (Син. пс.); *в'вѣга* — *ἔβγα (εβγα)*. По греческим диалектам с первых веков н. э. появился согласный *γ* после заместителя дифтонгов *ευ*, *ου*: *ευγ*, *ουγ* — *παρασκευγί*, *δουλέυγω* вместо *δουλεύω* „служу“ и т. д.

По народному произношению введены были и некоторые другие слова. Например, прилагат. *ольгоуинъ* или *льгоуинъ* — *ἀλόης* — из алоэ сделанный или с алоэ смешанный. (Сок из алоэ — из дерева с длинными широкими листьями, имевшими колючки на концах, применялся на востоке при бальзамировании мертвых.)

В более поздних старославянских текстах передано это прилагательное ближе к греческому ἄλιος — алоинъ (алонно). Так было, например, в старославянском оригинале Остромирова евангелия. Первые славянские переводчики ввели в язык их переводов некоторые греческие слова в том звуковом виде, в каком они применялись в живой речи славянской среды. Если бы Константин и его сотрудники вводили эти слова как заимствования из литературного греческого языка, то они передали бы их в виде парасквиин, левить, алоинъ. Непосредственное соседство славян с греками было на юго-востоке Балканского полуострова.

И другие черты словаря старославянских памятников указывают на то, что славянский язык первых переводчиков принадлежал той славянской среде, в которой употреблялось много греческих терминов. В старославянских памятниках находится длинный ряд непереведенных греческих слов — не переведенных по разным обстоятельствам.

1) Это были названия должностей, должностных лиц и предметов с их специфической значимостью:

а) архитрикланъ — греч. ἀρχιτρικλῖνος („главный столтник“, „распорядитель пиршества“); ефимерна — греч. ἐφημερία („дежурство“, „очередной служитель“); в Зографском кодексе перевод: дньвнмъ урѣдѣ; игемонъ — греч. ἡγεμών („вождь“, „наместник“); инномъ — греч. οἰκονόμος; (слав. приставникъ „управитель“, „управляющий“); коустодия — греч. κοῦστοδία („стража“); праторъ — греч. πρᾶκτωρ („судебный пристав“); стратигъ — греч. στρατηγός („полководец“, „вождь“);

б) ароматъ — греч. ἄρωμα, родит. ἀρώματος; катапетазма — греч. καταπέτασμα (слав. опона — „занавес“); корвана или корванъ — греч. καρβᾶν („касса“, „денежный ящик“); краинво мѣсто — греч. κραίνου τόπος („лобное место“, „место казни“); соударъ — греч. σιudadάριον, слав. оувроусъ („полотенце“) и многие другие.

2) Слова отвлеченного значения: оусниа — греч. οὐσία („существо“); вѣннъ оусннъ нашнъ платннъ покрывъшиа сѧ (Син. тр.); сванъдѣль (Син. пс.) — греч. σκάνδαλον („соблазн“) и др.

3) Были слова, перевод которых бытовыми славянскими словами понизил бы стилевое значение их — понизил бы своей бытовой окраской. Например: кринъ — греч. κρίνου („лилия“), опендить — греч. ἐπευδύτης („верхняя одежда“, „плащ“), позднее переведено так: „сравунцъ“; тектонъ — греч. τέκτων („плотник“); ср. текст: на съ ли всть тектоновъ сътъ (Марин.); петра, петръ (на семь петръ или на семь камене, по отношению к личному имени Петръ) — греч. πέτρα („огромный камень“, „скала“),

акротомъ (Син. тр.) — греч. ἀκρότομος — „твердый камень“: недвижимо
основано на акротомъ і дѣховнѣ каменн тво[в]а въръ (Син. тр.); акротомъ и
в Син. псалтыри; алекъторъ — греч. ἀλέκτωρ, слав. пѣтьль; власнннннн —
греч. βλασφημία („ругательство“, „злословие“); афедронъ — греч.
ἄφεδρον („отхожее место“, „задний проход у животных“); кро-
тафъ; покѣ кротафѣма мѣла (Син. пс.) — греч. κρόταφος („висок“).

Переводчики полагали, что введение некоторых греческих
слов не затруднит понимания текста в известной им славянской
среде — в среде, близкой к грекам, — на юго-востоке Балкан-
ского полуострова.

Что касается общего словарного состава старославянских па-
мятников, то он недостаточно показателен при отсутствии све-
дений по истории слов у южных славян. В этом словаре были
такие слова, которые ясно указывали на Балканы. Таково слово
квѣрътъ в значении греч. σὺβούλος, т. е. „сораб“, „товарищ по
работе“ (подругъ в более поздних переводах). Это слово харак-
терно для балканских областей, так как вышло из романско-
балканской среды, это — передача балкано-романского слова
collibertus. Из балкано-романской среды взято было балкан-
скими славянами название верхней одежды кѣтыга. Это слово
находится в Супрасльской рукописи и в древнерусских памятни-
ках, списанных с южнославянских оригиналов. Например: въ
лѣ кѣтыга нѣшѣна — в Мстиславовом ев. (XII в.), Иоан., XIX, 23 —
в греческом тексте — ἦν δὲ οὐκὼν ἄρραφος; и хотащмоу съ товоѣ пѣръти
са и ризѣ твоѣ въздати остави шмоу и кѣтыгоу (в Сборнике Святослава
1073 г.); облечеса въ зеленую кѣтыгоу (σχήμα) (в хронике Иоанна
Малалы). В словах Ефрема Сирина (в списке XIV в.) находится
это слово в более новом звуковом виде, с гласным у: кѣтуга
(κῆτω, tunica): кѣтугу пѣстру. На юго-западе Балканского полу-
острова, где в особенности сильно было романское воздействие,
сохраняется до сих пор это слово: в хорватских говорах на
острове Вресе, в Башке, в Коштрене, в Бакарце, в Чавлях:
kotiga, kōiga. В некоторых из этих местностей так называют
только женскую верхнюю одежду из меха овец (о. Врес). Бал-
канско-славянское кѣтыга (более позднее кѣтуга) представляет собою
передачу среднелатинского слова cotusa — название верхней
одежды клириков (tunica clericī).

Характерны для южнославянских языков слова слани („иней“),
акувѣтъ („ящик“, „сундук“), горюшьнѣ („горчичный“), градъ, гра-
дши...

Как грецизмы, так и некоторые другие явления словаря старославянских памятников указывают на юго-восток полуострова, на области болгарские. Показательное значение заключается в том, что эти слова совпадают со словарем болгарских писателей последующего времени, конца IX — начала X в. — со словарем Иоанна экзарха болгарского, действовавшего на востоке, со словарем Климента, деятельность которого относилась к юго-западу болгарских областей. Например: *градѣши* в ст.-слав. памятниках у Иоанна экзарха, у Климента; *клеврътъ* в ст.-слав. памятниках и у Иоанна экзарха; *страньнъ* (в значении „чужой“, „гость“) в ст.-слав. памятниках, у Иоанна экзарха, у Климента, и ряд других слов.

Отметим еще слово *лиинта* („щека“) — слово, представляемое только говорами болгарскими на юго-востоке Македонии [Неврокоп] и во Фракии.

Показательно своим архаизмом и слово *ч'ѣд* вместо *чадъ* в говорах на юго-востоке Македонии. Значение этого слова такое же, как и в давнее время: „род“, „племя“, „группа людей“. *чѣдъ* *словъно* — просто *чадъ*, по словам послов князя Моравии Ростислава [жит. Конст.].

Обратим внимание на значение глагола *поустити*: он имеет значение не только „пустить“, „отпустить“, но и „послать“, „дать“. Например: *ѣгда напишетъ книгы* [„письмо, грамоту“] *и поуститъ къ мнѣ* (Супр. рук., 77^{об.}); *поусти же* („послал“) *мѣжа жоупанты и саноуиты къ стоумоу* (Супр. рук., 147); *приде же четверъ зѣло* („поздним вечером“) *сѣлъ* („посол“) *поуштен' отъ того трокон'да* (Супр. рук., 147); *законъ же сѣтъ поуштенн измѣ* (Супр. рук., 75^{об.}); *поусти привѣтъ* („послал привет“) в Синайском патерике XI в., — в русском списке со старославянского оригинала. В значении „послать“ знали этот глагол и семиградские болгары, вышедшие в XIII в. из восточной Болгарии: „твуйте свенте ангеле ми *н у с т и* на помощ (парамаст)“. В том же значении применяется этот глагол и в современных болгарских говорах, преимущественно на юго-западе: „Ако ти не втасат тије пари, *п у ш т и* ми една книга, ја к'а ти *п у ш т а* уште пари“ („Если этих денег тебе нехватит, пришли мне письмо, я пошлю тебе еще денег“; западная Македония).

„Кога те *викаф*, не дойде,
То *шчо* ти *пушчиф*, не зеде“

(„Когда я звал тебя, ты не пришла; то, что я послал тебе ты не взяла“; там же).

„Фано, пиле материно!
Пушчи мене бела рака“.

(„Фана, птенчик материн! Дай мне белую руку“; там же).

И в говорах Солунского района до сих пор существует глагол „пусна“ в таком значении. Например: пуснала една робинка, зема за десет пари халва — „послала служанку взять на десять копеек халвы“; за вилеетут пари да пусни — „в вилает деньги послать“.

Глагол пушчи в значении „послал“ имеется также в говорах южной Македонии — в говорах Костурского края, близких по своей основе к говорам Солунского края.

Нет основания видеть в глаголе поустити, употреблявшемся с значением „послать“, „отправить“, позднее наслоение в языке старославянских памятников (Супрасльская рукопись); он применялся и на юго-западе, как свидетельствуют современные болгарско-македонские говоры.

На область славян Болгарии указывают и тюркские слова, перешедшие от тюрков-болгар в язык этих славян и отразившиеся в старославянском языке: *грьтъгъ* — „терем“, „спальня“ (в Син. пс., в Син. тр., в Супр. рук.). К болгарам, как и к некоторым другим тюркам, оно перешло от каких-то иранцев (персидск. *čârtâk*, может быть, аланское *čârtak* вместо *kartaka* „дом“, „огороженное место“). Позднее из турецкого языка это слово заимствовано было южными славянами и русскими с согласным *d*: болг. чардак, сербо-хорв. *čardak*, *čerdag*, русск. чердак.

Отметим одну синтаксическую черту языка старославянских памятников, указывающую на тесные взаимоотношения славянского и греческого населения — на взаимоотношения, при которых появилось среди тех и других двуязычие: греки знали славянский язык, а славяне — греческий. Некоторые черты синтаксиса и семантики греческого языка переносились в славянскую речь. Таково происхождение двойных форм имен существительных, служащих для передачи дистрибутивности, дифференцированной множественности, отдельных частей, групп, рядов и т. п. Так, в Зографском кодексе, в VI, 39—40 Марка читается. *І послѣ Імѣ посладити ѿ всѣхъ на споды. на споды.¹ на трѣвъ зеленѣ. І възлегоша*

¹ „Группами“, „на группы“;

на лъхъ. на лъхъ.¹ — греч. *συμπόσια συμπόσια*, ... *πρῶσιαι πρῶσιαι*. Славянская передача не являлась лишь книжной передачей греческого текста, а отражала явление живой славянской речи. Это были славяне юго-востока Балканского полуострова — славяне болгарские. В их языке и в среднеболгарскую и в новоболгарскую эпоху представлены такие сочетания. Например: „Из полето на вълни на вълни се доносяха екливи и тъжни песни“ — „С поля доносились волнами звучные и печальные песни“ (Елин-Пелин, Разкази, I „Летен день“). Подробнее об этом сочетании говорится в отделе синтаксиса.

§ 7. Черты фонетические языка кирилло-мефодиевских переводов свидетельствуют о славяно-болгарской основе этого языка. Из них особенно показательны следующие черты.

1) шт', жд' вместо ранних доисторических tj (а также kt'), dj. Изменение ранних доисторических tj (kt'), dj в шч (шт'), ждж (жд') — это давняя характерная черта славян болгарской группы. Области поселения славян этой группы были в VII—XII вв. весьма обширны. Они жили и к северу от Дуная, в пределах нынешней Румынии и восточной Венгрии; в пределы Болгарии входили области Срема, Баната, Семиградии. В особенности многочисленно было население в Семиградии. Там в долине реки Мароша находились богатейшие в то время, ценнейшие соляные запасы. Население в IX—X вв. было там славянское и тюрко-болгарское. Эта двойственность населения оставила след на топонимии Семиградии. Так, название местности Торда — тюркское, Сольнокъ — славянское; имя речки Кюкюлѣ — тюркское, Търнава — славянское. Те же славянские племена занимали и восточную часть Балканского полуострова, и обширные области в Албании, в Эпире, Фессалии и по местностям Пелопоннеса. В силу общественных и экономических условий, неблагоприятно сложившихся для славянского населения, в областях к северу от Дуная и в краях Албании, северной и южной Греции получил преобладающее значение иноязычный элемент. Но следы прежнего населения, славянского, в этих областях отражаются в языке земли (в топонимии) и в языке румын, мадьяр (венгров), албанцев, греков.

Из топонимии: Pešl (в Венгрии), Peštera, Grăjdeni (в Румынии), Пештера, Лешта, Хоштова, Граждани, Либражди (в Албании), Χίστοβα (на Пелопоннесе).

¹ „Рядами“, „в ряды“.

Из славянских слов в венгерском языке: *moštoha* („мачеха“) — болг. маштеха; *gožda* („ржа“, „ржавчина“) — болг. рѣжда; в румынском *măștehă, dažde* („годать“) — болг. даждие; *gražd* („стойло“, „конюшня“) — болг. гражд; в албанском: *graždi, važdoj* („идти по следу“) и др.

2) Другая фонетическая черта, характерная для языка славян болгарских по сравнению с языком других южных славян (сербов, хорватов и словинцев), а также по сравнению с языком чехов и словаков — это гласный открытый переднего ряда *ǎ*, с мягкостью предшествующего согласного, в таких случаях, как *хл'ǎбъ, дѣв'ǎ рыб'ǎ „2 рыбы“* и т. п. В глаголической азбуке этот гласный передавался знаком *ѡ*, а в кириллице посредством *ѣ*. На такое образование „*ять*“ (точнее „*ядь*“) указывают все говоры славян болгарских и на востоке, и на севере от Дуная, и в Македонии, и в Греции, и в Албании. Отметим несколько примеров из топонимии областей, где некогда жили группы славян болгарских, и из славянских слов с *ѣ*, перешедших к румынам, грекам.

Из топонимии Румынии: *Brează, Breastă, Deal* (слав. дѣль), *Oreav* (слав. орѣхъ), *Pleaș* (слав. плѣшь); Албания: *Леаска* (Ляска), *Дряново* (слав. Дрѣново, корень дрѣн-), *Лябово* вместо *Хлѣбово*; Греция: *Λιάσχοβου* (слав. корень лѣска-), *Ἀραχὼβίτσα* („орѣх-“).

Такое же указание представляют славянские слова, перешедшие в румынский, албанский, греческий языки. Нап. имер: *pleava* (болг. плѣва — „мякина“), *preaža* (болг. мрѣжа), *neveasta* (болг. невѣста) — в румын.; *χράνος* (хрѣн), *ἀστράχα* („стрѣха“, „крыша“), *ζαῦον* — *σαῦο* (сѣно) в новогреч.; *sanë* (сѣно), *saḡa* (черѣн — „камень у очага“) в албанском.

На гласный *ǎ* указывают все говоры славян болгарских в их истории. И в настоящее время имеются говоры с *ǎ* вместо *ѣ* на юго-востоке и на северо-востоке: *б'ǎли, нед'ǎлит'ǎ* (недѣлитѣ), *в'ǎрен...*

В глаголице знак *ѡ* служит для передачи не только *ѣ*, но и давнего *а* после мягкого согласного — *ѡко, кол'ѡ* (кирилл. кол'ц). Такая передача была вызвана тем, что были близки звуки *ѣ* и заменитель гласного *а* после мягкого согласного. Это был гласный *ǎ*. Такой гласный вместо *а* после мягкого согласного представляют и современные говоры к востоку от Солунского края.

Было бы методологически неправильным делать заключение из сопоставления языка кирилло-мефодиевских переводов с современными болгарскими говорами (XIX—XX вв.)— заключение о взаимоотношении их. Вне исторической перспективы такое заключение было бы недостаточно обосновано и вызвало бы ряд возражений относительно генетической связи языка первых славянских переводов с языком славян болгарских. Историческое же изучение болгарского языка обнаруживает все главные черты звукового и морфологического состава языка кирилло-мефодиевских переводов.

1) Носовые гласные *ѡ, ѡ*.

2) Редуцированные гласные *ѣ, ѣ*.

3) *l* — epentheticum.

4) Аффриката *ѣз* (s): *нѣзъ*.

5) Разные формы в системе склонения.

6) Окончание *-тъ* в формах 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени: *нѣсѣтъ, нѣсѣтъ*.

7) Форма аориста и имперфекта.

Болгарские диалекты представляют также следы таких форм сигматического аориста, которые уже в XI в. по говорам были утрачены,— форм с *ѣ* в корне: 1-е л. ед. *нѣсѣтъ, вѣсѣтъ, рѣхѣтъ*, 3-е л. мн. *нѣса, рѣша* и др. В то время, когда такие образования аориста были еще в употреблении, их основа с *ѣ* обобщилась в некоторых говорах для других форм: для инфинитива, для причастия прошедшего времени: *донѣт[и], донѣл[ъ]*. Такой процесс был пережит и в сербо-хорватских говорах: *doněti, doněl* → *donio, doněla*; аорист с новым *ch*: *doněch*. Формы причастия *донел, занел* („принес“, „занес“) существуют в западноболгарских говорах. Следы аористных форм *нѣсѣтъ* имеются и в говорах Солунского района. В этих говорах представлены такие же следы и от форм с инфинитивной основой *нѣхѣтъ*. Вот несколько примеров: Чилиби Теодорак донел невеста от Европа; бабата утрината излела с куконата да седи („старуха утром вышла с хозяйкой посидеть“); я утрината саатю на четритя излела коконата, влезе на хамаму..., точас тос приател излел от сандько и много си помачи да отвори вратата от хамаму, па влезел он на сандько и си затвори сам; она си умула и па излела на удаюшката („утром часа в 4 вышла хозяйка, вошла в купальную комнату..., тогда этот приятель вылез из ящика и много старался открыть дверь в купальную комнату, и влез он в ящик и там затворился.

она омылась и вышла в маленькую комнату*). Эти говоры представляют основу с *ъ* и в новообразовании для итеративного глагола с суффиксом *-ва-*: донѣвам (дон'ѣвам, доневам — 1-е л. ед.), излѣвам (изл'ѣвам, излевам — в других болгарских говорах излѣзвам, излизвам — „выхожу“). Такие же следы аористных форм *въсь* представлены и дальше на юго-восток, в говорах Фракии.

§ 8. Итак, теперь не подлежит сомнению, что элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян, находившихся на юго-востоке Македонии и в других областях востока и юга полуострова, — славян болгарских. Оставлена, как явно несостоятельная, паннонская теория происхождения старославянского языка — теория В. Копитаря (1780—1844), П. И. Шафарика (1795—1861), Фр. Миклошича (1813—1891). По их мнению, элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян Паннонии, т. е. предкам нынешних словинцев. Одним из главных доводов в пользу такого взгляда служили некоторые слова старославянских памятников, указывавшие на ту область, где было воздействие латинское и немецкое. Это такие слова, как *поганъ*, *ольтарь*, *оцъть* („уксус“), *мнса* („обедня“), *постъ*, *цръкы*, *попъ*... Но как быть с такой языковой чертой кирилло-мефодиевских переводов, как *шт—жд* вместо давних *tj (kt')* — *dj*? У словинцев издавна в этих случаях были *č—j* (*svěča—meja*), в Моравии *с—dz (z)*. Для объяснения *шт—жд* Миклошич полагал, что у славян Паннонии были такие же замены ранних *tj (kt')* — *dj*. Славянские слова с *шт—жд*, перешедшие в мадьярский (венгерский) язык, будто бы свидетельствуют о наличии таких звуков вместо *tj—dj* в языке славян Паннонии.

Все это несостоятельно и противоречит историческим данным.

Константин и Мефодий оказались в Паннонии только после того, как более трех лет провели в Моравии. В Моравии же, как и далее в Чехии, население было западнославянское, с *с—dz (z)* вместо *tj—dj*: *svěca (svěcā)—mezda (meza)*. Киевские листки, написанные в X в. в области Моравии, ясно указывают на эту фонетическую черту: *дзъ*, *овъцъннъ*.

Славянские заимствования с *шт—жд* в мадьярском языке взяты были от одной из групп славян болгарских, в VIII—IX вв. живших не только на востоке Балканского полуострова, но и далеко к северу от него (см. выше, § 7).

Такие слова латинского происхождения, как *паганъ* (лат. *paganus*), *миса* (*missa*), *о́лтарь* (*altare*) находились и в греческом языке, как результат взаимоотношений Византии с Западом (греч. *παγανός*, *μίσα*, *ἀλτάρη*). Из греческого источника они и могли перейти в язык кирилло-мефодиевских переводов. В греческой среде употреблялось и слово *παπᾶς*, откуда оно перешло и к южным славянам: *попъ*.

Среди населения на востоке Балканского полуострова были распространены и некоторые другие латинские термины — распространены римскими колонистами здесь. К таким словам относилось, например, *acetum* — слав. *оцѣтъ*.

Через балкано-романскую среду могло прийти к южным славянам и слово *цръкы*, восходящее к греческому *tò κυριακόν* вместо *tò κυριακόν* („дом господний, храм“). Вероятно, в старославянском языке отразилось и латинское название „восприемника“ („кума“) — *compater*: *къмѣтръ* („кум“), *къмѣтра* („кума“). Но и это слово могло прийти к южным славянам на Балканах от романского населения, находившегося там. И позднее названия для „кумы“ и „кума“ заимствовались южными славянами, болгарами, из этой среды при бытовом общении с нею. Таково происхождение слова „кум-бара“ у болгар в селах Сухо и Висока Солунского района.

Вероятно, из романской же среды пришло к балканским славянам, жившим неподалеку от Эгейского моря, и название кормы или лавки для гребцов *дохѣторъ* (употреблялось также в значении „подушка“). Это слово восходит к др.-верхн.-нем. *dofta* — „лавка для гребцов“, слово, близкое по значению к латинскому *ductarius*.

Слово же *постъ*, восходящее к др.-верхн.-нем. *fasta*, проникло в разные славянские языки в разное время.

Но нельзя отрицать, что в Моравии в язык славянских переводов вошли некоторые слова, бытовавшие там, указывавшие на сферу деятельности латино-немецкого духовенства. Таково происхождение слова *цръкы* с *-ир-* в Киевских листках и в Синайской псалтыри, *папъжъ* („папа“), *рѣванна* в значении лат. *piper* в Киевских листках: эти слова указывают на верхненемецкий источник: *цръкы* вместо др.-верхн.-нем. *chiricha*, *папъжъ* вместо др.-верхн.-нем. *bâbes* („папа“) и *рѣванна* (*рѣваннъ*), повидимому, вместо др.-верхн.-нем. *aravanī* — лат. *piper*; по образцу латинского *media hebdomas* стало применяться слово *срѣда* (день недели). Может быть, в связи с значением латинского слова *feria* („праздник, день отдыха, покой“) стали применять слово *недѣля* — „воскре-

сень" (день недели). Но вероятнее предположение Фр. Миклошича о семантической связи старославянского слова *недѣля*, с греческим *ἀπράχτος ἡμέρα* — „праздничный (нерабочий) день“. В таком значении употреблялось это выражение не только у классиков, но и в византийский период. Например *σепτῆς κυριακῆς ἡ ἑλλης ἀπράχτου ἡμέρας* в папирусе 594 г. н. э. (H. Van Herwerden, *Lexicon graecum* s. v.).

В Моравии в старославянский язык приняты бывшие там в церковной практике и такие слова: *комѣлати* — „причащать“, *комѣланию* — „причащение“ (Син. тр.). В этом термине отражаются латинские *communicare, communicatio*.

В Моравии через немецко-латинскую среду был уже введен *тѣпнѣчь* по образцу др.-немецкого *munich* (совр. нем. *Mönch*), вместо латинского *monachus*, а это из греческого *μοναχός* — „монах“. Имя *мънѣхъ*, прилагат. *мънѣхьскъ* вошли и в старославянский язык (*мънѣхьскаго унѣа* — Син. тр.).

Из лексики славян Моравии и Паннонии могли быть взяты и некоторые славянские слова. Такого происхождения слова *амѣтъ* („даром“, „напрасно“), *рѣкнота* („истина“, „правда“, „действительность“), *отълѣкъ* („остаток“) и некоторые другие.

§ 9. Язык старославянских переводов нельзя отождествлять во всех отношениях с живой народной речью славянской массы Солунского района. В основу языка письменности положены были элементы языка городского и пригородного славянского населения, с которым имели общение греки города Солуня. Речь этих славян отличалась от языка широкой народной массы главным образом в отношении лексики. В городских слоях славянского населения было больше греческих заимствований, чем в среде сельского населения. В числе греческих заимствований были у славян города и слова городского обихода того времени. Употреблялись там и некоторые церковные и бытовые термины греческого происхождения, чуждые деревне. Например: *парасквѣг'ни* — *παρασκευή*, — в народной среде *пѣтъкъ* („пятница“), *иконѣмъ*, *днѣволь*, *афедронъ* и др. От греков в эту городскую славянскую среду перешли слова латинского происхождения: *погланъ*, *олѣтарь*.

Лица славянской городской среды не принадлежали к социальным верхам греческого города: лица из этой среды имели дело с греками, пользовавшимися народной греческой речью; некоторые греческие заимствования свидетельствуют об этом.

Так, славянское *сѣбота* с *сж-*, а не с *со-* восходит к народно-греческому *σάββατον*, а не к книжному *σάββατον*; славянские заимствования с *г'* также свидетельствуют об этом источнике: *параск'вѣг'ни* — нар.-греч. *παρασκευή*, а не книжно-греч. *παρασκευή*.

Можно полагать, что и в отношении фонетики язык городского славянского населения отличался кое-чем от языка славянских деревень. Может быть, в звуковом составе языка славян города раньше, чем в деревне, стали возможны сочетания с согласными палатальными (мягкими) *к'*, *г'*, *х'*. Такие согласные были в языке старославянских переводов. В языке же славянской деревни на юго-востоке Балканского полуострова, как и у восточных славян, долее действовала прежняя фонетическая тенденция изменять *к'*, *г'*, *х'*. В давнем языковом фонде славян не было *к'*, *г'*, *х'*: вместо этих согласных в раннюю доисторическую эпоху появились *ч*, *ж*, *ш*; в более позднюю доисторическую эпоху вместо вновь появившихся *к'*, *г'*, *х'* получились мягкие *ц'*, *дз*, *с'*. Новые слова, появившиеся в языке славян в историческое время, — слова с *к—г* перед гласным переднего ряда передавались или с палатальными *т'—д'* (вместо *к'—г'*) или с *ч* (вместо *к'*), с *ж'* (вместо *г'*). Позднее появлялись в разных славянских языковых группах *к'*, *г'*, *х'*. По отдельным славянским группам происходили дальнейшие сдвиги в их образовании. Наиболее выразительны в этой позднейшей передвижке некоторые словинские говоры: *џѣ* вместо *къ* [de]; *гоџе* вместо *гоке* (вин. мн.; ед. *гока* — „рука“); *џисло* вместо *кисело*; *џиџа* вместо *чиџа* („дом“) и др. Передача палатальных *к'*, *г'* посредством *ч*, *ж'* представлена была в разное время и на славянском востоке.

В др.-русском языке были греческие имена с *хв* (*к'ѡ*), *хи* (*к'и*). Мягкий *к'* передавался русскими посредством *ч*. Несколько примеров, извлеченных из летописей, из деловых документов, из писцовых книг, из топонимии:

Κουπριάνος — Чуприян, Чупро, Чуприло, Чупря, Чупрак, Чупрун, Чиприян;

Κούριλλος — Чурило, Чурилко, Чурилец;

Κόριος, *Κόρ* — Чур, Чурей, Чирей, Чурик; но последнее может быть вместо *Κόριξ* (*Κήριξ*);

Κουριαχός — Чурьяк;

Κήριξ — Чирик, Чирей, Чирец;

Νιχηφόρος — Ничипор.

Отметим еще то же явление, отразившееся на передаче финских слов: название финского племени Ижера вместо финского *Inkeri* (*Inger*); название озера Селижар, отражающееся в имени речки „Селижаровка“; другое название озера ближе соответствует финскому оригиналу: *Sereg'ër* — Селигер; ср. финск. *Särkijäri*, эст. *Sär'gjärg'v* — „Красноглазое озеро“.

Применялся и другой способ замены мягкого *к'* (*г'*) в заимствованных словах — его передавали посредством твердого *к* (*г*): др.-русск. Куприян (Купреян), Купря; Курило, Курил, Курилко; куриловица, Кур, Курай, Курей; Курьяк, Курьян. Таким же способом передан был *к'* в тюркских словах, рано перешедших в славянскую среду: русск. *кочевать*, польск. *kočować* — вместо тюркск. *köç* того же значения; ст.-сл. *къвъ* — вместо тюркск. *kār* — „изображение“, „фигура“.

Палатальные *к'*, *г'*, *х'* были в языке славян солунских в IX в. Язык кирилло-мефодиевских переводов свидетельствует об этом. В народной же речи юго-востока Балкан в подобных случаях были шипящие согласные (нового происхождения). Например: греческое имя *Κύριξ* (вместо *Κίρυξ*, *Κήρυξ*) передавалось раньше у этих славян с *ч* вместо *к'*: Чурикъ. Такая передача сохранилась в качестве нарицательного имени *чурици* — день 15 июля по старому стилю (день Кирика и Иулиты). В этот день в Македонии не работали: чтили жаркие, горячие дни, чтобы огонь не наделал бед. На произношение этого имени с *к''* и *к'и* указывает др.-русская передача *Кюрикъ* — *Кирикъ* (*кю*, *ки* отражают более позднюю русскую фонетику — фонетику того времени, когда в системе ее были мягкие *к'*, *г'*). Того же происхождения *ч* вм. *к'* в имени северо-западного македонского села Ничпур, от личного имени Ничипор (*Νιχηφόρος*).

Язык первых славянских переводов представлял и такие элементы, которых не было в языке ни городского, ни деревенского славянского населения. Это был язык книжный, литературный, представлявший много слов, не существовавших в языке обиходном. Переводы с греческого требовали много новых славянских слов. Образование их нередко зависело от греческого образца. Таково, например, происхождение многих сложных слов: *благодать*, греч. *εὐεργέτης*; *благовол'ение*, греч. *εὐδοχία* и др. Примеры иных словарных образований по греческому образцу: *волнати*, греч. *μεγαλύνειν*; *в'дворити сд*, греч. *ἐναυλιζεσθαι*; *благословити*, греч. *εὐλογεῖν*.

Того же происхождения было и слово *насъщныи* (хлѣбъ насъщныи) — греч. *ἐπιούσιος* (*ὁ ἄρτος ἐπιούσιος*). Ст.-слав. *насъщныи* — новообразование, произведенное в зависимости от греческой формы; представлявшей префикс *ἐπι-*(на-) и прилагательное *ούσιος* от причастия наст. вр. глагола *εἶναι*, *εἶμι*; *ἔν, ὄσα, ὄν*. Глагол *ἐπιούσι* имел значение „быть на чем, при чем“; прилагательное *ἐπιούσιος* — „достаточный на день“. В славянском новообразовании основа причастия наст. вр. для глагола *быти* (сѣщ-) распространена посредством суффикса *-ьн-*, входившего в состав прилагательных и указывавшего на отношение к значению корня, *на-сѣщ-ьн-ьн*.

Внесено было много греческих слов без перевода.

Кроме лексики, язык первых славянских переводов отличался от обиходной славянской речи и в синтаксисе: в переводе на славянский отражался иногда синтаксис греческого оригинала.

В старославянском языке, как языке книжном, отражались элементы греческого языка не только в словаре и синтаксисе, но и в фонетике. Константин и близкие к нему ученики в передаче греческих слов, не бывших дотоле в употреблении в речи славян Солунского района, вводили некоторые особенности фонетики греческой. Так, введен был гласный *ч* (*у*) в передаче греческого *υ*, согласный *ф* и междузубной спирант *в*, соответствовавший греческому *ϑ*. Например: *вг'вльтъ, фнлптъ, лнлфсмз* (см. ниже, в отделе о звуковом составе старославянского языка).

Итак, старославянский язык — это язык славянских переводов, выполненных Константином (Кириллом) и Мефодием и их учениками. В основе этого языка лежали элементы языка славянского населения Солуны и его пригорода. Кроме некоторых особенностей в лексике и в звуках, — особенностей, принадлежавших населению города, в своей основе это был язык славянского населения востока Балканского полуострова — язык славян болгарских. В отличие от обиходной речи в старославянском языке были элементы книжные — в лексике, в синтаксисе и в звуках.

§ 10. Отметим теперь некоторые черты переводческой техники первых устроителей старославянской письменности. Старославянские рукописи свидетельствуют о тонком языковом чутье первых славянских переводчиков, о их глубоком знании элементов греческого и славянского языков. „Утонченность“, „ясность“, „переводческое мастерство“ характеризуют, по словам профессора Мюнхенского университета Е. Бернекера, славянские

переводы Константина и его близких учеников. Хотя в отношении синтаксиса и отражалось иногда воздействие греческого оригинала, переводчики стремились передавать содержание оригинала конструкциями славянского языка. Осуществляя это стремление, они не останавливались перед отступлениями в синтаксическом и лексическом отношении от греческого оригинала. Несколько примеров.

1) Следуя за содержанием текста, переводчик применял славянские формы двойственного числа в соответствии греческим формам множественного и единственного числа: съ беззаконникомъ кѣмъви си („к двум беззаконникам причислился“) — μετὰ τῶν ἀνόμων ἐλογίσθη (Марк, 15, 38); и глаголю оуши — τρήμα βελόνης; (Матф., 19, 24; — τὸ τρήμα — „просверленное отверстие“, „дыра“, βελόνη „иголка“; в греческом единственное число); и съ носифъ и мати сго уюдашта си — καὶ ἦν ἰωσήφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες; (Лука, 2, 33) — в греческом множественное число причастия; θαυμάζω („удивляюсь“).

2) Употребляются по-славянски формы сравнительной степени в таких случаях, в которых греческий текст представлял по древнееврейскому образцу положительную степень: добръи ти естъ — καλόν σοί ἐστίν (Лука, 17, 2); каъ [каъ] заповѣдь естъ болъши въ законъ — ποῖα ἐντολὴ μεγάλη ἐν τῷ νόμῳ (Матф., 22, 36; μεγάλη — „большая“). Иногда по славянской семантике применялась форма положительная (основная) прилагательного в соответствии сравнительной степени греческого оригинала: егда въ юнѣ — ὅτε ἦς νεώτερος (Иоанн, 21, 18). Но при конкретном сравнении и в славянском тексте представлена сравнительная степень: уловѣкъ сднѣи имѣ дѣва сынѣи и рече юнѣи — ὁ νεώτερος (Лука, 15, 11—12).

3) В славянском языке не было членных форм (форм с артиклем). Поэтому в славянском переводе артиклевый элемент греческого имени или опускается или заменяется причастием сын (причастие наст. вр. для глагола быти) или местоимением иже: а) οἱ γραμματεῖς — кѣнижници; ἐκ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν δώδεκα — отъ числа двою изъ двате (Лука, 22, 2, 4); б) οἱ ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ περιεγέτωσαν εἰς τὰ ὄρη — сѣште въ юден дѣ въгашѣ въ горы (Лука, 21, 21); в) ὁ ἐν τῷ ἄρθῳ μὴ ἐπιστρέψατω — иже на словъ такождѣ да не възвратитъ си (Матф., 24, 18).

4) Звательные формы сочетания существительного и прилагательного греческого текста передаются посредством сочетания звательной формы существительного с формой именительного сложного прилагательного: κρατίστε θεοφιλε — славѣиши ево-

финае (Лука, 1, 3); διδάσκαλε ἀγαθὲ — учителю благын (Лука, 18, 18). Так же и прилагательное с суффиксом -ьскъ.

5) Многие отличия представляет славянский текст от греческого оригинала в отношении падежных форм:

а) После сравнительной степени употребляется форма родительного падежа: *ваше пяти хъвъъ* — *πλείον ἢ πέντε ἄρτοι*.

б) Родительный при глаголах *бошти са*, *платати са*, *бъжати*, *отъметати* и др.: *оубою са народа* — *ἐροβήθη τὸν ὄχλον* (Матф., 14, 5); *оубъжати всьхъ снхъ* — *ἐκρυγεῖν πάντα ταῦτα* (Лука, 21, 36).

в) Родительный при отрицании: *не творите домоу отьца моего домоу коупльнвого* — *μὴ ποιεῖτε τὸν οἶκον τοῦ πατρὸς μου οἴκον ἐμπορίου* (Иоанн, 2, 16).

6) В ряде случаев греческие конъюнктивные (безударные) личные местоимения переведены самостоятельными, ударными — переведены так, чтобы подчеркнуть высказываемое; *тебъ глаголаш* — *οὐ λέγω* (Матф., 16, 18); *горе тебъ хоразинъ* — *горе тебъ вноъсандъ* — *οὐαὶ σοι, Χοραζὶν, οὐαὶ σοι, Βηθσαῖδά* (Лука, 10, 13).

7) В переводе греческих слов, имеющих разное значение, применяются такие славянские слова, которые точно определяют содержание текста. Например: греческое наречие *δωρεάν* по требованию содержания текста переведено посредством *тоун'о* („даром“, „без платы“), в другом месте для выражения иного значения этого греческого наречия переведено посредством *спыти* („напрасно“, „вотще“): а) *δωρεάν ἐλάβετε, δωρεάν δότε* — *тоун'о прыште, тоун'о дадите* (Матф., 10, 8); б) *ὅτι ἐμίσησαν με δωρεάν* — *эко [шко] възнавндъша ма спыти* (Иоанн, 15, 25).

Греческое существительное *χώρα* имеет значения: а) „страна“, „местность“ и б) „поле“. В первом значении это слово переведено посредством *страна*; во втором — посредством *н'ива*.

Греческий глагол *πατάσσειν* переведен: а) посредством *оударити* кого-нибудь каким-нибудь оружием и б) посредством *поразити* в значении „поразить“.

Греческий глагол *κινεῖν* — слав. а) *дѣнжати*, б) *попывати главами* в переводе *κινεῖν τὰ κεφάλια*.

Глагол *ἐλπίζειν* переведен посредством *надъвати са* при сочетании с инфинитивом или с союзом: *надъваше са знаменне сторо видѣти* (Лука, 23, 8); *мы же надъвошъ са эко съ естѣ* (Лука, 24, 21). Но при сочетании *ἐλπίζειν* с именем (*τινί, εἰς τινα*) — по-славянски *оупъвати*: *и на нма его изъщи оупъважтъ* — *καὶ ἐν τῷ ὀνόματι αὐτοῦ ἐῴη ἐλπίζειν* (Матф., 12, 21).

8) Стремясь к более яркой передаче текста, переводчик не довольствуется одинаковостью греческого термина, а вводит иногда суффиксальные элементы уменьшительного значения при выражении соответствующего стиливого оттенка. Так, греческому имени *χήρα* в славянском тексте соответствует *вдова*: и та *въ вдова* (Лука, 7, 12). Но в переводе выражения *ἡ χήρα αὐτῆ ἡ πτωχή* (Марк, 12, 42—43), в славянском тексте передан эмоциональный оттенок, передан посредством суффикса *-ница*: *вдовица си оубога*.

9) Нередко в славянском переводе греческие слова переданы описательно: *уловѣтъ добра рода* — *αὐθρῶπος εὐγενής* (Лука, 19, 12); *иже вѣсъ възъ грѣха вѣтъ* — *ὁ ἀναμάρτητος ὁμῶν* (Иоанн, 8, 7) и др.

§ 11. Переводы последующего времени, выполнявшиеся в Болгарии, не стояли на той высоте, на какой находились переводы первых устроителей славянской письменности. Нередки случаи, когда переводчик, не понимая как следует греческого текста, пользовался неподходящим вариантом в значении греческого слова. Например: *τρόπος* („образ“, „способ“) переводится посредством *прѣвратъ*; наречие *ἄνωθεν* в значении времени („издавна“, „в давнее время“) передано *съ горы* и др. Такие неточности и неясность в переводе представляют славянские рукописи, возникшие в X—XI вв. на востоке Болгарии, — Супрасльский кодекс (XI в.), а также произведения выдающегося книжного деятеля Болгарии X в. экзарха Иоанна. Недостаточное внимание к смыслу греческого оригинала обнаруживается у восточно-болгарских книжных людей XI в. и на следующем примере из Супрасльской рукописи: имя города Гермополя (Herropolis, недалеко от левого берега Нила) переведено как имя нарицательное: „пустой город“. *сакинъ... поуоста града прѣвтын влгз рода съ* (145) *...τῆς ἐρημοπόλεως*. Переводчик греческое *ἐρημ(ῆ)μος* понял как прилагательное *ἐρημος* — „пустой“, „безлюдный“. В своем предисловии к переводу произведения Иоанна Дамаскина Иоанн экзарх указывает на трудности перевода. Эти трудности заключаются и в значении и в форме слов: слово одного языка „красиво“, а соответствующее ему слово другого языка серо по своему значению; слово в одном языке мужского рода, а в другом ему соответствует слово женского рода: *иже глѣ (глаголь — „слово“) въ нномъ шзтыцѣ крсьнѣ, то въ друузѣмъ не крсьнѣ. иже въ нномъ страшнѣ, то въ друузѣмъ нестрашнѣ. иже въ нномъ устьнѣ, то въ друузѣмъ неустѣнѣ. и же има мужьско, то въ нномъ женьско, аже*

се гръцкыи ватрахоc [βάτραχος] и потамось [ποταμός], словъныскы жаба и рѣка... и паяты глаомъ ваньскы панъта та ожин [πάντα τά ἔθνη], а словъныскы вси изыци. Основательно замечал экзарх, что следует соблюдать смысл, содержание, а не форму слова: не во есть льзъ въсьде съмотрити ваньскы гла („слова“) изъ разоума неужде влюсти (по русскому списку XII в.). Но все-таки он уступал форме „елинского глагола“. Так, греческое τὸ τάλατον он перевел форму среднего рода таланъто.

В такой же форме передано это имя и в Супрасльской рукописи — ѡмоу же вържѣно ѡдно таланъто. Но во множественном числе форма образована по мужскому роду: таланти во съде сътъ (378).

Памятники письменности, появлявшиеся на востоке Болгарии, отличались не только тем, что качество перевода было ниже основных славянских переводов, но и тем, что современная славянская речь писателей, отражавшаяся в них, обусловила значительные отступления от более раннего типа книжного языка — более значительные, чем те, которые представляют глаголические рукописи болгарского юго-запада (Македонии). О фонетических и морфологических изменениях языка старославянских памятников говорится ниже, в отделах старославянской фонетики и морфологии. Здесь отметим некоторые отличия восточнoболгарских памятников письменности в лексикальном отношении. Несколько примеров.

Глаголические рукописи	Кириллические рукописи
вълъити са	погрѣжати са
гоумьно	токъ
достояние	наследню
дрьноль	жрьдь
драсель, драхль („печальный“)	сътънь
жрътва	тръба
искони	испръва
искръ, искръини	вльзъ, вльжьини
клеврътъ	подрюгъ
натроути	напнѣти, каннѣти
наоустити („подстрекнуть“)	назадити
рздн	двль
сильлашь („монета“, др.-в.-нем. skilling)	чатъ
съньмъ	съборъ

§ 12. Супрасльская рукопись — памятник, написанный на востоке болгарской области, представляет и такие указания в лексическом отношении: в нем находятся некоторые слова (тюрко-болгарского происхождения), отсутствующие в языке других старославянских памятников; на востоке Болгарии тюркское воздействие на славянскую среду было более значительно, чем на юге и на западе страны.

каль — „образ“, „изображение“, „идол“; кльпште — „место, где находятся кльп (или каль)“, или же этим словом называется самое изображение: князь рече нмъ пожьрже великоуоумоу богу нракло терен-тни рече сн во вози аже мьнши каменню н древо н мьдъ н желъза сътъ... н не прьльриши изъ кльпштемъ неустомъ поклонити са; кер, кър — „форма“, „образ“ находится в разных тюркских языках; существовало оно и в тюрко-болгарском, как может указывать мадыарское кёр, перешедшее к мадыарам от тюрков-болгар еще в то время, когда предки мадыар находились на востоке Европы.

боляринъ. В этом слове, распространившемся и в сербской среде, отражается тюркское слово boġ — „рост“, „вышина“, boġlu — „рослый“ или baj — „богатый“, „знатный“, bajan, bajar — „богатый“, „властитель“. Тюркского происхождения и вост.-слав. боярин.

бѣляк = комнѣ, греч. *βοῦλς* — „вельможа“, „боярин“. Тоже тюрко-болгарского происхождения. Из тюркской среды это слово заимствовано было и на славянском востоке. Из тюркских языков соответствующее слово представляет орхоно-тюркск. *boila* или *biila*. Корень тот же, что и в боярин.

Некоторые из лингвистов полагают, что тюркского происхождения был также суффикс -уни. В словах на -уни старославянских памятников (самъуни — „сановник“, „управитель“; сокакуни — „повар“; шарьуни — „художник“; крѣмьуни — „кормчий“; кънигъуни — „книжный человек“) отражается тюрко-болгарский суффикс -ċi. Продуктивность иноязычного суффикса (-ċi) свидетельствует о ряде заимствованных слов с этим суффиксом: от таких слов и отвлечен был суффикс и применялся к основам традиционного (славянского) языка. Но давних тюркских заимствованных слов с -ċi язык славян болгарских не представляет. К таким словам относится только, может быть, самъуни. Вероятнее полагать, что -уни суффикс давний славянский, представлявший собою объединение суффиксов -ък- (-ък-) с -ii (*sqd-ii*, *ba-lii*).

§ 13. В лингвистике нет одного установившегося названия по отношению к языку кирилло-мефодиевских переводов. Одни из лингвистов называют этот язык древнецерковнославянским. Но такое название недостаточно определено: церковнославянская письменность велась у разных славянских народов и позднее.

Некоторые пользуются термином „древнеболгарский“. Этот термин ближе определяет элементы языка кирилло-мефодиевских переводов, указывая на их связь с языком славян, которые стали известны под именем „болгары“. Но этим термином надлежит пользоваться в том случае, если дело касается одного из периодов истории языка славян болгарских по сравнению с периодами последующими: язык кирилло-мефодиевских переводов в своем звуковом составе, в своих формах представляет данные для суждения о языке этих славян во второй половине IX в. Но сам по себе термин „древнеболгарский“ недостаточно удовлетворителен по отношению к языку этих славян IX в. и к его отражению в кирилло-мефодиевских переводах: в то время на востоке полуострова болгары представляли собою не славян, а тюрков. Только несколько позднее утвердилось за славянами болгарского государства имя „болгары“. Но и позднее, как и в IX в., это население все еще называлось „словенами“. Такое название держалось за ними и в Болгарии и за пределами ее — в Греции, в Албании. Исторические источники называют язык кирилло-мефодиевских переводов „словенским“: *словянскы книгы жития Константина, Мефодия, статья Храбра*; Константин и Мефодий перевели книги от велика дзика, жесть грьскъ, на словянскъ (Иоанн Экзарх); *litteras... sclaviniscas a Constantino quondam philospho reperitas* (в письме папы Иоанна VIII, 880 г.).

Более удовлетворительным считаем термин „старославянский“ („старословенский“), хотя и он не вполне удачен: термин не определяет, к какой именно славянской группе относился этот язык в своей основе. Но этот термин указывает на лингвистическое значение этого языка для исторического изучения славянских языков.

§ 14. Значение изучения старославянского языка весьма важно в системе славянского языкознания. Во второй половине IX в., когда происходила фиксация элементов языка солунских славян в письменности, славянские языковые группы были еще мало дифференцированы: в своей основе они представляли одинаковые черты в звуках, в формах, в лексике. Черты различия были, но

их было немного. Поэтому-то так велико значение показаний старославянского языка как документального источника для исторического изучения славянских языков.

И в другом отношении важно изучение старославянского языка для истории отдельных славянских языков. Рукописи на старославянском языке распространялись в разных славянских областях — не только в Моравии, в Чехии, в Паннонии, но и в Болгарии, у сербов и хорватов, у восточных славян. Книжные люди усваивали тип этого языка, как языка литературного. Некоторые черты его вносились в чешский, сербский, хорватский, русский языки при применении этих языков в письменности. Некоторые слова с чертами старославянского языка распространялись и в народной среде на юге и на востоке у славян.

Рукописи на старославянском языке были образцами для книжного языка у сербов, хорватов, у русских. Памятники церковной письменности сербо-хорватской и русской писаны на основе языка старославянского со внесением тех или иных черт языка писца — серба, хорвата, русского. При лингвистическом изучении памятников церковной письменности сербо-хорватской или русской как источника для истории этих языков необходимо выделить их старославянскую основу, чтобы получить нужные сведения о чертах языка писцов памятников сербо-хорватских или русских.

§ 15. Одни из сохранившихся памятников старославянского языка писаны глаголицей, другие — кириллицей.

В отношении памятников, писанных глаголицей, отметим следующее. Один из них, Киевские листки, представляет наиболее древние начертания букв глаголицы. Так, в написании для *л* верхняя часть заканчивается петлей вверху и не соединяется с левой нижней петлей: . В начертании для *м* нижние петли разветвляются не у самой верхней линии, а несколько ниже: . Для передачи гласных *ѣ*, *ь* служит модификация знака *ѡ* (о): для *ѣ*, для *ь*.

В других глаголических памятниках отражаются позднейшие изменения: в написании для *л* верхняя часть соединяется с нижними петлями: ; для *м* нижние петли начинаются у самой верхней линии: ; в знаках для *ѣ*, *ь* нижний овал перекинут направо: , . Но в разных глаголических рукописях встречаются и более древние начертания, иногда в переходном виде.

† 1	а	40 300 т
Ш 2	б	37 400 оу
Ѡ 3	в	52 500 ф
Ѣ 4	г	10 600 х
Ѥ 5	д	62 700 ш
Ѧ 6	е	21 80 1) шт
Ѩ 7	ж	7 900 ц
Ѭ 8	з с	4 1000 ч
Ѯ 9	з	21 ш
Ѱ 10	і	2 ь
Ѳ 20	н	28 90 в'
Ѵ 10	і	2 ь
Ѷ 30	ѣ	Δ б
Ѹ 40	к	70 ь
Ѻ 50	л	24 ж
Ѽ 60	м	24 ж
Ѿ 70	н	€ ж
Ѣ 80	о	3€ ж
Ѧ 90	п	А д
Б 100	р	Г у
В 200	с	

Глаголическая азбука по письму Зографского евангелия.

В Киевских листках для носового гласного переднего ряда служит один знак: **Э**. Более позднее явление отражается в удвоении этого знака: **Э** стал употребляться в соответствии с кириллицы, а правая часть глаголического знака, **Є** стала применяться в соответствии с кириллицы (в Зографском, Маринском, Ассеманиевом кодексах, в Клоцовом сборнике, в Синайском требнике, в Македонском листке).

¹ Глаголическая буква **Ш** (кирил. ш) в Зографском кодексе не встречается. Цифровое значение глаголической буквы **Ш** — 800.

Итак, один из наиболее архаичных глаголических памятников происходит из области, близкой к той, где проходила деятельность Константина, Мефодия и их учеников. Можно полагать, что он написан был в X в.

Другие старославянские глаголические рукописи указывают на македонское происхождение их писцов. Так, они все представляют примеры изменения *ъ*, *ь* в сильном положении в *о*, *е*. В отношении времени написания этих памятников полагаем, что они относятся к XI в.

§ 16. В числе памятников кириллических есть один с датой, 993 г. (6501—5508); это надпись на надгробном камне, сделанная по распоряжению западноболгарского царя Самуила. Прочие памятники, писанные кириллицей, относятся к XI в., как можно полагать на основании указаний языка их. Их писцы были не из Македонии, а из восточной Болгарии.

Языковые элементы кириллических памятников включают в себе меньше архаических слоев языка предшествующих оригиналов по сравнению с памятниками глаголическими. Так, например, в глаголических памятниках находятся формы простого аориста (типа *могъ*). В кириллических они редки; в Супрасльской рукописи совсем отсутствуют. Или сравните передачу форм имперфекта 2 л. множ. и 2—3 л. двойств. ч.: в одних глаголических памятниках употребляются эти формы только с окончаниями *-ше*, *-шета* (Зограф., Сборник Клоца); в других при формах с этими окончаниями находятся новообразования с аористными окончаниями *-сте*, *-ста*. Но эти новообразования в меньшинстве (Мариин., Ассеман.). В кириллических памятниках формы на *-ше*, *-шета* или совсем не встречаются, будучи заменены новыми формами на *-сте*, *-ста* (вост.-слав. рукопись — Остромирово ев.), или *-ше*, *-шета* употреблены только в немногих случаях (Супрасльская рукопись).

Эти наблюдения относительно места происхождения глаголических и кириллических памятников старославянской письменности и относительно общего характера графики и языка их следует учесть при решении вопроса, какая азбука была древнейшей.

Появление азбуки для одного из славянских языков было связано с переводческой деятельностью Константина и Мефодия. Какая же азбука, кириллица или глаголица, была составлена ими? Для ответа на этот вопрос следует предварительно определить

источники той и другой азбуки, выяснить взаимоотношения кириллицы и глаголицы, принять во внимание область, где применялось глаголическое и кириллическое письмо, учесть палеографические и лингвистические черты старославянских памятников.

§ 17. Источник кириллицы ясен: это — греческое унциальное письмо торжественных книг.

Греческий унциал имел неодинаковый вид на протяжении VII—X вв. Более ранний унциал с кругами и квадратами, с прямо стоящими буквами заменился в VII—IX вв. унциалом, несколько наклоненным вправо, с овалами и прямоугольниками. В X в. буквы опять стали прямыми. Но остроконечность, овальность и прямоугольная форма их удерживаются. Вот этого-то вида унциалы X в. и легли в основу кириллицы — тех букв ее, которые взяты из греческого письма. Такими буквами являются следующие: а, в, г, д, е, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, ѳу, ф, х, ѿ, ѡ, ѣ, ѱ, Ѵ, Ѷ, ѷ (ѷ). Ср. снимки греческого и кириллического письма. В зависимости от греческой азбуки находятся два знака для гласного і: и, і (в греческом письме некогда они передавали разные гласные: и = ē, который позднее изменился в і; а і служило издавна для гласного і). В той же зависимости и две буквы для гласного о: ѱ, Ѵ. (В греческом письме о — *ὄμικρον*, т. е. „о малое“, служил для передачи краткого ѳ, а ѱ — *ὀμικρον*, т. е. „о большое“, употреблялся для передачи долгого ѳ).

Как в греческом письме, гласный у передан двумя буквами: ѳу. Сокращенным написанием для ѳу служил знак Ѹ: *Ѹъете*, *ѸбѸнте* сѧ (Савв. кн.), *ѸѸ* (Супрасльская рук.). Знаком Ѹ пользовались иногда в конце строки: *Ѹѳу рекѸѸ*; *сѸѸѸ* || *ѸѸѸѸ* (Супрасльская рукопись).

Из греческого письма взяты з в значении „б“ и с в значении „90“.

Греческие буквы дополнены другими, которые нужны были для передачи славянских звуков. К таким буквам относятся следующие: в, ж, з, ч, ѣ, ш, ѿ, ѡ, ѣ, ѱ, Ѵ, Ѷ, ѷ (ѷ), Ѹ, ѹ, Ѻ, ѻ. В рукописях имеются еще буквы Ѱ, ѱ, Ѵ, ѵ. Но есть основание полагать, что в начальном составе кириллицы этих букв не было.

Какой источник тех букв кириллицы, которые дополнял и греческий алфавит? Ответ на этот вопрос будет дан после определения происхождения другой славянской азбуки — глаголицы.

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ.			ГРЕЧЕСКОЕ.
Буквы.	Названіе.	Знаки старшіе и младші	Курсивъ.
а	азъ	ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ	ⲁ ⲁ ⲁ
б	боукы	Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ	Ⲃ Ⲃ Ⲃ
в	глаголи	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ
д	добро	Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ	Ⲇ Ⲇ Ⲇ
е	естъ	Ⲉ Ⲉ Ⲉ Ⲉ	Ⲉ Ⲉ Ⲉ
dz	стло	Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ	Ⲋ
і	иже	Ⲍ Ⲍ Ⲍ	Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ
і	ижен	Ⲏ Ⲏ Ⲏ Ⲏ Ⲏ	Ⲏ (и) Ⲏ (и)
к	како	Ⲑ Ⲑ Ⲑ Ⲑ	Ⲑ Ⲑ Ⲑ
л	люднє	Ⲓ Ⲓ Ⲓ	Ⲓ Ⲓ Ⲓ
м	мъислите	Ⲕ Ⲕ	Ⲕ
п	нашь	Ⲗ Ⲗ Ⲗ Ⲗ	Ⲗ Ⲗ Ⲗ Ⲗ
о	онъ	Ⲙ Ⲙ Ⲙ Ⲙ	Ⲙ Ⲙ Ⲙ
р	покои	Ⲛ Ⲛ Ⲛ	Ⲛ Ⲛ Ⲛ
г	рѣци	Ⲝ Ⲝ Ⲝ Ⲝ	Ⲝ Ⲝ Ⲝ Ⲝ
с	слово	Ⲟ Ⲟ Ⲟ	Ⲟ Ⲟ Ⲟ
т	терѣдо	Ⲡ Ⲡ Ⲡ	Ⲡ Ⲡ Ⲡ
ф	фрѣтъ	Ⲣ Ⲣ Ⲣ	Ⲣ
х	хѣръ	Ⲥ Ⲥ Ⲥ Ⲥ	Ⲥ Ⲥ
Ѡ	штъ	ⲧ ⲧ ⲧ	ⲧ ⲧ
ѡ	дита	ⲩ ⲩ	ⲩ
Ѣ	вѣдѣ	ⲫ ⲫ	ⲫ
—	—	ⲭ ⲭ	ⲭ

Глаголическое и греческое письмо.

ἸΣ ΠΡΟΤΧΥ ΓΕΝΗ

ΕΚ Κ̄ ΜΑΤ̄

ΒΙΒΛΟΣ ΓΕΙΘΕΣ
ΣΟΦΟΥ ΧΥ ΒΥΔΑ

ΥΝ ΑΒΡΑΑΜ ΑΒΡΑ

ΑΜ ΕΓΕΝΝΗΣΕ

ΤΟΝ ΙΣΑΑΚ· ΙΣΑ

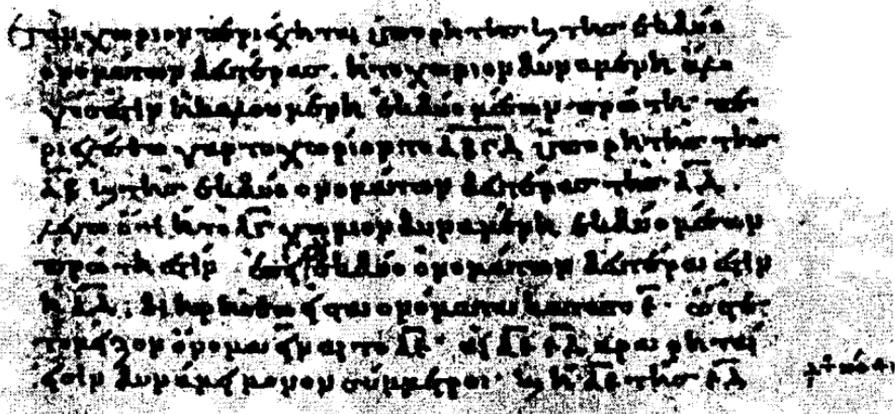
ΑΚ ΔΕ ΕΓΕΝΝΗΣΕ

ΤΟΝ ΙΑΚΩΒ· ΙΑΚΩ

Β ΔΕ ΕΓΕΝΝΗΣΕ

ΤΟΝ ΙΟΥΔΑ ΚΑΙ

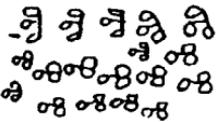
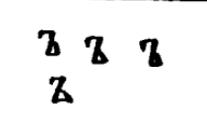
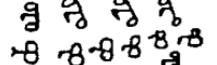
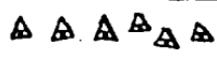
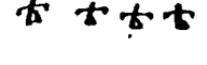
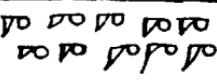
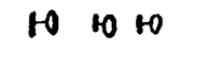
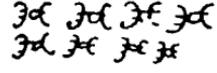
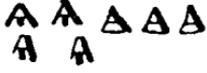
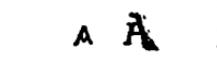
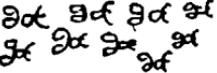
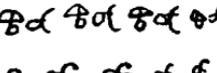
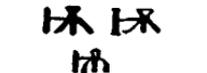
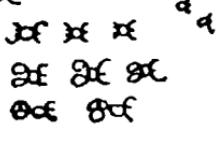
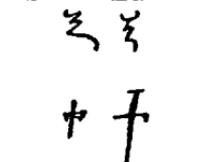
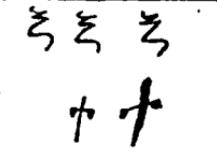
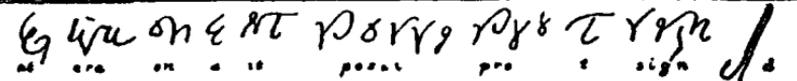
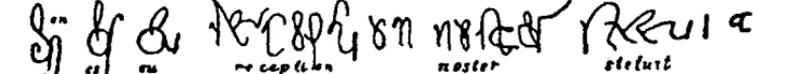
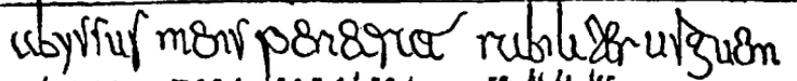
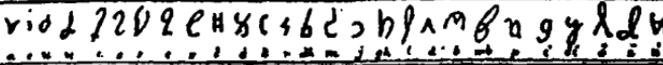
ΤΟΥΣ ΑΔΕΛΦΟΥΣ

Греческий минускул IX века.

§ 18. Источник глаголицы долгое время был загадочным. В отдельных глаголических буквах уже в конце XVIII—в первой половине XIX в. видели видоизменение греческих букв. В 80-х годах XIX в. английский палеограф И. Тэйлор (Isaak Taylor) попытался для всей глаголической азбуки определить источник — греческое минускульное письмо. Эти попытки представлены в его статье „Ueber den Ursprung der glagolitischen Alphabet“ („Archiv für slavische Philologie“, т. V) и во 2-м томе его труда об алфавитах („The Alphabet“, II, 201—207, London, 1883). Мысль Тэйлора о греческом источнике глаголицы принята была профессором Казанского университета Д. Ф. Беляевым („История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы“, Казань, 1886) и проф. И. В. Ягичем. Последним в особенности много сделано по изучению глаголического письма. См. его фундаментальный труд „Глаголическое письмо“ („Энциклопедия славянской филологии“, вып. 3. Графика у славян, Пб. 1911). Беляев и Ягич во всех знаках глаголицы видели греческий источник — буквы минускульного письма и их комбинацию (лигатуры). См. таблицы, представленные в книге Ягича.

Несомненно, основным источником глаголицы были греческие минускулы. Но в объяснения Тэйлора, Беляева и Ягича следует внести изменения и поправки не только в отношении греческих источников для отдельных глаголических букв, но и в отношении всей системы азбуки: в ней отразились элементы и негреческого письма.

Глаголические буквы древнейших памятников X-XI стол.	Кирилловские буквы древнейших памятников XI стол.	Греческие унциальные буквы IX-X стол.	
Ѧ Ѧ			
			
			
			
Ѧ Ѧ			
Ѧ Ѧ			
			
			
Латинские буквы курсивного письма VI-VIII стол.			
			
			
			
Несколько албанских букв			

Для большинства знаков глаголицы послужило греческое минускульное письмо. В конце VIII—начале IX в. на смену износившемуся, трудно читавшемуся скорописному греческому письму деловых грамот появился более четкий, плавный минускул. В начертания его букв вошли отдельные буквы минускульной скорописи. Отразились в нем и некоторые элементы унциального письма. Минускулами писали деловые грамоты. Реже его применяли для книг церковного обихода: для этой цели употребляли попрежнему унциал.

Вот этот минускул с некоторыми элементами скорописи и положен был в основу большинства букв глаголицы.

Многие знаки глаголицы характеризует петлеобразный рисунок их. Тенденция к петлям отражалась, хотя и не систематично, и в греческом курсиве. Если учесть эту стилевую черту глаголицы, то в ряде букв ее ясно вскрыется основа их. Так, сравните минускуло-скорописные греческие буквы и глаголические, развернув в последних петли, отсутствующие в греческих соответствиях:

Греческие	β	γ	δ	λ	ρ	ο	κ	χ	ω	υ
Глаголическ.	ϣ	ϣ̇	ϣ̈	ϣ̉	ϣ̊	ϣ̋	ϣ̌	ϣ̍	ϣ̎	ϣ̏

Ср. переработку минускульного ι: в глаголице она получила вид такой: ϣ̊ и ϣ̋.

В зависимости от греческой азбуки в глаголице были два знака для і: ϣ̊ („иже на круге“) и ϣ̋. Может быть первоначально эти знаки для і в глаголице применялись так: ϣ̊ в начале слова и после гласного, а ϣ̋ — после согласного. Третий знак для і в глаголическом письме ϣ̌ был введен позднее. Он представлял собою видоизменение знака ϣ̋. На то, что в первоначальном составе глаголицы „иже на ножке“ отсутствовал, может указывать то обстоятельство, что он не имел цифрового значения. (Буквы же ϣ̊ и ϣ̋ имели такое значение: ϣ̊ — „10“, ϣ̋ — „20“).

Как в греческом письме, в глаголице есть две буквы для о. По греческому образцу для и (у) служит соединение двух знаков: ο и υ: глаголическое написание ϣ̎ является упрощением сочетания двух букв ϣ̋ и ϣ̏, как это сочетание еще заметно в написаниях Киевских листов.

Неясно происхождение особого глаголического знака для *х*, в виде паукообразного начертания См. таблицу на стр. 45. В Синайской псалтыри такой *х* встретился дважды на л. 149— в написании слова *хъмн*. Для славянских звуков глаголические буквы составлены из элементов разных источников.

1) Подверглись изменению некоторые буквы. Так, для носового гласного заднего ряда служила буква *Ѥ*; для носового гласного переднего ряда буква *ѥ*. В состав этих букв вошли *Ѧ* (о) и *Ѣ* (е), дополненные справа значком *Ѧ* — значком, который указывал на носовой элемент в образовании этих гласных. Иногда *Ѧ* писали вместо *Ѧ* (н) перед задненебным согласным. Таково написание *н* в слове *† Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ* (а *Ѧ* г'ваъ) в Синайской псалтыри.

Буквы для редуцированных гласных (в кириллице *ъ*, *ь*) представляли собою модификацию *Ѧ*: *Ѧ* (кириллич. *ъ*), *Ѣ* (кириллич. *ь*); о дальнейшем изменении этих написаний указания были сделаны выше (*Ѧ* → *Ѧ*, *Ѧ* → *Ѧ*).

Буква для гласного среднего ряда *ы* составлена из двух букв: из *Ѧ*, *Ѧ* (кириллич. *ъ*) и из *Ѧ* (*Ѧ*), *Ѧ*: *Ѧ* *Ѧ*, *Ѧ* *Ѧ* (кириллич. *ы*, *ьн*).

Для *шт'* (*шч*) служили знаки *Ш* или один знак *Ш* (кириллич. *ш*), представлявший собою комбинацию *ш* и *т* (т) или *ш* и *ч* (ч).

2) Для других славянских звуков источник был иной — древнееврейское письмо, главным образом в его самаритянской разновидности, и, может быть, коптское письмо. Древнееврейским письмом составитель глаголицы пользовался и для некоторых звуков, для которых имелись соответствующие знаки в греческой азбуке. Но по тем или иным соображениям составитель глаголицы предпочел в этих случаях воспользоваться не греческим, а восточным источником.

Из самаритянского источника взята была основа для *Ѧ* (кириллич. *ч*). Об этой связи свидетельствует одинаковость рисунка букв глаголического *Ѧ* и еврейско-самаритянского *𐤆* („tsade“) в конце слова (при письме справа налево).

В еврейском письме была и иная разновидность для „цаде“: в середине слова рисунок напоминал бокал: *𐤆* — рисунок, послуживший, может быть, для глаголического *Ѧ* (кириллич. *ч*). Но возможно, что для этой буквы принята была во внимание буква коптского письма *Ш* („шер“)

Для глаголического *ш* послужил, несомненно, древнееврейский „шин“ в его самаритянском виде. Сходство обнаруживается и в

2. Series 3. Series
in codicibus
Catharicis

3. Series 3. Series
Catharicis

Л В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

Самаритянское письмо.

деталей: в глаголическом письме **■** был короче других букв, занимал только $\frac{3}{4}$ верхней части строки, не доходя своим основанием до линии оснований других букв,— не доходил, как и в самаритянском письме. На древнееврейский источник этих букв может указывать и порядок этих букв в системе азбуки: **У** — **Ф** — **Ш**.

Еврейско-самаритянское письмо послужило образцом и для таких букв глаголицы.

Глаголический **М** (кириллич. г') близок к самаритянскому „jod“ **£** — во всяком случае ближе, чем к греческому сочетанию двух букв **γι**.

Восточного происхождения и знаки **Э** (е), **Ѕ** (к). Своею открытостью влево они обнаруживают их связь с таким письмом, которое производилось справа налево, т. е. с письмом древнееврейским. В основу **Э** была положена самаритянская буква „hē“ **З**. В самаритянском письме знак „he“ обозначал собою узкий гласный е, а также ja. Возможно, что составитель глаголицы для славянского гласного е воспользовался самаритянским письмом потому, что хотел отметить палатальный элемент при славянском е,— элемент, отсутствующий в греческой передаче посредством ε: по-славянски je (jε-) в начале слова, мягкость согласного перед е.

В отношении глаголического **Ѕ** (к) следует иметь в виду не только открытость его влево, но и разрыв в написании. Это — черта древнееврейской азбуки в отношении ряда букв, в частности буквы „kof“ („koph“): **פ**. Она и послужила для глаголического **Ѕ** — послужила, вероятно, потому, что выражала собой глубоковелярный к; греческая же „kappa“ (κ) могла выражать разные согласные: велярные и палатальные.

Ш (кириллич. в). Может быть, по образцу самаритянского **У**. Общим в глаголической и самаритянской букве является не только геометрическая форма рисунка, но и числовое значение их: „2“.

Ж (кириллич. и). Начертание этой буквы далеко от курсивного η, с которым связывал его проф. Ягич. В этой букве обращает на себя внимание верхняя часть ее: треугольник, обращенный основанием кверху. Так писался древнееврейский „šîn“ — такой же треугольник с хвостом внизу. В глаголице сходны написания **Ж** (и) и **З** (с). Это сходство не случайно: в нем отразилось воздействие самаритянской азбуки, в которой samech“ („samech“) и „šîn“ находились рядом и имели похожие начертания.

VII, 444—479 и в „Четырех критико-палеографических статьях“ (Пб. 1884, 113—184).

Произвольно и случайно объяснение букв глаголицы из готского рунического письма. Такое предположение было высказано И. Ганушем (J. Hanuš) в ряде его работ о славянских азбуках: 1) *Zur slavischen Runenfrage...* в издании „Archiv für österreich. Geschichte“, XVIII, Wien, 1857; 2) *Zur Glagolica-Frage* („Slavische Bibliothek“, которую издавал Fr. Miklosich, II, Wien, 1858). Та же мысль была высказана А. Хомяковым в письме к К. С. Аксакову („Русская Беседа“, V, 1859, стр. 1—12). О связи глаголицы с рунами думал и И. Гам (J. Ham), „Postanak glagoljskoga pisma u svijetlu paleografije“, в журн. „Nastavni Vjesnik“, Zagreb, XLVI, 1937—1938).

Так же безосновательно было и мнение Ес. Миллера о связи некоторых глаголических букв (ш, ѣ и др.) с авестскими и со знаками на сассанидских монетах (в статье Миллера „К вопросу о славянской азбуке“, в „Журнале Мин. нар. просв.“, 1884, т. ССХХХII, 1—35).

На основании случайного и отдаленного сходства некоторых букв глаголицы с буквами армянского и грузинского алфавитов высказаны были гипотезы о кавказском источнике славянской азбуки М. Гастером и Р. Абихтом. 1) M. Gaster, „Ichester Lectures on grecko-slavonic literature and its relations to the folklore of Europe during the middel ages“ (London, 1887, 209—229); 2) R. Abicht, „Ist die Ähnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall?“ (Leipzig, 1895). Несостоятельность объяснений Гастера и Абихта показана была В. Вондраком в „Archiv für slav. Philologie“, XVIII, 542—544 и в „Časopis Českého musea“, LXV, 1896, 282—295.

Были попытки связать глаголицу с знаками письма у хозар и народов Кавказа. 1) М. Оболенский, Исследования и заметки по русским древностям (Пб. 1875, стр. 119—243, 245, 431—435); 2) Н. Грунский. Нова теория про походження глаголиці („Записки історично-філологічного відділу“, Української академії наук, XIX. Київ, 1928, стр. 266—267).

C. Wessely („Glagolitisch-lateinische Studien“, в изд. „Studien zur Palaeographie und Papyruskunde“, Heft XIII, Leipzig, 1913) высказал мнение о происхождении глаголицы из латинского курсива IV—VI вв.

Была также попытка найти источник для глаголицы на Западе.

Ф. Ф. Фортунатов полагал, что глаголица была связана с греческими минускулами, но некоторые знаки ее составлены были по образцу коптского письма: ш из коптского Ш (шеи), ѡ из коптского X (джанджа); глаголический ъ (х) из коптского „хей“; в знаках а (ѣ) и ѣ (ѡ), в первой части их, отражается нижеегипетский курсивный i (Ф. Фортунатов, О происхождении глаголицы, в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, XVIII, 1913, кн. 4, 221—256, и в „Отчете Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, 1913).

§ 19. Буквы глаголицы и кириллицы по образцу греческого алфавита могли иметь числовое значение. Над буквой, употреблявшейся в значении цифры, ставился знак $\bar{}$, а по бокам писались точки: $\bar{\text{ѣ}}$, $\bar{\text{ѡ}}$. В применении букв в значении цифр глаголица более самостоятельна, чем кириллица. В глаголице цифровое значение имеют буквы алфавита и те, которым были соответствия в греческом алфавите, и те, которым не было там соответствий. $\bar{\text{ѣ}}$ — 1, $\bar{\text{ѡ}}$ — 2, $\bar{\text{ѡ}}$ — 3, $\bar{\text{ѡ}}$ — 4... В кириллице цифровое значение имеют только те буквы, которые взяты были из греческого алфавита: $\bar{\text{ѣ}}$ — 1, $\bar{\text{ѡ}}$ — 2, $\bar{\text{ѡ}}$ — 3... Из других букв только $\bar{\text{ѡ}}$ употреблялось в значении „900“; под влиянием глаголицы такое цифровое значение получила позднее буква ч.

В кириллических памятниках употребляется $\bar{\text{ѡ}}$ (ѡ) в значении цифры „6“. Для „90“ введена была греческая коппа Ϟ . В более позднее время для обозначения этого числа стала применяться ч (видоизменение буквы ч).

При обозначении чисел от 11 до 19 знак для единиц стоит перед десятью: $\bar{\text{ѡ}} \text{ѡ}$ — $\bar{\text{ѡ}}$ = 12. Реже применялся иной порядок: $\text{ѡ} \bar{\text{ѡ}}$

При следующих десятках единицы писались после цифры десятка: $\bar{\text{ѡ}} \bar{\text{ѡ}}$ — $\bar{\text{ѡ}}$ = 54.

Тысячи обозначались цифрой единиц со значком Ϟ перед $\bar{\text{ѡ}}$: $\text{Ϟ} \bar{\text{ѡ}}$ — 1000, $\text{Ϟ} \bar{\text{ѡ}}$ — 2000...

§ 20. В глаголице и кириллице употребляются над буквами значки $\text{'}^{\text{}}$, ^ , - . Особо выделяются Киевские листки своими значками над буквами гласных звуков — значками, указывающими, может быть, на количество (на долготу) слога и на ударение его.

Значки ' или ^ употреблялись в старославянских памятниках для обозначения мягкости согласных, в особенности мягкости р, л, н: $\text{р}'$, $\text{л}'$, $\text{н}'$: $\text{вѣл}'\text{а}$, $\text{мѣр}'\text{ѡ}$, н'нѡ (н'нѡ — Супрасльская рукопись). Также при $\text{к}'$, $\text{х}'$: $\text{зак}'\text{ѡх}'\text{ѡ}$, $\text{н'всѣр}'\text{ѡ}$. Для мягкого г' в гла-

голице была особая буква ѡ; в кириллице употреблялась буква г' или г: парасквѣг'ни — парасквѣгини.

Другой способ передачи мягкости согласного — написание йотованного гласного ю, ѡ, ѡ (▲ в глаголице = ѡ в кириллице). Иногда оба способа объединялись: вѡл'ѡ.

По греческому образцу писали (над начальным гласным слова, а иногда и над другими гласными: ѡтѣ (над ѡтѣ); ѡже хѡдетѣ; сже естѣ; ѡне; глаухѡма (Савв. кн.).

Надписные значки в памятниках XI в. пишутся иногда при пропуске гласных ѡ, ѡ: м'нѡ, д'но, м'ногѡ...

По греческому образцу некоторые слова передавались на письме в сокращенном виде. В таком случае над ними писали титла, титла (гр. τίτλος). Вид титла был не одинаков: —, —, —. Под титлами писали слова, часто применявшиеся в определенной сфере языка средних веков. Например:

ѡтѣ, ѡтѣ (род. ед.), ѡтѣ (зват.) — сокращенная передача слова ѡтѣ; ѡтѣ, ѡтѣ, ѡтѣ; господѣ, господинѣ: гѣ, гѣ (для передачи господинѣ) — греч. жѣ (жѣрѣс); дѡухѣ: дѡхѣ — греч. пѡа(пѡѣма).

Были и другие слова, часто встречающиеся в речи и потому передававшиеся на письме под титлами:

ѡтѣцѣ: ѡтѣ — греч. пѣр (патѣр);

члѡвѣкѣ: члѣкѣ, члѣкѣ — греч. аѡс, аѡс, аѡрс (аѡрсѡс);

цѣсарѣ: цѣрѣ, цѣсрѣ, цѣрѣ; цѣсарѣствѡзлѣти — црствѡзлѣти.

глаголати: гѣлати, гѣла (аорист глагола).

Для избежания ошибки при чтении при некоторых сокращенных написаниях ставили сверху букву согласного глѡ = глѡва (а не глагола); не = неѡва; ѡтѣ оно = ѡтѣ оно вѣрѡма.

Титла ставили также над буквой в значении числа: ѡ, ѣ... И это по греческому образцу. В некоторых славянских рукописях (Ассеманиев кодекс) над десятками ставили два титла, тоже по греческому примеру.

Знаками препинания были точка (·) и точка с запятой (;). Последний знак препинания (;) имел значение знака вопроса.

Для указания на конец предложения или фразы применяли две точки (:) и более (:., :.). Пользовались также черточками прямыми или волнистыми:

⋮ —; ~, ⋮.

В одной русской рукописи XI в., содержащей в себе перевод греческого азбучного акростиха (алфавитарь), — перевод, сделанный в Болгарии, — находится запятая и акут (´), служащие для того, чтобы отделить одно предложение от другого или отметить цезуру:

люте оубоуоу быти нъ лютеъ богатъи зълаъ ·:· —
 ирость оубоудаван, да не от оума възъ испадешн·:· —

Писатель конца XIV — первой половины XV в. Константин Констенческий, мудрый книжный человек, сторонник сложной орфографии архаического направления, — орфографии, нормированной во второй половине XIV в. по инициативе болгарского патриарха Евфимия Тырновского, требовал писать гласные в начале слова или в отдельном их употреблении с надписным значком, с дасней и с апострофом. Гласные — это женщины, а согласные мужчины. Только дома, в присутствии мужа женщина может быть без головного покрыва. Так и на письме: гласная буква в сочетании с согласной бывает непокрыта, без дасни и без апострофа. Если же женщина выйдет с непокрытой головой в город или на улицу, или в общество, то она позорит себя: „и к то́му не до́нна быти въ́ дому́ мо́ужа́ и́е нъ съ́ влѣи́нцѣми́“. Если же будет над согласными, над мужчинами „на глѣвоу́ющѣми́“ знак — или —, то это позорит их „срамлѣеть си́ и́ко и́ мо́ужа́ жѣи́ска́ оубѣарь· па́те же́ нѣз' уа́тъѣѣ, и́ у́нна нѣзѣодитъ оубо́нствѣнаго́ и́ко не́ быти́ оубоу́ к то́моу до́нноу въ́ црѣкѣ́ или́ въ́ уть съѣ́ра възнѣти́, и́ко и́ оци́ въ́ правнѣ́ рѣше́“. Если в слове встречаются два слога, из которых один кончается согласным, а другой начинается согласным, то между ними ставится знак ´, как сторож или свидетель, предупреждающий „претыкание“.

§ 21. Эти азбуки представляют некоторые различия в системе.

1) В глаголице один знак Э; в кириллице ему соответствуют в и ю.

В первоначальном составе глаголицы был один знак для носового гласного переднего ряда: ЭѢ. Позднее этот знак стал употребляться в соответствии кириллическому ѣ, а вторая часть стала служить в значении а. В кириллице — ѣ, а.

2) В глаголице один знак Ѧ; в кириллице ему соответствуют ѧ, Ѩ.

3) В глаголице разные знаки для аффрикаты dz и для z: $\mathfrak{z} = dz$, $\mathfrak{z} = z$. В кириллице первоначально не было знака для аффрикаты dz. В кириллических рукописях, в языке которых отражается эта аффриката, она передана слегка модифицированным знаком z: \mathfrak{z} (перечеркивающая линия различной длины). Так в отрывках Хиландарских, Зографских и Ундольского. В кириллице есть знак s; но он употребляется в значении цифры „6“.

4. В глаголице особая буква \mathfrak{m} для мягкого g' (г') в словах заимствованных. В кириллице для этого служит буква r (r').

5) В кириллице были буквы \mathfrak{z} , \mathfrak{c} в соответствии греческим ξ , ϕ . В глаголице не было соответствующих знаков.

Но более важное показательное значение представляют черты сходства в славянских азбуках — и в системе и даже в начертаниях букв, черты, с несомненностью свидетельствующие, что составитель одной из азбук знал о другой и следовал ей. Мы подходим к вопросу, какая же азбука древнее, т. е. какая из них составлена Константином.

Указанные выше черты различия не все восходят к давнему составу кириллицы. Так, и в кириллице, в ее более раннем виде, не было \mathfrak{w} , \mathfrak{v} , \mathfrak{m} , как это обнаруживается из наблюдений над архаическими элементами в написаниях кириллических памятников: нет \mathfrak{m} в Саввиной книге, в Супрасльской рукописи, в Хиландарских и Зографских листках, в листках Ундольского, в Македонском листке; редко употребляется \mathfrak{w} ; в листках Ундольского и Зографских — только \mathfrak{v} ; встречаются написания с \mathfrak{v} в значении \mathfrak{v} и \mathfrak{m} : [риѣмн]ѣ (именит. ед.) — в надписи Самуила; ѡвн сѧ григорнѣ (родит. ед.), сѡлтаврѣ (родит. ед.) — в листках Ундольского; зѡмль (именит. ед.), мѡръ (родит. ед.) в Саввиной книге.

Черты сходства в общей системе глаголицы и кириллицы:

1) Два знака для i (третий глаголический знак \mathfrak{r} представлял собою модификацию знака \mathfrak{z}).

2) Два знака для o .

3) Две части в букве для u (y).

4) Одинаковый способ передачи славянского гласного $ы$:писанием знака для \mathfrak{z} (\mathfrak{z}) в сочетании со знаком для i (i , \mathfrak{m} ; \mathfrak{z} , \mathfrak{r} , \mathfrak{z}).

5) Одинаковый способ передачи шт': \mathfrak{c} — \mathfrak{c} .

6) Общие элементы в рисунках букв для славянских звуков \mathfrak{z} , \mathfrak{m} , \mathfrak{c} , \mathfrak{c} , \mathfrak{z} , \mathfrak{v} , \mathfrak{v} .

7) Одинаковость в написаниях надписных значков и титл.

Некоторые общие черты в глаголице и в кириллице могут объясняться тем, что в основе той и другой азбуки лежит греческое письмо: минускульное — в основе глаголицы, унциальное — в основе кириллицы. Но показательна общность в передаче славянских звуков — общность и в основе, и во внешнем виде букв.

Несомненно, в связи находится передача для *ы*: сочетание букв *ъ* и *и*.

Не случайно и сходство в написаниях букв для славянских звуков. Источник для некоторых из этих букв ясен в глаголице. Кириллица следует за глаголицей, изменяя ее знаки для славянских звуков, придавая им геометрические формы в стиле прочих букв. Сравните глагол. *ѡ* и кирилл. *ѡ*, глагол. *ѡ* и кирилл. *ѡ*, глагол. *Ѣ* и кирилл. *Ѣ*, глагол. *Ѥ* и кирилл. *Ѥ*, глагол. *Ѧ* и кирилл. *Ѧ*. Знаки для редуцированных гласных в глаголице представляют модификацию *Ѣ*: *Ѣ*, *Ѣ* (*Ѣ*, *Ѣ*, *Ѣ*).

Кириллица воспользовалась результатом позднейшего изменения основы для передачи этих гласных — воспользовалась формой в виде *Ѣ* и придала ей угловатую форму: *Ѣ*, *Ѣ*. Такое же отношение и между глаголическим *Ѧ* и кириллическим *Ѧ*. Источник глаголических букв для носовых гласных ясен: это *Ѣ* (о), *Ѣ* (е) в сочетании со значком *Ѧ*: *ѢѦ*, *ѢѢ*. Кириллические же *Ѧ*, *Ѧ* представляют угловатую перелицовку глаголических знаков, поставленных набок (вниз значок *Ѧ*).

На то, что первоначальной была глаголица, указывает также цифровое значение букв той и другой азбуки. В глаголице цифры следуют в порядке алфавита. *Ѧ* — 1, *Ѣ* — 2, *Ѣ* — 3, *Ѣ* — 4, *Ѣ* — 5... В кириллице цифровое значение имеют только знаки, взятые из греческого письма: *Ѧ* — 1, *Ѣ* — 2, *Ѣ* — 3, *Ѣ* — 4... Из дополнительных букв только *Ѧ* имел цифровое значение „900“. Позднее в таком значении стали применять букву *Ѣ*, подобно глаголическому *Ѣ* — 900. Если бы глаголица следовала кириллице, то буквы глаголицы были бы расположены иначе, согласно счету по кириллической азбуке: *Ѧ*, *Ѣ*, *Ѣ*, *Ѣ*...

Палеографический анализ кириллицы также указывает, что эта азбука не составлена Константином в IX в.: тот греческий унциал, который положен в основу кириллицы, относится к X в., как на это указывают полуовалы, заостренность и вертикальность (отсутствие наклона) букв кириллицы (см. выше о греческом унциале).

фонетической системе, а это свидетельствует о более позднем состоянии этой системы сравнительно с той, для которой составлялась глаголица, не нуждавшаяся в знаках, соответствующих греческим ξ, φ.

Обстоятельства и области распространения глаголицы подтверждают старшинство глаголицы. В Моравии применялась глаголица, а не кириллица. Киевские листки и Пражские отрывки (см. ниже) свидетельствуют об этом. Нет основания предполагать, что в Моравии после изгнания учеников Мефодия кириллица была брошена, а вместо нее кто-то, хорошо знавший греческое минускульное письмо, а также письма еврейские и самаритянские, составил глаголицу. Ни обстоятельства того времени, ни элементы глаголицы не допускают такого предположения. Древние славянские памятники, идущие из областей хорватских, где действовали некоторые изгнанники из Моравии, также писаны глаголицей.

В Болгарии деятельность учеников Мефодия протекала преимущественно в Македонии и в соседней Албании. Письменность там велась глаголическая: на македонское происхождение указывают черты языка старославянских глаголических памятников.

Элементы древнееврейские, самаритянские, а также коптские введены были в славянскую азбуку, в глаголицу, ее составителем Константином: он знал древнееврейский язык; в малоазийском монастыре Олимп он мог иметь общение с лицами, пользовавшимися коптской письменностью.

Когда же и где появилась кириллица?

§ 22. Полагаем, ее появление относится к восточной Болгарии, ко времени правления царя Симеона (893—927). Симеон, „полугрек“ (ἡμιᾶρως) по образованию, стремился сравниться во всем с Византией. Бесперывные войны, истощившие страну, раздвинули далеко пределы Болгарского государства: в пределы Болгарии входили области от Днестра на севере до Тиссы на северо-западе, до Лима, Тары, Бояны на западе; пределы на юго-западе представляло Адриатическое побережье от устья Бояны до реки Каламы (напротив острова Корфу); бассейн южной Быстрицы, нижнее течение Вардара, Струмы и устье ее, нижнее течение Месты, вся область Родоп на юге. Византии он хотел противопоставить не только мощь государственную, но и культурную. Он собрал в своей столице Преславе славянских книжников, которые выполняли многочисленные переводы с грече-

ского языка. Позднее списки с этих переводов распространялись в области восточных славян (на Руси) и в Сербии. Письменность в симоновское время в восточной Болгарии выполнялась не глаголицей, а кириллицей, т. е. письменами торжественных греческих книг — письменами, которые должны были соответствовать величию государственному.

Пользовались кириллицей и в Македонии, но пользовались в среде господствовавших верхов, применяя ее в надписях, для которых служило в особенности торжественное письмо. Таково применение кириллицы в надгробной надписи, сделанной на камне по распоряжению Самуила, царя юго-западной Болгарии, в 993 г. (см. снимок на стр. 75).

§ 23. На востоке Болгарии изредка пользовались и глаголицей. Так, в церковной росписи применяли иногда буквы глаголицы. Так было в Преславе, как это обнаружили раскопки последних лет, произведенные там. Именно, на развалинах церковных стен оказалось несколько слов, написанных глаголическими буквами. На тех же развалинах имеются и надписи кириллицей. Но начертания и правописание этих graffiti не относятся к симоновской эпохе, а к более позднему времени.

Глаголица также была известна сербским книжным лицам, в особенности в Босне. По образцу глаголицы они ввели в свое письмо (кириллическое) знак, представлявший собою в нижней части написание, похожее на П; над П возвышалась вертикальная черта; черта эта часто представлялаверху загиб или особый нажим; иногда загибы были и у П: Ꙗ ꙗ ꙗ̇. Эта буква служила для передачи мягкого г' в заимствованных словах. Так в Мирославовом евангелии. В других памятниках ею передавали г' не только в заимствованных словах, но и тот палатальный согласный, который был заменой давнего сочетания dj (виплю, ст.-слав. видѣжъ вм. vidjō). Так в Волкановом евангелии. В древнейшей сербской грамоте боснийского бана (правителя) Кулина, 1189 г., знак Ꙗ служит только для согласного, заменявшего собою dj. Позднее в Босне этой буквой стали пользоваться не только для согласного, заменявшего dj, но для согласного палатального, заменявшего собою раннее сочетание tj (отвь Ꙗ лти, ст.-слав. отвьштати вместо otvjetati). Так, например, в Никольском евангелии (XIV в.).

Эта буква представляет собою модификацию соответствующего глаголического знака для г'— Ѧ. В связи с общим стилем

кириллицы, с его угловатостью, петля вверху заменена линией, с небольшим загибом вверху (следы петли). И внизу остался след глаголической буквы — небольшой загиб влево, как в глаголице. Сравните начертания сербского Ъ и начертания глаголического М.

Глаголицу знали и русские книжники и изредка пользовались ею.

От XI — XVI вв. известно пятнадцать русских рукописей, в кириллическом тексте которых имеются глаголические буквы. В особенности их много в двух пергаментных листках XII в., находящихся в Погодинском собрании № 68 (Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина). Описание этих отрывков и снимки с них даны в пражском издании „Byzantinoslavica“, I, 1929. Там же отмечены и другие русские рукописи со следами глаголического письма. Иногда русские книжники пользовались глаголицей в качестве тайнописи. Обзорение такой тайнописи и снимки ее представлены в книге М. Н. Сперанского „Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма“ (Ленинград, 1929, стр. 58—67, „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 4.3).

Применяли ее и в стенной росписи церквей, как и на востоке Болгарии. Глаголические graffiti найдены на нижних частях Софийского собора в Новгороде (эти надписи относятся к древнейшей поре существования собора).

§ 24. Глаголицу заменяла кириллица. Иногда глаголический текст смывался, и пергамент заполнялся кириллическими буквами. Это — палимпсест (греч. *παλιψηφιστος*; *παλι* — „опять“, *ψάω* — „скоблю“). Таким палимпсестом является, например, Боянское евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в. В некоторых листах этой рукописи видны еще буквы прежнего, глаголического текста. (см. снимок на стр. 62).

На списывание многих кириллических рукописей с глаголического текста указывает и то, что в кириллический текст нередко вносились отдельные слова, а иногда строчки глаголического оригинала. Так, в ряде среднеболгарских рукописей XII — XIII вв. (в Охридском апостоле, в Болонской псалтыри, в Битольской триоди). В глаголических же рукописях встречаются слова, написанные кириллицей. Но они не одновременны с глаголическим написанием, а позднейшего происхождения. Это разные пометки практического содержания.

А. Востокова, NCCCCLIII 1494 г., имеется такое замечание: во дни Михаилъ цркъ грец(ос)наго и во дни кнѣзѣ Рерика (Рюрика) Новгородцаго... стѣи Константинъ философъ, нарицаемый Кирилъ, сотвори гл҃голю лицию (словенскимъ) азѣкомъ, главою лицию". Слова „глаголю лицию“ следует понимать, как указание на глаголицу, на „глаголиту“. В одном из более ранних оригиналов этой заметки было написано, повидимому, под титлами не только „глаголю“, но и „глаголиту“ (= „глаголиту“).

§ 26. О порядке букв глаголицы и кириллицы можно судить по их цифровому значению: глаголические ⚭ (а) — 1, ⚮ (в) — 2, ⚯ (г) — 3 и т. д., а также по следующим указаниям: 1) по азбучному акростику древних славянских стихотворений, 2) по алфавитным спискам (по перечню букв и их названий).

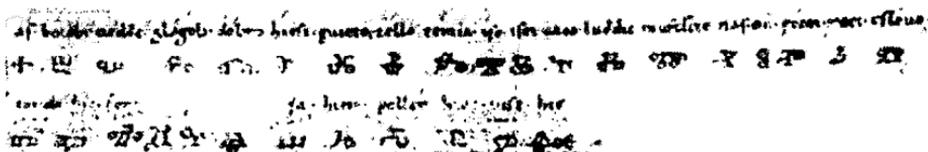
Стих азбучного стихотворения начинался с гласного или согласного в порядке славянского алфавита, хотя и не с полной выдержанностью: были такие звуки, которые не начинали слова, — ъ, ѣ, ѓ. По византийскому образцу размер славянских стихотворений — политический стих (στίχος πολιτικός) в двенадцать слогов, с цезурой обычно после пятого слога. Из таких стихотворений древнейшими являются два: стихотворение Константина Болгарского, ученика Мефодия, и стихотворение, находящееся в „азбувнике“ XIII в. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Азбучный акростих в этом последнем стихотворении составляют начальные звуки не каждого стиха, а двустишия. Из стихотворения Константина Болгарского:

Продаштоуоумоу||помощи отъ тебе
Рѣцѣ во свои||горѣ въздыжъ присно
Билѣ. пришти||и мѣдрость оу тебе...

Издания этих стихотворений см. в книге А. И. Соболевского „Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии“, Пб. 1910 (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 88, № 3).

Древнейшие перечни славянских букв и их названий относятся к XI—XII вв. Это: 1) в латинской рукописи № 14485 Мюнхенской библиотеки (см. пражский журнал „Byzantinoslavica“, II, 1930), 2) в одной парижской латинской рукописи (см. у И. В. Ягича в „Энциклопедии славянской филологии“, вып. 3, Пб. 1911, стр. 135—136). (См. снимок на стр. 64.)

§ 27. В заключение остановимся на одной интересной статье древнеславянской письменности — „О письменехъ черноризца Храбра“. Эта статья пользовалась большой популярностью у славянских книжников на юге и на востоке. Она сохранилась в ряде списков. Древнейший из них находится в среднеболгарском сборнике 1348 г. (Ленинградская Публичная библиотека). Статья была составлена не позднее начала X в., когда „еще (были) живы те, которые видели их“, т. е. Константина и Мефодия, как замечено в двух списках сказания. Эта статья ярко выделяется на фоне безличной средневековой церковнославянской

Abecenarium bulgaricum.

письменности: она защищает ее право на существование, отрицавшееся не только на Западе, но и некоторыми лицами из греческой среды.

Статья построена так.

Вначале даны справки по истории письма у славян. В давнее время у них не было букв. В случае необходимости отметить что-нибудь, славяне применяли „черты и резы“: урѣтами и рѣзани урьтѣхъ и гатаахъ погани сѣще — „посредством черт и надрезов считали (вели счет) и разбирали (понимали) начертанное (гатаахъ)“. Это были надрезы и черточки на палочке или на куске дерева и имели значение чисел — количества каких-нибудь предметов. Такие счетные палочки применялись у славян, как и у других народов. У южных славян они употреблялись до недавнего времени. Там эта счетная палочка получила название „рабош“ (румынск. găbos, от венгерск. góvas = govaš; венг. gópi, govak — „врезывать“). У русских такая палочка была известна под именем „бирка“, вероятно, от скандинавского слова Birka — „береза“, а не от татарского „бир“ — „подать“ — и не от славянского глагольного корня бир- (бирати, братьи).

По принятии христианства славяне, бывшие в сфере воздействия римской культуры, пользовались латинскими буквами; славяне же в юго-восточных областях, находившиеся в сфере влия-

ния Византии, применяли греческие буквы в случае нужды написать славянские слова. Но такое применение латинского и греческого письма было лишено системы, было „без устройства“. Да и нельзя было передать латинскими или греческими буквами многих славянских звуков: „нама како можеть се писати добра гръцьскими писмены *ѣ*ъ. наи жикеть, наи зъло наи цркъвь. наи таинне, наи шрфотъ, наи идъ, наи ждоу, наи юность, наи язъкъ [вместо азъкъ] и наи ядовнаа снмь“, — т. е. указаны примеры со звуками б, ж, дз (з), ц, ч, ш, з (идъ), ж, ю, и (а), для которых не было знаков в греческом алфавите. Только Константин Философ, называемый Кирилл, составил славянам полную буквенную систему из 38 знаков: „сътвори имъ *ѣ* писмена и осмь, оваа буква по тинюу гръцьскыхъ

Бирка.

писменъ, оваа же по славян'стан рѣчи“, т. е. одни из этих букв соответствовали системе греческой азбуки, подобно тому, как греческая азбука соответствовала еврейской: они (греки) буква алфа а съ [съ или съи = „этот“ — Константин] азъ (буква а). от аза начатъ екою...; как евреи „пръвое писма (букву) имать (имеют) алевфъ... и гръци подобашеса томуу алфа рѣшж (сказали, назвали)“. Храбр указывает, что „по чину греческих писмен“ было 24 буквы, а по „славянской речи“ — 14. К последним принадлежали:

Ѡ	Ѫ	Ѭ, Ѯ	Ѱ	Ѳ	Ѵ	Ѷ
Ѣ	Ѥ	Ѧ, Ѩ	Ѭ	Ѯ	Ѵ	Ѷ
Ѣ	Ѥ	Ѧ	Ѩ	Ѭ	Ѯ	Ѵ
Ѣ	Ѥ	Ѧ	Ѩ	Ѭ	Ѯ	Ѵ

Знак для мягкого М (р'), повидимому, относился к числу букв, соответствовавших звукам, передававшимся греческой азбукой.

О какой славянской азбуке говорится в сказании Храбра, о глаголице или кириллице? Определенных указаний по этому вопросу сказание не представляет. Но ясные следы глаголического оригинала, отражающиеся в Московском списке (б. библиотеки Московской духовной академии, теперь в Ленинской библиотеке), и некоторые указания на буквы азбуки, имеющиеся в нем, могут свидетельствовать о глаголице.

Далее Храбр переходит к возражениям против славянской письменности и к опровержению их.

Первое возражение: 38 букв слишком много для славянской речи; можно обойтись и меньшим количеством, подобно грекам, которые 24 буквами пишут. Храбр указывает на неосведомленность возражателей: „не вѣдаты колѣцѣмъ пишеть грьци“. Храбр и в греческом алфавите насчитывает 38 знаков.

Другое более важное возражение: еврейские, греческие и римские письма идут искони и свыше даны, а славянские нет; — и не отдают себе отчета в том, что говорят окаянные („не вѣдаты са что глѣше окланни“). И что сказать этим идиотам („что речемъ къ тацѣмъ безоумнѣмъ“)? Скажем от святых книг, которыми мы научились. И далее следуют опровержения „треязычников“. „Святые книги“, из которых Храбр почерпнул материал для своих возражений, — это какое-нибудь греческое грамматическое сочинение по истории письмен, вроде грамматики псевдо-Феодосия Александрийского, или какого-нибудь другого подобного сочинения. Храбр указывает, что древность и еврейской и греческой письменности относительна. Было время, когда и греки не имели своей азбуки, но пользовались финикийскими письмами: „вланни не пишѣхъ своимъ жыкомъ (азыкомъ) писемъ, ижъ финицѣскимъ писемъ писяхъ своею рѣчю. и тако бѣшѣ многа лѣта. Следует сообщение о том, как в течение долгого времени составлялась греческая азбука. Семь человек в разное время составляли ее; из них пять названо — Паламид, Кадм, Симонид, Впихарм, Дионис, двое оставлены без имени. Перевод же библейских книг на греческий язык выполняли семьдесят человек. Итак, Храбр делает такое построение: у греков азбуку составляли долгое время семь человек, а перевод делали семьдесят. А у славян все это сделал один человек и в короткое время. А отсюда, по умозаключению апологета, следует вывод: словянская писмена стѣиши сѣт и устѣиши. стѣ же мѣжѣ створилъ ѿ несть, а грьцкая вланни погани. Чтобы сделать такое построение и им усилить свою аргументацию, Храбр к пяти известным устроителям греческого алфавита прибавил двух неизвестных, а по отношению к устроению славянской письменности умолчал о Мефодии.

Храбр имеет в виду еще одно возражение, которое могут сделать по отношению к славянской письменности: производилось в его время какое-то исправление ее: „ѿше ли кто речесть. яко несть створилъ добръ, понеже са построилъ и ѿше, отвѣтъ речемъ снмъ: и

греки много раз исправляли (пострлили), например, Акилла и Симмах и другие. Легче потом исправить, чем создать вначале: *оудоваъ въ шсть послѣдѣ потворити, неже прѣвоо створити*. Какое исправление имеет в виду Храбр? Вероятно, здесь говорится не об изменении азбуки, а об исправлениях или дополнениях в переводах, как на это может указывать ссылка на соответствующее явление в греческой письменности: Акилла и Симмах имели отношение не к греческой азбуке, а к письменности, к толкованию библейских текстов.

Заканчивает свою апологию Храбр указанием на такое преимущество, какое, по мысли Храбра, имеют славянские письмена по сравнению с греческими: у греков редко кто знает имена создателей их азбуки, а славянские книжные люди („букаре“) все дадут ответ, если ты спросишь у них „кто въ (вам) писмена створилъ есть, или книги прѣложилъ („перевел“) — стѣи Константинъ философъ нарицаемъи Кирилъ, тѣ намъ писмена створи и книги прѣложн, и Мефодию вратъ его, и аще въпросиши, въ кою время; то въдати и рещати... Следует дата: имена правителей и год: $\bar{\text{c}}\bar{\text{r}}\bar{\text{c}}\bar{\text{r}}$ (6363). Итак, в конце пришлось забыть о предшествующей пропорции 1:7, 1:70 и упомянуть имя Мефодия.

Что касается даты 6363 г., то она долгое время возбуждала сомнение. По обычному счету того времени из этой даты нужно вычесть 5508. Получится по новому летосчислению 855 г. Но в Византии и у славян применялось и другое исчисление, александрийское, 5500 лет. Такой счет применен и в статье Храбра. В среднеболгарском сборнике 1348 г., где находится древнейший из дошедших до нас списков сказания, недалеко от статьи о письменах находится хронологическая статья, в которой определенно указано летосчисление в 5500. Таким образом, $6363 - 5500 = 863$ — год, на который указывают и другие данные (или 862 г.).

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ.

§ 28. Рукописи на старославянском языке не дошли до нас непосредственно от времени деятельности Константина и Мефодия и их учеников. Два старославянских памятника относятся к X в., прочие к XI в. В этих памятниках, в особенности в памятниках XI в., имеются значительные отступления от языка кирилло-мефодиевских переводов. Но эти отступления легко

выделяются, и за ними обнаруживается основа более ранних оригиналов, восходящих к кирилло-мефодиевским образцам.

Памятники старославянского языка писаны глаголицей и кириллицей.

ПАМЯТНИКИ ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ.

1. Киевские листки, или Киевский миссал. Это — наиболее древний памятник старославянского языка. Но одна черта этого языка систематически устранена: шт — ѡд (вместо tj — dj). Вместо этой черты представлена иная — ц — з, черта языка славян западной части прежнего Моравского государства.

На западное происхождение памятника указывает и его содержание (месса).

Нет отступлений в употреблении ѡ, ѡ, за исключением двух случаев с написанием въсъхъ (вместо въсъхъ). Но это написание — недосмотр писца; имеются и другие явные недосмотры и поправки, в частности, на одной из страниц с написанием въсъхъ. Арханчен этот памятник и в начертании букв (ср. замечания, сделанные выше, в отделе об азбуках).

По чертам языка и написаниям относим этот памятник к X в.

Название этого памятника „Киевским“ вызвано тем, что он был открыт в Киеве, куда попал с Востока.

Лучшее издание сделано В. Ягичем (*V. Jagić*), *Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente*, Wien, 1900.

Замечания о палеографии и языке памятника см. в работах:

1) V. O b l a k, *Zur Provenienz der Kijever und Prager Fragmente* („Archiv für slav. Philologie“, XVIII, 1896).

2) V. J a g i ć, *Einige Streitfragen*, I, („Archiv für slav. Philologie“, XX, 1898).
4 (там же, XXII, 1900).

3) W. V o n d r á k, *O původu, Kijevských listů*, Praha. 1904.

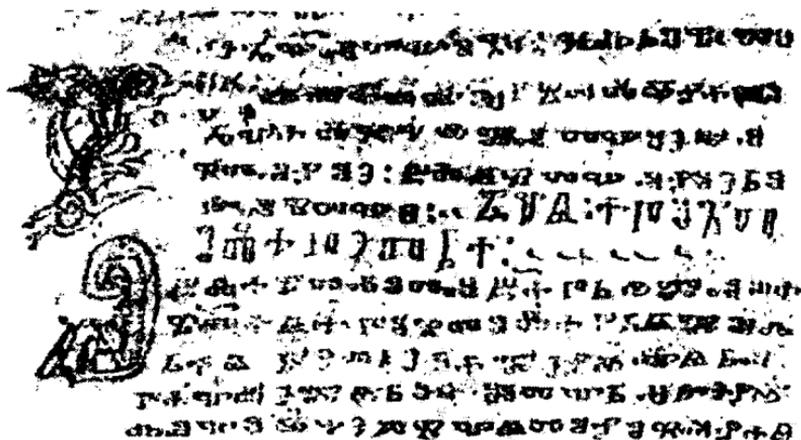
4) Он же, *Über die Provenienz der Kijever Blätter und Prager Fragmente* („Archiv für slav. Philologie“, XXVIII, 1906).

5) Н. Г р у н с к и й, *Памятники и вопросы древнеславянской письменности I*, Юрьев, 1904.

Критические замечания см. в „Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук“, X, № 4, 1905, (о работе Вондрака) и в „Журнале Мин. нар. пр.“, 1906, № 3 (о работе Грунского).

6) Н. Г р у н с к и й, *Київські глаголицькі листи і фрейзінгенські уривки*, У Київі, 1928.

Заметки Н. Грунского о синтаксисе памятника в его книге „Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков“, Юрьев, 1911 (IV. Приложение).

Киевские листки.

7) Б. М. Ляпунов, Ватрослав Облак („Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук“, I, стр. 928). — Между прочим изложен взгляд Ф. Ф. Fortunatova на принадлежность языка переводчика Киевских отрывков южнославянской языковой области.

8) В. Н. Шепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги (СПб. 1899, стр. XVIII — XX). — Тоже утверждает южнославянское происхождение писца Киевских листков. Но это утверждение не убедительно ни в лингвистическом, ни в историческом отношении.

9) А. И. Соболевский, К хронологии древнейших церковнославянских памятников (Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. „Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук“, т. 88, 1910).

10) Он же, Родина Киевских отрывков (там же, стр. 106—109). Совершенно безосновательно перевод отрывков отнесен к Польше.

11) Ed. Sievers, Die altslavischen Verstexte von Kiew und Freising (Berichte der Sächsischen Akademie der Wissensch. Philos.-hist. Klasse, 76, 1924).

12) N. van Wijk, Kilka uwag o pochodzeniu Mszału Kijowskiego (Księga pamiątkowa ku czci O. Balzera, Lwów, 1925, II).

13) Заметки Курца (J. Kurz) в пражском журнале, „Listy filologické“, тт. 51, 54.

14) M. Weingart, Hlaholské listy Vídeňské. K dějinám staroslověnského missálu („Časopis pro moderní filologii“, XXIV): Замечания о происхождении славянского перевода миссала.

2. Зографский кодекс — евангелие. Этот, как и другие глаголические памятники, представляет новые черты и в письме и языке. Относим все прочие глаголические памятники к XI в.

К XII в. их нельзя отнести: в них нет существенной черты, характеризующей все болгарские памятники XII—XIII вв.: мены ѡ и ѡ при определенных условиях. 17 листов (41—57, Матф., XVI, 20—XXIV) вставлено позднее.

По чертам языка писцов глаголических памятников полагаем, что они написаны в пределах Македонии. Название „Зографское“ дано по месту прежнего нахождения этого памятника, в Зографском монастыре (на Афоне). Теперь он хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде.

Издан В. Ягичем: *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani*, Berolini, 1879. Ягич дал и исследование о языке этого памятника, главным образом о гласных ѡ, ѡ. („Archiv für slav. Philologie“, I, 1876; II, 1877). См. также работы:

- 1) А. Leskien'a в „Archiv'e für slav. Philologie“, II, 1877, XXVII, 1905;
- 2) Н. Грунского в „Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук“, т. 83, 1907, № 3;
- 3) N. van Wijk'a в „Archiv'e für slav. Philologie“, XXXVII, 1920; XXXIX, 1925; в „Roczniku slavistycznym“, IX, 1921 и в журн. „Slavia“, I, 1922;
- 4) J. Kurz'a в журн. „Listy filologicke“, т. 50, 1923 и в журн. „Slavia“ IX, 1930; XI, 1932.

3. Ассеманиев кодекс — евангелие, названное по имени Ассемани, вывезшего эту рукопись с Востока в конце XVIII в. Другое название — Ватиканское ев., по месту нахождения ее в библиотеке Ватикана.

Имеется 3 издания:

- 1) F. Rački, *Assemanov ili Vatikanski evangelistar*. Zagreb, 1865. (Издано глаголическим шрифтом.) Издание малоудовлетворительное.
- 2) J. Črnić, *Assemanovo izborno evangjelje*, Rim, 1878. (Издано латинкой).
- 3) Лучшее издание приготовили И. Вайс и И. Курц: *Evangellium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glag. Editio phototypica cum prolegomenis, textu litteris cyrillicis transcripto...* Ediderunt dr. J. Vajs et dr. J. Kurz. I. Pragaе, 1929.
- 4) St. Mladenov, *Assemański albo Watykański Ewangeljarz* (в изд. „Słownik starożytności słowiańskich“. Warszawa, 1934, стр. 1—3).

На полях памятника сделаны в XII—XIII вв. и позднее записи кириллицей. Интересны в фольклорном отношении записи XII—XIII вв. о „злых днях“ каждого месяца.

Об этих записях см. в статье М. Н. Сперанского „Злые дни“ в приписках Ассеманова евангелия“ („Македонски Преглед“, VIII, кн. I, София, 1932).

Handwritten text in Church Slavonic script, likely a manuscript page. The text is dense and appears to be a liturgical or biblical passage. There are some marginalia and corrections visible on the right side of the page.

Зографский кодекс.

4. Мариинский кодекс — евангелие, вывезенное В. И. Григоровичем с Афона. Хранится в Публичной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Издан В. Ягичем: *Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus*. Ptb., 1883. Издание снабжено большой статьей о языке и полным словарем.

- 1) А. Leskien, „Archiv für slav. Philologie“, XXVII.
- 2) Ф. Ф. Фортунатов, Состав Остромирова евангелия. Пб. 1908, 55—60.

5. Клоцов кодекс — сборник поучений, похвальных слов. 12 листов этой рукописи находились в библиотеке Клоца и изданы были в 1836 г. В. Копитарем. Теперь они хранятся в музее в Триенте. Позднее были открыты в музее в Иннсбруке еще 2 листа того же сборника, изданные Фр. Миклошичем в 1860 г.

Полное издание сделано было В. Вондраком (W. Vondrák): *Glagolita Clozů*. Praha, 1893. Некоторые исправления к этому изданию сделал Нoha в журн. „Časopis Matice Moravske“, т. 50, 1926.

V. Oblak, Zur Würdigung des Altslovenischen („Archiv für slav. Philologie“, XV, 338—370).

См. также статью Таля (G. A. Thaly): „Textkritische Studien zu Homilien des Glagolita Clozianus“ („Archiv für slav. Philologie“, XXIV, 1902).

6. Синайская псалтырь; рукопись находится на Синае.

Издана была Гейтлером (L. Geitler): *Psalterium Glagolski spomenik monastira Sinai brda*. Zagreb, 1883. Лучшее издание приготовил С. Северьянов: Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. (Изд. Отделения русск. яз. и слов. Рос. Акад. наук. Пггр. 1922). Об этом издании сравнительно с изданием Гейтлера см. замечания в „Южнословенском Филологу“, IV, 1924, стр. 166—186.

V. Jagić, Entstehungsgeschichte..., стр. 248—251. В. von Arnim („Studien zum albulgarischen Psalterium Sinaiticum“, Leipz. 1930). См. также статью Ю. В. Петровской „Мена глухих в Синайской псалтыри“ („Известия Отделения русск. яз. и слов. Академии наук“, т. XXI, кн. I, 1917).

7. Синайский требник. Находится на Синае. В большей своей части памятник представляет перевод с греческого языка, — перевод статей, касающихся выполнения различных ритуалов религиозного значения. Некоторые отделы переведены были с немецкого и латинского. Оригинал переводов требника был сделан в моравско-паннонский период старославянской письменности, как на это указывает наличие переводов с немецкого и латинского.

Памятник был издан Гейтлером: *Euchologium. Glagolski spomenik monastira Sinai brda*. Zagreb, 1882.

Поправки и дополнения к изданию Гейтлера сделал В. Ягич в „Archiv für slav. Philologie“, VII, 1884, 129 след. Листы 101—104 по собственным фотографическим снимкам напечатал В. Н. Бенешевич в сборнике в честь Ягича („Jagić — Festschrift, Zbornik u slavu V. Jagića“, Berlin, 1908). 3 листа той же рукописи вывезены были с Востока в Петербург в 1853 г. Порфирием Успенским и Н. Крыловым и изданы были И. И. Срезневским в его серии „Древние глаголические памятники“. Пб. 1866 (244—255). Часть памятника переиздал J. Frček в Париже в 1933 г. („Patrologia orientalis“, XXIV, 5).

О памятнике: W. Vondrák; „Archiv für slav. Philologie“, XVI, стр. 118—132.

V. Jagić, Entstehungsgeschichte..., стр. 251—257, 274—275.

[Jean Frček, Euchologium sinaiticum, „Patrologia orientalis“, t. XXIV, fasc. 5, Paris 1933].

[Н. С. Державин, Euchologium sinaiticum (К вопросу о времени происхождения памятника). „Сборник статей и исследований в области славянской филологии“, М.-Л. 1941].

Ланг (P. Lang), „Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského (Zpráva gymnasia v Píbrami, 1888, 1889 и 1890).

N. von Wijk в „Archiv'e für slav. Philologie“, XL, 1926.

А. И. Соболевский, Синайский требник („Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 88, стр. 100—105).—Заметка о некоторых общих словах врачевальных молитв Синайского Требника и „Слова болящих ради“ других рукописей.

В отношении содержания евхология см. в книге Вондрака (W. Vondrák): „Studie z oboru cirkevneslovanského písemnictví“, Praha, 1903.

Он же, Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern („Archiv für slav. Philologie“, XVI, 118—132).

Словарь к памятнику составил St. Słóński: „Index verborum do Euchologium sinaiticum“ (Warszawa, 1934).

8. Охридские листки, найденные В. И. Григоровичем в Охриде. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета.

Лучшее издание в „Памятниках старославянского языка“, III, вып. 2-й, Пггр. 1915.

9. Македонский глаголический листок с отрывком из Слова Ефрема Сирина, найденный также В. И. Григоровичем. Хранится в библиотеке Академии наук СССР (в фонде И. И. Срезневского).

Издан в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 6-й, Пб. 1909.

10. Отрывки глаголической надписи на развалинах церкви в Преславе. Надпись относится к концу X в. или к XI в.

Описание и снимки см. в статьях Кр. Миятева („Български Преглед“, I, кн. 1, София, 1929) и В. Ивановой („Български Преглед“, I, кн. 4, 1930). См. замечания М. Вейнгарта в журн. „Byzantinoslavica“ (Praha), II, вып. 1, 166—168 и И. Вайса в журн. „Slavia“ (XII, 229—231), М. Н. Сперанского („Из славянской эпиграфики“, Доклады Академии наук СССР, 1930, № 3).

§ 29. 1. Надпись на надгробном камне, сделанная в 993 году по распоряжению Самуила, царя юго-западной Болгарии и Македонии. Камень находился у могилы умерших членов семьи Самуила. Найден он был экспедицией Константинопольского Русского Археологического института в юго-западной Македонии, в селе Герман, недалеко от озера Преспа. Надпись представляет 11 строчек. Правый угол камня отбит.

Имеется ряд изданий. Отметим издания:

- 1) В „Известиях Русского Археологического института в Константинополе“, т. 4, 1899, кн. 1;
- 2) И. Иванов, в его книге „Български старини из Македония“, София, 1908, 2-е изд., 1931;
- 3) П. А. Лавров, в его „Палеографическом обозрении кирилловского письма“, Птгр. 1914;
- 4) Е. Ф. Карский, в его „Славянской кирилловской палеографии“, Лигр. 1928;
- 5) В изд. „Гласник Скопског Ученог Друштва. Одељење друштвених наука“. V. Скопље, Београд, 1931;
- 6) См. замечания К. Иречка и В. Ягича в „Archiv für slav. Philologie“, XXI, 1899.

2. Отрывки кириллической надписи на развалинах церкви в Преславе. Надпись сделана была не ранее XI в.

Издание ее см. выше в отделе о глаголических памятниках.

3. Саввина книга, названная так по двум припискам с упоминанием Саввы. По содержанию — евангельские чтения. Хранится в Московском Главном Архиве, в фонде Типографской библиотеки.

Издана В. Н. Шепкиным в „Памятниках старославянского языка“, 1 вып. 2-й, Пб. 1903. Неточности издания отмечены Н. М. Каринским в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“ (т. 69, 1914, кн. 3). В. Н. Шепкину принадлежит и „Рассуждение о языке Саввиной книги“, Пб., 1899. О редуцированных гласных см. также статью А. Лескина в „Archiv'e für slav. Philologie“, XXVII, 1905. Там же замечания о „Рассуждении“ Шепкина.

I. Bâr bulescu, Iași despre Savina kniga și Codex Suprasliensis i Dacia Traiana („Arhiva Societă ii Istorico-Filologice din Iași“. T. XLIV, 59—75). Саввина книга и Супрасльская рукопись, по мнению И. Барбулеску, были написаны к северу от Дуная, в Траяновой Дакии.

4. Супрасльский кодекс. Рукопись содержит жития, легенды и слова. Найдена в Суфрасле около Белостока. Первая часть ее хранится в Любляне, в быв. Лицейской библиотеке,

+ ВЪНМАШТІЧАНСЪ
 ННАНСТАГО А ОУХ А Д
 ЗСАМОНІВІАБЪБ*
 ПОЛАГАХ ПАМАТЪ
 ШНАТЕРННБРАТ
 АІСРЪСТЪХЪСН
 ННЕМАОУСЪПЪЦ
 ІСОЛРАБЪБ*Н
 + ААВІАНАПНСА
 АЪТООТЪСЪТВС
 ІЪ:ФАННЪАН

Надпись царя Самуила.

16 листов принадлежали И. А. Бычкову в Ленинграде; прочая часть ее (151 лист) находилась в Варшаве, в книжном собрании Замойских.

Полное издание рукописи сделано С. Северьяновым в „Памятниках старославянского языка“, II, вып. 1-й. Необходимым дополнением к изданию является словарь. Он обработан К. Мейером (K. Mayer): „Alt-kirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis“. Glückstadt und Hamburg, 1935. О памятнике см. след.:

1) A. Margulies. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Heidelberg, 1927;

2) Статьи В. Вондрака в изд. Венской Ак. наук „Sitzungsberichte der philosophisch.-histor. Klasse der Akademie der Wissensch.“ Wien, 1886 (т. 112), 1890 (т. 122), 1891 (т. 124);

3) В. Облака (V. Oblak) в „Archiv'e für slav. Philologie“, XV (1893);

4) А. Лескина (A. Leskien) в „Archiv'e für slav. Philologie“, XXVII (1905) и в „Berichte über die Abhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissensch. Philos.-hist. Klasse“, XXVII, XXVIII;

5) С. П. Обнорского в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 17 (1912), кн. 3 и 4, в „Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 101, № 3, 1928;

РОУЖТЪ НБЪУАСЪ НАПАСТНОТЪ
 ГТЪ ПАТЪ АПАДЪШЕ СЪВЕТРЪМЪ
 СЕСХТЪ СЛЪШЕ^{НАСЪ} НЪТЪ ПЕЧАЛНО
 ГАТЪ СТВОМЪН СЛАСТЬМЪ ЖИТНІ
 СІСЪМН ПОТАПЛАХТЪ СЪ АНДО
 КОНЬУА ПЛОДА ТВОРАТЪ АЖЕ НА
 ДОБЕРЪ ЗЕМЛІ СЕСХТЪ ЖЕ ДОБРОМЪ
 СРДЦЕМЪН СЛГОПЪ СЛЪШЕ ТЪ СЛО
 ВОН ХРАНОТЪ ЕН ПЛОДЪ ТВОРАТЪ
 БЪТ РЪГЕННІ СЕ ПЛАВЪЗ ГЛАГН ІМЪ
 АІОУШН СЛЪШАТН А СЛЪШНТЪ
 * СЪ СЪ СЪ ЛОУ

ВЗОНОВЕННА ДІСЪ ВІСА ПЕРЪ МАОУМЪ
 СЪТЪННІГОУЖЕ ЕДНОМОУ РАБЪ БО
 ЛДОУАНРАШЕ НЖРЪУХЪ СЪНЪІ
 МОУ СЛЪШЕВЪЖРІСА ПОСЪЛАТЪНЕ
 МОУ СТАРЪЦІЮ ДРІСЪМЪ МЛАСА
 ДА ПРНШЪДЪ СЪЕТЪ РАВАІГО ОНН
 ЖЕШЪДЪШЕ СІСЪІСОМЪ МЪХЪТЪ

Саввина книга.

6) Пастрнека (F. Pastrnek) в журн. „Listy filologické“, XXIV;
 7) N. van Wijk, Zur Komposition des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis. Amsterdam, 1925;
 Его же, Zur Vorgeschichte zweier altkirchenslavischer Sprachdenkmäler, I. Suprasliensis („Archiv für slav. Phil.“, XL, 1926);
 Его же, Zur Herkunft dreier Legenden des Codex Suprasliensis (там же; XLII);
 8) R. Abicht, Quellennachweise zum Codex Suprasliensis („Archiv für slav. Philologie“, XV, XVI).
 R. Abicht und H. Schmidt (Продолжение вышеназванной работы, „Archiv für slav. Philologie“, XVIII).

R. Abicht und G. Reichelt (Продолжение, там же, XX).

R. Abicht und H. Schmidt (Продолжение, там же, XXI).

9) K. H. Meyer, *Altkirchenslavische Studien. I. Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis* („Schriften der K. Gelehrten Gesellschaft“. Jahrg. XV—XVI. Geisteswissensch. Kl. № 2, Halle a. d. S.) 1939. См. замечания В. von Arnim в „*Zeitschrift für slav. Philologie*“, XVII, 1940, стр. 201—207).

5. Хиландарские листки, с отрывком из поучений Кирилла Иерусалимского. Памятник хранится в рукописном фонде Одесского университета.

Изданы в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 1, Пб. 1900. См. замечания В. Вондрака в „*Archiv für slav. Philologie*“, XXII.

6. Листки Ундольского, — отрывки из евангельского текста, принадлежали библиофилу В. М. Ундольскому.

Изд. см. в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 3-й, Пб. 1904. См. статью В. Н. Щепкина „Листки Ундольского“ в „Русском Филолог. Вестнике“, т. 49, 1902 г. (с датой, определяемой В. Н. Щепкиным — XII в., нельзя согласиться).

7. Македонский листок, с отрывком текста, напоминающего одно из произведений Иоанна экзарха Болгарского. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Изд. см. в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 5-й, Пб. 1906.

8. Зографские листки, с отрывком из „Правил“ св. Василия. Хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Открыты П. А. Лавровым; описаны и изданы им в журн. „*Revue des études slaves*“, VI (и отдельно). Там же статья М. Г. Долобка о языке отрывков. Греческий оригинал памятника определил А. Вайян (A. Vaillant); см. его статью и тексты славянского отрывка и его греческого оригинала в том же издании, т. X, 1930.

Перечисленные рукописи, писанные кириллицей, по чертам языка следует отнести к XI в. Писцы их происходили не из Македонии и не из юго-западной Болгарии, а с востока Болгарии или из местностей, близких к востоку.

9. Любопытными в палеографическом и в культурно-историческом отношении являются кириллические вставка и приписка, сделанные в разное время в латинской рукописи конца X в. или начала XI в., хранящейся в Райграде около Брна (в Моравии). Одно слово, *матрица*, написанное твердым,

уверенным почерком, является современным написанию латинского текста, будучи вписано в строчку с латинским письмом, на л. 2. Над кириллическим написанием надписано латинскими буквами: *latria*.— *At illo cultu, qui grece ^{latria} дитрим дicitur, latine uo verbo dici ñ potest...*

На л. 70 позднее, в XI—XII вв., написано кириллицей несколько строчек славянского текста. В почерке букв кириллицы этих строчек представлены те же черты, какие свойственны кириллическим рукописям XI—XII вв. Имеются и более поздние славянские пометки.

Об этой записи см. статью А. И. Соболевского „Райградский сборник“ (Материалы и исследования в области слав. филологии и археологии. „Сборник Отдел. русск. яз. и слов.“, т. LXXXVIII, № 3, 1910; стр. 154—158). Там же снимки лл. 2 и 70. См. также статью П. К. Симони в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, XVI, книга 3, стр. 133—142; см. также замечания в „Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. CI, № 3, 1928, стр. 310—313.

Таковы старославянские памятники X—XI вв. Делались попытки издать старославянские тексты в реконструированном виде, — в том виде, в каком они вышли из-под пера первых переводчиков. Последний такой опыт сделан профессором И. Вайсом (J. Vajs). В 1935—1936 гг. он издал в Праге старославянские евангельские тексты в такой реконструкции. Но многие детали ее вызывают возражения и в отношении графики и в отношении фонетики, форм, лексики.

§ 30. Ценный материал по изучению старославянского языка заключается также в ранних памятниках сербских и восточнославянских. Изучая эти рукописи, следует стремиться к тому, чтобы ясно различить черты старославянских оригиналов, к которым восходят эти памятники, и те наслоения, сербские или восточнославянские, которые отразились на них. При таком изучении могут быть получены данные, важные в двух отношениях: 1) черты старославянских оригиналов важны для грамматики старославянского языка; 2) черты языка писцов, сербских или русских, важны для истории сербского или русского языка.

Старославянским пользовались книжные люди в областях чехо-моравских, сербо-хорватских и восточнославянских. Книги, написанные там, отражали в той или иной мере черты языка писавшего — чехо-моравана, серба (хорвата) или русского.

к старославянским памятникам не только найденные в то время Пражские отрывки, но и позднейшие произведения.

Так это представлено было, например, в очерке В. В. Ганки „Остатки славянского государства у чехов“. (Изданы Вл. Фасмера Ганки, Прага, 1859).

§ 32. Памятники с чертами сербо-хорватского языка.

У хорватов в славянской письменности применялась глаголица. Вид ее — угловато-кругловатый, позднее становящийся угловатым. Древнейшие из сохранившихся славянских памятников у хорватов относятся к XII—XIII вв.

1) Венские листки миссала, бывшие на переплете какой-то книги, XII в.

Их описание и издание сделано В. Ягичем (в издании „Denkschriften der Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse“, XXXVIII, Wien, 1890). См. также ценную статью М. Вейнгарта (M. Weingart): Hlahoišké listy Viedeňské. K dějinám staroslověnského missálu („Časopis pro moderní filologii“, XXIV, 105—129, 233—245).

2) Отрывок апостола, названный Гршковичевым отрывком. XII или начало XIII в.

Издан В. Ягичем (в изд. Starine. XXVI; Zagreb, 1893).

3) Фрагмент легенды о 40 мучениках — глаголическая рукопись XIII в., находящаяся в архиве „Старославянской академии“ на острове Крке.

Издание и описание фрагмента сделано проф. Ст. Ившичем: St. Ivšić, Ostači staroslovenskih prijevoda u hrvatskoj glagolskoj književnosti („Zbornik kralja Tomislava“, изд. Загребской академией наук, Zagreb, 1925, 452—510).

Обозрение других глаголических памятников у хорватов см. в книге Ягича: „Графика у славян. III. Глаголическое письмо“. Пб. 1911.

Сербские памятники писаны кириллицей; но, как было отмечено выше, сербские книжные люди знали и глаголицу.

Древнейшие сербские кириллические рукописи относятся к XII в.

1) Мирославово евангелие, с иллюстрациями и орнаментом XII в.

Издано Л. Стояновичем в 1897 (Белград).

2) Вуканово (Волканово) ев., начало XIII в.

Описание его см. в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, 1898, кн. 4.

3) Шишатовачкий апостол 1324 г.

Издан Фр. Миклошичем, Вена, 1853 (Apostolus в codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice).

Палеографическое обозрение памятников сербской письменности см. в книге П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма“. Птгр. 1915 г.

Главнейшие языковые черты сербо-хорватских памятников:

1) оу вместо ж, в вместо а.

2) Один гласный „глухой“ вместо давних ъ, ь. В кириллических сербских рукописях обычно употребляется ь: дьска, сьнь, дьнь. Так и в глаголических сербо-хорватских рукописях. Но некоторые писцы пользовались одним знаком ъ. Так в Гршковицевом отрывке апостола.

3) Гласный у (оу) вместо въ, вь в начале слова перед слогом с гласным полного образования: Ѹ вьки (Миросл. ев.), оудовица, оузъгласнѣ, оуста вм. вьста (Волкан. ев.).

4) и вместо ты — ѿкриль, ти вм. ты, послазель (Миросл. ев.), ви вм. ты, благообразни и др. (Волкан. ев.).

5) Обобщение окончания в именных и местоименных формах с твердым и с мягким согласным перед окончанием, — обобщение по формам с мягким согласным. В формах родит. пад. ед. ч. и именит. — винит. пад. множ. ч. женского рода на а окончанием был гласный в, представлявший собою фонетическую замену более раннего гласного а: зьмл'в (вм. зьмл'а), все (вм. вса) и т. п. С окончанием в стали образовываться и формы с твердым согласным. Такие формы отразились уже в Мирославовом ев.: на моуке все дьвѣ те.

§ 33. Писали на старославянском языке также у славян Паннонии, в области князя Коцеля (правил с 860 или 861 до 874 г.). Он с радостью принял Константина, Мефодия и их учеников, направлявшихся в Рим, и дал 50 человек обучить славянскому письму. В Паннонии действовал некоторое время Мефодий по возвращении из Рима. В Паннонии жили тогда славяне, составлявшие со славянами Каринтии, Штирии, Крайны одну языковую группу — словинскую (словенскую). Но памятники словинские, которые были бы написаны на основе старославянского языка, не дошли до нас. Сохранившиеся три словинских текста в Фрейзингенской латинской рукописи конца X — начала XI в. не находились в связи с языком старославянских памятников. Эти словинские тексты называются Фрейзингенскими отрывками по месту

прежнего нахождения рукописи, — в баварском городе Фрейзингене.

Издание Фрейзингенских текстов: W. Vondrák, Frisinské památky, Praha, 1896.

§ 34. К восточным славянам памятники старославянской письменности занесены с юга, из областей болгарских. Вместе с румописями прибывали и учителя — славяне из Болгарии. Политические обстоятельства благоприятствовали появлению болгарских книжников на Руси. То было время, когда восточные области Болгарии утратили государственную независимость и вошли в состав Византии (с 972 г. до 80-х годов XII в.). Под руководством болгарских писателей и переводчиков готовились первые книжные люди у восточных славян. Уже в ранний период восточнославянской письменности их было немало на Руси. В летописи под 6545 г. (1037 г.) сообщено, что Ярослав „свѣра писъць многы и прѣкладаше ѿ грѣкъ на словѣнское писъмо, и списаша книги многы“.

Рукописи, принесенные с юга на славянский восток, были писаны кириллицей. Черты языка старославянских оригиналов, которыми пользовались восточнославянские книжники, указывают на восточноболгарские области. Знали русские книжники и глаголическое письмо; они иногда списывали свои рукописи кириллицей с глаголических оригиналов или вносили некоторые слова в глаголической передаче; иногда применяли глаголицу в качестве тайнописи. См. выше в отделе об азбуках. Но следует полагать, что среди книжников, действовавших на Руси, были славяне не только из восточной Болгарии, но и из юго-западной (из Македонии). Со слов книжников из юго-западных болгарских областей усвоили русские книжные люди произношение буквы ѣ как *шч*: *свѣща* читали как *свѣшчѣ* (на востоке Болгарии ѣ = шт). На произношение буквы ѣ как *шч* указывают написания с *шт*, встречающиеся в некоторых восточнославянских памятниках XI—XII вв.: *отвѣштѣ* и др. От этих же лиц русские книжники узнали, что буквы ѣ, ѥ в старославянских текстах надлежало произносить как *о*, *е* (на востоке Болгарии были тогда вместо утраченных ѣ, ѥ гласные ѡ, е; у русских особые гласные ѡ, ѥ в X—XI вв. еще не совпадали в определенных условиях с *о*, *е*).

Язык древнерусской письменности не был вполне тождественным с языком старославянским: элементы русского языка проникали в той или иной мере в язык рукописей, выполнявшихся

русскими писцами. Элементы русского языка не в одинаковой степени отражались в древнерусских произведениях: их проникновение в язык рукописей зависело от степени грамотности и начитанности писца, а также от того, была ли рукопись копией со старославянского оригинала или она представляла собою оригинальное произведение русского книжного человека: в списках со старославянских оригиналов элементы древнерусского языка отражались слабее, чем в оригинальных произведениях. Степень проникновения черт русского языка зависела и от содержания произведения, было ли оно оригинальным или представляло список со старославянской рукописи: в церковно-богослужебных текстах, в торжественных словах-проповедях элементы книжного, старославянского языка соблюдались строго русскими книжными людьми; в произведениях же, ближе стоявших к общественно-бытовой жизни, в летописях и в особенности в деловых документах более значительны были элементы бытовой русской речи

Было высказано и иное мнение [акад. С. П. Обнорским. *Ред.*] о давней основе языка древнерусской письменности,— мнение, основанное на изучении языка Русской Правды, первоначальная письменная редакция которой относится к XI в., ко времени Ярослава I (он умер в 1054 году). Многочисленные элементы русского языка, отразившиеся в языке этого юридического памятника, дали основание некоторым лингвистам [т. е. акад. С. П. Обнорскому. *Ред.*] для такого утверждения: ранее формирования древнерусского литературного языка на основе старославянского языка на Руси существовал более древний тип литературного языка, отличавшийся простотой своей структуры, представлявший собою цельно элементы живой русской речи; это была речь, которой пользовались восточные славяне на севере, в Новгородской области; в этом языке не было заимствований южнославянских, но были заимствования более ранние, шедшие в севернорусскую среду с запада, из мира северогерманского (скандинавского). Мы не можем принять таких утверждений. Все данные, на которых основываются они, представляют иное значение, как показано это нами в отдельной работе (см. в отделе библиографии).¹

¹ Точка зрения А. М. Селищева, не совпадавшая с взглядами С. П. Обнорского, была изложена им в специальной работе („О языке Русской Правды в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка“), оставшейся неопубликованной (*Ред.*).

Ѣ СЖА СТОПОСТА ВЪНЕ

Ѣ НЖЕБЪ ВАКЪ ТЪ ПА СТО

Ѣ МИКА ФЕОДОРА ЕВА

Ѣ ОТЪ МАРКА ГЛА КД

ВЪ БРѢШЛО

НО ХОЖДА

ЛШЕ НІСЪ

СЖБОТЪ

СЖБОЗЪ

СЖАННІА

ННАУАШАОУ

УЕ НІЦІ НІГО

Памятники восточнославянские XI—XII вв. многочисленны. Отметим некоторые из них.

1. Остромиров кодекс—евангелие 1057 г., писанное в Новгороде для посадника Остромира.

Памятник писан двумя писцами. По почерку рукопись разделяется на такие части: 1—24 об. и 25—289. Первый писец последовательно отступал от старославянского оригинала в передаче сочетаний редуцированных с плавными между согласными. он писал ъ, ь перед р, л: скъръь, мъртъь. Второй писец чаще пишет по-старославянски: скръьь, мрътъь; у него, как в старославянском оригинале, ъ а не и в передаче именит. пад. ед. числа имен на 'а: каплъ. Хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Издавалось трижды: А. Х. Востоковым в 1843 г., и фотолитографически Савинковым в Пб. в 1883 и в 1889. гг. Снимки даны в альбоме Н. М. Каринского „Образцы письма древнейшего периода истории русской книги“, Л. 1925.

О языке и письме этого памятника см. статью В. Н. Щепкина и А. А. Шахматова в приложении к переводу пособия по старославянскому языку А. Лескина (Handbuch der albulgarischen Sprache): „Грамматика старославянского языка“, М. 1890. См. также: большую статью М. М. Козловского „Исследование о языке Остромирова евангелия“, Пб. 1885 (в „Исследованиях по русск. языку“. I Изд. Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук. Пб. 1885—1895); замечания Ф. Ф. Фортунатова, „Состав Остромирова ев.“, Пб. 1908. (Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, II, Пб. 1908); 2 статьи Н. М. Каринского „Остромирово евангелие, как памятник русского языка“ („Журнал Мин. нар. пр.“, 1903 г., № 5) и „Письмо Остромиров. ев.“ (Сборник Петербургской библиотеки, 1920).

2. Архангельское евангелие конца XI в. Рукопись найдена была в Архангельской губернии во время перекладки печи в крестьянской избе. Хранится в Публ. библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (б. б-ка Румянцевского музея).

Издан памятник в снимках с помощью трехцветной фотоцинкографии. М. 1912. Некоторые замечания о языке см. в статье Е. Ф. Карского („Русск. Филолог. Вестник“, т. 69, 1913). Подробное описание этого памятника дано в большой работе М. А. Соколовой „К истории русского языка в XI веке“ (Известия по русск. яз. и слов., III, кн. I, 1930.).

3. Минеи служебные 1095—1097 г. Хранятся в Типографской библиотеке в Москве.

Изданы В. Ягичем в 1886, Пб. Статьи об этом памятнике: 1) С. П. Офенорского в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 29;

2) Комарович, там же, т. 30; 3) Корнеевой-Петрулан в „Русском Филолог. Вестнике“, тт. 75, 76, 78.

4. Чудовская псалтырь, XI в. Хранится в Московском Историческом музее.

Издана в „Памятниках старославянского языка“, III, вып. I, Пб. 1910. Работы о ней: 1) С. П. Обнорского „К истории глухих в Чудов. пс.“, „Русск. Филолог. Вестник“, т. 68, кн. 2, 2) В. Погорелова: а) „Словарь к толкованиям Феодорита Киррского“, Варшава, 1910, б) „Толкование Феодорита Киррского“, Варшава, 1910.

5. Евгенневская псалтырь, XI в. Хранится в Ленингр. Публ. б-ке.

Издана И. И. Срезневским в его „Древних памятниках русского письма и языка“, Пб. 1863, 2-е издание Пб. 1882.

См. замечания И. Курца в журн. „Slavia“, XII, 217—222. См. также статью Гринковой об этом памятнике в „Известиях Отдел. русск. яз.“, т. XXIX.

6. Изборник (Сборник) Святославов, 1073 г. Памятник был списан для князя Святослава Ярославича со сборника, переведенного с греческого для болгарского царя Симеона. Основная часть этого Изборника писана двумя писцами. Один из них написал 1—86 листы и 264—265^{об}. Другому писцу принадлежали листы 86—263^{об}. Из орфографических приемов писцов этого памятника отметим буквы џ (см. в отделе о славянских азбуках); буквой џ он почти не пользовался. Второй писец пользовался буквой џ в конце строки. В других случаях он писал џ. И еще одну укажем. Первый писец пользуется буквой ж в значении не только џу, но и џю. Хранится в Московском Историческом музее.

Издан Обществом любителей древней письменности, Пб. 1880 г. Поправки сделаны были А. А. Шахматовым („Archiv für slav. Philologie“, VI, 1881).

7. Изборник (Сборник) Святославов, 1076 г. Хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Снимки см. в „Образцах письма...“ Каринского, 1925.

8. Новгородские или Куприяновские отрывки— 2 пергаментных листа большого формата, XI в. По содержанию— евангельские чтения. Принадлежали эти листы некогда Новгородскому Софийскому собору, а позднее археологу Куприянову, от которого они поступили в Публичную библиотеку в Петербурге в 1865 г.

Последнее издание и замечания о языке в работе Ф. В. Камнянского, „Отрывки евангельских чтений XI в., именуемые Куприяновскими (Новгородскими)“, в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. XXVIII, 1923. Черты восточнославянские отразились очень слабо.

9. Слуцкий отрывок апостола, XI в., тоже с немногими восточнославянскими чертами.

Был издан: 1) И. И. Срезневским, „Древние славянские памятники юсового письма, № 2, Пб. 1862; 2) Ягичем (V. Jagić), Specimina linguae palaeoslovenicae. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. Пб. 1882.

10. Синайский патерик, или Луг духовный (Λεγόμενον πνευματικός), или Лимонарь (Λεγόμενον λειμών) Иоанна Москова, рукопись XI или первой половины XII в. (Московский Историч. музей).

Небольшая часть издана И. И. Срезневским в его „Сведениях и заметках о неизвестных и малоизвестных памятниках“. Пб. 1880. Снимки см. в „Образцах“ Каринского.

11. Слова Кирилла Иерусалимского XI или первой половины XII в. (Московский Исторический музей).

Описание сделано Горским и Невоструевым в их „Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки“ (II, часть 2-я, М. 1859, № 114, стр. 44—62).

12. 13 Слов Григория Богослова. Рукопись хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Списаны были эти Слова с глаголического старославянского оригинала. Следы этого оригинала отражаются в том, что в тексте встречаются глаголические буквы, а также в том, что смешиваются ѡ и ѡ (в глаголице один знак ѡ, в кириллице ѡ, ѡ).

Издан памятник А. С. Будиловичем: „XIII слов Григория Богослова“. Пб. 1875. Тому же лицу принадлежит и исследование (весьма слабое) языка этого памятника: „Исследование о языке XIII слов Григория Богослова“. Пб. 1871.

13. Алфавитарь (греческ. алфавитарь) — славянский перевод греческого акростиха. Перевод был сделан в Болгарии. Русский список относится к XI в. Хранится в Историческом музее в Москве (в рукописи № 30 собрания Синодальной библиотеки) — греческ. в значении греческого слова στίχοι, алфавитарь в значении ἀξιοποίησις (стихотворение, крайние буквы в письменной передаче которого составляют слово; ἄκρος — „крайний“, „верхний“).

Н. М. Каринский, Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. („Известия по русск. языку и словесности“ Академии наук СССР, III, кн. 1, 1930, 259—268). Снимок находится в сборнике Н. М. Каринского, „Образцы письма древнейшего периода истории русской письменности“, Л. 1925, № 30.

14. Галицкое евангелие 1144 года. Листы 1—228 писаны в Галиче в 1144 г. Прочие 32 листа писаны там же, но позднее, в XII—XIII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Первые 228 листов издал Амфилохий в 1882—1883 гг. в двух томах („Четвероевангелие Галицкое 1144 г., сличенное с древнеславянскими рукописными евангелиями, с греческим еванг. текстом...“).

Снимки: 1) Савва, Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей. М. 1863.

2) Материалы для истории письмен. М. 1855.

Описания: 1) И. В. Ягич, Четыре критико-палеографические статьи. (Приложение к Отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г., Пб. 1884, стр. 74—102.)

2) Он же, Критические заметки по истории русского языка. Пб. 1889. (Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук, т. 46.)

3) Le-Juge, Das galizische Tetraevangelium vom J. 1144. Leipzig, 1897.

15. Церковный устав (типик — *типѡν*) студийский, XII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Отрывки изданы Горским и Невоструевым в „Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки“, III, I. М. 1869, № 380, стр. 230—270, а также Лисицыным в его книге „Первоначальный славяно-русский типикон“. С приложением 45 фототипических снимков. Пб. 1911.

16. Ефремовская кормчая, XII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Издание: В. Н. Бенешевич, Кормчая XIV титулов. Пб. 1906. (Славянский текст издан параллельно с греческим.)

Описание языка памятника: С. П. Обнорский. Язык Ефремовской кормчей XII в. Пб. 1912 („Исследования по русск. яз.“, III, I).

17. Успенский сборник, XII в. (в Московском Историческом музее). Рукопись содержит жития, слова и поучения. В состав этого сборника вошли между прочим две русские статьи: Сказание о Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского. Изучение этих статей с прочими, списанными с южнославянских оригиналов, имеет важное значение для представления о русском правописании XII в.

Издание: А. А. Шахматов и П. А. Лавров, Сборник XII в. Московского Успенского собора. Вып. I. М. 1899. („Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1899 г.)

О языке: 1) И. Попова, Паннионское житие Мефодия („Русск. Филолог. Вестник“, LXIX, LXX).

2) А. Лукьяненко, О языке Несторова жития Феодосия Печерского („Русск. Филолог. Вестник“, LVIII, I).

Обозрение других древнейших памятников восточнославянской письменности см. в следующих трудах:

1) Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л. 1928.

2) Н. Волков, Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. Пб. 1897.

3) Н. К. Никольский, Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Пб. 1906.

О русском переводном деле при Ярославе и о переводах см. в следующих работах:

1) В. М. Истрин, Очерк истории древнерусской литературы Киевского периода. Пгр. 1922.

2) Он же, Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. II. Пгр. 1922.

3) А. И. Соболевский, Особенности русских переводов домонгольского периода („Сборник Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 88, Пб. 1910).

О языке Русской Правды в связи с вопросом об основе древнерусского литературного языка:

1) Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку, Л. 1930. (Введение к изданию текста.)

2) С. П. Обнорский, Русская Правда как памятник русского литературного языка („Известия Академии наук“, 1934. Отделение общественных наук). [См. также книгу акад. С. П. Обнорского „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“. 1946].

3) А. Селищев, О языке Русской Правды в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка.

О южнославянских элементах в русском литературном языке см. в книгах:

1) С. К. Булич, Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. I. Пб. 1893. См. рецензию Е. Ф. Будде в „Ученых записках Казанского университета“, 1894 г.

2) А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка. Л. 1925. 3-е изд., Л. 1941. Глава I. 60—90.

Под влиянием старославянских слов с *рл, рь, лл, лъ*, т. е. сочетаний с гласным после плавного, русские писцы иногда изменяют на письме (не в речи) восточнославянские *оро, вро, оло* в *ро, ро, ло*: *сломена* вм. *соломена* (Сб. Свят. 1073 г.), *въздротениа* (Слова Кирилла Иерус.), *злотьникъ, вроты, повлотн, плониши* (Син. патерик) и др.

Иногда русское *оло* переделывалось в старославянское *ла* в таких словах, в которых не было *ла*, а было *ля*. Так, русское *полонъ* писец XIII Слов Григория Богослова заменил несуществовавшим старославянским *планъ* (ст.-сл. *пльнъ*).

6) *о* в начале слова вместо давнего *је* — *озоро* (Минея 1097 г.), *одинъ, одного* (Арх. ев.), *одиню, одна* (Мстислав. ев.), *осень* в передаче греческого слова *осевъ* (Слова Кирилла Иерус.).

7) Многие древнерусские памятники характеризует сравнительно со старославянскими звуковой вид имени „человек“; в старославянских текстах это слово передано без гласного после *ч* — *чловькъ*; в древнерусских же памятниках это имя передано с гласным *о*: *человькъ, человьтъскыи*. Так, например, в Сборнике Святосл. 1073 г. (*человьк-, чловькъа*), Минея 1095—1096 гг., Галицкое ев. 1144 г., Ефремовская кормчая XII в., житие Феодосия в Успенском сборн. XII в. и др.

И еще одно слово, характерное в его звуковом виде, отметим в древнерусских памятниках: *серебро, серебряникъ* в соответствии старославянским *съръбро, съръбрьникъ*.

8) *ъ* в окончании формы родит. пад. ед. ч. и именит.-вин. пад. множ. ч. имен и местоимений на *'а* (после мягкого согласного: *капла*) и в винит. пад. мн. ч. имен мужск. рода на *'ь* (*кон'ь*) в соответствии старославянскому окончанию *а* — *тронъ, словъ, отъ н'въ* (Сб. Свят. 1073 г.), *земля, коуръ, дьвнъ* (Минея 1095—1096 гг.), *недъля, суфимъ, плютъ* — вин. пад. множ. ч. (Арх. ев.), *п'тица* — винит. пад. множ., ч., *отъ конъ зм'ръныш, отъ земля, словъ овьца* (Мстисл. ев.), *воъ* — винит. пад. множ. ч. (Галицк. ев.) и др.

9) *ьмь* в форме творит. пад. ед. ч. мужск. и средн. рода основ на *-и* и на *-о*: *сынъмь; глывъмь, возъмь; мьстъмь* (в ст.-сл. — *сынъмь, но возомь, мьстомь*).

10) В дательном и местном пад. единств. ч. личных местоимений, 2 л. и возвратного, гласный *о* в корне: *тобъ, себъ*. Так в древнерусских памятниках XI—XII и последующих веков.

11) *тъ* в форме 3 л. единств. и множ. числа в соответствии старославянскому *-тъ*: *нести, несутъ, хвалать* — *хвалать*.

§ 35. Памятники, писавшиеся в болгарских областях в XII—XIV вв., представляют группу среднеболгарских рукописей. Они отражают черты таких языковых процессов, которых не было в X—XI вв. Из ранних среднеболгарских памятников отметим следующие:

1. Добромирово евангелие, XII в. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Его описание дано В. Ягичем (в изд. „Sitzungsberichte der Akademie der Wissensch. philos.-hist. Klasse“. Bd. 138, 140. Wien, 1898, 1899).

2. Охридский апостол конца XII в. Хранится в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Среди кириллического текста вписаны отдельные слова и целые строчки глаголицей.

3. Болонская псалтырь. Начало XIII в. Хранится в Болонье. Издан В. Ягичем (Psalterium Boloniense. Вена, 1907).

Палеографическое и лингвистическое исследование представляет диссертация В. Н. Щепкина: „Болонская псалтырь“, Пб. 1906. Это — лучшее из всех работ, относящихся к лингвистическому изучению памятников славянской письменности.

4. Битольская триодь, XIII в. Найдена в районе западно-македонского города Битоли. Хранится в библиотеке Софийского университета. Среди кириллического текста встречаются слова и целые строчки глаголические.

Отрывки напечатаны в книге Йорд. Иванова, „Български старини из Македония“, София, 1908, стр. 87—104, 2-е изд., София, 1931, стр. 452—467.

5. Добрейшево евангелие. Названо так по упоминанию попа Добрейша, изображенного на л. 72. XIII в. 127 листов хранятся в Софийской Народной библиотеке, 49 листов в Белградской Народной библиотеке. Имеются заставки и миниатюры.

Описан и издан Б. Цоневым в 1 книге серии „Български Старини“, София, 1906.

6. Боянское евангелие, найденное В. И. Григоровичем в с. Бояна в районе Софии. XIII в. Палимпсест: написан кириллицей по пергаменту, с которого смыто, хотя и не повсюду чисто, глаголическое письмо. Хранится в Москве, в Ленинской библиотеке.

7. Тырновское евангелие, XIII в. Хранится в библиотеке Ак. наук в Загребе.

Описание сделано В а л я в ц е м в изд. „Starine“, XX, XXI, Zagreb, 1889.

8. Перевод византийской летописи Манасии, переведенной в восточной Болгарии в XIV в. Один список хранится в библиотеке Исторического музея в Москве. Некоторые замечания о правописании памятника в книге Еилярского „О среднеболгарском вокализме“, изд. 2-е, Пб. 1858. Другой список, с дополнениями из болгарской истории, с рядом миниатюр, находится в Риме, в библиотеке Ватикана. Весьма важен в лингвистическом отношении присоединенный к летописи Манасии народный средневековый рассказ о Троянской войне. Этот рассказ издан был Фр. Миклошичем в III книге загребского издания „Starine“.

Ватиканский сборник издал также проф. И. Богдан: „Cronica lui Cost. Manases. Text și glosar de Ivan Bogdan“. București, 1932.

Среднеболгарских рукописей много дошло до нас.

Их обозрение см. в книге П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма“. Пгр. 1915. (В этой книге и в приложенном к ней „Альбоме“ находится много снимков.) См. также I том книги Б. Цонева: „История на български език“, София, 1919.

Одной из характерных черт среднеболгарских памятников является „смещение“ ж и д.

1) После ш, ж, шт, жд, ј, а также и некоторых других согласных пишут ж вместо д: шжтати, жжтвд, жжзми и др. вм. шдтати, ждтвд, ждзми...

2) После мягких н', л', р', мягких губных пишут д вм. ж: храни'д, твор'д, вол'д, съп'д, вм. храни'ж, твор'ж, вол'ж, съп'ж (ст.-сл. съпл'ж).

Из форм отметим обобщение во множ. числе окончания имперфекта для форм аориста. Например, 3 л. мн. ч.: коложихж, пръврлатихж, с -хж, как и в имперфекте.

В эту эпоху происходили весьма значительные изменения в системе фонетической и синтаксической,— изменения, результаты которых представляет современный болгарский язык.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА.

§ 36. Изучение памятников старославянского языка обнаруживает, что в славянском языке, которым пользовались первые переводчики в применении его к переводам греческих текстов, находились такие звуки, какие показаны ниже.

1. Гласные полного образования:

Задний ряд: а, о, оу, ѡ

Средний ряд: ы, [á], [ю], [ш]

Передний ряд: е, ѣ, и, ѡ, [ю, у], [ш].

2. Гласные неполного образования:

ъ, ь

ы, и

Заднеязычные: к, г, х

Палатальные и палатализованные (мягкие):

і (j), н', л', р', т, ш, ж, ч, з (s), с (с'), ц, жд; п', г', х';

Небнотубные: н, т, д, с, з;

Междубнотубной: [о];

Губные: м, п, в, в, ф;

Плавные: р, р', л, л'.

Знаками, поставленными в прямые скобки [], отмечены гласные среднего и переднего ряда, фонетически обусловленные, произносившиеся вместо гласных заднего ряда при нахождении их после палатальных согласных: вол'ѡ = вол'а или вол'ā (воль); храни'ш = храни'ж или храни'ж; ѡуду = čudu или čudu и т. п.

В прямые скобки поставлены и знаки тех звуков, которые были перенесены из греческой фонетической системы и находились в славянской речи некоторых книжных людей, владевших греческим языком и вводивших греческие черты в произношение греческих слов, принятых в книжный, старославянский язык. Другие же славянские книжные люди при произношении таких слов подставляли славянские звуки. Так было с передачей в: в речи одних — ѡ, в речи других і, и (оу). Так было и с передачей в: в речи одних, т — в речи других.

Не заключаем в прямые скобки ф, который был усвоен многими славянскими книжниками. О передаче в, в и 'ф см. также ниже.

ы (ъи). Из этих начертаний, из комбинации знаков ѡ и і или и невозможно заключить, что гласный ы произносился дифтонги-

чески: ъ + і. Это был монофтонг среднего ряда, с высоким подъемом языка. Такой гласный передавали нередко в письме сочетанием двух букв, из которых второю была і, указывавшая на высокий подъем языка. Первою же буквой служила буква u (в латинском письме). Так, напр., передан этот гласный в древнейшем памятнике словинского языка, в Фрейзингенских отрывках (X—XI вв.): *buiti* вм. *buti*, *mi* вм. *mu*. Так передано ъ и в чешских словах, находящихся в латинских документах XII—XIII вв.: *Buitsov* вм. *Budžov*, *Buistrice* вм. *Bystrice*. Выбор на букву u пал потому, что после губного согласного гласный ъ писавшие произносили с некоторой лабиализацией. На монофтонгичность ъ указывает фонетика славянских языков, имеющих этот гласный, — фонетика русского и польского языков, судьба этого гласного в истории славянских языков, его происхождение и изменение (см. в дальнейших отделах), а также и то, что этим гласным в старославянских памятниках передан иногда греческий монофтонг і после твердого согласного (ττ): *пѣсалътыр'ь* — греч. *φαλτήριον*; *монастыр'ь* — греч. *μοναστήριον*; *Давыдъ* — *Δαυῖδ*, *магдалын'и* — гр. *Μαγδαληνή* (Сборн. Клоца). Константин взял первую буквой знак для редуцированного ъ (ϝ), — взял удачно: ъ перед и (і) имел образование, похожее на ы. Комбинация же двух букв для передачи одного гласного применялась в греческом письме и отразилась на славянском: греч. *ου* — слав. *ѡ* — *оу*.

В Супрасльской рукописи (во 2-м почерке), в Зографских отрывках, в Македонском листке в состав знака для гласного ы входил знак ѡ в сочетании с і: ы. Так и в некоторых древнерусских рукописях: в Сборнике Святослава 1073 г. (часто), в Словах Кирилла Иерусалимского и в некоторых других.

Гласный і был в слоговом и неслоговом значении. В качестве неслогового і он не был категорически отграничен от ј. Неслоговой і или согласный ј был перед гласным: *има*, *квѣти*, *взѣро*, *мош*, *мош*, *рѣкош*, *юнь*, *строюу* (род. — местн. п. двойств. числа).

ѡ, глаголич. ѡ. Это — гласный ѡ после мягкого согласного.

ѣ (у), глаголич. ѣ. Эта буква употреблялась в передаче греческих слов с ѡ. Произносился же греческий ѡ не одинаково славянскими переводчиками и писателями: одни подставляли гласный славянской фонетики — у (и) после твердого согласного; другие — у или у (ѣ) после мягкого согласного. Напр., *Διούπτος*

передавался таким образом: *вгвпѣ* — род. ед., *вгвпѣ* (Марин.); *вг'вп'ѣ*, *вг'вуп'ѣ*; *вг'вп'ѣ*, *вгпѣ*; *гѡурѣ* — *τῆρος* (Син. пс.); *вгвпѣ*, *вгѡуп'ѣ* (Супр. рук.). На значение **Ѣ** (*у*) как гласного лабиализованного указывает также применение этой буквы для *ю* в славянском слове *втрѡ* при *втрѡ* и обычно *вурѡ* (Марин.).

О том, что *у* (*у*) многие славянские писцы на юге читали как *ю* или *ѡу*, свидетельствуют не только варианты написаний с *ю* (*ѡу*), но и дальнейший результат изменения некоторых слов с *у* (*у*). Так, в той рукописи, которой пользовался писец сербского Мирославова ев., находилось слово *соукоморнѣ* или *соукоморнѣ* (*сукоморнѣ*). Так и в Маринском ев.: *сукоморнѣ*. Это — передача греческого слова *σχομορέα* — „смоковница“. Писец же Мирославова ев. сблизил это слово со славянскими *соуко*, *мор'ѡ* и написал *соукоморнѣ*.

В Супрасльской рукописи, в памятнике со многими новыми чертами в языке и в письме, применяется иногда буква *у* (*у*) в значении *ѡу*. То же явление отражается и в последующих южнославянских рукописях, например, в македонско-болгарском Охридском апостоле, в южносербском Мирославова ев. Так и в русских рукописях.

Следует полагать, что устроители славянской азбуки и первые переводчики, близко державшиеся греческой азбуки, знаком **Ѣ** (*у, у*) передавали гласный *у* (*и*), соответствовавший греческому *υ* в его архаическом, книжном произношении. У позднейших переводчиков этот гласный передавался посредством *у* (*ѡу*) после мягкого или после твердого согласного.

Рано отражалось и иное произношение *υ* и славянского **Ѣ** (*у, у*): как *і*. Так произносился *υ* и по греческим говорам в IX—X вв. Ср. указанный выше пример из Син. пс.: *вгпѣ*. Другие примеры: *газофоуликиѣ* (Зограф.), *газофилкиѣ* (Марин.) — греч. *γαζοφολάκιον* („денежный ящик“); *ѡулохритѣ*, *ипохритѣ* — греч. *ὑποχρητής* (перевод: *лицемѣрѣ*, *лицедѣи*); *мѡро*, *мѡро* — греч. *μόρον*.

Редуцированные *ы*, *и*. Такие гласные находились в определенном фонетическом условии: перед *ј* (или *і*) и перед *і*: *крьитѣ*, *кыитѣ*, *дѡбрыѣ*, *кол'ни*, *кыистниѣ*.

к', *г'*, *х'*. Мягкие *к'*, *г'*, *х'* находились в заимствованных словах: *к'ѡдрѣ* — греч. *κῆδρος*; *к'ѡсар'ѣ* — греч. *καῖσαρ*; *лѡг'ѡнѣ* — греч. *λεγεών*; *нг'ѡмонѣ* — греч. *ἡγεμών*; *г'вннсарѣт(ьскѣ)* — *Γενησαρέτ*; *парск'ѡвѣг'ни* — народно-греч. *παρασχευή*; *зак'хѡѡ* (Зогр.); *рах'нѣ* (Супр. рук.); *хитѡнѣ* — греч. *χιτών*; *ѡкнѣѣ* — греч. *ἔχιδνα* („змея“).

з (s). Знак з употребляется для передачи аффрикаты dz в листках Ундольского, Хиландарских и Зографских. В глаголических рукописях для этого служил знак З. Так в Син. пс., в Ассеман. При транскрибировании глаголического текста буквами кириллицы принято пользоваться буквой з („азъло“ — „зъло“). Как раньше было отмечено в отделе об азбуках, в кириллических памятниках з употреблялось только в цифровом значении: „б“. В памятниках позднейших, среднеболгарских (с XII в.) з применялось не только в таком значении („б“), но и для передачи аффрикаты dz. Так, напр., в Слепченском апостоле. Но пользовались и знаком з. Напр. в Болонской псалтыри.

ф. ф — новый согласный в звуковом составе славянской речи. В старославянском языке он находится в передаче греческих слов с φ: финикъ — φοίνιξ, фарнеси — φαρισαῖος, филиппъ — Φίλιππος, гнафен — γναφεός („белильщик“). Несомненно, в языке кирилло-мефодиевских переводов был этот согласный. Но в языке переводов более позднего времени этот согласный передавался иногда ближе к языковой славянской системе, — посредством в: пиникъзъ (Син. пс.) — φοίνιξ. Изредка писали старославянские книжники ф вместо п в заимствованных словах: скоръфин, скоръфини, скоръфина — обычно скорълин, скорълини — греч. σκorpίος; фатронни (Синайск. требн.) — петронни; ософомъ — творит. ед. — греч. ὀσώφω (именит. ὀσώφωσ — название одного из душистых растений, др.-еврейск. ezob); фривитъ (Сб. Клоца) — греч. προφῆτα — „пророк“, ср. ф для π и п для φ; форфура (Зограф.) — порфира — греч. πορφύρα — „пурпур“, „пурпуровая, дорогая одежда“. То же в древнесербском Мирославовом ев.: пилль и филифъ, филиатъ = пилать и др. Славянские писцы в передаче греческих слов с φ нередко подставляли свой согласный л. Не зная правописания этих слов, они писали ф и там, где было в. Но, может быть, в некоторых случаях отражалось стремление писца к „правильному“ произношению заимствованного слова с ф. Обычное произношение этих слов с л вместо ф путало: произносили с особым, новым согласным ф̄ и заимствованные слова с л.

в — глаголич. в. В славянский алфавит Константин ввел особый знак для передачи согласного, соответствовавшего греческому в̄. Можно полагать, что это был междузубной согласный.

Такой согласный в передаче греческих слов с в̄ представляли греки, говоря по-славянски, а также некоторые близкие сотрудники Константина — славяне, хорошо знавшие греческий язык.

Отметим, как параллельное явление, спирант θ , а также δ в речи болгар, находящихся на юго-востоке Албании, в селах Бобошчица и Дреновяне (в районе Корчи): при сильном греческом воздействии эти болгары усвоили и греческие спиранты θ , δ в передаче греческих слов: $\theta\acute{\alpha}\gamma\omicron\varsigma$ („смелость, отвага“), $\theta\acute{\iota}\tau\alpha$ („великан“) — греч. $\theta\eta\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ („дикий зверь“, „дикий человек, великан“); $\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\alpha\tau\acute{\iota}$ („учитель“) — греч. $\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\alpha\lambda\omicron\varsigma$ вместо $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\alpha\lambda\omicron\varsigma$.

Но в обиходной славянской речи народной славянской среды Солуня имелись и более ранние заимствованные греческие слова с θ . В этих заимствованиях греческий согласный θ передавался не по-гречески, а заменялся согласным τ (т). Так, например, передавали тамошние славяне глагол $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha\tau\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu$ („проклинать“): $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha\tau\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\tau\iota$. В старославянский язык могли войти некоторые из таких более ранних заимствований с τ вместо θ . В ином словарном слое, в книжных словах, Константин, Мефодий и их ближайшие ученики представляли особый согласный, близкий к греческому θ : $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha$ — греч. $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha$. Но уже рано в языке старославянских переводов слова с θ стали передаваться с τ : $\text{Вар}\theta\text{олома}\acute{\iota}\omicron\varsigma$ — $\text{Вар}\tau\text{оломан}$; $\text{В}\eta\theta\alpha\nu\alpha$ — Витань ; $\theta\alpha\delta\delta\alpha\acute{\iota}\omicron\varsigma$ — Таден ; $\theta\omega\mu\acute{\alpha}\varsigma$ — Том ; $\text{Мар}\theta\alpha$ — $\text{Мар}\tau\alpha$ и др. Был и иной способ передачи греческого θ , — тот же, что служил и для передачи греческого ϕ — ϕ : $\text{с}\eta\tau$ ($\phi\epsilon\tau$), $\text{с}\eta\phi$ ($\phi\epsilon\phi$) (Зограф.) — $\text{С}\eta\theta$; $\text{в}\eta\tau\theta\alpha\gamma$ ' $\eta\mu$, $\text{в}\eta\tau\theta\alpha\gamma$ ' $\eta\mu$ (Зограф.) — $\text{В}\eta\theta\phi\alpha\gamma\eta$.

Была еще иная передача греческого θ : посредством з , как на это указывает экзарх Иоанн, болгарский писатель X в. Греческие слова $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ $\tau\acute{\alpha}$ $\epsilon\theta\nu\eta$ он транскрибировал таким образом: $\text{пан}\tau\alpha$ $\tau\acute{\alpha}$ $\epsilon\theta\text{зи}$, а славянскы вси $\text{нз}\text{ыци}$ („все народы“, из предисловия к переводу Иоанна Дамаскина). Но передавал и он греческий θ посредством т : $\text{тал}\alpha\sigma\alpha$ (греч. $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$) — море.

Греческий θ в славянской среде Болгарии передавался еще иначе: посредством х : пехер — „тесть“, пехера — „теща“ в передаче новогреческих $\text{п}\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ (вм. $\text{п}\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$), $\text{п}\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}$ (вм. $\text{п}\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}$). Так в говорах Солунского края. Но обычно греческие слова с θ переданы там, как и в других болгарских говорах, посредством т : $\text{п}\alpha\rho\alpha\tau\eta\rho$ — „окно“ — греч. $\text{п}\alpha\rho\alpha\theta\epsilon\rho\acute{\iota}$; $\text{т}\alpha\rho\omicron\varsigma$ — „смелость“ — греч. $\theta\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$; $\text{м}\alpha\tau\eta\mu\alpha$ — „учение“ — греч. $\mu\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha$ и др.

Плавные р , л в определенных сочетаниях (в словах) были слоговыми (носителями слога): $\text{вр}\acute{\epsilon}\text{кь}$ ($\text{р}\acute{\epsilon}\text{вь}$), $\text{твр}\acute{\epsilon}\text{кь}$ ($\text{твр}\acute{\epsilon}\text{дь}$), влькь ($\text{вл}\acute{\epsilon}\text{кь}$), $\text{скр}\acute{\epsilon}\text{кь}$ ($\text{скр}\acute{\epsilon}\text{бь}$).

Старославянские тексты не имеют знаков долготы и ударения, кроме не вполне ясных по их значению значков, находя-

щихся в Киевских листках. Но следует полагать, что старославянский язык, представлявший много черт древнейшего языкового славянского фонда, сохранял, с некоторыми изменениями, и давнее различие слогов в количественном отношении: одни слоги были краткими, другие — долгими. Ударение было подвижное и неодинаковое по интонации: в одних случаях интонация была нисходящая, в других повышающаяся, восходящая.

§ 37. На передаче новых (заимствованных) слов обнаруживаются следующие тенденции фонетической системы старославянского языка, — тенденции, восходящие к далекому прошлому.

1) Слог не оканчивается носовым согласным, плавным г, л и согласным в; для избежания закрытости слога происходит образование редуцированного гласного ъ, реже ь, после этих согласных, и таким образом согласный отходит к следующему слогу с ъ, ь: *спанъдѣль* — *σπάνδαλον* („соблазн“); *пелѣтностин* — *πελτηνοστή*; *аньдрѣд* — *Ἄνδρεδς*; *кнѣзь* — *κῆνος* („подать подушная“); *варьварь*, *орьгань*, *каперьнабуумъ* — *Καπερναβούμ*; *скорьпни* — *σχορπίος* („скорпион“); *марька*, *роса ёръмоунъ* (Син. пс.) — *ροσα ёръмоунъска* (Син. тр.), — *тоѡ Аерѣбу*; *ольтарь* — *αλτάρην*, вместо лат. *altare*; *мельхивъ* — *тоѡ Μελχίε*; *ларасквѣг'ни* — *παρρασκευή*; *авъгоустъ* — *Αβγουστο*; *павль* — *Παῦλος*.

2) Подвергаются изменению группы согласных — те именно группы, которые, как показано будет ниже, издавна изменялись у славян: *mp*, *dp* (*tn*), *pt*, *ps*, *ts*, *kch*, *tl* (*dl*). В давнее время эти сочетания согласных изменялись так, что утрачивалось образование для первого согласного: *dp* → *p*, *pt* → *t*, *ps* → *s*, *ts* → *s*, *kch* → *ch*, *tl* → *l*. (Изменение *tl*, *dl* → *l* происходило не у всех славян, а только у предков восточных и южных славян). В славянской фонетической системе IX в., отражающейся теперь в старославянском языке, актуален иной способ избежания этих звуковых сочетаний: образуется вторичный гласный ъ (ь) между этими согласными: *сумьнъ* — *σούμνος* — „львёнок“; *ехидна*, *ехидна* — *ἐχίδνα* („змея“); *егуптъ* — *Αἴγυπτος*; *псалтъ* — *ψαλμός*; *псалтърь* — *ψαλτήριον*; *внѣсандѣ* — *Βηθσαϊδά*; *закъхон* — *Ζαχχαίος*; *внѣхъ*, *внѣха* — родит. ед. — *Βαχχος*; *внѣшомъ* — *Βηθλεέμ*; *титъль*, *титъль* — *τίτλος*, лат. *titulus* („надпись“, „титул“).

Написание ъ, ь в этих случаях не представляет собою только графического явления: и в произношении этих слов были редуцированные гласные между указанными согласными. О фонети-

ческом значении написаний с њ, ѣ свидетельствуют не только многочисленные примеры таких написаний, но и дальнейшая судьба этих сочетаний: в сильном положении обнаружилось в XI в. в болгарских областях замены этих њ, ѣ такие же, как и давних њ, ѣ: *скумен[ъ]* (*скуменъ* — Син. пс.), *Павол[ъ]*, *сгвѣст[ъ]*, *пеллом[ъ]*.

Мягкие согласные *к'*, *г'*, *х'*, согласный *ѳ* — это новые черты славянской фонетики на юге. Возможно полагать, что они появились раньше в языке славян города, близких к греческой среде. В речи деревни такие согласные появились позднее.

Только в произношении таких книжных лиц, как Константин, Мефодий и близкие к ним ученики, был гласный *у* (у), соответствовавший греческому *υ*, и согласный *ѳ*, произносившийся не как *t* или *f*, а как междузубной спирант, в соответствии греческому *ϕ*.

§ 38. На основании изучения языка письменности южных, восточных и западных славян и на основании сравнительно-исторического изучения диалектов отдельных славянских групп можно представить главные черты отдельных славянских языков в ранний период их исторической жизни. Сравнение давнего звукового состава разных славянских языковых групп со звуковым составом старославянского языка обнаруживает одинаковые черты в этих фонетических системах, при немногих различиях.

Так, особенностью старославянского языка были *ѳ*, *ѣд* вместо ранних доисторических *tj* (*kt'*), *dj*: *сѣѳа*, *ноѳь*, *меѳю*. В других языковых группах были иные замены *tj* (*kt'*), *dj*: в западнославянских языках (в чешском, словацком, лужицких, польском, кашубском, полабском) *s*, *dz* (или *z* вместо *dz*); у сербо-хорватов палатальные *t^š*, *d^ž* — с дальнейшим изменением, у словинцев *č*, *ž*, на востоке *č*, *ž*.

Не одинаково было образование *ě* (ѣ): у славян болгарских — **ā*; такой же гласный находился и у славян на северо-западе, — у поляков, у поморян (предков кашубов), у полабян; у других славян *ě* был гласный закрытый: *ĕ*.

§ 39. В ближайшем отношении система старославянского языка, как и прочих языковых групп славян болгарских, находилась к языкам сербо-хорватскому и словинскому.

1) В старославянском языке были сочетания слоговых плавных с неслоговыми њ, ѣ, которые произносились за плавными в таких сочетаниях, как: *скръѣь*, *трьдѣь*, *влькѣь*. Возможно полагать, что и в других южнославянских языках были такие же соче-

тания, возникновение которых могло находиться в связи с перестановкой в давних сочетаниях *og, eg, ol, el* между согласными: *градъ, вьргъ, глава, мльво*.

2) Удлинение гласного *o* ($\rightarrow a$) и перестановка в сочетании *og, ol* перед согласным в начале слова,— удлинение почти во всех случаях. 1) *рло, лкати*; 2) *лдни, рльнъ, рсти, рбъ, лкть*. Но и: *рбъ*; в некоторых диалектах славян болгарских — *локть*.

Особенностью тех славянских групп, которые легли в основу групп славян болгарских, было в этом отношении то, что, кроме указанного выше изменения, пережито было в некоторых словах иное изменение начального *og-*; гласный удлинялся ($o \rightarrow \bar{a}$), но перестановки не произошло: после плавного развился редуцированный *ъ*: *аькати, аьдни*. Тот же способ избежать окончания слога на *г, л, п* отражался в славянских группах Болгарии и позднее, как отмечено было выше: *оьтарь* и др.

В тех языковых группах, которые легли в основу языков восточнославянских и западнославянских, тоже происходила перестановка; но удлинение гласного *o* было не во всех словах: оно зависело от вида интонации, как подробнее отмечено будет ниже — *radlo* или *rao* (*rao* у вост. славян), *lakati*; но — *lodь* (*lodьka*), *govьpь, gosti, lokть, gobь, gobota*.

3) Сочетания *pa, pa, la, la* между согласными вместо давних *og, eg, ol, el*: *градъ, глава, вьрама, мльво, пьвель*. То же явление издавна представляли две западнославянские группы, близкие к южнославянским: словацкая и чешская.

4) Издавна южнославянские группы представляли гласный *a* в окончаниях *родит. ед. и винит.-именит. множ. имен на-а* после мягкого согласного (*вол'и, струм*) и в окончании *винит. множ. мужск. рода с основой на -o* после мягкого согласного (имена типа *мльв, кол'ь*): *вол'а, струм; мльа, кон'а*. В прочих славянских языках в этих формах окончанием был гласный *ě* (*ъ*).

5) Издавна южнославянские языки имели в именах с основой на *-o* (*дворъ, кон'ь, село*) форму *творит. ед. с окончанием -ь-мь, -в-мь* (*дворьмь, кон'вьмь*) и в именах с основой на (*й*) (*сынъ, домъ*)— с окончанием *-ъ-мь* (*сынъмь*).

В прочих языках форма *творит. ед. в именах с давней основой на -o* оканчивалась на *-ъ-мь* так же, как в основах на *й*— *супъмь, домъмь*; так и: *дворъмь, возъмь, кон'ъмь*.

6) Широкое применение сочетаний глагола с союзом *da*. Такие сочетания не чужды синтаксису и других славянских языков,

особенно в раннем их состоянии. Например: др.-польск. *da baćce* — „посмотрите!“; нижнелужицк.: *da-śi jo* (*jo* — 3 л. ед., ст.-сл. *jetъ*), *da-śi su* (*su* — 3 л. мн. ч., ст.-сл. *ejтъ*). В южнославянских языках применялись издавна, применяются и теперь в значении конъюнктива, при выражении пожелания, приказания, предположения, цели.

Ст.-сл. (из Мариинск. код.): *что хощеши да ти сътвориш, онъ же рече гѣ да прозьрѣ; рѣци каменю своему да вѣдѣтъ хлѣбн; нѣмѣн оуми слышати да слышнѣтъ; да не съблѣзнимъ ихъ; хощѣ да даси ми...; призвѣс в немю дѣти да рѣца възложнѣ на на.*

Соврем. болгарск.: *да си жив!* („будь жив!“), *да расте и крепне тѣлом и духом, да обича* („пусть любит“) *народа и земята си* („свою страну“), *да брани мажественно от врагове и* („пусть мужественно защищает их от ее врагов“). *Нѣма ли човѣк, да ми помогне?* („Нет ли кого-нибудь, кто бы помог мне?“). *Дошъл да я земе* („пришел, чтобы взять ее“). *Той върви бърже дано* („да-но) *настигне Петкана* („Он идет быстро, чтобы догнать Петкана“; собств. „желая догнать Петкана“).

Сербск.: *Одмах да идеш кѹни* („Немедленно иди домой“). *Мислю сам да не доѣи* („Я думал, что он придет“). *Бѣжим се да не изгубити свѣ, или—да не изгуби, или—да не би изгубио* („Боюсь, чтобы он не потерял все“, или „Как бы он не потерял все“). *Дошао сам да кѹпим коња*. („Я пришел, чтобы купить лошадь“).

Словинск.: *dai mi bose (bože)... tuouiu (tvoju) milozi da bim nezramen (nesramen)... stoial* — в Фрейзингенских отрывках X—XI вв. *Prosi ga, da ti pomoge* („Проси его, чтобы он помог тебе“).

7) И в лексике были некоторые общие черты в этих языках. Напр.: *stana* („иней“), *vedjъ* (ст.-сл. *вѣждъ*, болг. *вѣжда*; сербохорват. *věđa* — „бровь“), *kovъсегъ* („сундук“) и некоторые др.

§ 40. Южнославянские языки представляют некоторые черты давнего происхождения, общие с восточнославянскими языками.

1) *l* — в западнославянских языках *dl, tl; vedъ, vedla, pletъ, pletla, rydъ, radъ* — зап.-славянские, *veъ, vela, pleъ, plela, gyъ, řaъ* — южнославянские и восточнославянские. (Подробнее см. ниже, в отделе о языковых процессах доисторической эпохи.)

2) *svě-, dzvě-* (с позднейшим изменением *dz* → *z*), в западнославянских языках *kvě-, gvě-*; *kvěтъ, gvězda* — зап.-славянские; *svěтъ, dzvězda (zvězda)* — южнославянские и восточнославянские.

3) Мягкий согласный š (или позднейшее его отверждение) в определенных случаях (в чередовании с ch),— в западнославянских языках š: vьša, lěšě (lěcha), mušě (mucha), ženiši — южнославянские и восточнославянские (в ранний период их жизни); vьša, mušě, ženiši — западнославянские.

За исключением черт, свойственных только болгарской группе, и черт книжного языка, а также черт, общих с прочими южнославянскими и восточнославянскими языками, черты звукового состава старославянского языка были те же, что и в других славянских языках раннего периода их жизни. Например о, а, у (ы), носовые гласные, редуцированные гласные и т. д. Одинаковость представляли тогда и формы, и синтаксис, и словарь. Эта одинаковость — наследие более давнего языкового фонда у славянских народов. А фонд этот образовался в течение длинного ряда столетий в давнее доисторическое время.

В историческое время этот давний языковый фонд претерпевал разные изменения по славянским областям. Чтобы полно представить историю славянских языков, необходимо иметь отчетливое представление о том общем фонде, который подвергался тем или иным изменениям. В том и ценность изучения старославянского языка, что он представляет письменную фиксацию языковых данных, весьма важных для понимания истории отдельных славянских языковых групп.

ФОНЕТИКА

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ СЛАВЯН ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.

§ 41. Исторические упоминания о славянах идут от VI в. новой эры (у Прокопия Кесарийского, у псевдо-Маврикия, у Иордана и др.). То было время движения славян на юг и на запад. В VI—IX вв. славяне занимали обширные области на юге и на западе Европы: весь Балканский полуостров, острова Эгейского и Адриатического морей, Приальпийские области, края к северу и к югу от нижнего и среднего Дуная (предки южных славян), бассейны Одера, Эльбы, Вислы, края к югу от Судетской горной цепи по направлению к Дунаю (предки западных славян), бассейны Днестра, Днепра, частью Дона, Оки, верхней Волги (предки восточных славян). В более раннее время славяне жили к северу от Карпат, в бассейнах Вислы и среднего течения Днепра. Данные исторические, археологические, лингвистические указывают на эту область давних славянских поселений. Подробнее по этому вопросу см. „Славянское языкознание“, т. I.

В историческое время славяне представляли собою население с значительными элементами родовой организации. Основной общественно-экономической единицей была большая семья за-дружного типа, основанная на власти старейшины-отца („патриархальная семья“). Но то уже не была родовая организация в ее

типическом виде, а организация на стадии ее разложения. Много столетий доисторического периода было пережито предками славян, как и предками других народов, в родовой организации, на разных ее ступенях. Много словарных данных с их специфической семантикой указывает на этот давний общественно-экономический строй. Несколько примеров.

1) Терминология семейная — с ее детализацией: *pleme*, *koléno*, *rodъ*, *szrodъni*, *svoi po kъvi*, *bratъstvo*; *voldyka*, *gospodъ* (соответствие в древнеиндийском *dāmpatiḥ*, в древнегреческом *δεσπότης* — „домовладыка“);

oъsa, *mati*, *dédъ*, *baba*, *synъ*, *dъkti*, *vъnikъ*, *snъcha*, *jeṭry* („жена мужнина брата“), *nevěsta* („вновь взятая“), обездоленная *vъdova* (как и у других народов: др.-инд. *vidhava*, гот. *widowa*, лат. *vidua*; отсутствие термина для вдовца объясняется тем, что в положении мужчины после смерти жены не происходило значительных изменений).

2) Терминология кровной мести, свойственной населению родового строя: *мъсть*, *vorgъ*, *vorъzda* („убийство“), *сѣпа* („выкуп за пролитую кровь“; корень *koj-*, *kaј-* тот же, что и в глаголе *kaјati* — „мстить“; то же значение имело соответствующее слово, образованное от того же корня в древнеиранском *kaēnā*, в древнегреческом *κοινή*, в литовском — *kaina*), *състь* вместо *сът-тъ* („что можно было высчитать при замирении“) и др.

3) Термины скотоводства и земледелия:

a) *govędo* („рогатый скот“), *koṭva*, *byкъ*, *voъ*, *teḷe*, *oвsa*, *jagne* — *agne*, *kopъ*, *zberę*; *melko*, *syгъ*, *szmetana* (*sz-met-a-na*), *maslo* (вм. более раннего *maz-ilo*, т. е. средство для смазывания, напр., тела, чтобы насекомые не сильно беспокоили), *vъna*, *gupo* (тот же корень, что и в глаголе *гъv-ati*); *vozъ*, *voziti*, *koю*;

b) *proso*, *гъзь*, *oвъsa*, *ječъmy*, *ръżenica*; *льпъ*, *копоръ* или *копорја*; *споръ*, *kolъ*, *tokъ*, *gumьno* (*gu* — „скот“, перед гласным *gov* —; *тъп* — ср. в глаголе *тъпo*, *тъпеši*, *meṭi*, т. е. „место, где скот мнет колосья“); *solma*, *зьно*, *melti* („молоть“), *тока* (корень тот же, что в прилагательном *теқ-ъ-къ*); была *ректъ* (ст.-слав. *пещь*, русск. *печь*, зап.-слав. *pec*); там пекли *kolaсъ*, *piгогъ* и тот вид хлеба, который позднее (но в доисторическое время) называли готским словом *hlaibs*: слав. *chlěbъ*.

4) Из ремесел развито было ткачество, как и у других народов в родовой период: *тъkati*, *oтъкъ* (*o* — „в“, „что втыкается“), *stavъ* или *stavъ*, *byrdo*, *čьлпъ* или *čьлпъкъ*, *koḷeъl*, *verteю*, *пить*,

suknø (корень suk-; sučiti), polъno („что сложено“), rьstrъ, rьstriti (корень тот же, что и в глаголе rьs-ati, pis-ati) и др.

Подробнее см. в „Славянском языкознании“, I.

§ 42. Славянское население было весьма многочисленно. Ранние исторические указания свидетельствуют об этом: славяне — „многочисленнейший народ“ (μέγιστος ἔθνος), „бесчисленные народы“ (ἄμετρα ἔθνη), „могущественные по своей численности“ (natio populosa, numerositate pollentes). В VI—VIII вв. эти народы занимают весьма обширные области на востоке, юге и западе Европы. Область же к северу от Карпат; где в течение долгого времени находились славяне, была не так обширна, чтобы отдельные роды жили вдали одни от других. Родственные группы были не в далеком расстоянии между собою. Кроме того, физические условия, отсутствие природных преград, равнинная местность, богато развитая речная система благоприятствовали связям отдельных родственных групп. Вместе с тем необходимо учесть одинаковость общественно-экономического уклада жизни этого населения. Указанные общественные, экономические, природные условия благоприятствовали длительному сохранению исконного языкового единства славян.

Однако различия в языке славянских групп в разные периоды их доисторической жизни имелись. Различие обусловлено было общественно-бытовой дифференциацией, переживавшейся отдельными родами в зависимости от местных условий жизни. Позднее, при территориальном сближении одних родов и племен с другими, при устанавливавшихся близких общественно-экономических взаимоотношениях между ними, при вхождении членов одного рода в состав другого, некоторые черты общественно-языковой дифференциации сглаживались. О ранних доисторических местных языковых явлениях мы не знаем: они утратили свою актуальность в доисторической же жизни славян. Славянские языки в ранний период своей исторической жизни представляют указания на такие областные языковые процессы, которые были пережиты в более позднее время доисторической жизни славян. Замечания об этих процессах были сделаны уже выше (§§ 38—39).

Языковая система, сложившаяся у славян в доисторическое время, при одинаковости их общественно-экономической жизни и близости взаимоотношений, сохраняла свое актуальное значение в жизни славян и в период исторический, в VI—IX вв.: новые слова входили в прежние языковые нормы. Напр.:

новые слова с *or(ar)*, *ol(al)*, *eg(el)* между согласными. Ср. передачу имени Карла Великого (771—814): *ag* в этом слове передавалось по славянским языкам так же, как изменялись некогда давние *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*: в южнославянских языках, а также в чешском и словацком — *krāl'ь*, в польском *król'ь*, у восточных славян *korol'ь*; ср. давние *młātišь* у южных славян, а также у чехов и словаков, *młótišь* у поляков, *mołótišь* у восточных славян — вместо *moltiši*. Ср. также: личное имя *Mrata* у сербо-хорватов вместо *Martinus*; название края между нижней Савой и Дунаем *Srēm* вместо *Sirmium*; у словинцев плоскогорие *Kras* — итальян. *Carso*, романо-балкан. *Carusadius*; у славян Болгарии *Srédьсь* — вм. *Sardica*. Другой пример: сочетания — гласный + носовой согласный — перед согласным в новых словах передавались попрежнему носовым гласным. Ср. в языке славян болгарских второй половины IX в. слово *сѣкота*, с гласным носовым *ѣ*, — слово, которое передавало собою народно-греческое *σάιβατον*. Ср. название села в южной Македонии Пътеле (Леринский район), с гласным *ъ* из более раннего носового гласного *ѣ* (так изменился в болгарском языке этот гласный: *рѣка* — *ръка*). Это село названо по греческому имени *Παυτελεῖρων*. Сербо-хорватские передачи романских топографических названий в Далмации, — названий с *san*, *sant*: это ап сербо-хорваты передавали посредством носового гласного; позднее, по утрате носового образования, получился гласный *и*: *su Petar* = *san Pietro* и т. п. Передача латинского *Sonticus* у словинцев: *Soča* вм. более раннего *Soča* (с носовым *o*; *č* вм. *tj*).

У восточных славян: *вар'агъ*, *кълб'агъ* (название народа), *бур'агы* (-ги), *ябетъник* — вм. северногерманских *vāringēr*, *kyllfingr*, *buringr*, *āmbiti* („служба“).

Судъ — название пристани в Константинополе (Золотой Пор) — староскандинавское *sund* („морской пролив“). В языке славян болгарских применялся и иной фонетический способ для устранения конца слога на *г*, *л*, *п*, *п* посредством развития вторичного гласного *ъ* (*ь*) после *г*, *л*, *п*, *п*: *кларънаоумъ*, *андръа* и др. (см. выше).

§ 43. Историческое изучение славянских языков дает возможность представить древнейшее состояние их, то состояние в отношении звуков, форм, синтаксиса, лексики, которое свойственно было славянам в ранний период их исторической жизни. Это — тот языковой фонд, который сформировался в доисторическое время. Звуковой состав этого фонда был такой.

1) Гласные полного образования.

Задний ряд: а, о, у, ъ.

Средний ряд: у (ы).

Передний ряд: е, ё (ѣ), і, е.

2) Гласные неполного образования, ъ, ь; ѱ, ѱ̣.

1) Заднеязычные: k, g, ch.

2) Палатальные: j, č, ž, š, c, ḍz, s', n', r', l', t'^s или t'^h, d'^z или d'^h, šč, ždž.

3) Небно-зубные: t, d, n, s, z.

4) Губные: m, p, b, v.

5) Плавные непалатальные: r, l, ḷ.

Все гласные были носителями слогового свойства (слоговыми). Но гласные і, ъ, ь в определенных условиях были и неслоговыми (і̣, ъ̣, ь̣).

Неслововым был в более давнее доисторическое время и u, на месте которого развился звук v. По славянским доисторическим группам в определенных условиях был не зубно-губной v, а билабиальный w. Так, были такие группы славянского населения, в речи которых был w перед ъ, ь: wъ, wъникъ, wъdowa, powъ. В других группах были сочетания с vъ: vъ, vъникъ.

Согласные плавные и носовые (m, n) — согласные сонорные. По условиям своего образования они близки к гласным звукам: в своем образовании они представляют отверстие, через которое проходит воздух свободно, без значительного трения. При образовании m, n таким отверстием служит открытый вход в полость носа (небная занавеска опущена); при образовании плавного l (ḷ, l, l') — отверстие при опущенных боках языка; при r — отверстие над спинкой языка, кончик которого то опускается, то приподнимается, вибрируя у передней части твердого неба, близкой к десне резцов. По открытому отверстию эти звуки, плавные и носовые, объединяются с гласными. В определенных положениях плавные были слоговыми: r, ḷ — gṛrdlo → gṛrḷo, ṿṛkъ. Но, кроме открытого отверстия, образование плавных и носовых имеет затворную артикуляцию, образуемую той или иной частью языка по отношению к небно-зубной области (n, ḷ, l, l', r, r') или артикуляцию, образуемую губами (m). Поэтому плавные и носовые m, n разделяют также черты образования прочих согласных. Струя воздуха, проходя через препятствие, представ-

ляемое образование плавных и косовых *m*, *n*, взрывает затвор или трется о стенки теснины. В акустическом отношении получается шум — черта согласных. Но при образовании сонорных *g*, *l*, *m*, *n* преимущественное значение принадлежит звучащей струе воздуха, а не шуму, как при образовании других, шумных, согласных.

Слоги были долгими и краткими и произносились не с одинаковой интонацией.

Ударение было разноместное и неодинаковое в своем образовании в зависимости от направления в движении тона, в зависимости от его повышения или понижения. Напр.: *voŋpъ* и *voŋpa* имели слог с *-og-* с разным ударением, или *pol'e*, *vol'a* представляли слог *po-*, *vo-* с разным ударением.

Анализ языковых фактов вскрывает нам и те процессы, которые были пережиты предками славян в доисторическое время, процессы, в результате которых образовался тот языковый фонд, который представляли славянские языки в ранний период их исторической жизни.

Многое в славянском языковом фонде находит себе соответствие в других языках индоевропейской системы. При изучении славянских языковых процессов мы исходим из анализа славянских фактов и только потом, для ориентации в том или ином явлении, оглядываемся на другие индоевропейские языки, обзвывая в них те или иные соответствия славянским данным.

Отметим главные языковые процессы, пережитые славянами (их предками) в разные периоды весьма длительной доисторической эпохи.

а.

§ 44. Все славянские языки имели гласные долгие и краткие. В определенных условиях произошло сокращение долготы слога, долготы гласного. Так было, например, в конечном открытом слоге: в этом положении долгий гласный более раннего времени стал кратким. Но были условия, при которых долгота слога не сокращалась. Такие условия подробнее определяются в курсах славянских языков (см. „Славянское языкознание“, соответствующие пункты). Отметим пока одно положение, благоприятствовавшее сохранению долготы: это — непосредственно предударный слог (если ударение не было восходящего типа; об этом ниже). В этом положении долгота гласного сохранялась в разных сла-

вянских языках и сохранена до сих пор в тех славянских языках, в системе которых удержалось различие между долгими и краткими слогами: в сербо-хорватском, словинском, чешском, словацком языках. Имеются ясные следы долготы в этом положении и в польском языке,— следы в виде изменения гласного: $\bar{a} \rightarrow \acute{a}$ (лабиализованный a) с дальнейшим изменением, носовой гласный o , а не a или e (последние носовые гласные, a , e , были в кратком слоге). Следя за словами с гласным a , мы наблюдаем долготу его в том положении, в котором она не подлежала сокращению, например, в непосредственно предударном слоге: $tr\bar{a}va$. Ср. в сербо-хорватском, чешском и словацком $tr\bar{a}va$, $chv\bar{a}la$, в польском $tr\bar{a}va$ вместо $tr\acute{a}va$ и др.

Полагаем: гласный a был гласным долгим. Когда происходило при определенных условиях сокращение долгот, напр., в конечном открытом слоге, сократился и a в этих положениях: $tr\bar{a}v\bar{a} \rightarrow tr\acute{a}v\acute{a}$.

§ 45. В ряде слов корень или суффикс представляет гласный a в чередовании с корнем или с суффиксом с гласным o . Так, в глаголах многократного вида, со значением повторного действия, представлен гласный a , а в других случаях корень имеет гласный o : $nositi$ — $na\acute{s}ati$, $prina\acute{s}ati$, $voziti$ — $va\acute{z}ati$, $bosti$ (вм. $bodti$) — $badati$, $goniti$ — $gan'ati$.

Другие подобного значения глагольные образования представляют в корне \acute{e} , i , y ($ы$) при e , $ь$, $ъ$ в корне, не указывающем на повторность действия: $greb\bar{o}$ — $rogreb\bar{a}ti$, $byrati$ — $nabirati$, $tykati$ — $tykati$, $zyvati$ — $zyvati$. Корень глаголов с повторным действием представляет долготу гласного. Следовательно, в образованиях $na\acute{s}ati$, $va\acute{z}ati$... в корне находился долгий гласный, получившийся в результате удлинения $pos-$, $voz-$... Но гласного \bar{o} не имела давняя славянская звуковая система: вместо \bar{o} был гласный \acute{a} .

Следовательно, долгий гласный \bar{o} заменялся у славян гласным \acute{a} .

§ 46. Справки с соответствиями славянскому a в других индоевропейских языках указывают, что славянскому a соответствовали долгие \bar{a} и \bar{o} . Например:

1) $brat\bar{r}$, $brat\bar{ь}$ — лат. $fr\bar{a}ter$, греч. $\varphi\rho\acute{\alpha}t\bar{w}\rho$, $\varphi\rho\acute{\alpha}t\bar{\eta}\rho$; $mat\bar{i}$ — лат. $m\bar{a}ter$, греч. дорическое $m\bar{a}t\bar{\eta}\rho$; $bajr$, $bajati$ („говорить“), $bas\bar{ь}$ — лат. $f\bar{a}ma$ („молва“, „слава“), греч. $\varphi\bar{a}\mu\bar{i}$ („говорю“); $stat\bar{i}$ — лат. $st\bar{a}re$; $orat\bar{i}$ („пахать“) — лат. $ar\bar{a}re$.

2) *datъ, dati, danъ, datъ* — лат. *donum*, греч. *δίδωμι*; *znati* — лат. *cognōscō*, греч. *γινώσκω*; *dъva* — лат. *duō*, греч. *δύω*.

Итак:

1) слав. *а* ← *я*
← *ō*

§ 47. Обратим внимание на звуковой вид инфинитивов с суффиксальным *-ě-* (*-ěti*): *viděti, tьpěti, zeleněti*... Но в таких случаях, когда перед суффиксом инфинитивной основы был *j, č, ž, š*, гласным является не *ě*, а *a*: *stojati, kričati, dušati, ležati*. Соответствующие образования в других индоевропейских языках представляют гласный *ē*: ср. латинские инфинитивы на *-ēre*: *vidēre*; славянский инфинитив *dušati* ср. с литовским образованием *dūsėti (dūsėti)*. То же фонетическое явление отражается и в других случаях: *ě* после непалатальных, *a* после палатальных. Напр., на суффиксе *-ělъ*: *gubělъ, korělъ*; но: *rečalъ, myčalъ* („молчание“), *piščalъ*.

Итак:

2) Слав. *а* вместо *ē* после *j, č, ž, š*.

о.

§ 48. Слог с гласным *о* в славянских языках был кратким, если только не произошло при определенных условиях удлинения его. Так, например, слог с *о* в отдельных славянских языковых группах при особом ударении, при восходящем, удлинился: *koža* → *kōža*, *vol'a* → *vōl'a*. Происходило удлинение гласного *о* в отдельных славянских языках и в связи с утратой *ъ, ь* в следующем слогѣ, а также при наличии других условий, благоприятствовавших продлению гласного в предшествующем слогѣ: при звонкости конечного согласного (*bōb*, но *bōk*), при длительности конечного звонкого согласного (*vōz*), при восходящей интонации (*dvōr, kōn'*...).

Итак, славянский гласный *о* был кратким гласным: *dōтъ, ōkō, tō, ōсь*.

§ 49. Славянскому *ō* соответствуют в других индоевропейских языках краткие гласные *o* и *ā*.

Славянские: 1) *dōтъ* — лат. *dōtus*, греч. *δόμες*; *ōkō* — лат. *oculus*, греч. *ὄσος* (двойственное число); *ōвса* — лат. *ovis*, греч. *ὄvis*; *tō* — лат. *istud* (вм. *istod*), греч. *τό*;

2) *ōsь* — лат. *āxis*, греч. *ἄξων*; *ōтьсь* — лат. *atta*, греч. *ἄττα*, гот. *atta*; *ōsть* — лат. *acus, acidus*, греч. *ἄξρος*.

3) Сочетание *ov* с гласным *o* представлено было у славян преимущественно перед гласным заднего и среднего ряда: *повъ, sŕovo*. Но перед гласным переднего ряда находилось сочетание с гласным *e*: *nev-*: *nev-ěsla* (*nev-* тот же корень, что и *пов-а*), *devęть, sęverę*. Полагаем: *ev* перед гласным заднего и среднего ряда изменилось в *ov*.

Другие индоевропейские языки представляют соответственные в виде *eu* и результата его изменения.

повъ — греч. *ἕψος*; *sŕovo* — греч. *κλέφος* („весть, молва, слава“); *řovŕ* — греч. *πλέψω*.

Если же в следующем слоге находился гласный переднего ряда, то у славян *ev*: *sŕovo*, но: *devęть*. Бывает *ov* и перед гласным переднего ряда — в тех словах, в которых та же основа представлена и с *ov* (перед гласным заднего ряда). В силу процесса обобщения основы в одинаковом звуковом виде в разных формах появились и слова с *ov* перед гласным переднего ряда — *sŕovo* — *sŕovese* (родит. ед.), *sŕovesa* (имен. множ.); *sŕoveři* как *sŕovŕ*. Обобщались основы и в другом направлении — с гласным *e*: *revŕ* с *tev-*, как *reveři, revęть*.

4) Имеются слова, в которых один и тот же корень (или база) имеет неодинаковый гласный: в одних корень с *a* или с *ě*, в других корень с *o*. Это — те случаи, когда и в других индоевропейских языках отражается чередование гласных, — такое чередование, которое восходит к следующему чередованию: долгие *ā, ō, ē* в одних словах, результат ослабления (редукции) *э* — в других. Вот эта-то ступень редукции с гласным *э* (точно не определимым в его образовании в древнейшей фонетической стадии индоевропейских языков) и дала краткие гласные в отдельных индоевропейских языках: *i* в древнеиндийском, *ā* в греческом, латинском, германских, литовском языках, *ō* в славянских.

stati — *stoŕŕ*; ср. греч.-дорич. *ἵσταμι* („ставлю“) — *στατός* („поставленный“), др.-инд. *sthitāḥ*;

bajati, *bajŕ* („говорю“) — *bobony* (удвоенный корень *bo-*; „суеверие, связанное с говореньем“);

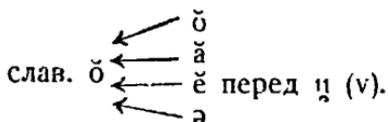
spęti — *spogъ* („изобильный“, „спорый“), др.-инд. *sphirāḥ* („изобильный“, „богатый“).

Такая же редукция долгого гласного *ā, ō, ē* могла быть и в окончании (в суффиксе). Таково происхождение чередования

a (*ā*) в именительном падеже единственного числа (славян. *gyba*, *žepa*) и *o* (*ō*) в звательной форме единственного числа тех же основ (слав. *gybo!* *žepo!*); ср. греч. *ἄ: ὑμφᾶ! δέσπτινᾶ!* („госпожа! владычица!“).

Представлять фонетическую стадию с каким-то кратким гласным, явившимся в результате ослабления долгих гласных *ā*, *ō*, *ē*, побуждает следующее: одинаковость в образовании того гласного, который появился в разных языках вместо ослабившихся *ā*, *ō*, *ē*: в др.-индийской группе *i*, *u* славян *ǫ*. Если у славян этот гласный мог непосредственно восходить к сократившимся *a* и *o*, то непонятен результат сокращения *ē*: гласный *ǫ* непосредственно не мог получиться в этом случае. Поэтому полагаем, что *ā*, *ō*, *ē*, ослабевая, заменялись каким-то гласным (*ə*), который затем в славянской группе получил образование краткого *o*.

Итак:

§ 50. Гласный *ǫ* славянской фонетической системы раннего состояния был гласным открытым. Передача заимствованных слов доисторического периода и раннего времени в исторической жизни славян свидетельствует о таком образовании гласного *o*. Так, с гласным *o* передано было у славян имя того тюркского народа, который назывался в греческих документах *ἄζαρ*, в латинских *avarus*: слав. *ǫbrinъ* (появление авар в Европе относится к середине VI в. н. э.). Так передан вне ударения и греческий гласный *a*: *korabl'ъ* — греч. *καράβι[σ]υ*; *krovatъ* — греч. *κράββατ[σ]υ*.

На открытость славянского *ǫ* указывают и иноязычные передачи славянских слов с этим гласным: *slovène* — *Σλαβῆνοι*.

§ 51. Гласный *ǫ* у славян в доисторическое время подвергся изменению после палатальных согласных. Эти согласные действовали палатализирующе на следовавшее за ними образование гласного заднего ряда: *o* → *ǫ*, *u* → *ǔ*. Но гласные лабиализованные переднего ряда не были свойственны тогда славянской фонетической системе: гласные *ǫ*, *ǔ* утрачивали лабиализацию: *ǫ* → *e*, *ǔ* → *i*.

pol'o → *pol'e*; *jego*, *jemu* (сравн. *togo*, *tomu*), *lice*, *děvicel* (зват. форма; но: *žepo!*), *vojevoda*;

sjūti → *šiti* (*sj* → *š*; см. ниже о славянских *u* и *š*).

§ 52. В количественном отношении гласный *и* был гласным долгим, как на это указывают славянские языки в их истории. Так, в непосредственно предударном слоге гласный *и* сохранял долготу. Ср. сербо-хорватское *kūpiti* (чешское *kouřiti*), *būřiti* (чешское *bořiti* — „бушевать“) и др.

§ 53. Гласный *и* находится в следующем фонетическом положении: перед согласным и в конце слова, т. е. вообще в конце слога. Перед гласным же находится сочетание *ev, ěv, ov, av*. Славянскому *v* предшествовало образование неслогового *ц*: *ц* → *v* перед гласным. Перед гласным были некогда дифтонги *eu, ěu, ou, ōu* → *ǣu*.

Несколько примеров:

kujō, kuznica, но: *kovati, kovъ*;

słuti, но *słowō* (1 л. ед.), *słovo, słava*;

r'uti — *reveši, revō* (1 л. ед.);

гупьно (*gu-пьно*) — *govędo* (*gov-, gu-*, „рогатый скот“; *тпъ-, пьнō, тпънеši* — „мну“, „мнешь“).

Итак, вместо дифтонгов с неслоговым *ц* у славян появился в конце слога монофтонг *и*. Следует полагать, что гласному *и* предшествовала фонетическая стадия с дифтонгом *ou*. В этом дифтонге *ou* совпали разные дифтонги более ранней фонетической стадии: 1) *ōu*; 2) *ǣu*: *ǣ* у славян изменился в *ō*; 3) *ōu, ǣu*: произошло сокращение первой, слоговой части дифтонга, — сокращение, отразившееся и на других дифтонгах: *ōi, ǣi, ěi, ěu* (см. ниже). След прежней долготы первой части дифтонга отразился в интонации, как отмечено будет ниже.

Славянский дифтонг *ou* мог быть и иного происхождения: вместо более раннего *eu*, получившегося в индоевропейских языках вследствие редукции *ōu, ǣu, ěu* (у славян *э* → *о*; см. § 49).

Гласный *и* получился в славянской фонетической системе не только вместо дифтонга *ou* разного происхождения, но и вместо дифтонга *eu* (из *ěu* и *ěu*). Как результат палатализации в образовании первой части дифтонга *eu* выделился *j*, ассимилировавшийся затем с предшествующим согласным: *eu* → *ju* → *'u* (*'* указывает на палатализацию предшествующего согласного). Ср. указанный выше пример *r'uti* — *reveši, revetъ*... Ниже, в связи с соответствиями других индоевропейских языков, отметим пример

bl'udq, bl'udeši... вместо более раннего bjud-q, а это из beud-(bheudh-).

§ 54. На дифтонги eu, ou, au, ēu, bu, zu, eu указывают и другие индоевропейские языки.

Монофтонг *и* у славян имел неодинаковую интонацию в зависимости от того, происходил ли он из дифтонга с долгим ē, ō, ā или с кратким ě, ǫ, э: *и* имел восходящего типа интонацию (↗) в заменах дифтонгов ēu, ōu, āu и нисходящего типа интонацию (↘) в заменах дифтонгов ěu, ǫu, ју, эu. Восходящего вида интонация слога с *и* была еще в том случае, если дифтонг ou получился в результате редукции двухслогового сочетания ouэ: напр. sluš-ati вместо slouэs.

Слав. sūchъ — лит. saūsas, греч. αῦος (см. σαυος); основное saus-;

ucho — лат. auris;

предлог *и* и префикс *и*: *и* mene, *и* brata, unositi — лат. aufero; rūdъ — „красный“, ruda — лит. raūdas; гот. gauths — „красный“; ср. греч. ἐρυθω — „краснею“ с *eu* (eu), как чередование с ou; основное goudh-;

kujo — лит. kaju — „бью, кую“, др.-верхн.-нем. houwan;

buciti — лит. pasibauditi — „подыматься“; ср. слав. bl'udo вм. bheudh, как чередование с bhoudh; synu (родит. ед.), — лит. sūpaūs, гот. sunaus; ср. слав. дат. ед. synovi (synov-i);

struja (stru-ja), ostrovъ (o-strov-ъ), — лит. stravà — „течение крови“, древнеинд. srávati — „течет“;

гумно, govędo (см. выше); греч. βοῦς — „бык“, др.-инд. gauh — „бык“, „корова“; основное g^ubu-.

l'ud i je, — латыш. l'audis, др.-верхн.-нем. liut; основное сочетание leudejes.

bl'udq, bl'usti, греч. πύδοματ; основное bheudh-, чередовавшееся с bhoudh- (слав. bud-).

g'uti, может быть, вместо gēu; ср. долготу гласного в др.-инд. gāuti — „он ревет“.

turgъ, лит. tauras — „бык“, лат. taurus, греч. ταῦρος; основн. taur-.

Итак:

слав. *и* ← ou (из ōu, ōu, ǫu, ǫu, эu, ouэ)

ju ← eu (из ěu, ēu).

Такое изменение eu, ou в конце слога — замена монофтонгом — находилось в связи с одной из существенных тенденций

славянской фонетической системы — со стремлением к открытости слога, к окончанию его слоговым гласным. Вследствие этой тенденции изменялись в конце слога также *eĭ* в *i*, *oĭ* в *ě* и *i*, *ou*, *ot* в носовой гласный *o*, *ep*, *et* в носовой гласный *e*, изменялись *og*, *ol*, *eg*, *el* перед согласным и некоторые группы согласных. Об этом подробнее см. ниже.

§ 55. Передача дифтонга *ou* посредством *u* происходила и в новых словах, в заимствованиях, появившихся во время сношений славян с германскими народами, в первые века н. э. При этих сношениях происходил торговый обмен. К этому обмену относились германские слова с корнем *kaup-*: гот. *kaupōn* — „торговать“, др.-верхн.-нем. *kouffen*; в других древнегерманских группах слова с этим корнем относились не только к „торговле“, но и к „мере“, к „имуществу“, к „скоту“. Германское же слово *каупа* появилось в связи с римским воздействием: образцом для германского *каупа* был латинский *сауро* — „шинкарь“, „содержатель постоянного двора“, „кто из вина делает воду“. В связи с германским *каупа* появились у славян слова с *куп-*: *купити*, *купьсь*.

Перешло к славянам и германское слово, служившее у германцев для указания принадлежности к германскому народу — „принадлежащий к народу (германскому)“, „народ“: *theudh-*: гот. *thiuda* — „народ“, др.-верхн.-нем. *diot[a]* и др. У славян слово с этим корнем было передано так: *tjudъ* в значении „чужой“: ст.-сл. *штоудъ* — *стоудъ* — *тоудъ* (ст. *т* вследствие диссимилиации с образованием согласного в следующем слоге), сербо-хорв. *tuđ*, вост.-слав. *čuzъ* (русск. *чужой*), зап.-слав. *cuđz-* (польск. *cuđzy*, ст.-чешск. *cuzi*, ново-чешск. *cizi*).

§ 55а. Гласным *u* передавали разные славянские группы закрытый гласный *o* в заимствованных словах: *buk* (раст. *Fagus silvatica*), *buku* — „буквы“. Это — германское заимствование: др.-верхн.-нем. *buohha* — „бук“, *buoh* — „книга“, гот. *bōka* — „буква“ (как следствие применения *бука* для рунических начертаний).

Так передан в старославянском языке и греческий гласный *ω*: *киюунъ* — греч. *κωνων*; *роуминъ* — греч. *ρωμαϊος* — „римлянин“, „ромей“; *соломоунъ* — греч. *Σολωμω*; *домъ вроуновъ* (Син. пс.) — греч. *[τρω]’Αρωων*; *роса сръмоунъска* (Син. тр.) — *ροσα σρμωων* (Син. пс.) греч. — *τοω ’Αερμωων*.

§ 56. Гласный у (ы) был долгим гласным, как на это указывает история отдельных славянских языков. Так, например, в непосредственно предударном слоге он является долгим в сербо-хорватском, чешском и словацком языках. Сербо-хорват. *gibati* (вм. *gȕbati*), чешск. *hȕbati* („двигать“), сербо-хорв. *pȕtati* (вместо *pȕtati*), словац. *pȕtat'* („просить“), сербо-хорв. *bĕk*, чешск. *bŭk* и др.

§ 57. Положение гласного у — перед согласным и в конце слова: *дуть*, *byti*, *ty*, *svekry*. Перед гласным представлено было сочетание ъв: *guti* — *гъvati*, *byti* — *бъvепь* (*zabъvепь*), *kruti* — *кгъvепь* (*sъkgъvепь*), *svekry* (именит. ед.) — *svekгъve* (род. ед.), *svekгъvъ* (вин. ед.).

Сочетание ъв представляло собою замену более раннего сочетания, состоявшего из двух кратких йй, из которых второй был неслоговым (перед гласным), как и в замене сочетания оу (ou): йи.

Как видно, славянскому гласному у (ы) соответствовали перед гласным два кратких гласных (йй) — указание, что в более раннее время тот гласный, вместо которого появился у, был тоже гласным типа и и был долгим: *й̄*.

§ 58. Соответствия других индоевропейских языков также указывают на *й̄*. Например:

Слав. *byti* — лит. *bŭti* (*būti*);

дуть — лит. *dūmai* (множ.), др.-инд. *dhūmaḥ*, греч. *θῆμος* — „яръсть“, „отвага“, „дух“, лат. *fŭmus* — „дым“;

супъ — лит. *sūnŭs*, др.-инд. *sūpŭḥ*;

мушь — лат. *mŭs*, др.-верхн.-нем. *mŭs*, греч. *μῶς*;

svekry — др.-инд. *śvaśrŭḥ*;

ty — лат. *tŭ*.

Гласный *й̄* вследствие удлинения *й̄* был еще в окончании формы именит.-винит. двойственного числа имен на -ъ (из -й̄: *супъ*); *супу*; ср. др.-инд. *sūpŭ*.

Итак:

слав. { у перед согласным и в конце слова вм. *й̄*,
ъв перед гласным вм. *й̄й̄*.

§ 59. Гласный *й̄* с высоким положением языка, с энергичным округлением губ, в ранней доисторической звуковой системе у славян был еще иного происхождения: вместо *ō* перед *p* в конце слова. Такое изменение происходило в связи с особой фонетикой

конца слова: в этом положении происходило более энергичное лабиальное образование: -оп → -уп. Такой процесс переживался в образовании и краткого и долгого *o*. Гласный же высокого подъема и подвергался изменению, которое переживалось в отношении такого гласного: $\bar{u} \rightarrow y$ (ы), $\bar{u} \rightarrow \bar{y}$. Напр.: $ka\bar{t}op \rightarrow ka\bar{t}ip \rightarrow katu$ (о фонетической судьбе конечного носового *p* см. ниже, в пункте о носовых гласных). Ср. соответствие славянскому слову в греческом языке с долгим \bar{o} перед *p*: $\acute{\alpha}\chi\mu\omega$ („наковальня“, „камень, на котором точат“). В литовском происходил тоже процесс изменения конечного *op* в *up* и затем в *uo* (\bar{u}): $akti\bar{o}$ ($akti\bar{u}$).

Итак:

слав. *y* (ы) вместо $\bar{u}p$ из $\bar{o}p$ в конце слова.

В славянской фонетической системе не было долгого гласного \bar{u} напряженного образования, с высоким подъемом языка. Гласный \bar{u} , появившийся у славян вместо дифтонга *ou* (*suchъ*), был более пониженной артикуляции в отношении языка и не с таким энергичным округленным сужением губ, как при \bar{u} (\bar{u}). На это указывает то, что иноязычное *o* в славянской фонетике передавалось как *u*: *buku* — гот. *bōka* (см. в отделе об *u*). И в позднее время, в первые века н. э., в фонетике славян не было закрытого, напряженного \bar{u} . Такой долгий гласный германских языков славяне передавали посредством *y* (ы).

Слав. *chuzъ*, *chuzа*, *chuzа*, *chuzina*, *chuzina* — вместо герм. *chūza*, *chusa* (гот. *hus*, др.-верхн.-нем. *hūs*);

typъ — герм. *tīp* (др.-сев. *tīn*, др.-верхн.-нем. *zīp* → *zaup*);

myto — „подать“, „налог“; герм. *mūta* (ср.-верхн.-нем. *mūte* — *maut*).

§ 60. Параллельно с изменением долгого слогового \bar{u} происходило изменение и краткого слогового \bar{u} . Гласный \bar{u} стал нелабиализованным кратким гласным (обозначим его посредством *i*), который позднее, параллельно с изменением краткого гласного тоже высокого подъема \bar{i} , подвергся редукации: $i \rightarrow \bar{y}$, $\bar{i} \rightarrow \bar{y}$. Сущность изменения состояла в том, что лабиальная артикуляция при гласных заднего ряда высокого подъема отделилась от образования их. Она стала производиться раньше, при артикуляции предшествующего согласного. След лабиального элемента ясно отразился на образовании заднебных согласных *k*, *g*, *ch*: такие лабиализованные *k*, *g*, *ch* не подвергались палатализирующему воздействию предшествующих гласных *i*, \bar{y} , \bar{e} : $oteg\bar{y}cati$,

lyguŋi. Если же слово начиналось с \bar{u} , \bar{y} , то лабиальный элемент выделился как отдельная артикуляция: $\bar{u}dra \rightarrow vudra$, $\bar{y}riti \rightarrow v\bar{y}riti$, $v\bar{y}\bar{s}$. Такое изменение, дислабиализация гласных заднего ряда \bar{u} , \bar{y} , находилось в связи с весьма давним изменением славянской фонетической системы, выразившимся в ослаблении лабиального элемента гласных; и гласные \bar{o} , $\bar{ö}$ получили открытое образование, в особенности гласный долгий: $\bar{o} \rightarrow a$, $\bar{ö} \rightarrow \bar{o}$ открытого образования (\bar{o}^*). Гласный \bar{u} , утрачивая лабиальное образование, изменял место образования: в заднем ряде не производилась артикуляция долгого гласного при высоком подъеме языка; происходила передвижка артикуляции в средний ряд: появилось образование гласного u (u). Нелабиализованный краткий \bar{y} гласный (вместо \bar{y}), позднее ставший редуцированным \bar{z} , не был такого высокого подъема, каким был долгий гласный, заменивший собой \bar{y} . Ср. в позднейшей славянской фонетике различие в подъеме языка и в степени напряженности при образовании долгого \bar{u} и краткого \bar{y} , например, в чешском языке: долгий \bar{u} представляет артикуляцию более закрытую, с более высоким подъемом языка, чем краткий \bar{y} . Еще яснее представлено различие в судьбе долгого \bar{u} по сравнению с кратким \bar{y} в кашубском языке: долгий \bar{u} сохранил свое высокое образование, а краткий \bar{y} заменился пониженным, открытым образованием — \acute{a} : $l\bar{u}d$ (вместо $l'\bar{u}d\bar{z}$), но $l\acute{a}dem$ (твор. ед.). Будучи гласным пониженного образования сравнительно с соответствующим долгим гласным, гласный \bar{z} (позднее \bar{z}) производился в задней зоне полости рта, с некоторой передвижкой вперед, к средней зоне. В фонетической системе отдельных славянских групп особая краткость, неполнота образования гласного \bar{z} , отодвинула его дальше назад. На то, что образование \bar{z} было близко к среднему ряду, указывает судьба его в истории западнославянских языков. Таким он был, например, в польском языке: сочетания $k\bar{z}$, $g\bar{z}$ с усилением гласного \bar{z} , \bar{z} изменялись в таком же направлении, как ku , gu : образование согласного передвигалось в палатальную зону: $k\bar{z} \rightarrow k'e$, $g\bar{z} \rightarrow g'e$, как $ku \rightarrow k'i$, $gu \rightarrow g'i$: $bok'em$ вместо $bok\bar{z}m$ ($bok\bar{z}$), $stog'em$ вместо $stog\bar{z}m$ ($stog\bar{z}$); $kin\bar{q}\bar{z}$ вместо $kyn\bar{q}\bar{z}$, $g'in\bar{q}\bar{z}$ вместо $gyn\bar{q}\bar{z}$. Но $m'echem$ с твердым ch , вместо $m\bar{e}ch\bar{z}m$, потому что не было передвижки chu в $ch'i$: $chyl\acute{ic}$, $m\bar{u}chu$.

На то, что отодвижка артикуляции в среднюю зону полости рта вызвана была высоким положением спинки языка, указывает та-

кое явление фонетики доисторической эпохи: перед *j* и *i* предшествовавшие гласные *ъ*, *ь* ассимилировались с *j* и *i*; эта ассимиляция состояла в повышенном подъеме языка, как в образовании следующих *j*, *i*; а при таком положении языка артикуляция гласного *ъ* передвигалась в среднюю зону: *ъj* → *ÿi* (*ÿ* — редуцированный *ы*); *ьj* → *ʹj* (*i* — редуцированный *i*).

Отметим еще одно позднейшее явление в фонетике русских говоров, имеющих гласный *ъ* вместо безударных *о*, *а*. Этот редуцированный гласный при продлении, которое бывает в случаях экспрессивного произношения слова, произносится как *Ы*: *дѣръго!* (вместо *дѣръго* при спокойном произношении); *вѣдит за-нѣс!* (*водит за-нѣс* = за нос); *дѣрача у-дѣму!* (*драча у-дѣму* — „драка у дома“) и т. п. Такое произношение (*ы*) указывает на близость артикуляции *ъ* к *ы*, а также и на то, что редуцированность гласного связана с зоной артикуляции, близкой к заднему, а не к среднему ряду.

§ 61. В давней доисторической фонетической системе славян не было лабиализованных гласных переднего ряда: *ѡ* → *е* (см. выше, в отделе о гласном *о*), *ÿ* → *i*. Лабиализованные гласные переднего ряда появились у славян вместо гласных *о*, *у* после палатальных согласных, — появились вследствие палатализирующего воздействия предшествующего палатального согласного: *šiti*, вм. *sjūti* (ср. лит. *siūti*, др.-инд. *syūtáḥ* — „сшитый“). На то, что звуковому сочетанию предшествовала такая фонетическая ступень, на которой в этом слове был гласный лабиальный *у*, указывает следующее: перед гласным находится *-ѡв* (после непалатальных согласных *ѡв*); перед согласным *i* (*u*) — после непалатальных согласных *у* (*ы*): *šiti* — *šъвьсь*, *rodъšъva*, *guti* — *гъvati*. После палатального согласного *u* → *ÿ* → *i* перед согласным (*šiti*); перед гласным же долготу *ÿ* соответствовало некогда сочетание *ÿu*; а после палатального согласного оно изменилось в *ÿu* → *ʹu* → *ъv* (*šъva*).

Итак: $\bar{u} \rightarrow \bar{ÿ} \rightarrow \bar{i}$;
 $\bar{ÿ} \rightarrow \bar{ʹÿ} \rightarrow \bar{ʹ} \rightarrow \bar{ʹ}ь$.

е.

§ 62. Гласный *е* в количественном отношении был в славянских языках гласным кратким. Его удлинение происходило в отдельных славянских языковых группах при определенных усло-

виях, при которых удлинялся и гласный *o*. Например, в зависимости от вида ударения (под восходящим ударением): *koža* → *kōža*, *vol'a* → *vōl'a*. (напр., в чешском языке, в части русских говоров); в зависимости от ослабления и утраты *ъ, ь* в следующем слоге: *mostъ* → *mōst[ъ]* (в украинском языке). На краткость гласного *e* указывает и следующее явление доисторической эпохи славянских языковых групп: в глаголах, не имеющих значения повторяющегося действия, находится в корне гласный *e*; в глаголах итеративного значения тот же корень представлен с долгим гласным, с *ě*: *grebъ* — *porěbati*, *pletъ* → *sъplětati*. Ср. чередования гласных в корне *o* — *a* (вм. *ō*) при тех же условиях.

Гласный *e* был в таких двух положениях.

1) После непалатального согласного: *berъ*, *neseši*, *seštra*, *voze!* (зват. форма), именит. множ. *synove*, *dъne*, *kamene*. Во многих случаях представлен тот же корень или тот же суффикс с гласным *o* (явление так наз. чередования гласных): *berъ* — *boгъ* (*zaboгъ*), *nesъ* — *pnosъ*, *tekъ* — *tokъ*, *voze!* (зват. форма), но дат. множ. *vozo-тъ*.

2) Гласный *e* находится после палатального согласного. Вследствие ассимилирующего воздействия палатальности согласного произошла передвижка вперед в образовании лабиализованных гласных *o, u*: *'o* → *'e*, *'u* → *'i* (см. выше). Например, *pol'e*, *mor'e*, *moje*, *tvoje*, *paše*, *vaše*, *pol'еть* (дат. мн.), *kop'еть* (дат. мн.). Ср. те же формы, в которых перед суффиксом (или окончанием) был согласный непалатальный (твердый): *seŕo*, *rebŕo*, *ono*, *to*, дат. мн. *seŕoтъ*, *sъpoтъ*, *dvoroтъ*.

В тех словах, в которых гласный *e* не был вместо *o* после палатального согласного, ему соответствует в других индоевропейских языках гласный краткий *e*. Например:

слав. *berъ* — греч. $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$, лат. *fero*;

desěтъ — лит. *dėšimtis*, греч. $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$, лат. *decem*;

medъ — лит. *medūs*, греч. $\mu\acute{\epsilon}\delta\upsilon$;

звательная форма на *-e*: *voze!* *vyče!* — лит. *vilkė!* греч. $\lambda\acute{\upsilon}\kappa\eta!$

лат. *lure!*

именит. мн. *kamene* — лит. *akmenys* вм. *akmenes*, греч. $\acute{\alpha}\kappa\mu\omicron\nu\epsilon\varsigma$, лат. *sermones*.

Итак:

слав. \check{e} ← 1) \check{e}
 ↙ 2) \check{o} после палатального согласного.

§ 63. В славянской фонетической системе гласный *ě* испытывал такие изменения.

1) Недифтонгическое сочетание *eĭ* или *eĭ̇* (*j* или *i* принадлежал следующему слогу: *vějěši*). В этом сочетании под воздействием артикуляции *j* или *i*, — под воздействием, которое отражалось и на других образованиях (ср. ниже изменения всех согласных перед *j*), — гласный *ě* получил более высокое образование: он совпал с образованием гласного *ī*. А позднее гласный *ī* (*i* краткий) всякого происхождения подвергся редукации; *ī* → *ь*. Таким образом, *ěĭ* или *ěj* → *ĭi* или *ij*, а это затем заменилось посредством *yi* или *yj*. Например:

слав. *vyĭo*, *vyĭeši* вм. *věj-ě-(ši)*; *byĭo*, *byĭeši* вм. *bějě{ši}*; ср. чередование гласных в корнях: *peseši*, *beresi*, но *grinosь*, *zabogь*; так, повидимому, было и в этом корне: *vej-* в формах наст. вр., *voj-* в именах: *ro-voj-ĭnikъ* → *rovoinikъ*; ср. и в лит. языке наст. вр. с *vej-*; *vejū*; *trĭje*, именит. мн. *gostĭje*, *roĭtĭje* — греч. *τρεῖς*; (греч.-крит. *τρεις*), лат. *tres*; греч. *πλεις*.

2) Основное сочетание *eĭ* перед гласным переднего ряда у славян заменилось посредством *ev*: *nevěsta*, *devěť* — греч. *ἐννέα*; *drevn'ь*.

Но перед гласным заднего и среднего ряда *eĭ* → *ov* у славян: *повъ* (ср. *nevěsta*), греч. *ῥοϝος*; слав. *řovъ* — греч. *πλέρω*. По аналогии, вследствие обобщения звукового вида основы, сочетание с *ov* применялось и в таких формах, в которых после *v* находился гласный переднего ряда. Например, *řoveši*, как и *řovъ* (1 л. ед.), *řovotъ* (3 л. мн.) и др.

ě (ѣ).

§ 64. Гласный *ě* был гласным долгим. Его сокращение происходило в отдельных славянских языковых группах в условиях, в которых появлялась краткость вместо более ранней долготы и в отношении других гласных. Например, в открытом конечном слоге и в некоторых других положениях. В слогах, не подвергшихся сокращению, например, в слоге, непосредственно находящемся перед ударением, долгота *ě*, как и гласных *a*, *u*, сохранялась. Ср. долготу слога (долготу гласного *ě* и его заместителя) в сербо-хорватском, словацком, чешском языках:

gnězdo: сербо-хорв. *gnězdo* (*gnězdo*, *gnijezdo*, *gnĭzdo*), словацк. *hnĕzdo* (*ĭe* вм. *ě* в долгом слоге), чешск. *hnĕzdo* (*ĭv* вм. *ě* в долгом слоге);

běda: сербо-хорв. *běda* (*běda*, *bijeda*, *bīda*); словацк. *bjeda*, чешск. *bŕda*;

děte: сербо-хорв. *děte* (*děte*, *dijete*, *dŕte*), словацк. *diĕt'a*, чешск. *dŕtĕ*.

§ 65. Положение, в котором находился *ě*, было следующее: перед согласным и в конце слова, т. е. в конце слога. В таком же положении находились и гласные *и*, *у* (*ы*), а также *і*, *е*, *о* — *běda*, *děte*, *сѣпа*, *pěti*, *viděti*, *zeleněti*, *chlěbъ*, *věja*, *větrъ*, *na vodě*, *na vozě*, *въ rŕcě*, *na podzě*, *въ niěšě* (именит. *měschъ*), *въ ocě* (именит. *око*), *dzěto* („очень“).

По вопросу о более раннем фонетическом состоянии в отношении *ě* отметим следующие чередования.

1) Ср. *gneto* — *ugnětati*, *pletŕ* — *sъplětati*, *grebo* — *rogrěbati* и т. п. В основе глаголов итеративного значения находится долгий гласный: *positi* — *prinašati*, *тъkati* — *tykati*. Следовательно, и *ě* явился вследствие удлинения гласного *e*.

Итак, удлинявшийся *e* переходил в *ě*.

На происхождение *ě* из долгого *ē* указывают и следующие факты. В формах так называемого сигматического аориста (суффиксы *-s*, *-so*) представлено удлинение гласного в односложной инфинитивной основе на согласный; 1 л. ед.: *bāsz* — инфин. основа *bod-* (*bosti* вм. *bođti*), а также *věsz* — инфин. основа *ved-* (*vesti* вм. *vedti*), *něsz* — инфин. основа *nes-* (*nesti*) и др.

Показательно также *ě* в слове *něstь* („нет“), в сочетании, получившемся вместо *ne-estь*: стяжение двух *e-e* дало *ē* → *ě*. Долгий *ē* появился некогда в доисторическую эпоху вследствие стяжения двух *ě* в таком сочетании: *niže edin-* → *nižēdīn-*. Гласный *e* после палатального согласного изменился в *a* (см. об этом ниже в этом §): *nižēdīn* → *nižadъn*. Таково происхождение старопольского *nižaden*, *nižadna*, *-dne* — „ни один, ни одна, ни одно“, южновеликорусского *нижадный*, *-ая*; „нижадной души нету дома“ — „совершенно никого нет дома“ (например, в типичных говорах бывш. Ливенского уезда Орловской губ., теперь Курской области); позднее в польском, как и в чешском, отрицание *ni* перестало употребляться в этом сочетании: *žaden*, *žadna*.

Гласный *ē* после *j*, *č*, *ž*, *š* имел иную судьбу. После этих согласных *ē* в раннее доисторическое время у славян представлял открытое образование и передвинулся в задний ряд: *ē* → *a*. Ср. инфинитивы на *-ě -ti*: *viděti*, *zeleněti*, *tyrěti* — с *ě* после непалатального согласного и *stojati*, *kričati*, *myčati*, *slyšati*, *dyšati* —

с а после палатальных j, č, ž, š. Ср. суффикс -ěль и аль: guběľ, svirěľ, но rečаль. Ср. é и а в сравнит. степени: dobrěi — тьпожаі, тькьчаі (тькьк).

Ср. также в имперфекте ё и а: 1 л. ед. pesěaсhь — rečaсhь, možaсhь.

2) Ср. звуковой вид одного и того же корня: pè- (pěti) и роj- перед гласным (rojǫ, roješi); cè- (dětę) и- doj- — перед гласным (dojǫ); doiti — „кормить грудью“; vè- (věpьсь) и voj- (povoji- nіkь → povojnіkь); cè- (сєпа) и kaj- (kajati — „мстить“) и др.

Как видно, é находится перед согласным, а оj (oj) или aj (aj) перед гласным. Как в дифтонге оj, так и в дифтонге oj произошла монофтонгизация. Вместо дифтонга oj получился монофтонг — гласный переднего ряда è. Как ниже будет отмечено (в отделе о гласном i), вместо oj при определенных условиях, при особой интонации, получился в конце слова не è, а гласный i: berі! гьсі! (2 л. ед. повелит. накл.), но berětel! гьсєtel! (2 л. множ. повелит. накл.).

Передвижка вперед в образовании дифтонга oj была вызвана ассимилирующим воздействием следующего образования для j. Ср. указанное выше изменение e перед j в i (ej перед гласным → i. → ъj; vьjǫ, vьješi...); ср. изменение дифтонга ej (перед согласным и в конце слова) в i, как отмечено будет ниже.

Передвижка образования для прежнего oj действовала в славянской фонетической системе тогда, когда изменение задненебных согласных k, g, ch перед гласными переднего ряда в č, ž, š (rekǫ — rečeši, тоgǫ — тоžeši, lichь — lišiti... — см. ниже) давно уже перестало быть актуальным. Но актуальность самой фонетической тенденции произносить перед гласными переднего ряда не задненебные согласные, а палатальные, сохранялась. Когда вместо oj стала производиться артикуляция переднего ряда oj, то произошла и подвижка для k, g, ch, находившихся перед этим дифтонгом. Но результат передвижки получился не такой, какой был развит некогда раньше перед давними гласными переднего ряда, — не č (вм. k), а с (палатальный согл.), не ž (вм. g), а dź (палатальный согл.), не š (вм. ch), а s': сєпа, rǫсè, гьсєtel! гьсі, dzělo („очень“), podze, pomodzětel! (ед. ч. pomodzil), měšě (местн. ед., именит. měсhь), lěšě (дат.-местн. ед., именит. ед. lěcha).

§ 66. Сравнительное обозрение славянских слов с è с соответствующими образованиями в других индоевропейских языках, как и анализ славянских данных, показывает, что славянскому è

соответствуют в одних случаях \bar{e} , в других дифтонги $\bar{o}i$, $\bar{a}i$, $\bar{o}i$, $\bar{a}i$. В фонетике славян произошло сокращение долготы первой части дифтонгов $\bar{o}i$, $\bar{a}i$, а краткие \bar{o} , \bar{a} совпали у них в \bar{o} . Таким образом, $\bar{o}i$, $\bar{a}i \rightarrow \bar{o}i$ (ср. сокращение \bar{ou} , \bar{iu} в \bar{ou} которое было отмечено выше). Следы дифтонгов с долгим гласным в первой части отразились на виде интонации слога, заменившего этот дифтонг: в этих случаях интонация в славянской группе была восходящая. Такой она и была в том случае, если в слоге был давний долгий монофтонг. Если же в состав дифтонга входил краткий гласный, то заменитель такого дифтонга у славян имел нисходящую интонацию.

Возможно было и иное происхождение дифтонга oi в ранней славянской фонетической системе: из $\bar{e}i$, получившегося в давней системе индоевропейских языков вследствие редукции $\bar{a}i$, $\bar{o}i$, $\bar{e}i$ (см. выше в отделе об o : слав. \bar{o} вместо \bar{e}).

Слав. 1) $d\bar{e}ti$, $d\bar{e}jati$ — „делать“, „класть“, $d\bar{e}lo$: чешск. $dieti$ — $\rightarrow d\bar{i}ti$, $d\bar{i}lo$, серб. $d\bar{j}eti$, $d\bar{e}ti$, $d\bar{j}elo$, $d\bar{e}lo$, словин. $d\bar{e}ti$, $d\bar{e}lo$. Долгота в чешском, краткость в сербо-хорватском, восходящее ударение в словинском указывают на более раннее восходящее ударение. На то, что в корне этого слова был гласный \bar{e} , а не дифтонг oi , указывает чередование $d\bar{e}$ - с $d\bar{e}$:- с кратким \bar{e} этот корень в удвоенном виде входил в образование $d\bar{e}d$ -ja: ст.-сл. $od\bar{e}žd$, $na-d\bar{e}žd$. Соответствия других индоевропейских языков: лит. $d\bar{e}ti$ ($d\bar{e}ti$) — „класть“, греч. $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$ — „кладу, ставлю“, будущ. $\theta\acute{\eta}\sigma\omega$, др.-инд. $d\bar{a}dh\bar{a}ti$ — „он кладет, сажает“, основа $d\bar{h}\bar{e}$ -.

$s\bar{e}jo$, $s\bar{e}me$: чешск. $s\bar{t}m\bar{e}$, серб. $s\bar{j}eme$, словинск. $s\bar{e}me$.

Чешская долгота, сербо-хорватская краткость, словинское восходящее ударение свидетельствуют о более раннем восходящем ударении; — лит. $s\bar{e}ju$, $s\bar{e}ti$, $s\bar{e}mens$ — „посев“, лат. $s\bar{e}men$ -, основа $s\bar{e}$ -; $z\bar{v}\bar{e}r\bar{y}$ — лит. $\bar{z}veris$, греч. $\theta\acute{\eta}r$.

$s\bar{e}d\bar{e}ti$ — лит. $s\bar{e}d\bar{e}ti$.

Сигмат. аорист $v\bar{e}sz$, $n\bar{e}sz$ (I л. ед.); — ср. лат. $v\bar{e}xi$.

2) $s\bar{e}ř$: чешск. $s\bar{e}ř$, словин. $s\bar{e}ř$. Чешская краткость, словинская нисходящая долгота указывают на нисходящую интонацию $s\bar{e}$ - более раннего времени; греч. $\kappa\acute{o}i\lambda\upsilon$ — „хорошо“, др.-прусск. $k\bar{a}il\bar{u}stiskan$ — „здоровье“, гот. $hails$ — „здоров“; основн. $k\bar{o}i\bar{l}$ -.

$s\bar{e}pa$: лит. $k\bar{a}in\bar{e}$ — „цена“, греч. $\pi\acute{o}i\upsilon\eta$ — „пеня за убитого, возмездие“, др.-иран. $k\bar{a}e\bar{p}a$ — „возмездие“, „мечь“; основн. $k\bar{u}d\bar{h}i\bar{p}a$ — „мечь“.

sněgъ: серб. snijeg, snĕg, словинск. snĕg. Сербо-хорватская и словинская нисходящая долгота под ударением указывают на нисходящее ударение в более раннее время; ср. лит. sniėgas, snaĩgala — „комоч снега“, гот. snaiws; ср. в греческом и латинском ступень ослабления (редукции): греч. νίφα, лат. pīx, родит. pīvis; основн. snōjgh-.

vĕdĕ („я знаю“); гот. wait, греч. φοῖδα;

-ĕ в окончании форм местн. ед., -ĕchъ в местном множеств.: vozĕ, vьlcĕ, mĕsĕ, па vozĕchъ; греч. -οι в единств.—οισι во множ.: οἶκοι — „дома“ („в доме“), ἰσχυροῖ, λυχοῖσι.

-ĕ-тъ, -ĕ-te в форме 1 л. и 2 л. множ. ч. повелит. накл.: berĕтъ! berĕtetъ гьсĕтъ! гьсĕtetъ— греч. φέροιμεν, φέροιτε.

3) lĕvъ, lĕvŷi: чешск. lĕvŷ, серб. lijevŷ, lĕvŷ; словин. lĕv. Краткость в чешском, нисходящая долгота в сербо-хорватском и словинском указывают на нисходящее ударение более раннего времени; ср. греч. λαίφος, лат. laevus; основн. lăjŷu-.

dъvĕ;— лат. duae.

pĕstiti — „охранять“; др.-инд. рауúŷ — „охраняющий“ (pāj-).

Итак:

Слав. ě ← ē
 ← oi (из ōi, ōi, āi, ai; ai).

§ 67. Какое звуковое образование представлял гласный ě в конце доисторического периода славянских языковых групп? История отдельных славянских языков указывает ясно, что образование гласного ě было тогда неодинаково. В тех языковых группах, которые легли, с одной стороны, в основу языка славян болгарских и, с другой стороны, в основу языка славян северо-западных (полабян, поморян, поляков), образование этого гласного представляло собою открытый ā. Такого типа гласный долго был во всех славяно-болгарских группах. По говорам гласный ā представлен до сих пор (см. в старославянском отделе). Его изменение было такое: в е, в одних фонетических условиях, в 'а (а после мягкого согласного) — в других; в 'а изменился ě перед слогом, в котором был гласный заднего или среднего ряда, т. е. перед давним твердым согласным: б'ал, хл'аб, но белĭ, верен. В западных болгарских группах гласный е заменил собою более ранний ā во всех положениях.

В северо-западных славянских группах гласный ā изменился в 'а перед твердым небнозубным согласным (п, т, д, s, z) и пе-

ред г, і; в других положениях — е; ср. в польск. b'ały, d'ad (dzad); chr'an (chšan), но b'elić, chleb, v'ek.

Отметим, что в тех же условиях происходила в поморской и польской группах и веляризация гласного е: е → 'о: s'olo, s'ostra, p'osq, но p'ešeš.

В тех языковых группах, которые легли в основу прочих языков, — восточнославянских, словацкого, чешского, сербо-хорватского, словинского, — образование \acute{e} было иное: это был гласный переднего ряда, напряженный, с повышенным подъемом языка: \acute{e} . На такой гласный указывает история \acute{e} во всех этих языках. Его замена посредством е, ie, i — явление позднейшее. Гласный ie, представляемый некоторыми из этих языковых групп в их истории и современном состоянии, следует рассматривать в связи с изменением гласного о, удлинившегося при тех или иных условиях в славянских языковых группах. Удлиняясь, гласный о становился закрытым — \acute{o} , и его изменение проходило в том же направлении, как изменение \acute{e} из \acute{e} и из удлинившегося в определенных условиях е. На такое изменение \acute{e} и \acute{o} указывают языки чешский, словацкий, лужицкие, словинский, украинский, русский. Несколько примеров. В чешском языке, как и в словацком, судьба \acute{e} была неодинакова в долгом и кратком слогах: в долгом слоге, т. е. в положении, которое вызывает собою закрытость и напряженность гласного, выделился более высокий артикуляционный элемент в начальной части образования для \acute{e} , как выделялся он и при других долгих гласных ряда е: $\acute{e} \rightarrow ie$ (r'ěci → r'ěci → r'ieci). Позднее у чехов всякое ie изменилось в i, у словаков ie → iе: словацк. biely, diel'a, hniedzdo, sjeň, чешск. bíly, dítě, hnězdo, sň. Ср. изменение там в том же направлении удлинившегося при определенных условиях гласного о: он стал напряженным, закрытым и выделил в первой своей части более высокую артикуляцию: $\acute{o} \rightarrow uo$. У словаков uo, у чехов в историческое время он заменился гласным ů (как ie → i). Словацк.: vuoľ'a, kuoň, puož, puoň (родит. мн.), чешск. vůľ'a → vůľ'e → vůle; kůže („кожа“), kůň, dvůr, půž.

Параллелизм в судьбе \acute{e} и \acute{o} представляют также ясно словинские говоры.

Сообщим еще несколько примеров из украинского и русского языков.

Примеры из украинского языка. См. текст памятника 1164 г. Добрилова ев. В нем пишется ѣ не только на месте давнего \acute{e} .

но и нередко на месте *e*, который подвергся удлинению. Удлинение гласных *e* и *o* происходило в украинском языке перед слогом с утраченным *ъ*, *ь* или перед утраченным редуцированным *ї*: *камень*, *рѣчьнь*, *оунтъль*, *сѣдь*, *мѣсть*, *боудѣть*, *зѣльь*... Следовательно, удлинившийся гласный *e* произносился так, как гласный вместо давнего *ѣ* (*ѣ*). А в украинском языке в тех же условиях происходило удлинение гласного *o*: *mostъ* → → *mōst*. Удлиняясь, *o* становился закрытым. На это ясно указывают украинский, чешский и другие славянские языки. Но закрытый гласный *ó* передавался в староукраинской письменности посредством буквы *o*, так как не было в азбуке более подходящего знака. Может быть, не представляют случайной описки немногие примеры с *oo* в Галицком ев. 1266 г. (*воовьца* — вм. *овьца*), и в Поликарповом ев. 1307 г. (*воотца* вм. *отца*), а указывают на особый гласный *o*: *ó*. Если бы вместо удлинившегося *e*, как и вместо давнего *ѣ* (*ѣ*), было *ie*, то несомненно и вместо удлинившегося *o* было бы *uo* (*yo*): в образованиях *ѣ*, *ó* одновременно, в силу одинаковой фонетической тенденции, выделяется в начале артикуляции более высокий, закрытый элемент *i*, *u* (*y*) Образование же *uo* писцы передали бы, хотя бы и в отдельных случаях, посредством *юу*, *юу*, или как-нибудь иначе отразился бы элемент *u* (*y*). Но следов такого явления нет со 2-й половины XIV — до XV в. С этого лишь времени появляются в украинских письменных памятниках примеры с *u*, *юу*, указывающие на *uo* (*yo*) или на *u* (*y*) вместо *ó*: *друздаъ*, *оункумъ* („внукам“, грам. 1359 г.), *добровоулю* (грам. 1366 г.); *твуй*, *свуй*, *нюсь(ъ)*, *злодьювь* (Пересопницкое ев. 1561 г.) и др. Таким образом, следует полагать, что в староукраинском языке *ѣ* имел значение закрытого *ѣ*. Таким он был в XII—XIII вв. Позднее произошло выделение высокого, напряженного элемента в первой части артикуляции *ѣ* → *ie* с дальнейшим изменением. Так изменялся и *ѣ* вместо удлинившегося *e*: *печь* → *пѣч* → *пѣч*. В том же направлении проходило изменение и удлинившегося *o*: *ó* → *uo* (*yo*)...

Такое же образование *ѣ* (*ѣ*) представлял в прошлом и русский язык. Следы такого образования имеются во всех русских группах, и южных и северных. В некоторых сев.-русских говорах находится *ie*, *ʲe* или нечто вроде этого (с элементом *i* в начале) вместо *ѣ* (*ѣ*), но находится при условии, способствующем в русском языке продлению и закрытию гласного, — под ударением: *лѣс*. Но без ударения — *e*: в *лесу́*. Это *ie* вместо ударенного *ѣ*,

которое находится до сих пор во многих сев.-русских говорах. Так изменился и закрытый гласный *ô* под ударением. А закрытость гласного *ô* была по говорам вместо прежнего *o* под восходящим ударением: *kôža, vòl'a, dvôg, kôn'*, но — *pol'e, most, p'ego...* Ср. то же явление в чешском, словацком, словинском языках.

Наконец, отметим еще одно явление из области сербо-хорватских говоров. В некоторых говорах чакавского наречия представлена такая замена *é* (*ѣ*): перед твердым небнозубным (*t, d, s, z, n*) и перед *r, l* — гласный *e*, в других положениях — *i*: *leto, tĕsto, sĕno, blĕd, bĕl; brĕg, hlĭb, sĭme, vĭdit* — инфинит., но *videl...* Так в говоре Нови. Ср. судьбу *ě* в сев.-западных славянских языках: *ě* → *'a* перед твердым небно-зубным, *ě* → *'e* в других положениях, т. е. при условиях веляризации (перед твердыми небно-зубными согласными) там *'ā* → *'a*, *'e* → *'o*. У чакавцев же при тех же условиях веляризации, способствовавших появлению открытости артикуляции, образовался гласный *e*; при других же условиях происходил подъем артикуляции: стали произносить *i*. Следовательно, предшествующая фонетическая стадия представляла гласный более закрытый, чем *e*, но более открытый, чем *i*, т. е. закрытый, напряженный *ĕ*, который имели в своей системе и другие сербо-хорватские группы.

Памятники письменности у славян на юге (у сербов и хорватов), на западе (у чехов), на востоке (у русских, у украинцев) свидетельствуют, что *ie, i* вместо *ě* (*ѣ*) — явление не ранее, а явление XIII—XV вв.

Итак, гласный *ĕ* в последний доисторический период представлял образование гласного *ā* в одних группах, образование гласного *ĕ* — в других. Вопрос о том, какое образование было в более раннее доисторическое время, оставляем открытым, так как еще многое остается неясным в тех фонетических явлениях, которые связаны были с *ē* и *oĭ* у славян ранней доисторической эпохи. Мы склоняемся к такому представлению: в более давнее время гласный, который изменился в *ĕ*, был гласный широкий *ē* (типа *ā*). Такого образования был некогда гласный вместо еще более давнего *ē* и вместо *oĭ*. Относительно образования гласного *ē* в давнее время примем во внимание его изменение в *a* после *j, č, ž, š*. Дифтонг *oĭ* вследствие ассимиляции с *ĭ* и вследствие стремления к открытости слога заменился долгим *ō*. Но гласных лабиализованных переднего ряда в ранней фонетической системе

славян не было. Поэтому гласный \bar{o} утратил лабиализованное образование и совпал с широким \bar{e} (\bar{a}).

О гласном i вместо o см. в следующем пункте.

I.

§ 68. Гласный i был гласным долгим. Таким он является в истории отдельных славянских языков, если не происходило, при определенных условиях, сокращения его. Ср. долготу \bar{i} в давнем непосредственно предударном слоге: сербо-хорв. $\bar{z}\bar{i}ma$, $\bar{l}\bar{i}ce$, $\bar{p}\bar{i}sati$, $\bar{p}\bar{i}\bar{s}tati$ („шипеть“, „пищать“) и др.; чешск. $\bar{l}\bar{i}ce$, словацк. $\bar{p}\bar{i}sat'$, чешск. $\bar{p}\bar{i}\bar{s}t'ala$ („свирель“, „гудок“) $\bar{v}\bar{i}dati$ („видать“).

§ 69. Позиция i : в конце слога (т. е. перед согласным и в конце слова)— $\bar{z}\bar{i}ma$, $\bar{b}\bar{i}ti$, $\bar{v}\bar{i}ti$, $\bar{z}\bar{i}ti$, $\bar{i}ti$, $\bar{v}\bar{i}d\bar{z}$, $\bar{v}\bar{i}d\bar{e}ti$, $\bar{s}\bar{i}ti$, $\bar{l}\bar{i}pa$, $\bar{p}\bar{r}\bar{i}l\bar{i}p\bar{a}ti$, $\bar{s}\bar{v}\bar{i}tati$...

В ряде случаев гласный \bar{i} находился в корне и в суффиксе, представлявших собою удлинение соответствующего корня или суффикса с гласным кратким \bar{i} , позднее изменившимся в доисторическую эпоху в \bar{y} .

а) $\bar{s}\bar{v}\bar{y}t-$: $\bar{s}\bar{v}\bar{y}n\bar{o}ti$ (вм. $\bar{s}\bar{v}\bar{y}tn\bar{o}ti$), но $\bar{s}\bar{v}\bar{i}tati$;

$\bar{l}\bar{y}p-$: $\bar{l}\bar{y}n\bar{o}ti$ (вм. $\bar{l}\bar{y}p\bar{n}\bar{o}ti$), но $\bar{l}\bar{i}p\bar{a}ti$, $\bar{p}\bar{r}\bar{i}l\bar{i}p\bar{a}ti$;

$\bar{z}\bar{y}d-$: $\bar{z}\bar{y}dati$, но $\bar{z}\bar{i}dati$, $\bar{o}\bar{z}\bar{i}dati$ и др.

б) Именит.-винит. двойственного числа имен на \bar{i} (\bar{i} → \bar{y}) оканчивался на \bar{i} . Это окончание представляло собою удлинение гласного \bar{i} : $\bar{k}\bar{o}st\bar{i}$ („2 кости“), $\bar{g}\bar{o}st\bar{i}$ („2 гостя“). Ср. др.-инд. соответствующие формы: $\bar{p}\bar{a}t\bar{i}$, $\bar{a}v\bar{i}$.

Параллельное явление было в именах на \bar{y} (\bar{y} → \bar{z} : $\bar{s}\bar{y}p\bar{z}$): $\bar{s}\bar{y}p\bar{y}$. Ср. др.-инд. $\bar{s}\bar{y}\bar{p}\bar{y}\bar{u}$.

И другие индоевропейские соответствия славянским словам с i указывают в ряде случаев на \bar{i} . Например:

слав. $\bar{p}\bar{i}ti$, $\bar{p}\bar{i}g\bar{z}$ ($\bar{p}\bar{i}$ -гъ) — др.-инд. $\bar{p}\bar{t}\bar{i}h$ („напиток“), греч. $\bar{p}\bar{i}t\bar{a}$ (пов. накл.), $\bar{p}\bar{i}v\bar{o}$ („пью“);

$\bar{z}\bar{i}v\bar{z}$ — лит. $\bar{g}\bar{y}vas$, лат. $\bar{v}\bar{i}vus$, др.-инд. $\bar{j}\bar{i}v\bar{a}h$ ($\bar{d}\bar{z}\bar{i}v\bar{a}h$);

$\bar{t}\bar{r}\bar{i}$ — лит. $\bar{t}\bar{r}\bar{y}l\bar{i}ka$ („13“), лат. $\bar{t}\bar{r}\bar{i}g\bar{i}nta$ („30“), др.-инд. $\bar{t}\bar{r}\bar{i}$;

окончание в именит. ед. \bar{i} в именных суффиксах $\bar{i}j\bar{i}$ ($\bar{y}j\bar{i}$), $\bar{y}n\bar{i}$, в именит. ед. женск. рода причастий и сравнительной степени на \bar{i} : $\bar{s}\bar{o}d\bar{i}i$, $\bar{m}\bar{i}\bar{s}\bar{o}st\bar{y}n\bar{i}$, $\bar{p}\bar{u}st\bar{y}n\bar{i}$;

$\bar{b}\bar{e}r\bar{o}t\bar{j}\bar{i}$ (ст.-сл. $\bar{b}\bar{e}r\bar{o}t\bar{z}$); др.-инд. $\bar{b}\bar{h}\bar{a}r\bar{a}nt\bar{t}$, лит. $\bar{d}\bar{e}g\bar{a}nt\bar{i}$ (именит. ед. женск. рода причастия наст. вр.) $\bar{b}\bar{y}g\bar{a}v\bar{z}\bar{s}\bar{i}$, $\bar{v}\bar{e}z\bar{z}\bar{s}\bar{i}$; др.-инд. $\bar{v}\bar{i}d\bar{u}\bar{s}\bar{i}$, лит. $\bar{v}\bar{e}\bar{z}\bar{u}\bar{s}\bar{i}$ (именит. ед. женск. рода причастия прош. вр.):

dobrěiši — др.-инд. svādīyasī (именит. ед. женск. рода сравнит. степени).

§ 70. Перед гласным сочетание ej (ej) изменилось в ѣj (см. выше): vьjQ, vьješi; бьjQ, — бьješi. Перед согласным находится монофтонг i: viti, biti, vidъ — с гласным i вместо более ранних T и ej.

Гласный i мог быть и вместо eī перед согласным или в конце слова. Судьба eī и eī была одинакова в отношении слогового гласного, как одинакова была в этом отношении судьба дифтонгов oi, ou, ōi, ōi (: i). Отличие в судьбе дифтонга с кратким гласным (oi, ōi, eī) по сравнению с судьбой дифтонгов с долгим гласным (oi, ōi, eī) отражалась в интонации: дифтонги oi, ōi, eī изменились в u, e, i с нисходящей интонацией; дифтонги с долгими oi, oi (āi), eī изменились в гласные u, e, i с восходящей интонацией.

vēja, — с eī вместо eī перед гласным;

sēja („сеянье“), sējQ, sėješi — sīto; ср. долготу гласного ударенного i в чешском языке: sīto. Под ударением давняя долгота сохранилась у чехов в тех случаях, когда она (долгота) имела восходящую интонацию.

Сочетание ej у славян было неодинакового происхождения:

а) ei после непалатального согласного: vej- (vej-Q → vьjQ);

б) вместо oi после палатального согласного:

vol'i, ulici (дат.-местн. ед.), на kop'i (kop'ь), kol'it — kol'itel (повелит. накл.); ср. e (из oi) в этих формах после непалатального согласного: gubě, zěně, на vozě (vozь), berětel (единств. beril); творит. ед. местоимений мужск. и средн. рода: imь, pašimь, čimь, но — tēmь, onēmь, sēmь (с вместо k) и другие формы местоимений (во множ. числе) с i после палатального согласного, — с e после непалатального согласного (pašichъ — techъ...).

Соответствия других индоевропейских языков также указывают в ряде случаев на ej (eī, eī).

Слав. vidъ — лит. véidas („лицо“);

krivъ — лит. kreivas;

ni — ni (отрицание) — лит. nei — nei;

iti — лит. eiti, греч. eiti.

§ 71. Гласный i чередовался с e не только в зависимости от того, что oi после палатального согласного изменилось в ej, а ej в i (vol'i, но gubě), но и от другого условия — в конце слова в зависимости от интонации слога: при нисходящей интонации oi

(разного происхождения) изменилось в *i*, при восходящей интонации *oi* перешло в *ě*:

1) именит. множ. числа на *-i*: *vozi, vylci, rodzi* (гогъ).

2) в энклитике дательного единств. личных местоимений *mi, ti, si*;

3) в повелительном наклонении 2 и 3 л. единственного числа: *beril' gьci! pomodzil'* — но во множ. числе *ě*: *berětel' pomodzětel'*

4) 2 л. единств. числа наст. вр. нетематических глаголов с окончанием *-si*: *jesi, věsi, jasi (jěsi), dasi*.

На то, что конечный гласный *i* в этих формах заменил собою более ранний дифтонг *oi*, указывают некоторые черты славянского языкового материала, а также соответствия с другими индоевропейскими языками. Из славянских данных показательно чередование *i* — в конце слова, *ě* — не в конце слова в формах повелительного наклонения: *гьci! гьcětel'* Кроме того, ниже будет показано, что у славян в доисторическое время появились *c* вм. *k*, *dz* вм. *g*, *ś* вм. *ch* перед заместителями дифтонга *oi* — перед *ě* и перед *i*: *cěpa, гьci! гьcětel'*

Из соответствий с другими индоевропейскими языками ср. *oi* с краткими элементами дифтонга в греческом языке в именительном множ. (*λόχοι, ἄνθρωποι, οἴχοι*), в дат. ед. местоименных энклитик (*ἐμοί, σοί*), в желательном наклонении (*φέροι, λείποι*). Ср. и в литовском языке дифтонг *ai* в именит. множ.: *vilkaĩ, diėvaĩ*.

Ср. окончание *-sai* в среднем залоге: греч. *τίθεσαι*, слав. *dasi* (окончание *-si*).

Ту же судьбу имел и давний гласный *ě* при такой же интонации.

mati, dŭkti (дѣт'и древнерусск. дѣчи, соврем. дочь). Ср. замену последнего слова в сербо-хорватском языке: *kćī* — с нисходящим ударением, соответствовавшим такого же типа ударению доисторической эпохи. Ср. лит. *motė, (môtė), duktė* (*ě* из *ě*). Долготу гласного представляли и греческий и др.-индийский языки: греч. *μήτηρ* (дорич.-греч. *μάτηρ*), *θυγάτηρ*; др.-инд. *mātā, duhitā*.

Некоторые из лингвистов полагают, что в этих славянских формах на *-i* (*mati*) окончание *-i* могло быть иного происхождения — не фонетического, а под влиянием окончания *-i* в именит. пад. ед. числа таких имен женск. рода: *pustyn'ī, pesq̄tjī* (прич. наст.), *pešъši* (прич. прош.).

При иной интонации конечного слога, при восходящей, конечный дифтонг ој в славянских доисторических группах изменился в ё.

Местн. ед. числа: *vyśě, rodzě (rogъ), měšě (měchъ)*— ср. греч. -οј, первоначально не с краткими элементами дифтонга: *ōihoi* („в доме“, „дома“); ср. иной вид ударения на начальном ој— по сравнению с ударением на -οј в именит. множ. — *oihoi* (именит. множ.).

Дат.-местн. ед. имен жен. р. на -а: *gubě, rōcě, podzě, mušě (mucha)*. Ср. дат. ед. в лит. языке: *gāikai*, в греч. языке *χόαι*. Ср. формы местного падежа ед. ч. на -ai, -ae в таких латинских именах, как *Romai, Romae* („в Риме“).

Именит.-винит. двойственного числа: *gube, rōcě, podzě*.

В ё изменился и конечный ё при восходящей интонации. Такого происхождение ё в форме именит. пад. двойств. числа личного местоимения 1 л.: *vě* („мы оба“). Ср. в литовском языке *ve: vėdu* („мы оба“); *vė* — „мы оба“, *du* — „два“.

Но при решении вопроса об определении более давней интонации по отношению к конечным ој и ё в разных индоевропейских языках имеется ряд затруднений, вызываемых расхождением индоевропейских соответствий. Повидимому, в отдельных индоевропейских языках происходили передвижения и изменения в интонации не в одинаковом направлении. А эта неодинаковость имела следствием расхождение в показаниях разных индоевропейских языков.

§ 72. Сравните *šiti* и *šъвьсь, šъвъ, šъva*. Наличие группы *ъv* с *v* указывает на более раннее сочетание *йц*, а это последнее вместо *йц* из *цц* после палатального согласного (*š*). Сочетание *цц* находилось перед гласным в соответствии гласному *ū* перед согласным (см. выше). После палатального согласного образование для *ц* передвинулось вперед: *'u* → *'ū*. По утрате лабиализованных гласных переднего ряда *ū* → *ɿ*, *ū* → *ĩ* (*ĩ* → *ь*): *šiti*, *šъвьсь*. На *ū* в этом слове указывает и соответствие в других индоевропейских языках: лит. *siūti*, гот. *siujan*. У славян *ц* перед гласным было неслоговым; возникшее сочетание *сц* заменялось посредством *š*.

§ 73. В славянской речи не было слов, которые начинались бы с *ь*: перед ним, как и перед *е*, было представлено образование неслогового *ј*. Ср. *възьтq, възьмеši (възь-ьмеši)*, но нет *ьтq, ьмеši*; было *јтq, јмеši*. Сочетание *јь* изменилось в начале

слова перед слогом с гласным полного образования неодинаково: в одних группах — в *i* и в редуцированный *i*, в других — в *i*. Звуки *i* и *i* были в тех группах, которые легли в основу западнославянских языков, а также украинского и белорусского; *i* — в тех группах, которые легли в основу русского и южнославянских языков.

imq, imq вм. *ǐmq*;

ime, ime („имя“) вм. *ǐme*;

idq, idq („иду“) вм. *ǐdq*;

igra, igra вм. *ǐgra*;

iz (iz) вм. *ǐz*.

Гласный *i* перед *ь* в этих случаях появился в доисторическое время в славянских группах.

Редуцированный *i* по славянским группам позднее заменялся неслоговым или утрачивался. Ср. чешск. *jiu, tu*; украин. *имѹ, мѹ*; ст.-чешск. *jmě* („имя“); чешск. *hga*, польск. *gta*, украинск. *игра, гра*; чешск., польск. *z, ze*, украинск. *из, з, зо*.

Такова была судьба сочетания *ǐ* или *jь* и другого происхождения, — такого, когда славянскому *jь* было соответствие в других индоевропейских языках *jū*: и после палатального согласного изменился у славян в *ǐ*; по утрате лабиализации появился *i*, который затем, как всякий краткий *i*, редуцировался в *ь*.

Слав. *igo, igo* (позднее, в чешском *jho, ho*); лат. *jugum*, греч. *ζυγόν*, др.-инд. *yugám*.

Но не все слова с *i* восходят к словам с таким же гласным доисторической эпохи. Имеются данные, по крайней мере для украинского и белорусского языков, указывающие на то, что в ряде случаев сочетания с *i* в начале слова появились вместо *i* полного образования, — появились после гласного предшествующего слова. Так в Добриловом ев. 1164 г.: *нѣ нму, нѣ нрю, нѣ нмате* (*ně-i mate* или *ně-imate*), — с новым *ѣ*, как и *нѣ сѣршан, нѣ много, нѣ всегда*, — с *нѣ* вместо *не* перед слогом с утраченным *ь* (*ь*). То же явление отразилось в надписи на кресте Ефросинии Полоцкой, 1161 г.: *камѣню, да нѣ изнесѣть*. Гласный *ѣ* появился в отрицании *нѣ* вместо *е* потому, что в следующем слого произошло редуцирование гласного *i*: *i* → *i*; в связи с ослаблением гласного *i* удлинился гласный в предшествующем слого, как это было во всех подобных случаях: см. пункт о *ě*: *не имать* → *ně* —

іпать. Ср. њ вместо ѡ в таких случаях как на нѡм — па п'єі вм. па п'єі (Добрилово ев., 1164 г.). Параллельно с изменением гласного і происходило изменение начального гласного у — его редуция и затем утрата слогового образования: на ужасите са (пѣ-ѣжа- или пѣ-ѡжа-), на утѣса, на умрѣть и др. в том же памятнике. Так и в других украинских памятниках XII—XIII вв. На редуцированность или на неслоговость у указывает также передача его посредством вѣ- или в-: так, например, в Типографском ев. № 6, XII—XIII вв.: на вмутѣ, на ужасанте са и т. д., а также на вѣтшиа, вѣгснѣть, вѣмью и др. На происшедшее изменение гласного у в начале слова, на его редуцию или неслоговость указывает и такое явление: гласный ѡ в конце предшествующего слова удлинился и изменился в ѡ: безѡ оуспѣха (bezo-úspécha или bezo úspécha) в житии Саввы освященного, XIII век.

Не в начале слова ѣ заменилось гласным і по всем славянским группам доисторического времени. Например, именит. ед. воѣ (voĭ-ь) → voĭ, гоѣ (goĭ-ь) → goĭ, моѣ (moĭ-ь) → moĭ...

Позднее, в истории славянских языков, гласный безударный і, находясь после гласного, подвергался редуции: і → ĭ. В связи с этим ослаблением происходило по славянским языковым группам удлинение предшествующего гласного: dobrŭ-i → dobrŭ-ĭ, gnoĭ → gnoĭ. Еще позднее редуцированный і, если он не ассимилировался с предшествующим гласным у, і (dobrŭ, sin'ĭ), стал неслоговым: dobrŭ-ĭ, sin'ĭĭ (в восточнославянских языках), gnoĭ и т. п.

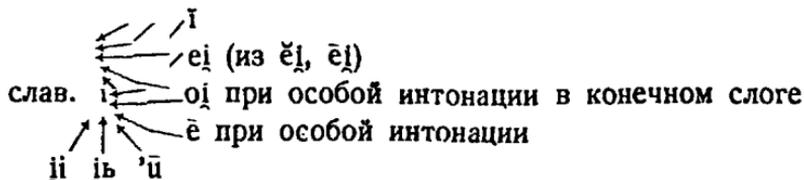
§ 74. Были такие сочетания, в которых перед і был ĭ. Сочетание ĭі заменялось одной артикуляцией — артикуляцией гласного і: твор. ед. местоимения с основой ĭe (ĭe-go, ĭe-mu): ĭeĭ-пĭ → ĭĭшь → ĭшь; ряд форм множ. ч. этого местоимения имел основу также распространенную посредством ĭ (так и в других местоимениях) — ĭeĭ: ĭeĭ → ĭĭ → і; род. ісѣ, дат. іпѣ, твор. імі, местн. ісѣ. В двойств. числе дат.-тв. іпа.

По славянским группам эти сочетания могли быть ĭі-, с начальным ĭ- вторичного происхождения:

а) под влиянием форм ĭego, ĭemu, ĭeshь могло произноситься и в творит. ед. ĭшь, с ĭ- в начале формы;

б) в середине фразы после гласного і: dati-ĭішь; см. в отделе с начале слова.

Итак:

q, ɣ.

§ 75. История всех славянских языков представляет указания на существование носовых гласных в их системе. Один из носовых гласных был гласным заднего ряда, другой — переднего ряда. Образование носовых гласных таково: в момент произношения гласного небная занавеска опущена; струя воздуха поступает не только в полость рта, но и в полость носа.

Образование носового гласного заднего ряда не вполне одинаково было в славянских языковых группах в последний доисторический период. В одних из них это был носовой сильно лабиализованный гласный qⁿ (близкий к носовому ц). Такой носовой гласный был в тех языковых группах, которые легли в основу языков сербо-хорватского, чешского, словацкого, сербо-лужицких, восточнославянских. Позднее в этих языках по утрате носового образования (когда небная занавеска перестала опускаться в момент произнесения гласного) получился гласный u: guka, ruť, pesu (1 л. ед.). В других группах был носовой гласный q. Так было в группах, легших в основу языка словинцев. Дальнейшее изменение его заключалось в утрате носового произношения: q → o. Но по словинским диалектам небная занавеска продолжала опускаться или попрежнему в момент образования гласного (говоры Юньской долины в Каринтии: mōka, sōset, dōp, grāta — „гряда“, uzav), или же небная занавеска стала опускаться не в момент образования гласного, а после: развился вторичный носовой гласный n и m. Так было перед затворными согласными и аффрикатами: mōпка, gōпка, mesenc, srenča („счастье“) (говоры Зильской долины в Каринтии).

У предков славян болгарских носовой гласный заднего ряда был близок к носовому ь: љ. Об этом подробнее говорится ниже, в отделе старославянской фонетики. Его позднейшая судьба была такова: он заменился гласным љ или по диалектам на юго-востоке и на юго-западе посредством љп, љм перед затворными согласными (ш перед губным согласным): рьянка, зьмб — „зуб“.

У славян северо-западных — у предков поляков, поморян и полабян — был носовой гласный лабиализованный \dot{a} . Его дальнейшее изменение находилось в зависимости от долготы и краткости слога: в долгом слоге \dot{a} с дальнейшим изменением, в кратком \dot{a} (носовой a) с дальнейшим изменением. У поляков в кратком слоге — \dot{a} в одних диалектах, \dot{e} в других (и в литературном языке). Настоящие носовые гласные образуются в польском языке только перед длительными $s, \dot{s}, \dot{\zeta}, ch$: $v\dot{a}s, s\dot{q}\dot{s}ad(-t), m\dot{e}so, v\dot{e}\dot{\zeta}y\dot{c}$ — „обоняг“, $v\dot{e}\dot{\zeta}h$ — „нюх“, „обоняние“, $v\dot{a}cha\dot{c}$ — „нюхать“. Так и перед $z, \dot{z}, \dot{\zeta}$. Но перед звонкими фрикативными бывает и слабое образование вторичного носового согласного: $v\dot{e}\dot{\zeta}i\dot{c}$ — $v\dot{e}^n\dot{\zeta}i\dot{c}$ („заключать в тюрьму“), $v\dot{e}\dot{\zeta}a$ — $v\dot{e}^n\dot{\zeta}a$ — „змея“ — род. ед. Перед затворными развился вторичный носовой согласный n или m (m перед губным согласным). Вместо давнего носового гласного произносится носовой гласный или неносовой гласный: $\dot{r}e\dot{n}ka$ или $\dot{r}e\dot{n}ka, \dot{r}e\dot{n}ta$ — $\dot{r}e\dot{n}ta$ („путы“, „оковы“), $\dot{\zeta}o\dot{n}d$ — $\dot{\zeta}o\dot{n}d$ — „правление“, „ряд“, $\dot{d}o\dot{m}b$ — $\dot{d}o\dot{m}b$ — „дуб“.

Но северо-западные славянские языки указывают, что давнему носовому \dot{a} предшествовала фонетическая стадия с носовым гласным заднего ряда сильно лабиализованным. След значительной лабиальной артикуляции в образовании носового гласного заднего ряда в северо-западных языках остался такой. Выше мы отметили судьбу гласных \ddot{u} и \ddot{y} : они стали нелабиальными, а лабиальная артикуляция слилась с образованием предшествующего согласного или выделилась в особое образование при начале слова с \ddot{u}, \ddot{y} : $v\ddot{y}dra$. Вот такого-то происхождения v представляют северо-западные славянские языки: носовой гласный заднего ряда был некогда гласным со значительным лабиальным элементом; затем произошло ослабление лабиальной артикуляции в образовании его и вместе с тем выделение лабиального элемента, который совпал с артикуляцией предшествующего согласного или выделился в начале слова как образование v . Поэтому все слова с давним \dot{a} — в начале слова представляют v : $v\dot{a}$ — в старопольском долгом слоге, $v\dot{e}$ — в старопольском кратком слоге: $v\dot{a}sy, v\dot{a}cha\dot{c}$ (см. $\dot{a}cha\dot{c}$ — „нюхать, обоняг“), $v\dot{a}d\dot{o}\dot{l}$ — „овраг“, $v\dot{a}tek$ — „уток“, $v\dot{a}t\dot{l}y$ — „слабый, утлый“, $v\dot{e}\dot{\zeta}h$ — „обоняние“, $v\dot{e}\dot{d}a$ — „удочка“, $v\dot{e}\dot{\zeta}'el$ — „уголь“ и др.

Согласный v в этих случаях нельзя объяснить так, как v перед гласным в начале слова в некоторых польских диалектах, а также в других славянских группах (лужицких, чешских, белорусских,

украинских): *vo*ko, *vu*cho. В этих случаях *v*, а также *h*, *j* представляют явление более позднее, вызванное особым способом произношения гласного в начале слова: струя воздуха поступала в гортань ранее момента артикуляции гласного; происходила гортанная фрикативная, которая затем переходила в образования *h*, *v*, *j*.

§ 76. Что касается носового гласного переднего ряда, то это был открытый (широкого) образования гласный *ä*. Его судьба в отдельных славянских языках была тако а.

В польском языке в долгом слоге его образование совпало с образованием для носового гласного заднего ряда: *o*. Но перед *o* вместо давнего *ä* находится мягкость согласного: *ʋ*ozać вместо *v*äzati — „вязать“; в кратком слоге получилось то же, что вместо *o*: *a* или *e*. Но мягкость предшествующего согласного указывает на бывший тут некогда гласный переднего ряда: *m*'aso или *m*'eso (по диалектам), *p*'ac' или *p*'ec' (по диалектам). В отношении небной занавески происходило то же, что и в образовании носового гласного заднего ряда: она опускалась в момент произношения гласного в тех случаях, если далее следовал фрикативный согласный (*m*'eso); перед затворными согласными она опускалась позднее: *p*'eńc или *p*'eńc'.

В восточнославянских языках *ä* → 'а (а после мягкого согласного): *m*'aso, *p*'ать → *p*'at'.

В чешском и словацком была также пережита утрата носового образования: *ä* → *ä*. Дальнейшая судьба этого гласного находилась в связи с долготой и краткостью слога, а также в связи с образованием следующего согласного. В чешском языке в долгом слоге — *ī* (из *ie*) перед мягким согласным (если в следующем слоге был гласный переднего ряда, перед которым согласные раньше были мягки) и в конце слова, *ä* перед твердым согласным (если в следующем слоге не было гласного переднего ряда): *ř*iditi („управлять“) в.м. *ř*äditi; *ř*ad („порядок“) в.м. *ř*ä'ľ; *v*äzati в.м. *v*äzati. В кратком слоге *e* перед мягким согласным (перед слогом с гласным переднего ряда) и в конце слова, *a* — перед твердым согласным (перед слогом с гласным непереднего ряда): *p*et (произносится *p*iet) в.м. *p*äť, *tele* в.м. *telä* („теленки“), но *telatko* (уменьш. к *tele*).

В южнославянских языках произошла утрата носового образования гласного и его замена посредством *e*: *meso*, *pet*' или *pet* в.м. *p*äť, *tele*. Но все эти языки представляют указание на то, что раньше это был гласный *ä*. Так, в чакавском диалекте сер-

бо-хорватского языка после j, č, ž, š этот гласный получил более широкое образование и совпал с a: jazik, žatva, ročati. По говорам словинского языка заменой гласного ä является â или a, независимо от предшествующего согласного: pātak, začať, jazik, gladat, masó, zat („зять“) и др. (на западе).

§ 77. Изменение носовых гласных в отношении участия небной занавески обнаруживает, что в тех языках, в которых носовой гласный заднего ряда представлял в своем образовании высокий подъем спинки языка, небная занавеска перестала опускаться раньше, чем в языках, в которых при образовании носового гласного заднего ряда положение спинки языка не было высоким. В языках восточнославянских, чешском, словацком, лужицких, сербо-хорватском носовые гласные (q^u → ц, а также ä) раньше заменились неносовыми, чем в языках болгарском и словинском. А в польском и кашубском языках до сих пор имеются носовые гласные или сочетания гласного с носовым согласным. Если же вместо q и ä (ę) появлялись при определенных фонетических условиях гласные высокого подъема языка u, i, то небная занавеска перестала опускаться. Так по говорам польским: vcsy — vusy („усы“), p'jšć — p'išć („кулак“).

Сочетания гласного с носовым согласным имеются и по болгарским и по словинским говорам. Но таких сочетаний нет ни в одной славянской группе, имеющей u (y) вместо q (q^u).

В дальнейшем мы передаем эти два типа носовых гласных условно двумя знаками: q, ę.

§ 78. Носовые гласные были долгими гласными. Долгими эти гласные или их заменители сохранялись в отдельных славянских языках в тех условиях, в которых не происходило сокращения слога. Одну из таких позиций представлял слог, непосредственно находившийся перед ударением. Ср. в польском языке гласный q (а не ę) в таком положении: trqba, sqšad, vqzac. Ср. в сербо-хорватском языке долготу такого слога: trūba, mūtiti, sūsèd (диалект.), vèzati. В чешск. trūba → trouba, sūsèd → soused, vāzati.

§ 79. Положение носового гласного в слове: перед согласным и в конце слова, т. е. в конце слога: trqba, zqbъ, sqďъ, męso, pęť, vęzati; nesq (1 л. ед. ч. наст. вр.), gorq, ženq (вин. ед.), sęmę, telę. Это — та же позиция, в которой у славян находились и гласные u, é, i. Как будет показано ниже, фонетическая

тенденция была одинакова при появлении всех этих гласных вместо прежних дифтонгов или дифтонгических сочетаний. Перед гласным были у славян не носовые гласные, а сочетания гласного с носовым согласным (п, м), как и сочетания *ov, ev, oĭ, ыĭ, ěĭ*, а не *и, ё, і* (см. выше).

Ср.:

оропа (o-rop-a), заропа, регропа (южнослав. *grĕropa*, вост.-сл. *перепонъка*), но — *рѣто* (rĕ-to), — с тем же корнем;

звонъ (zvон-ъ), — но *zvѣкъ* (zvĕ-къ) с тем же корнем; *onutja* (болгар. *онушта*, русск. *онуча*, чешск. *описе*); ср. с тем же корнем *obuti* (ob-u-ti), лит. *araũti* (без префикса: -aũti); *оп* в славянском образовании *onutja* был префиксом; тот же префикс являлся в виде *ѣ* перед согласным: *ѣтъкъ* (ѣ-тъкъ-ъ) — „что втыкается“ при тканье (русск. *уток*).

zvъnĕti (zvъn-ĕti), но *zvĕкъ* (zvĕ-);

ръпѣ, *ръпеši* (ръп-), но *рѣти* (рĕ-);

рѣсъ: ст.-сл. *пасъ*, — аорист сигматический, 1 л. ед. к глаголу *рѣти* — „натягивать“, — аорист, основа которого представляла долгий гласный в корне: ср. *basъ* (основа *bod-, bosti*), *vĕсъ* (основа *ved-, vesti*); *ѣ* в *рѣсъ* вместо *ĕп*;

sĕmĕ, но *sĕmena* (sĕmen-a).

§ 80. Можно полагать, что носовой гласный появился вместо сочетания гласного с носовым согласным *п*, а не с согласным *т*: согласный *т* в конце слога изменился в доисторическую эпоху в *п*. Ясное указание на такое изменение представляет *п* в предложении *съп* вместо *сът* (см. § 114). Изменение *т* в *п* было связано с концом слога: оно происходило не только в конце слова, но и в середине его (перед согласным). Так можно полагать по указанию говоров чакавского сербо-хорватского наречия: там произошел процесс изменения *т* в *п* перед согласным и в конце слога. И еще важное указание этих говоров такое: гласный перед *п* образуется при опущенной небной занавеске, т. е. он назализован, как в польском языке. Итак: чакавск. *uzānka* (в штокавском сербо-хорв. наречии — *zānka* — „петля“, „кознь“), *vāp* вместо *vāp[ъ]*, *lōmĭp* вместо *lōmĭm[ъ]* — 1 л. ед. наст. вр. — „ломлю“, *tečĕp* вместо *tečĕm[ъ]* — 1 л. ед. наст. вр. — „теку“. Вероятно, так происходило дело и в доисторическую эпоху: гласный *т* в конце слога изменился в сочетание гласного с носовым *п*. Стремление к открытости слога повело к образованию носовых гласных.

§ 81. Соответствия других индоевропейских языков указывают на то же, что показал и анализ славянских языковых фактов: носовые гласные у славян появились в конце слога вместо сочетаний „гласный + носовой согласный“. Для более точного определения происхождения носовых гласных следует выделить особо конец слова: там в отношении носовых гласных, как и некоторых других явлений, фонетика была иная сравнительно с фонетическими процессами прочих частей слова.

Не в конце слова носовому гласному *o* соответствуют в других индоевропейских языках *ōp*, *ōt*, *ōp*, *ōt*, *āp*, *āt*, *āp*, *āt*. Повидимому, в этих дифтонгических сочетаниях произошло в отношении долготы гласного то же, что в дифтонгах *ōc*, *āc*, *ōi* и др., — сокращение ее: *āp*, *āt* → *āp*, *āt* → *ōp*, *ōt*. Но след долготы гласного остался в заместителе и этих дифтонгических сочетаний: *o* с восходящей интонацией вместо давних *ōp* (*ōm*), *āp* (*ām*); *o* с нисходящей интонацией вместо давних *ōp* (*ōm*), *āp* (*ām*). Долгота гласного бывала и в таких случаях, если однословное сочетание получилось вместо двухслогового вследствие редукции последнего. Напр. *āp* вм. *apē*.

В более поздний доисторический период происходила в ряде случаев смена интонации, метатония: появлялись нового типа интонации — нисходящая и восходящая. Подробнее см. в отделе об интонации. Несколько примеров индоевропейских соответствий славянскому *o*.

Слав. *roto*, *rota* (мнж.): ст.-сл. *рътъ*, чешск. *rūta* → *roua*; сербск. *rūto*, польск. *reṭa* (мнж.). Чешская долгота, сербо-хорватская краткость указывают на восходящее ударение более раннего времени. Др.-прусск. *rapto* — „цепь“, „оковы“, лит. *pántis*; основн. *rōp-t*.

roṭ, серб. *rūt*. Сербское долгое нисходящее ударение указывает на давнее славянское нисходящее ударение; — лат. *pons*, родит. *pontis* — „мост“, др.-инд. *pánthaṅ* — „дорога“; — основн. *rōnti*.

zob: ст.-сл. *зъвъ*, чешск. *zūb*, серб. *zūb*, словин. *zōb*, польск. *zob*. Чешская краткость, сербо-хорватское и словинское долгое нисходящее ударение указывают на нисходящее ударение более раннего времени. Лит. *žambas* — „грань“, „ребро“, др.-инд. *jāmbaṅ* (*džambaṅ*) — „зуб“, греч. *γόμφος* — „болт“, „гвоздь“; — основн. *g'ombho*.

goba — „губа“; греч. *γαμφαί*, *γαμφηλαί* — „челюсть“; — основн. *gambh*.

оꝛъкъ; ст.-сл. ꙗꝛкъ, лит. aĩkštas (вм. aĩštas), лат. angustus— „узкий“, angō— I л.— „стеснять“; греч. ἀγχω— „давить“;— основн. aŋh-

оꝛъль — „угол“; лат. angulus;— основн. aŋūl-; oty — „утка“: др.-русск. утовь (вин. ед.), серб. ūtva, лит. ántis, лат. anas (anatis), др.-сканд. oŋdr, др.-верхн.-нем. anut. Славянское и литовское имена образованы от ānti вместо более ранней двухслоговой базы апәт-: ср. присутствие гласного в латинском и в др.-верхн.-немецком; славянский o был с интонацией восходящей: сербохорватская краткость, литовское ān (а не aĩ) указывают на такую интонацию; долгота же гласного здесь была в связи с редукцией двухслоговой базы в однослоговую.

§ 82. Носовому гласному e соответствуют в других индоевропейских языках ěn, ěm, ēn, ēm. Долгота гласного ē была также в случае редукции двухслогового сочетания: epә → ēp. И в этих сочетаниях произошло сокращение долготы гласного: ēn, ēm → ěn, ěm. Прежняя долгота у славян отразилась в особой интонации гласного e — в интонации восходящей. Гласный же e в давних сочетаниях краткого ě с n, m имел у славян нисходящую интонацию. В образовании гласного e в сочетании ep, em в закрытом слоге понижалось положение спинки языка: ep, em → ān, ām, а это заменилось гласным ä. Такое изменение в положении спинки языка в образовании гласного e перед носовым согласным происходило и в позднее время, напр., по северным польским говорам: ten → taп, śemno → śamno...

Примеры соответствий.

Слав. zětъ: серб. zèt, русск. з'ат'; сербская краткость (˘) вместо восходящего ударения более раннего времени. Лит. žėntas — с ēn обычно соответствует славянскому восходящему ударению. Славянское (восходящее) и литовское (˘) ударения свидетельствуют об основном ēn, а это ēn в данном случае получилось вместо epә; но славянское e с восходящей интонацией возможно было и вместо давнего долгого слогового ē̄ (см. ниже). Многочисленные индоевропейские образования с этим корнем в значении „родить“ представляют его в разном звуковом виде (см. отдел чередования): g'epә-, g'en-, g'op-, g'ōp-, g'ē-, g'n-: др.-инд. janitā — „родитель“ (džani-tā), греч. γενέτωρ, γενέτης (γεγε-), лат. genitor (geni-), греч. γένος — „род“ (γέγ-), лат. genus (gen-), др.-инд. jānaḥ — „род“ (jan-); греч. γωτός — „брат“ (γω-), латыш. znots — „зять“ (zno-); др.-инд. jātāḥ — „рожденный“ (jā- вм. g'ē-), лат. nātus вм. gnātus, гот. kunds — „происходящий“ и др.

męso: ст.-сл. maso, серб. mēso, словин. mesō, чешск. māsо, польск. m'ęso. Сербо-хорватское долгое нисходящее ударение, словинское нисходящее ударение, перенесенное на следующий слог, как и в других случаях с таким ударением (zlatō, polē...), чешская краткость — все указывает на нисходящее ударение слога с ę (męso) в более раннее время. Др.-прусск. mensā (вм. mēmsa) — „мясо“. Основн. mēms-. В др.-инд. иная ступень чередования, с долгим гласным: māmsā-.

jetro — „печень“; — греч. ἔντερα — „внутренности“.

реть — „5“; ст.-сл. пять, серб. pēt, чешск. pět, польск. p'ęc. Сербо-хорватское ~ и чешская краткость свидетельствуют о нисходящем ударении более раннего времени. Соответствующие указания представляют и другие языки: лит. penki, женск. p. peñkios, греч. πέντε, лат. quinque (вм. pinque). Основн. pep-.

§ 83. Славянские данные и соответствия других индоевропейских языков указывают и на иное происхождение носового гласного ę. В ряде случаев славянскому ę соответствует в других языках то, что появилось в них вместо слоговых ꙗ, ꙗ или *ꙗ, *ꙗ (* точно не определяемый; очень слабый редуцированный гласный, предшествовавший слоговому ꙗ или ꙗ); в литовском in, im, un, um с разной интонацией под ударением (iñ, iñ̄, uñ, uñ̄, in, ùn), in, un вне ударения, в др.-индийском a, ā, в греческом a, va, va, в латинском eñ, ep, pā, pā, в готском un, un. В славянском материале слова с таким ę чередуются с ьп, ьп перед гласным. Некогда в индоевропейских языках этим звукам и сочетаниям предшествовала фонетическая стадия со слоговыми ꙗ, ꙗ. Может быть, перед слоговым было образование очень слабого гласного, точнее не определяемого: *ꙗ, *ꙗ. Носовые слоговые могли быть краткими и долгими (такими были и слоговые ꙗ, ꙗ; см. ниже). След долготы слогового сонорного (ꙗ, ꙗ, ꙗ, ꙗ) отразился в славянской, как и в литовской, группе в особой интонации: у славян она была такой, которая в конце доисторического периода являлась восходящей, у литовцев в виде ` (in, ùn); если же сонорные слоговые были краткими, то у славян интонация была в конце доисторического периода нисходящей, у литовцев ~ (iñ, iñ̄). След долготы сонорного ꙗ, ꙗ отразился в др.-индийском в виде ā (перед зубным согласным), в виде pā, pā в греческом и латинском.

В литовской группе *ꙗ, *ꙗ изменились в сочетании in, im, un, un. У славян была пройдена такая же фонетическая стадия.

Краткие *ī*, *ŷ* всякого происхождения изменились затем в редуцированные *ъ*, *ь*. Но, как ниже отметим, достоверных примеров с *ът*, *ъп* с дальнейшим их изменением перед согласным у славян указать нельзя. Имеются сочетания с *ът*, *ъп* перед гласным: *dъmъ*, *dъmeši* („дую“, „дуешь“), *gъpati*... Сочетания же *ьп*, *ьт* у славян изменились перед согласным в *ѣ* в связи с тенденцией избегать окончания слога на неслоговой *j*, *ц* или на сонорный *п*, *т* (а также на *г*, *л*; см. ниже). Гласный *ѣ* имел разную интонацию в зависимости от происхождения *п*, *т* из **п*, **т* или из **п̄*, **т̄*.

Примеры.

Слав. *čestъ*; серб. *čest*, русск. част(ый), польск. *częsty*. Сербохорватское *ч* указывает на *čѣ-* (с нисходящим ударением) более раннего времени. В литовском соответствует *iĩm*: *kimstas* — „набит“, „заткнут“. Основн. *k^{м̄}-st*. (Другой вид этого корня, на полной ступени чередования, с гласным *о*: *kom-ъ*.)

desęty: ст.-сл. десать, польск. *desęć*, серб. *dēsēt*, русск. де-с'ать', лит. *dēšimt*, диалект. *dešimtis*, *dēšimtis*, др.-инд. *dāca*, *daçát*, греч. *δέκα*, лат. *decem*, гот. *tafhun*. — Основн. *dek^{м̄}-t*.

dadęty (3-е л. мн. наст. вр.); др.-инд. *dādati*; др.-инд. а перед *ti*, слав. *ѣ* восходят к **т̄*.

tysetja („тысяча“); ст.-сл. тысяща, русск. тыс'ача, польск. *tys'ęc*. Корень тот же, что и в *sъto* („100“) — лит. *šimtas*, др.-инд. *çatām*, др.-иран. *satəm*, греч. *ἑκατόν* (*ἑ-κατόν*), лат. *centum*, гот. *hund*. Славян. *съto* не представляет собою фонетического соответствия литовскому *šimtas*: это слово перешло к славянам от иранцев (*satəm*). Отметим, что от иранцев это слово перешло также в финно-угорские языки: фин. *sata*, морд. *šada*, марийск. *sūdb*, удмурт. *šu*, вогульск. *sāt*, венг. *sáz*. Как видно, были какие-то обстоятельства, благоприятствовавшие распространению этого иранского слова среди других народов, соседивших в то или иное время с иранцами.

В финно-угорских языках заимствованным из разных индоевропейских языков является и слово „тысяча“ (венг. *ezer*, фин. *tuhante* — и др.). Но славянское *tysetja* представляет фонетическое продолжение более раннего сочетания с **т̄*: *tū-s^{м̄}tja*. Славянское слово соответствовало готскому *thūsundi*, франк. *thūschunde*. Слав. *ty-* (вм. *tū-*), гот. *thū* соответствовало др.-индийскому *tavāḥ* („сильный“, „сила“); *tu-s^{м̄}tja* — „большая сотня“.

У славян это слово имело также гласный *ѣ* вм. *о*: *tysętja*:

чередование полной ступени, с оп, со ступенью редукции, с ђ.
Ст.-сл. тысаѡа и тысаѡа; сербо-хорв. tisuća; словин. tisoća; чешск.
tisíc, словац. tisíc.

рамеѣть; лит. minti — „мысль, мнение“, гот. gamunds (ga-munds),
др.-инд. matih, лат. mens.

меѣти, но тыѡѡ, тыпеѣши („мять“, „мну“, „мнешь“); лит. minti,
minù; восходит к *п̄.

jeŕty — „жена мужнина брата“, русск. ятровь, укр. ятрівка,
старо-польск. jŕty, др.-инд. yātā (вин. yātaram), греч. ἐνάτηρ.
Основн. jeŕə-t (ēr), родит. iŕ-trós...; в славянском имени отра-
жается ступень редукции *п̄, находившаяся некогда в основе
косвенных падежей (в именит. пад. было епə).

§ 84. Примеров с ѡ, которые указывали бы на более ранние
сочетания ѡм, ѡп (ŭm, ŭp) из *п̄, *п̄ перед согласным, мало.
Наиболее показательным является слово doŕti („дуть“) при формах
наст. вр. dьmѡ, dьmeŕi, при форме причастия прош. вр. страдат.
залога dьmenь (па-dьm-ень) и литовские параллели с um:
dùmti, dumiu. Слав. слог do- имел восходящее ударение: ср.
серб. dùti, а не dūti (~ указывало бы на нисходящее ударение);
чешск. dùti → douti (с долгой dū, сохранившейся в слог, быв-
шем некогда с восходящим ударением). Такая интонация вполне
соответствует литовской на ŭm: dùmti.

Того же, вероятно, происхождения ѡ в корне koŕt — „охранять,
охрана“: ст.-сл. кѡшта — „жилище“, сербо-хорв. kŭća, русск.
укѡтать. В литовско-прусском kunt-: прусск. kŭnti — „ухаживает“,
rokŭnti — „охраняет“.

§ 85. Конец слова имел свою фонетику: процессы конца слова
бывали нередко иными по сравнению с процессами начала и се-
редины слова.

В конце слова носовые гласные в последний доисторический
период были в следующих положениях:

1) ѡ вместо давнего āp (ām). Как видно, а перед п, т в конце
слова стал лабиализованным: ā; āp → ѡ.

Лабиализация гласного а перед носовым согласным происходила
и в позднее время по славянским диалектам. Напр., по польским
говорам: dьtm → dām → dom → dum; sām → sām → som → sum.

Винит. ед. имен. на -а: gorѡ, губѡ. Ср. окончание -āp, -ām
в греческом и латинском языках: греч. γῶραι, лат. terram.

Окончание 1 л. ед. наст. вр. berѡ, vedѡ. Это окончание со-
ответствует окончанию -ām латинского конъюнктива: feram.

2) *o* вместо *on* перед *ti* (→ *ть*) в форме 3 л. множ. числа наст. вр. и перед *t* в форме 3 л. множ. ч. простого аориста: *berotъ*, *vedotъ*; ср. др.-инд. *bhāranti*; *padot*, *mogot* (3 л. аор.) *vm.* *padont*, *mogont*; ср. греч. *ἔρερον*, *ἔλιπον* с утратой конечного *t*.
ę в конце слова в следующих положениях.

1) Вместо конечных *ēn*, *ēm*. Винит. ед. личных местоимений *mę*, *tę*, *sę*. Ср. др.-инд. *mām* (из *mēm*), *tv.m*; др.-прусск. *mīen*, *tiēn*, *sien*, *sin* (*ie*, *i* вместо закрытого *ē*).

Окончание *ę* в суффиксе имен среднего рода на *-mēn* в именит. ед.: *sēmę*. В других формах суффикс был с кратким *e*: *sēmene* (родит. ед.). Такое же соответствие представляли и имена мужск. рода с тем же суффиксом: в именит. ед. гласный долгий *ō* (в среднем роде долгий *ē*), в прочих формах *-ě*: *mōp||mēn*: *katōp* → *katu*, *watene* (род. ед.).

2) *ę* вместо *yn*, восходившего к **n*:

а) основы имен средн. рода на *-ēt* (в названиях молодых существ.): *telet-*; в именит. ед. *teļ*, с утратой конечного *t*, но родит. ед. *teļete*.

б) Форма 3 л. множ. числа наст. вр. основ нетематических: *dadętъ*, *vėdętъ*, *jadętъ*. Ср. в др.-инд. *dādati* — с *a* в окончании *vm.* **n*.

Сочетания *ōn*, *ōy*, *yn*, *yn*, *ons*, *uns*, *ins* имели иную судьбу в конце слова.

В отличие от середины слова в конце слова пережита была усиленная лабиализация гласного *o* перед носовым согласным: *ōn* → *yn*, *ōy* → *yn*. Такой же процесс пережит и латинским языком: *vin.* *lurim* *vm.* *lurōm*, *имен.* *jugim*, ср. греч. *ζυγούυ*.

Последний фонетический результат изменения *yn*, *yn* в доисторическое время был такой: *y* (*ы*) *vm.* *yn*, *ъ* *vm.* *yn*. Возможно полагать, что была пройдена стадия с носовыми *yn̄*, *yn̄*, которые в доисторическую же эпоху утратили носовое образование: *yn̄* → *yn̄* и далее заменялись гласным *y* (*ы*), *yn̄* → *yn̄* → *ъ*. Ср. указание литовского языка на возможность фонетической стадии с носовым *yn̄*: *винит. ед.* *sūpn̄* *vm.* *sūpn̄n̄*.

Возможна была и стадия с носовыми *yn̄*, *yn̄*. Ср. в литовском языке форму *винит. ед.* *pākt̄j* *vm.* *pakt̄in̄*. У славян в доисторическое время *yn̄* → *yn̄*, *yn̄* → *yn̄* → *ъ*: *винит. ед.* *kostъ*, *вин. множ.* *kost̄i*.

Итак, если и были у славян носовые *yn̄*, *yn̄*, то они уже в доисторический период заменились неносовыми *yn̄*, *yn̄* с дальнейшим

изменением ($\bar{u} \rightarrow u$, $\bar{y} \rightarrow \bar{y}$, $\bar{i} \rightarrow \bar{y}$). Их отличие от носовых \bar{q} , \bar{e} в отношении работы небной занавески состояло в том, что при гласных высокого подъема спинки языка небная занавеска имеет тенденцию не опускаться. Такое явление происходило и позднее, напр., в польских диалектах. В тех из них, в которых произошло изменение \bar{q} в \bar{q}^n и \bar{c} , а \bar{e} в \bar{e}^i и \bar{i} , ослабевало опускание небной занавески, и при \bar{c} , \bar{i} она совсем перестала опускаться: $\bar{c} \rightarrow c$, \bar{e}^i или $\bar{i} \rightarrow e^i$ или i : $v\bar{q}^n s \rightarrow v\bar{c} s \rightarrow vus$, $p'\bar{e}^i\bar{s}\bar{c} \rightarrow p'i\bar{s}\bar{c} \rightarrow p'i\bar{s}\bar{c}$ („кулак“). Ср. и отмеченную выше судьбу гласного носового заднего ряда в тех славянских языках, в которых он получил образование гласного \bar{c} : утрачено носовое произношение раньше, чем в тех языках, в которых соответствующий гласный имел не такое высокое образование. Итак, греческому $\alpha\bar{\eta}\omega\upsilon$ у славян соответствует \bar{c} ату, которому предшествовали такие фонетические стадии: $kat\bar{o}n \rightarrow kat\bar{u}n \rightarrow kat\bar{u}\bar{c} \rightarrow kat\bar{u} \rightarrow \bar{c}$ ату; $\bar{o}n \rightarrow \bar{u}n \rightarrow \bar{c} \rightarrow \bar{u} \rightarrow \bar{y}$. Винит. ед. $v\bar{y}k\bar{z}$; ср. греч. $\lambda\bar{o}\bar{\eta}\omega\upsilon$, лат. $lurum$, лит. $vilk\bar{q}$.

С кратким \bar{o} ($\bar{o}n$) была некогда у предков славян форма родит. множ., в соответствии с греческой на $-\omega\upsilon$. Полагаем, что $\bar{o}(n)$, отразившееся в славянской группе, находилось с $\bar{o}(n)$, отразившимся в греческой, в отношении чередования (количественного): $\bar{o}n||\bar{o}n$. (По иному объяснению, $\bar{o}n$ в славянской группе явилось вместо $\bar{o}n$, вследствие сокращения, вызванного особой интонацией.) Итак, род. мн. $v\bar{y}k\bar{z}$, губь...

Наличие гласного \bar{o} в именит. ед. имен среднего рода ($m\bar{e}sto$, $d\bar{e}lo$) обязано воздействию окончания такой формы в местоимении средн. р.: to вм. tod ; ср. лат. $istud$ (вм. $is-tod$), др.-инд. tad . Воздействие форм местоимений отразилось и на других формах имен существительных.

Форма 1 л. ед. аориста простого: $pad\bar{z}$, $mog\bar{z}$. Ср. соответствующее образование в греч. $\epsilon\bar{\rho}\bar{e}\bar{r}\bar{o}\nu$, в др.-инд. $\acute{a}bharam$.

$\bar{u}n \rightarrow \bar{c} \rightarrow \bar{u} \rightarrow \bar{y}$

Винит. ед. основ на $-\bar{u}$: $sup\bar{z}$ вм. $sup\bar{u}n$. Ср. в лит. $s\bar{u}nc$, в др.-инд. $s\bar{u}n\bar{u}m$.

$\bar{i}n \rightarrow \bar{i} \rightarrow \bar{i} \rightarrow \bar{y}$

Винит. ед. основ на $-\bar{i}$: $gost\bar{z}$, $kost\bar{z}$ вм. $gost\bar{i}n$. Ср. в лит. $pa\bar{k}t\bar{i}$, в греч. $\delta\bar{\rho}\bar{i}\nu$ („змею“), в лат. $turt\bar{i}m$ („башню“), в др.-инд. $mat\bar{i}m$.

В выяснении судьбы *-ons*, *-uns*, *-ins* следует принять во внимание такой фонетический процесс, пережитый в славянской системе: удлинение краткого гласного перед группой *-ns*: *-ons* → *ūns* → *ūs* → *ū* → *у* (*ы*); *ins* → *Ins* → *is* → *i*.

Винит. мн. основ на *-о*: *vyky*; *-у* в м. *-ons*; *-ns* окончание винит. множ. Ср. греч. диалект. (критское) *λόχους*, гот. *wulfans*, др.-прусс. *deiwan*s.

Форма именит. ед. причастия мужск. р. основ на *e/o*—*nese-||ne-**so*-(*neseši...*): *nesy*, *vedy*, *mogy*; родит. *nesotja* в м. *nesontja* (ст.-сл. *несѡѣ*), дат. *nesotju...* Основа этого причастия имела суффикс *-nt-*; окончанием именительного пад. ед. ч. мужск. р. был согласный *-s*: *nesont-s*. Ср. литов. *vežas*, лат. *ferens*. В славянской фонетике группы согласных *ds*, *ts* → *s*. Напр. *dadsi* (2 л. ед.) → *dasi*. Следовательно, *nesonts* → *nesons*, а это сочетание пережило дальнейшие изменения, указанные выше.

Винит. множ. ч. основ на *-ū* (*супъ*): *syny* — *sūnūns*. Ср. готскую форму *supins*.

Винит. множ. основ на *-ī* (*гостъ*, *костъ*): *gosti*, *kosti*. Ср. соответствующие формы в др.-прусс. *akins* (*-i-ns*), в гот. *austins*, греч.-крит. *πόλις*.

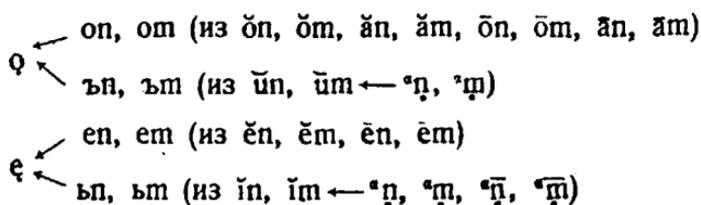
Неясна судьба *-ons* после палатального согласного. Так, в форме винит. множ. основ на *-jo* мужск. р. (*коп'ъ*), в именит. множ. основ на *-ja* (*кожа*), в родит. ед. тех же основ (на *-ja*); в одних группах был гласный *ě*, в других — *ę*. На *ę* оканчивались эти формы в группах, которые легли в основу южнославянских языков: *kop'ę*, *kože*, *struje*. На *ě* оканчивались эти формы в группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков: *kop'ě*, *kož'ě*.

Гласный *ę* указывает на изменение гласного *o* в *e* после палатального согласного, происшедшее ранее возникновения носовых гласных: *'ons* → *'ens* → *'ēns* (удлинение гласного перед *-ns*) → *ę*. Но появление *ě* (*ѣ*) в этом положении неясно. Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов полагали стадию с носовым *ě* (с носовым *ѣ*). Но в славянских языках нет следов такого *ě*. Различен звуковой вид окончания причастия наст. вр. с основой на *je/jo*: именит. ед. муж. и средн. р. на *ę*: *zpaęę*, другие формы с *jо*: *zpaјotja*, *zpaјotju* (ст.-славян. *знаа*, *знааша*, *знаашю*). Может быть, гласный *о* появился в связи с таким же гласным в окончании причастия основ на *e/o*: *berotja*, *berotju...* Так и в форме 3 л. множ. ч. наст. вр. — *zpaјotъ*, *pišotъ* с *о*, как

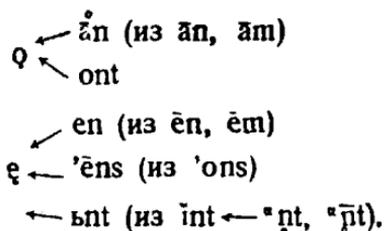
berqъtь, vedqъtь. В дополнение см. ниже, в отделе о конце слова.

Итак:

а) не в конце слова:

б) в конце слова:

§ 86. Процесс изменения сочетания „гласный + n, m“ перед согласным в середине слова в носовые q и e действовал в фонетической системе славян в течение долгого периода времени. Он действовал и в первые века н. э. при встрече славян с германцами. На это указывает передача германских заимствованных слов в славянских языках. Из ранних заимствований отметим передачу слова *kuning*: слав. *кѣнѣдзь*. Ср. и передачу германского *rhenning*: слав. *рѣнѣдзь*. Ср. еще ст.-сл. *хадогъ* — „опытный, мудрый“ — гот. *handags* (с окончанием *-ags* это слово не засвидетельствовано; но на возможность такого окончания указывает др.-верхн.-нем. *hantag*; в готском тексте засвидетельствовано *handugs*, славянское *-огъ* указывает на *-ǃg-*).

О других заимствованиях с носовыми гласными в славянских языках см. выше, § 42.

Редуцированные гласные ѡ, ѣ.

§ 87. Как показывает история отдельных славянских языков, это были гласные неполные в своем образовании. Их неполнота выражалась в особой краткости их: они были короче нормально-кратких гласных *о, е*. С их неполнотой в количественном отношении была связана неполнота и в работе органов речи. Наиболее характерной чертой в отношении работы органов речи при

образовании этих редуцированных гласных было то, что голо-
совые связки вибрировали короче, чем при гласных полного
образования. Об ослабленности, редуцированности образования
гласных *ъ, ь* свидетельствует их судьба в славянских языках:
в тех положениях, в которых не было благоприятных обстоя-
тельств для продления гласных *ъ, ь* (для их усиления), они
совсем утрачивались. Так было в конце слова и в середине слова
перед слогом с гласным полного образования.

1) *zъla, vьdova, oтьsa*;

2) *vьdovъ* (родит. множ.), *супъ, беретъ, беретъ*. В особенности
они были слабы в конце слова. Вероятно, уже в доисторический
период они были такими особенно ослабленными в этом поло-
жении (в конце слова).

Но *ъ, ь* были и в таком положении, в котором происходило
их усиление, некоторое продление. Так было перед слогом,
в котором находился *ъ, ь*, подвергавшийся дальнейшему ослаб-
лению: *съпъ, ъпъ, дьпъ* (*ъ, ь* в первом слоге). Еще одно усло-
вие, в котором *ъ, ь* подвергались некоторому продлению: в на-
чальном слоге под ударением: *dъskъ* (винит. ед.). И показательно,
что только после продления они становились в отдельных сла-
вянских языках нормально-краткими. Напр., в украинском языке
они стали гласными *о, е* (*son, den'*), в чешском языке — *е* (*sen,
den*), в то время как прежние нормально-краткие гласные *о, е*,
получив продление, становились долгими *ō* (*ō* закрытый), *ē* (*ē*):
vozъ → *vōz(ъ)*, *рець* → *rěč(ъ)* (последний пример относится к ук-
раинскому языку). Следовательно, до продления гласные *ъ, ь* были
короче коротких гласных, — были гласными редуцированными,
неполными в количественном отношении.

§ 88. Сравните звуковой вид одного и того же корня: в слож-
ном слове *medvѣdъ* (*medv-ѣdъ*), в прилагательном *medvѣno* (*med-
vѣno pitije*), ст.-сл. *медвѣнъ* — „медовый“, и в существительном
медъ. Как видно, в первых двух словах представлено сочетание
с *-v* (*medv-*), — представлено перед гласным; в последнем слове
эта основа находится с *-ъ* — в конце слова. Выше мы видели,
что гласный *и* появился у славян вместо более раннего диф-
тонга *ou* перед согласным и в конце слова. Но если далее сле-
довал гласный, то *ou* → *ov*: *гѣку* — родит.-местн. пад. двойств.
числа, но *гѣковѣтъ* (*гѣков-ѣтъ*), т. е. „взятое в двух руках“.
Согласный *v* у славян, как и в других индоевропейских языках,
представляет замену более ранней фонетической стадии *ϕ* крат-

ким неслоговым и (у) перед гласным. Перед согласным было образование слогового краткого ѣ. Ср. литов. *medūs*, греч. *μέδου*, др.-инд. *mádhu*, слав. *медъ*. Как видно, у славян слоговой краткий гласный ѣ претерпел редукцию: ѣ → ъ. Поэтому в глаголах итеративного значения, представляющих в корне гласный долгий (вследствие удлинения соответствующего краткого гласного), находится у (ы) вместо более раннего ѣ в соответствии гласному ѣ → ъ в глаголах неитеративного значения. Ср. *тъkati* — *tykati*, *дъchati* — *dychati* и др. Ср.: *positi* → *pašati*, *plesti* → *sъplětati*...

§ 89. Соответствие славянскому ѣ в других индоевропейских языках — ѣ, как это обнаружилось и при анализе славянских имен *медъ* — *medvědъ*.

Слав. *супъ* — лит. *sūpūs* (*sūnūs*); *дъva* — греч. (гомеров.) *δῶν*, др.-инд. *duvā*; *шъchъ* — лит. *mūsal* (множ. ч., „плесень на молоке“), лат. *mūscūs*; *съпъ* — греч. *ἴππος*; *бъděti* — лит. *budėti*; *дъchnoti* — лит. *dūšti* („тяжело дышать“); *пъ* (-,но“) — лит. *pū*, др.-верхн.-нем. *pu*.

У славян гласный *o* в конце слова перед *n* подвергся усилению лабиализации: *ōn* → *ūn* → ...у (ы); *ōp* → *ūp* → *ū* → *ъ*.

Напр., винит. ед. *въkъ*, *возъ* и др. Ср. греч. *λόχου*. Изменение краткого гласного ѣ проходило параллельно изменению долгого ѣ, именно в отношении утраты лабиального элемента: последний стал производиться раньше образования гласного, — производиться одновременно с предшествующим согласным или в виде самостоятельной губной артикуляции в начале слова: *въpiti*, *въшь*. См. § 60. Поэтому следует полагать, что редукции подвергся собственно не гласный ѣ, а заменявший его краткий гласный нелабиализованный высокого подъема задне-среднего ряда *i*. Процесс редукции проходил параллельно с процессом редукции краткого гласного высокого подъема переднего ряда *i*.

В древней славянской фонетической системе не было сочетания *eј* или *eј* перед гласным: вместо этого находилось сочетание *ьј* или *ыј*. Такое изменение сочетания *eј* произошло вследствие ассимиляционного процесса с *j* или с *ј*: образование предшествующего гласного *e* стало происходить при таком же подъеме стенки языка, как при *i*: *eј* → *iј*, а вместо *i* у славян *ь*. Такого происхождения, напр., *въјq*, *въјеši* (*въј* вм. *vej*); ср. чередование с гласным *o*: *voј*-(*rovoј*-*ъnik* → *rovoinikъ*); ср. в литовском языке *vejù* (*výti* — „вить“).

Обратите еще внимание на чередование *ь* и *ī* в основах глаголов: *Т* в глаголах итеративного значения, *ь* в глаголах неитеративного значения,— чередование, указывающее на более раннее чередование *Т* (как удлинение соответствующего краткого гласного) и *ī*: *prilipati* — *l̥p̥ēti*, ср. лит. *l̥pti*; *židati* (*ožidati*) — *žydati*; *pisati* и *rysati*; ср. прилагательное с тем же корнем *rys-* и с суффиксом *-go*: *rystr̥g* (*t* появился в славянской фонетике между *s* — *r*).

§ 90. Соответствия с образованиями в других индоевропейских языках также указывают на *ī*. Примеры:

Слав. *vъdova* — др.-инд. *vidhavā*, лат. *vidua*, гот. *widuwo*;

тъгла — греч. *ὀμίχλη*;

тъп'ii („меньший“) — лат. *minor*, греч. *μικρότερον* („уменьшаю“), гот. *mins* (лат. *minus*); *дьпъ* — лат. *dīnum* (*nundīnum* — „промежуток между 2 базарными днями“).

К славянским сочетаниям *ьj* (*ыj*) ср. примеры: слав. *vъjъ*; лит. *vejū*;

тѣје — др.-инд. *trāyaḥ* (*a* вм. *e*), греч. *τρεῖς*.

Таким же образом, посредством гласных *э*, *ь*, передавались заимствованные слова, появившиеся у славян в первые века н. э. Напр., *кънѣдзь* вм. герм. *kuning*, *рѣнѣдзь* — герм. *rhenning*.

Итак, у славян в доисторическое время краткие гласные высокого подъема *і* (из *ī*), *ї* подверглись ослаблению, редукации и некоторому изменению в укладе органов речи: положение языка при их образовании не было таким высоким, как при *і* (из *ī*), *ї*.

§ 91. В ряде случаев гласный *ь* или *ѣ* представлял собою у славян конечный результат ослабления давних кратких гласных *e*, *o*, *a*. Соответствующее явление представляют и другие индоевропейские языки. Вместо такого давнего редуцированного гласного (точно не определимого, обозначаемого некоторыми лингвистами маленькой буквой *) в литовском языке появились гласные *ī*, *u*, *u* славян в доисторическое время *ь* и *ѣ* (*ѣ* редко).

berq — богъ — *byrati*;

ženq („гоню“) — *goniti* — *gъnati*.

§ 92. Возникали в отдельных индоевропейских языках и более поздние чередования кратких гласных *e*, *o* с редуцированным

гласным и с дальнейшим его изменением. У славян к таким чередованиям относятся частицы, некоторые наречия, числительные, имена, применяемые при обращении к кому-либо, т. е. слова, произносимые быстрым темпом и не столь полновесно, как существительные или глаголы. Такие слова в разное время переживают ослабление в звуковых образованиях. К доисторическому периоду относятся, напр., такие сочетания с результатами редукации:

іѣ — „который“ (местоимение *i*, частица *že*), но и *іъ*. В старославянском языке отражается это местоимение в том или другом виде: *нѣ*, *нѣъ*.

вѣсегъ — *въсегà* (наречие);

četyre — *čъtyre*. Ср. параллельное явление в греческом языке: эолийское *πέσυρες* и *πίσυρες* (*τέσσυρες* — „4“); *kogda* — *kъgda*, *togda* — *тъgda*. Ср. в старославянском языке: *когда*, *тогда* и *къгда*, *тъгда*.

Слав. *gospodъ*. В первой части отражается основа *gostī-* (*gostъ*), а во второй та основа, которая в др.-индийском была представлена в виде *patī-* (*pātīh* — „господин, властитель, супруг“), в латинском *potī-* (*potis* — „мощный, сильный“), в греческом *пот-* (*πότις* — „госпожа“, *δεσπότης* — „владыка“), в готском *fađs* (*brūđfađs* — „жених“, собственно: „властитель невесты“), лит. *pat-* (*pats* — „господин, супруг, сам“). Таким образом, слав. *gospodъ* было название главы семьи, владыки, во власть которого поступал чужой человек, *gostъ*. В других индоевропейских языках домовладыка имел тоже сложное имя и тоже с редукацией первой части; но в первой части был корень *dom* — в полном или редуцированном виде: др.-инд. *dāmpatīh* — „властитель“, др.-иран. *dāngpaitīš*, греч. *δεσπότης* (*δεσ-πότης*).

И в позднее время переживалась у славян редукация имен, образованных от *gospod-*. Напр. сербо-хорв. и словинск. *gospoŋ* вместо *gospodin*, сербо-хорв. *gòspār*, *gòspr*, *gòsa* вм. *gospodar*(ь).

čelovèkъ — *čъlovèkъ* — *človèkъ*. В зависимости от частоты применения находилась и редукация имени *čelovèkъ*. Первая часть этого слова заключает основу *čelo* — с корнем *čel-*, который находится и в имени *čel-ędъ* — „семья“. Соответствующий корень имеется и в литовском языке, где еще яснее отражается его значение: лит. *kiltis* и *kiltis* — „род“; того же корня глагол *kilti* — „подниматься, возникать“. Основное значение этого корня указывало на отношение к возникновению, подъему, нарастанию;

ср. лит. *kélm̃as* — „ствол дерева“. Идея нарастания — основная идея в названии рода у разных народов: слав. *plemę* (*pled-meę*, *pled-*, чередование с *plod-*), *rodъ*, *na-rodъ* (*roditi*), *l'ud i je*; греч. *ρῶλον* — „род, народ“ — глагол *φύομαι* — „расту“; нем. *Leute*, гот. *liudan* — „расти“ и др.

Вторая часть *-vėkъ* имела значение — „принадлежащий к семье“. Это значение ясно отражается в литовском соответствии: *vaĩkas* — „мальчик, сын“, *vaikaĩ* — „дети“, лит.-жемайтское *vaĩkis* — „слуга“; др.-прусск. *waykils* — „сын“, *waix* — „слуга“.

čelovėk — „мужчина как член рода“: в то время, когда формировалось это слово, во время родовой организации, „человек“ мог быть только в составе своего рода, племени, вне его он не был „человек“; он был враг, он был беспомощен. При звуковом виде *čelovėkъ* издавна, уже в доисторическое время, было имя и с результатом редукции первой части: *čьlovėkъ* и *človėkъ*. Старославянский язык указывает на *чловєкъ*. Другие славянские языки также указывают на такое сочетание: сербохорв. диал. *člòvjek* (*človek*), словин. *člòvėk*, чешск. *človek*, польск. *člov'ek*. Происходила и дальнейшая редукция: болгар. *чловєк* и *челєк*, *човєк* (*чувек*); серб.-хорв. *čovek* (*čovjek*), *čojek*, *čоек*, *čѡк*, *čєк*; польск. *čłek*. В восточнославянских языках представлено это имя без результата давней редукции: *čelovėkъ*, русск. *человек*, укр. *чоловік* — „человек, мужчина, муж“. Но и тут происходила позднее редукция: русск. *челѣк*.

В некоторых основах было представлено чередование гласных *ѣ* и *ь*. Условия чередования неясны. Такое чередование было представлено в глаголах и именах.

dьrati — *dьrati*, ср. лит. *dūrti* — „колоть“ и *dīrti* — „рвать“;

dьbrъ — *dьbrъ* — „ущелье, овраг, ложбина“, ср. в Остромиров. код. *дѣбрь* (Лука, III, 5), в Изборнике Святослава 1073 г.: *въсть дѣбрь зъло глѣубока*; на *dьbrъ* указывают такие топонимические образования: *Добърце* — на сев.-западе Македонии (в Пологе), *pastwisko* („пастбище“) *Debrz*, *Debrznica* — в Польше; *dьbrъ* лежит в основе имен. *дѣбрь* в Ассеманиевом код., в русском *дѣбрь*, в названии деревни *Дебря* при речке *Рыдаге* Рославльск. у. Смоленск., в болгарских названиях сел *Дебор* (на западе Македонии), *Дебрец* (на юго-западе Македонии), *Дебрь* (в Болгарии, в Старо-Загорском округе).

дьно — *дьно*, *bezdьna*; ср. *вездьниж* в Изборнике Святослава 1073 г., *бездєниж* в Суупрасльской рук., в Синайской пс., в Синайском

требнике; например: *отъ безденъ земаа* — „из бездн земли“ (Син. пс.); русск. диалект. *дѣнышко*; украинск. *денце*, белорусск. *дзенцо* (вм. *дѣпсе*); с гласным *ѣ* эта основа была в таких именах: русск. *донце*, *донышко*; польск. *denko*, верхне-луж. *zdonk* (*z-donk*) — „ствол дерева“.

гѣдгъ — *гѣдгъ* — „рыжий, темнорыжий“, глагол *гѣдѣти*; на *гѣдгъ* указывают *рѣдръ* в Изборнике Святослава 1073 г., русск. диалект. *рѣдрой*.

скѣрбъ — *ščьrb-a*, *ščьrbina*.

трѣсть — *tręsty*; ср. др.-русск. *трѣсть* (Арханг. ев. 1092 г.), соврем. русск. „трость“, чешск. *trěst'*, польск. *tręść*, но и *tręsty*; ср. ст.-слав. *трѣсть*, *трѣсть*, *трѣсть* (в Синайском требнике), *трѣстига* в современных болгарских говорах на востоке Македонии (в Неврокопе); русск. диалект. *трѣсточка*, *трѣсник*.

тъпкъ — *тъпкъ*; ср. русск. *тонко* (*тъпко*) и польск. *ćenko* (*тъпко*), болгарск.-македонск. *тенка*, *тенки*.

Ст.-слав. *ръпѣтати*, *ръпѣтаниѣ*, *ръпѣтаниѣ* (*ръпѣтаниѣ* в Син. тр.).

Предлоги и префиксы *въз*, *јъз* (*iz*, *iz*), *orz*, *bez*, *ob*, *ot* в ранний период доисторической эпохи не имели в конце гласного *й* или *ї*, которые позднее изменились бы в *ѣ*, *ь*. Поэтому *ob-* в сочетании со следующим словом, начинавшимся с *v*, ассимилировалось с этим *v* в *ob-*: *ob-vět* → *obět*, *ob-vez-ati* → *obežati*, *ob-voiko* → *obolko* и т. п. Нет указаний на конечные гласные и в предлогах *ot*, *orz* и др.: *otrokъ*, *oteŭti* (*j-ę-ti* — „брать“), *iziti* (*iz-it'i*), *iz-džiti*, ст.-слав. *иждити* (*jiz-gi* → *јъз-dži*; *gi* → *dži* → *ži*, *žiti*), *orz-tyliŭti* → *orstlyiti*, ст.-слав. *растѣлнѣти*; *оходити* вм. *otchoditi*, *ѣнматѣ*, *ѣштѣднѣ* („бездетный“) вм. *bes-čędъpъ* → *beščędъpъ*; всякое *šč* в речи предков славян Болгарии изменилось в *št* (шт). В разное время и в эпоху доисторическую, и в истории славянских групп появлялись эти предлоги и префиксы с гласным *ѣ* или его заменой в сильном положении: *възъ*, *изъ*, (*изъ*), *bezъ*, *obъ*, *otъ*. Появление этих предлогов с *ѣ* или с гласным, заменившим *ѣ* в сильном положении, произошло под влиянием предлогов *въ*, *съ*, *къ*, имевших издавна гласный *ѣ*. В старославянском языке были эти предлоги в прежнем звуковом виде, без *ѣ*, и в новом — *отъ*, *изъ*, *везъ*, с *ѣ*: *отъ грѣхъ* в Киевских лл., *отъ отца*, *изъ юнасти* (*изъ юн...* вм. *изъ юн...*), но только *вез* в Марин. ев., напр.: *носѣлахъ въ безъ вѣлаганшта* (*вѣлаганште* — „кошелек, мешочек“); *всѣ пирѣ* (*пирѣ* — „котомка“, „сума“, греч. *τήρα*). *ї* к *свѣотъ* (Лука, XXII). Предлог *ob* издавна был с вторичным глас-

ным *ъ* и *ь*: *объ*, *обь*. На *объ* указывает образование имени *обьтъ*, *объ* + суффикс *tjъ*; ст.-слав. *обьшть*, зап.-слав. *obes*, др.-русск. *обьуь*, *обьтина*. Ср. такой суффикс в имени, образованном от *pi-*: *pitjъ* ст.-слав. *иштъ*. В таком же виде этот суффикс был в глагольных образованиях *объ-stojati*, *объchoditi*. Ср. в Зограф. ев. *обьстоимъ*, в Хиландар. лл. *обьходитъ* и др.

ў, і.

§ 93. В доисторическое время у славян появились в определенных условиях редуцированный *ь* и редуцированный *і*. Обозначаем их буквами *ў*, *і*. Такие редуцированные появились вместо *ъ*, *ь* перед *j* или *ĭ*, а также перед *i*, вследствие ассимиляции со следующим образованием высокого подъема спинки языка. (*j*; *ĭ*, *i*):

$ъj \rightarrow ўj$, $ьi \rightarrow ўi$
 $ьj \rightarrow ĭj$, $ыi \rightarrow ĭi$

$кгъj\sigma \rightarrow кгўj\sigma$ (1 л. ед. ч.; инфин. *kryti*);
 $штъj\sigma \rightarrow шўj\sigma$ (инфин. *шyti*).

Ср. такое же чередование в латышском языке: в наст. вр. *ū*, в инфинитиве *ū*: *krūjuos*, *mūjuos*, инфин. *krūtēs*, *mūtēs*.

dobгы → *dobўi* (сложная форма: *dobгы* + местоим. *i*);
въ istinσ → *vў istinσ*;
въ inσ → *vў inσ*;
бъjσ → *bўjσ* (1 л. ед. наст.; инфин. *biti*), *sin'ыi* → *sin'їi* (сложная форма: *sin'ы* + местоим. *i*);
тпн'ыi → *тпн'їi*;
veselye (или *veselyje*) → *veselije* (или *veselije*), *bratъja* (*bratъja*) → *bratrїja* (*bratїja*).

Необходимо иметь в виду такой же процесс в отношении краткого *ě* перед *j*: *ěj* → *ĭj* → *ьj*: *vej* → *vьj* (*vьješi*). Сущность ассимиляционного процесса указывает на передвижку в среднюю зону полости рта, пережитую гласным *ъ* перед *j*, *i*: в заднем ряде гласные с высоким подъемом не производились в древней славянской фонетической системе: см. § 60.

На то, что в таких сочетаниях были редуцированные *ў* (*ы*), *і*, ясно также указывает судьба этих гласных в отдельных славянских языках. См. ниже, в отделе об *ў*, *і* в старославянском языке.

**Сочетания редуцированных с плавными
между согласными.**

§ 94. В славянской фонетической системе было два ряда сочетаний редуцированных *ъ, ь* с плавными в положении между согласными:

1) редуцированный предшествовал плавному: *тъrt, ъrt, тьlt, ъlt*; *t* — какой-нибудь согласный;

2) редуцированный следовал за плавным: *trъt, trьt, tьrt, tьt.*

1) *тъrt, ъrt, тьlt ъlt: гъrdю или гьrdю, тыгъ, гьгъ, зьпо, въrба, сьrdьсе, гькъ — гул, гам, гулкие звуки*, вькъ, зьтъ.*

а) Южнославянские языки (болгарский, сербо-хорватский, словинский) и два западнославянских, издавна близких к южным, словацкий и чешский, — представляют указание, что они издавна имеют в этих сочетаниях плавные слоговые *г, ъ*. Слог концентрировался на этих сонорных — *тъrt, тьlt: гьrdь, тьggъ, вьlt къ*. И в настоящее время в чешском, словацком, сербо-хорватском, словинском языках представлены сочетания с *г, ъ* (с заменой *ъ* в сербо-хорватском посредством слогового гласного *и*, указывающего на лабиовелярный *ъ* более раннего времени, с заменой в *о* в словинском, в *iu* → *iu* в определенных условиях в чешском). Несколько примеров: сербо-хорв. *въrба* (*ъ* — долгое, с восходящим ударением), *зъпо* (*ъ* — с кратким нисходящим ударением), *рѣvт* (*ъ* — с долгим нисходящим ударением), *vъk* → *vuk* (*ъ* — с долгим нисходящим ударением), *dъg* → *dug* (*ъ* — с кратким нисходящим ударением) — „длинн“, *dъg* → *dug* (*ъ* с долгим нисходящим ударением) — „долг, geld-schuld“; чешск. *въrба, зъпо, рѣvъ, vъk, рlnъ — „полный“, dъhъ → dlouhъ → dlouhъ — „длинный“, dъh → dluh — „долг“.*

В болгарском языке вышли из системы слоговые плавные в историческое время. Они заменились посредством сочетания *р, л* с гласным *ъ*, появившимся для избежания слоговости плавных — *въrба, зьrно, зьrнце или зьrнце, пьrви, вьk.*

В языках северо-западных славян — в лужицких, польском, поморском (кашубском), полабском, в языках восточных — в русском, украинском, белорусском — нет слоговых *г, ъ*. Вместо них представлены сочетания с гласным слоговым перед неслоговым *г, ъ*. Что касается гласного, то в восточнославянских языках это обычный заменитель гласных *ъ, ь* — *о, е: торг, вер'ба — верба, волк (voĭk, voĭk).*

Эти восточнославянские сочетания указывают на такую предшествующую фонетическую стадию: $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{g}\ddot{\text{t}}$, $\text{v}\ddot{\text{r}}\text{b}\text{a}$, $\text{v}\ddot{\text{r}}\text{k}\ddot{\text{t}}$ — со слоговыми $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$. Гласные $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ в этих сочетаниях были в языке восточных славян не только носителями слога, но они были во всех положениях сильными, независимо от следующего слога: $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{g}\ddot{\text{t}}$, $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{g}\text{a}$, $\text{v}\ddot{\text{r}}\text{b}\text{a}$, $\text{v}\ddot{\text{r}}\text{b}\ddot{\text{t}}$ (родит. множ.). Следовательно, фонетическое значение гласных $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ в сочетаниях $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}$, $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}$, $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}$ было не то, что значение их в прочих сочетаниях: $\text{z}\ddot{\text{p}}\text{t}$, $\text{z}\ddot{\text{p}}\text{a}$: $\text{z}\ddot{\text{p}}\text{t} \rightarrow \text{so}\text{p}$, но $\text{z}\ddot{\text{p}}\text{a} \rightarrow \text{sp}\text{a}$. Такое значение $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ в $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}...$ было связано с положением их перед rt , lt — в положении, в котором некогда и в языке предков восточных славян r , l были слоговыми. Но рано в их фонетической системе произошло изменение: носителем слога стал $\ddot{\text{z}}$ или $\ddot{\text{b}}$, находившийся перед плавным, и в таком положении он не подвергался дальнейшей редукции, хотя бы в следующем слоге находился гласный полного образования: $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{g}\text{a}$ — с $\ddot{\text{z}}$ сильным слоговым; $\text{v}\ddot{\text{r}}\text{b}\text{a}$ — с $\ddot{\text{b}}$ сильным слоговым. Если бы $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ подвергались ослаблению, то r , l перед согласным становились бы слогаобразующими. Но, как видно, фонетическая система восточных славян не допускала такой функции для r , l . Позднее такие $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ имели обычную судьбу: $\ddot{\text{z}} \rightarrow \text{o}$, $\ddot{\text{b}} \rightarrow \text{e}$.

Другое значительное изменение давнего, доисторического времени у предков восточных славян состояло в том, что плавный l перед согласным был во всех положениях лабиовелярным: l . Такой l воздействовал на образование предшествующего гласного $\ddot{\text{b}}$, а также e , веляризуя их: $\text{yl} \rightarrow \text{yl}$; $\text{el} \rightarrow \text{ol}$: $\text{vylk}\ddot{\text{t}} \rightarrow \text{vylk}\ddot{\text{t}}$, $\text{dylg}\ddot{\text{t}} \rightarrow \text{dylg}\ddot{\text{t}}$, $\text{rylp}\ddot{\text{t}} \rightarrow \text{rylp}\ddot{\text{t}}$; $\text{melko} \rightarrow \text{molko}$. Такой же процесс пережит был и предками северо-западных групп — поморян, полабян.

У предков северо-западных славян (у лужичан, поляков, поморян, полабян) долее, чем у предков восточных славян, держалась фонетическая стадия со слоговыми r , l . В то время как у предков восточных славян $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ заменились обычного образования гласными $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ — сильными, у предков северо-западных славян $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ подверглись значительной редукции и с гласными $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ сильными они не совпали по своей судьбе: вместо $\ddot{\text{z}}$, $\ddot{\text{b}}$ в $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}$, $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}$, $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}$, $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}$ был слабой артикуляции гласный, подвергавшийся значительному воздействию следующего плавного, а также соседних артикуляций. Когда в фонетической системе этих славян слог стал концентрироваться около гласного в сочетании $\text{t}\ddot{\text{r}}\text{t}...$, то этот гласный, получив при этом более сильную арти-

куляцию, был не обычным заменителем сильных *ъ, ъ* (польск. *sen* вместо *съпъ*, *dz'en'* вместо *дьпъ*), а представлял разное образование, определившееся в предшествующее время в зависимости от соседних артикуляций. Ср. в польском языке: *targ*, *tarn*, (*тъпъ*), *ćirn'* → *ćern'* (*тъпъ*), *tvar^{dy}* (*tvъrd-*), *v'er'ba* → *v'ežba* (*vъrba*), *vilk* (*вълкъ*), *veľna-váľna* (*въľna*), *žółty* (*жьлт-*), *długi* (*дыг-*). Сев.-кашубск.: *vouk*, *roupu*.

Итак, полагаем: в ранний период доисторической жизни славянских групп в их фонетической системе были сочетания *търт*, *търт*, *тълт*, *тълт*, — со слоговыми *г*, *л* и неслоговыми *ъ*, *ь*.

§ 95. б) Плавный *г* в сочетании *ьг* был палатализован в зависимости от артикуляции предшествующего гласного переднего ряда *ь*. Эта палатализация была невысокая, как и других палатализованных согласных, — палатализованных перед гласными переднего ряда: *tiĥo*, *pletetъ*, *l'epiti*, *nesete*. На то, что *г* в сочетании *ьг* был палатализован, указывают следы палатализации его в славянских языках, — в тех из них, в которых представлены мягкие согласные перед гласными переднего ряда, — в русском, в польском, в лужицких. Русск. *v'er'ba* (и с позднейшим отвердением: *v'erba*), *p'er'voj* (и — *p'ervoj*), на *v'er'xъ* (и — на *v'erxъ*); польск. → *v'er'ba* → *v'ežba*, *v'er'ch* → *v'ešch*; верхн.-лужицк. *wjer'ba*, *čér'pać*, *wjér'ch*.

В других славянских языках пережито было отвердение *г'* во всех сочетаниях. Во многих случаях, а по диалектам и во всех положениях, отвердели они и в русском языке. В старопольском языке и в верхнелужицком сохранялся *г'* перед губными и заднеязычными согласными и то при благоприятных условиях: если не предшествовали свистящий или шипящий согласный; после этих согласных *г'* отвердевал: польск. *šerp*, верхн.-луж. *serp*, *žerdź*.

Историческая фонетика славянских языков указывает на такое ограничение в процессе палатализации *г* в сочетании *ьг* и в давнее, доисторическое время: *г* не подвергался палатализации перед твердым небо-зубным согласным: *тъпъ*, *зьпъ*, *дыпъ* и т. п. с твердым *г*.

В § 94 было отмечено изменение *л* перед согласным, происшедшее в языке предков восточных славян, поморян и полаблян: он стал лабиовелярным (*л*), а в зависимости от такой артикуляции гласный *ь* → *ъ*, *е* → *о*: *vъlkъ* → *vъlkъ*, *melti* → *moŭti*.

§ 96. в) Слог *тъг-*, *тъг-*, *тъл-*, *тъл-* перед согласным был долгим слогом. Долгота этих сочетаний сохранялась в отдельных

славянских языках при условии сохранения долготы слога в других случаях. Так, напр., у сербо-хорватов, у чехов, у словаков долгота \bar{r} , \bar{l} (и его замены) сохранялась перед прежним ударенным слогом: серб. $v\bar{r}ba$, $o\bar{r}\bar{z}ati$; старо-чешск. $prid\bar{r}\bar{z}ati$, $k\bar{r}\bar{m}iti$; словацк. $v\bar{r}ba$, $k\bar{r}\bar{m}it'$.

Но следует заметить, что долгота слога с \bar{r} , \bar{l} имеет тенденцию в разных языках (и не славянских) к сокращению. Так, в чешском языке сократились все слоги с \bar{r} , \bar{l} .

§ 97. г) Долгота слога с $t\bar{r}$ -, $t\bar{r}$ -, $t\bar{r}l$ -, $t\bar{r}l$ - перед согласным была с разной интонацией, нисходящей и восходящей. Следы этого различия отражаются в фонетике отдельных славянских языков. Так, интонация нисходящая отразилась в сербо-хорватском языке в виде \sphericalangle (нисходящее ударение на долгом слоге): $dr\bar{u}g$, $gr\bar{a}d$, $zl\bar{a}to$. Интонация давняя восходящая отразилась в этом языке в виде краткого нисходящего ударения: \sphericalcap : $vr\bar{a}na$, $bl\bar{a}to$. Неодинаковость интонации $t\bar{r}t...$ была давнего происхождения. И в других индоевропейских языках представлено соответствующее различие. Ближе всего соответствия славянским интонационным различиям представляет литовский язык. Там славянским \bar{r} , \bar{r} , $\bar{r}l$, $\bar{r}l$ с нисходящим ударением соответствуют $u\bar{r}$, $i\bar{r}$, $u\bar{l}$, $i\bar{l}$ — с ударением вида \sim . Славянским \bar{r} , \bar{r} , $\bar{r}l$ с восходящим ударением соответствуют литовские $\bar{u}r$, $\bar{i}r$, $\bar{u}l$, $\bar{i}l$ с ударением вида $\grave{}$. (Соответствующее различие было отмечено выше и в судьбе $\bar{r}p$, $\bar{r}p$ в славянских языках сравнительно с литовскими $i\bar{p}$, $i\bar{p}$, $\bar{i}p$, $\bar{i}p$; см. § 83.) Соответствующее различие представлял и др.-индийский язык: славянским \bar{r} , \bar{r} , $\bar{r}l$ с нисходящим ударением, литовским $u\bar{r}$, $i\bar{r}$, $i\bar{l}$ в др.-индийском соответствовал \bar{r} ; в соответствии славянским \bar{r} , \bar{r} , $\bar{r}l$ (с восходящим ударением), литовским $\bar{u}r$, $\bar{i}r$, $\bar{i}l$ в др.-индийском были $\bar{i}r$, $\bar{u}r$.

Полагаем: в основе др.-индийских $\bar{i}r$, $\bar{u}r$, литовских $\bar{i}r$, $\bar{u}r$, $\bar{i}l$, славянских \bar{r} , \bar{r} , $\bar{r}l$ с восходящей интонацией лежали слоги с гласным после плавного ($\bar{r}\bar{e}$, $\bar{r}\bar{e}$; \bar{e} — какой-то слабый редуцированный гласный; \bar{e} — какой-то гласный, получившийся вместо долгих \bar{a} , \bar{o} , \bar{e} , подвергшихся редукации). Гласный, следовавший за плавным, подвергался затем редукации, а слоговые плавные становились долгими: $\bar{r}\bar{e}$, $\bar{r}\bar{e}$. Если за плавным не было гласного, в др.-индийском не появлялся долгий гласный в этом слоге; был только слоговой \bar{r} ; в литовском и славянском в таких слогах была особая интонация: \sim (лит.), \sphericalangle (нисходящая, слав.).

В других индоевропейских языках соответствия славянским ъг, ыг, њл, ыл такие: в греческом ρα или αρ, λα или αλ; в замене *гэ, *лэ было ара, αλα и ρā, λā; в латинском ог, ul; в готском aig из ur, ul. Примеры:

слав. skъgbъ (— нисходящее ударение) — серб. skъb, русск. скорбь; лит.-жемайтское skuĩbti — „быть в жалком состоянии“;

слав. sьdbъse — словин. sгсѐ (в словинском языке нисходящее ударение перешло на следующий слог: zlatō), чешск. srdce, русск. сердце; лит. širdis, греч. (гомеров.) καρδίη и καρδιη, лат. cor (родит. cordis), хет. kardi-s;

слав. dьrbъ — „разорван“ (dьrati) — сербск. dьrt; лит.-жемайтское diřtas — „с ободранной кожей“, др.-инд. dьrta, др.-иран. dьrēta — „расколотый“, греч. δρατίς и δαρτός — „с ободранной кожей“;

слав. гьлкъ — „гулкий звук“ — русск. голк, польск. zg'ełk; лит. gulks̃choja — „ходит слух“;

слав. вьлкъ — сербск. vьk → vьk, чешск. vьk, болг. вьлк, русск. волк, польск. wilk, сев.-кашубск. vouк; лит. vilkas, др.-инд. vьkah, гот. wulfs;

слав. љьгвь и љьгть — сербск. сгv (в сербо-хорватском языке љг → сг), словинск. љгm, старо-чешск. љrv, русск. червь; лит. kirmitis, винит. kiĩmĩ, др.-инд. kьmĩ-;

слав. рьrstь — „палец“ — сербск., словинск. ргrst; лит. piĩřtas — „палец“;

слав. гьrdьlo, гьrьlo (— восходящее ударение) — серб. гьlo, русск. горло, польск. gardlo; лит. gurklỹs, винит. gьrklj, др.-инд. гьrghāh — „проглоченный“;

слав. рьrsi — „грудь“ — сербск. рьrsi, словинск. pьrsi, старо-чешск. pьrsi, русск. перси; лит.-жемайтское pьrřys;

слав. зьгно — сербск. згпо, словинск. zгпо, чешск. zгno, русск. зерно, украинск. зерно и зєрно, польск. zьгно; лит. žьgnis, лат. grānum, гот. kaurg; — древнейшая фонетическая стадия — g'гп-;

слав. рьpnъ — сербск. рпn, чешск. рпnь, русск. полно, польск. pełny; лит. pilnas, др.-инд. pьrghāh, гот. fubls;

слав. dьlgъ — „длинный“ — сербск. dьg, старо-чешск. dьhь, ново-чешск. dlouhь, польск. dьugi, русск. долго; лит. ilgas, др.-инд. dьrghāh, хет. dalugař.

§ 98. 2) Второй ряд сочетаний — это такие сочетания, в которых редуцированный ъ и ь находился после плавного — trьt,

гъѣ, ѡѣт, тѣѣ: крѣвъ (винит. ед.), крѣве (род. ед.), крѣвавъ, крѣтъ, крѣча, крѣшка, трѣщъ, трѣвога, рѣтъ, бѣча, сѣза...

§ 99. Из соответствий других индоевропейских языков наиболее близкие сочетания представляет литовский язык: гū, гī, lū, lī.

слав. крѣвавъ — лит. krūvinas;

слав. крѣтъ — лит. krūtis — „подвижный“;

слав. крѣча, крѣшити — лит. krūšti — „толочь“;

слав. трѣщъ — лит. trisù;

слав. рѣтъ — лит. plutà — „корка, толстая кожа“;

слав. рѣтъ — „плот, паром“ — латыш. pluts, др.-инд. plutà — „купающийся“, греч. πλωτός — „вымытый“.

§ 100. Все славянские языки в их истории представляют указание на то, что судьба этих сочетаний была не одинакова во всех случаях.

а) Сочетания, в которых после гъ, гь, ѣъ, ѣь следовал слог с гласным ѣ, ѥ слабым: крѣвъ, крѣтъ; крѣшка, трѣщъ, рѣтъ, сѣзь (родит. множ.). В этом положении носителем слога был ѣ, ѥ, а не плавный г, гь: крѣвъ, трѣщъ, сѣзь. В отдельных славянских языках судьба ѣ, ѥ в таких сочетаниях была одинакова с судьбою ѣ, ѥ в сильном положении. Напр., в русск. языке крѣвъ → кров', рѣтъ → плот', трѣщъ → тр'ох; польск.: krev' → krev, рѣс.

б) В тех случаях, когда за гъ, гь, ѣъ, ѣь следовал слог с гласным полного образования, гласный ѣ, ѥ после плавного был тоже слоговым и имел судьбу обычного ѣ, ѥ слабого: он утрачивался в период утраты ѣ, ѥ в слабом положении: съпа → спа, ѣпа → па (п'а)...; крѣвавъ → krvav, сѣза → slza... В тех славянских группах исторического периода, в фонетической системе которых были слоговые г, гь, такими стали плавные и в сочетаниях крѣвав, крѣве, крѣви, сѣза. Так обстояло дело в истории южнославянских языков и чешского со словацким. Если же в фонетической системе слоговые г, гь отсутствовали, то г, гь в этих сочетаниях (krvav, krevi, plti) стали безголосными, глухими (г, гь). Так в польском, в лужицких языках. Польск. krevi, bŕcha → рсћа, трѣвога, јабѣко → јарѣко → јарко. Или же при г, гь в таких сочетаниях, при сохранении голосового образования, развивался вторичный гласный: у (ы) при твердом плавном, и при мягком. Так было в украинском и белорусском языках — гу, жу, ги, ли: кривав, крива, блива, слиза.

Важно с -лы- отразилось уже в житии Саввы освященного, XII в. Наличие вторичных гласных при плавных как раз свидетельствует о том, что фонетическая система этих языков не допускала слогообразующей функции для плавных. Плавные между согласными являются безголосными. Если в языке обнаруживается тенденция произносить в таком положении плавные с участием голоса, то г, л должны стать слогообразующими, как в южных или чешском и словацком языках, или же применялся другой способ для произношения г, л звонкими: развитие гласных при них. Фонетическая система восточнославянских языков издавна избегает слогообразующей функции плавных: это ясно отразилось на судьбе *tr̥t, tr̥t, tr̥t*. Та же тенденция действовала в истории этих языков и позднее. Некоторые полагают, что украинский и белорусский языки пережили в истории стадию со слоговыми г, л: *kr̥vi, s̥l̥za*, а затем слоговые плавные заменились посредством сочетаний *gu, gi, lu, li*. Это — голая схема, построенная на параллелях с судьбою *tr̥t* в южнославянских языках, а не на основе изучения системы восточнославянских языков.

В истории отдельных славянских языков происходил процесс обобщения в звуковом виде основ, заключавших в себе замену прежних *tr̥t, tr̥t, tr̥t, tr̥t*. В южнославянских языках обобщились во всех случаях основы с г, л. Ср. с серб. *kr̥v*, как и *kr̥vi* и др. В чешском и словацком языках направление обобщения было не одинаково для отдельных слов: *kr̥t* („крот“), как *kr̥ta*, но: *blecha* — „блоха“, как *blecḥy, blech*; *pleti*, как *plet'* — „кожа на человеческом теле, цвет кожи, плоть“. В русском языке обобщились основы с заменой ъ, ь в сильном положении: ро, ло, ре, ле (л'о) — кроха; как крох, крови, как кров' и т. п. Но в тех случаях, когда не было родственных форм с заменой ъ, ь в сильном положении, г, л стали безголосными и утратились. — Пльсковъ → Плсков → Псков. То же явление в замене слова кръстити: кстит' (по сев.-русским говорам), Ксты, Кстьѣ, Кстово — названия деревень в разных северновеликорусских местностях, например, в бывш. Рыбинском, Юрьевском, Шуйском, Московском уездах.

ог, ег, ол, ел перед согласными.

§ 101. Сочетания *ог, ег, ол, ел* были между согласными (*вогна...*), а также в начале слова перед согласным (*ordlo...*).

1) Сочетание *or, er, ol, el* между согласными — *tort, tert, tolt, teft*. Перед гласным в сочетаниях *or, er, ol, el* не происходило изменений, так как плавный относился к следующему слогу. Напр. *prostorgъ* (*pro-storgъ*), *prostora* (родит. ед.), *rozogъ* (*ro-zogъ*). Если за плавным находился *j*, то рано произошла ассимиляция плавного с *j* в один палатальный *l'*, *r'*: *voliti* — *volja* → *vol'a* (два слога: *vo-l'a*), *kolješi* → *kol'eši* (*ko-l'e-ši*).

Если же за плавным следовал согласный (кроме *j*), то *or* (*er, ol, el*) представляло собой дифтонгическое сочетание (сочетание одного слога) и подвергалось изменениям: *storna* (*stor-na*), *zogъ* (*zog-къ*), *merti* (*mer-ti*), *kolti* (*kol-ti*), *melko* (*mel-ko*)...

а) Слог с *or, er, ol, el* перед согласным был слогом долгим. Долгота его заместителя в отдельных славянских группах сохранялась в тех условиях, в которых не происходило вообще сокращения слога. Напр. перед прежним ударным слогом. Ср. долготу слога в сербо-хорватском языке: *brāda, brāna, vrāiti, mlāiti, srēda, trēbiti* — „чистить, теребить, лупить“, в чешском языке: *brāna, mlāiti, řtbiti* — „чистить, просеивать“; следы долготы (*ó, т. е. и*, вместо *ō*) в польском языке: *vróbić* (русск. воро́тит' вместо *vortiti*), *brózda*.

§ 102. б) *or, er, ol, el* между согласными были с разными интонациями. Следы интонационного различия отразились на фонетике отдельных славянских языков. Так, в восточнославянских языках ударение находится на первом или на втором гласном сочетаний *oro, ere, olo*, заменивших собою ранние доисторические *or, er, ol, el*: *ворон, зóлото, гóлос, бéрег; ворóна, солóма, болóто, берéза* (*бер'óза*). Были и безударные *or, er, ol, el*: *bórdà* — русск. борода́, *golvà* — русск. голова́, *melkò* — русск. молоко́... В сербо-хорватском языке *ra, rě, la, lě*, заменившие собою ранние доисторические *or, er, ol, el*, представляют под ударением в одних случаях нисходящую долготу (˘) или нисходящую краткость (˘˘). Восточнославянские *oro, ere, olo* соответствуют сербским *gā, gě, lā, lē*: серб. *vrān, grād, zlāto, glās, brēg*. Восточнославянские *oro, ere, olo* соответствуют сербским сочетаниям с *ǎ*: *vrāna, slāna, blāto, brēza*. В сербском *ǎ* отражается не только давнее краткое нисходящее ударение (*rǎl'e*), но и давнее дóлгое восходящее ударение: *lǎra* вм. давнего *lǎra*; *rǎn* вм. давнего *rǎnp̃*. Следы интонационного различия ударенных *or, er, ol, el* отражаются и в чешском языке.

Разным славянским интонационным слогам с *or*, *er*, *ol*, *el* соответствуют разные ударения в литовском языке: лит. *aĩ*, *eĩ*, *ai*, *ei* в соответствии славянским *or*, *er*, *ol*, *el* с нисходящим ударением; лит. *árg*, *érg*, *ál*, *él* в соответствии славянским *or*, *er*, *ol*, *el* с восходящим ударением. Примеры:

- а) слав. *gōrdъ* — серб. *grād*, русск. *гóрод*; лит. *gārdas*;
 слав. *vōrpъ* — серб. *vrāp*, русск. *вóрон*; лит. *vaĩpas*;
 слав. *dērvō* — серб. *drēvo*, русск. *дéрево*; лит. винит. ед. *deĩvą* (именит. *deivà*);
 слав. *vōlkъ* — серб. *vlāk*, русск. *вóлок*; лит. *vaĩksmas*;
- б) слав. *vorna* — серб. *vrāna*, русск. *ворóна*; лит. *vārna*;
 слав. *kōrva* — серб. *krāva*, русск. *корóва*; лит. *kārvė*;
 слав. *bērza* — серб. *brēza*, русск. *бер'óза*; лит. *bėržas*;
 слав. *sólma* — серб. *slāma*, русск. *солóма*; латыш. *saĩms*;
 в литовском было бы *šalms*;
- слав. *kōlti* — серб. *klati*, русск. *колóт'*; лит. *kálti*;
 слав. *bólto* — серб. *blaĩto*, русск. *болóто*; лит. *báltas*.

В основе этих последних сочетаний, с восходящей интонацией, лежали сочетания с долгим слоговым элементом (*tōrt*) или двухслоговая база, с гласным после *r*, *l*, — с гласным, позднее утратившимся в отдельных индоевропейских группах (*torət*, *tolət*, *terət*, *telət*). Ср., напр., греч. *κάλαμος* — „камыш“, *καλάμη* — „колос“, др.-верхн.-нем. *halam* — „стебель“, но слав. *solma*: серб. *slāma*, русск. *солóма* (*s* вместо давнего заднего *k'*: слав. *desęť* — греч. *δέκα*). Греческая и др.-верхн.-немецкая параллели представляют замену двухслоговой базы без редукции второго гласного элемента. В славянской и балтийской группах отразился результат редукции второго гласного элемента, — но прежняя двухслоговость базы оставила след на особой интонации слога: в славянской группе он получил восходящую интонацию, как и в других подобных случаях. Ср. др.-верхн.-немецк. *birihha* — слав. *bērza*, лит. *bėržas*.

§ 103. в) Фонетическое значение сочетаний *tort* у славян в доисторическое время было не одинаково по группам того времени, — не одинаково в связи с разными способами, применявшимися в фонетической системе при осуществлении весьма значительной тенденции — избежать закрытости слога. Эта тенденция отразилась на изменении прежних дифтонгов

ou, eu, oi, ei в монофтонги и на изменении op, ep, yp в носовые гласные. В отношении дифтонгических сочетаний t-or-t, t-er-t, t-ol-t, t-el-t эта тенденция отражалась таким образом.

В речи предков южных славян, а также близких к ним издавна предков словаков и чехов долгота слога сосредоточивалась на гласном. Поэтому там были ar (вм. *ōr*), ěr, al, ěl. Для избежания закрытости слога с r, l (tar-t) происходило перераспределение слоговых элементов (образование монофтонга из or, er, ol, el было невозможно). Перераспределение состояло в том, что плавный отходил к следующему слогу: ta-rt, tĕ-rt... Но в таком случае возникала побочная слоговость ě, ! в начале слога. И от нее фонетическая система избавлялась посредством перемещения артикуляций: гласные a, ě стали произноситься после плавного: ra, rĕ, la, lĕ (перестановка): vĕapъ, vĕapa, brĕgъ, brĕza, glava, mlĕko. Перестановка в сочетаниях гласного с плавным происходила в разных языках. Ср. в греческих диалектах *ἀδέρφια* — *ἀδρέφια* — „брат“, *σχηρίζω* — *σχεπίζω* — „рассеиваю“, *δερπαύι* — *δρέπαυον* — турецк. *tərap* — „коса“, *σχορφα* — *σχορφα* — „свинья“ и др.

В речи предков восточных славян, а также северо-западных (предков лужичан, поляков, поморян, полабян) долгота слога сосредоточена была на второй части слога, на плавном r, l. Стремление к открытости слога и тут повело к перераспределению слоговых элементов, а это вызвало побочную слоговость долгих r, l: to-řt, te-řt, to-ļt, te-ļt. Чтобы избавиться от побочной слоговости плавных в начале слога, была применена в фонетической системе этих славян не перестановка, а развиты были вторичные гласные неполного образования после плавных. Этому развитию способствовала долгота слогового плавного. Этот вторичного происхождения редуцированный гласный подобен был тому, какой находился перед плавным: o, e. В дальнейшей судьбе гласного при r, l было различие в системах восточных и северо-западных славян. У восточных славян второй гласный в количественном отношении стал таким же, каким он был и перед плавным, т. е. гласным o, e: появились ого, еге, olo — voropa, beregъ, gołova. Перед согласным плавный был лабиовелярным у восточных славян, как у северо-западных, — у поморян и полабян. В зависимости от такого образования гласный e заменен был гласным o, а гласный ъ гласным ѝ (vъkъ → vъkъ): melko → mołko, melti → mołti. Поэтому у восточных славян mołoko, mołoti.

На то, что второй гласный в восточнославянском полногласии был в течение долгого периода времени не обычным гласным *o*, *e*, а более кратким, неполного образования гласным, свидетельствует украинская фонетика в ее истории. Давние гласные *o*, *e* подвергались в украинском языке удлинению в связи с ослаблением *ъ*, *ь* в следующем слове: *dvogъ* → *dvōr[ъ]* → *dvōr*; *рець* → *рѣщ[ъ]* → *рѣщ*. Но нет такого результата в удлинении *o*, *e* в полногласии: город, порог, берег. Ясно, в период ослабления гласных *ъ*, *ь* не было еще гласных *o*, *e* обычного образования (кратких) во второй части полногласия, а были гласные неполного образования: *o^o*, *e^e*, *o^o*. В отдельных именах в украинском языке находится *i* вместо *o*, *e* и в полногласии: порог и поріг, беріг и некоторые другие. Но появление в этих случаях *i* вместо *o*, *e* обусловлено не фонетическим изменением гласных *o*, *e* после плавных, а позднейшим воздействием ряда таких имен, в которых давние *o*, *e* чередуются с *i*; *o*, *e* в открытом слове, *i* в закрытом: носа — ніс, рога — ріг. По этому образцу появилось и новое чередование: порога — поріг и т. п. (Ср. подобное же явление в русском языке: под влиянием чередования л'он — льна вм. льпъ, льпа, ден' — дн'а, вм. дьпъ — дьпе и т. д. появилось чередование л'од — л'да, вм. ledъ — leda и т. п.) В памятниках украинской письменности XV—XVI вв. такое явление в отношении полногласия не отражается. Нет следов его и в украинских словах, перешедших в XVI—XVII вв. в польский язык: *derewn'a*, *Zarogoże* (но *Sicz*) и др.

Мы не можем принять и такое объяснение слов с *orі*, *olі*, *erі*: они появились под новоакутовым ударением (родит. множ. голів, борін, сторін, черід); под ударением новоциркумфлексным *oro*, *olo*, *ere* оставались без изменения (ворон, колод). (О видах ударения см. §§ 156—159.) Невозможно считать удовлетворительным такое объяснение потому, что ему противоречат многочисленные отступления от предполагаемой нормы: сторѡжа, горѡжа, колѡсся, волѡсся и другие с новоакутовым ударением; доріг, корів и другие с новоциркумфлексным ударением.

У предков северо-западных славян вторичный гласный усиливаясь, а гласный, предшествовавший плавному *r*, *l*, ослабевал и совсем утратился. Получилось *ro*, *re*, *lo*, *le*: *vropa*, *br'egъ*, *zloto*, *bloto*, *mleko* (у поморян и полабян *młoko*), польск. *mleć* вм. *melti* (у поморян *młoc*).

О том, что перед плавным был некогда редуцированный гласный, может свидетельствовать следующее явление, отразившееся в старопольских памятниках письменности XIV в. Предлоги и префиксы *vъ*, *съ* в сочетаниях со словами, имевшими в начальном слоге некогда *tort*, *tert*, *tolt*, *telt*, перешедшие в *t^orot*, *t^oret*, *t^otot*, *t^olet* (* слабый редуцированный гласный), представляют гласный *e*, как заменитель редуцированного в сильном положении, т. е. в слоге, за которым следовал слог с гласным редуцированным, подвергшимся затем утрате. Ср. также примеры: *ve b^oće*, *ve v^ota*, *se z^otet* (из Флорианской пс. XIV в.). Следовательно, когда-то за *vъ*, *съ* шел слог с редуцированным гласным, подвергшимся утрате. Поэтому в предшествующем слоге *ъ* → *e*: *vъ v^ota* → *ve v^ota*.

Сочетание *tort* имело еще иную судьбу на северо-западе. Вторичного гласного за плавным не представлено. Но перед плавным *r* гласный *a*: *tart*. Такие сочетания были в старопольском языке при *trot*. Более многочисленны сочетания с *tart* были у поморских славян. У их потомков, у кашубов и балтийских словинцев, такие сочетания представлены и в настоящее время: *varta*, *Starogard*, *karvinc* (польск. *krav'en'ec* — «коровий навоз»). Далее на западе, у полабских славян, в преимущественном употреблении были сочетания с *tart* (*tort*, *tart*): *gorch*, *korvo*, *starna*... Известен только один пример с гласным после *r*: *brōda*. Гласный *o* в полабском *tort* не представлял собою непосредственного заменителя древнего гласного *o*: если бы он был непосредственным продолжателем этого гласного, то он изменился бы в *ū*: ср. полаб. *slīvū* (*slovo*), *smūla* (*smoła*) и др.; *tort* или *tārt* явилось у полабян вместо *tart*, вследствие удлинения гласного *a* (*ā* → *ā̄* → *o*). Условия появления *ag* на северо-западе неясны. Проф. Я. Розвадовский видел в этом *ag* результат древнего сокращения слога *or* (в *tort*), — результат, образовавшийся в фонетических системах польской, поморской, полабской. Этот результат оказался одинаков с тем, что получилось в этих группах вместо древнего *tārt*: *tart* (*targ* вм. древнего *tārg*)¹.

В немногих славянских группах в отдельных словах иначе отражалась тенденция избежать закрытости слога: посредством

¹ J. R o z w a d o w s k i, *Historyczna fonetyka czyli głosownia języka polskiego* (в изд. „Encyklopedia Polska”, t. II, Kraków, стр. 388). То же в издании Краковской Академии наук „Gramatyka polska”, Kraków, 1923, стр. 163.

развития вторичного гласного ъ после г, л. Такому изменению подверглись некоторые сочетания в языке предков славян болгарских, в частности в той группе этих славян, которые водворились на северо-востоке Балканского полуострова. Результат такого изменения представлен следующими примерами, находящимися в памятниках славянской письменности, отражающей черты языка славян на востоке Балкан: *вльѣтнны* (в дошедшем списке с пропуском ъ и с постановкой ' : *вль'тнны*), *мльѣдннѣ* (*мль'дннѣ*), *пльѣтъ*, (*пль'тъ*), *сльѣность* (*сль'ность*) — в Шестодневие Иоанна экзарха (X в.), а также *зльѣтаринь* (*зль'таринь* — греч. χρυσοχόος — „мастер золотых дел“) — в переводе слов Афанасия Александрийского (в переводе, относящемся к X в.). Но нет полной уверенности, что такая передача восходит к давнему, доисторическому периоду: не явилась ли такая передача в результате воздействия фонетики не славянской, — фонетики тамошних, балканских романов (предков румын)? В иноязычной среде славянские сочетания с *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* нередко передавались посредством *ar*, *al*, *er*, *el*. Так, напр., переданы были некоторые славянские слова в албанской среде: *gardh* (*garth*) вместо слав. *grad[ъ]*, *daltë* вместо слав. *dlato*; ср. и передачу таких слов: слав. *krupa* — алб. *kërpinë* — „солю“; слав. *trup[ъ]* — алб. *turp*; греч. *κλεισόβρα* („ушелье“) — алб. *Këltësürë* и др. Совсем нет необходимости видеть в этой передаче указание на славянские сочетания с *ar*, *al*, *er*. (Подробнее об этом говорится в моей книге „Славянское население в Албании“.)

Но не исключена возможность, что *вльѣтнны*... восходит к доисторическому *vaľtĭny*, — с развитием вторичного ъ после плавного (в некоторых сочетаниях в языке предков болгарских славян). То же явление отразилось у них и на судьбе *al* в начальном слоге: *альѣтнн*.

Неясно, как надо объяснить написание *зльѣта* — единственный пример в Синайской пс., при обычном *злато*.

§ 104. *čelt-*, *želt-*. После шипящих согласных произошло в этих сочетаниях изменение *e* в *ǰ*. В тех языковых группах, в которых происходило удлинение гласных *o*, *e* в *ort*, *tert* (см. § 103), удлинялся и *ǰ*. В связи с изменением лабиализованных гласных переднего ряда в нелабиализованные (§ 51) изменился и *čǰl* в *čāl* и затем в *čal*. Так было в говорах, легших в основу южнославянских, а также словацкой и чешской групп. Ст.-сл. *жаадъ* 1 л. ед. *жаадѣ* — „платить, оплатить“: не имать унѣ жаадѣ (Супр.

рук.). Сербо-хорв. *člān, člānak*, чешск. *člap, člānek* вместо *čelnъ, čelnъкъ*. Чешск. *žlab* вм. *želbъ* — „желоб“.

В основу польской группы легли те говоры, в которых не происходило удлинения *o, e* (см. § 103). Не удлинился там и *ō* в *žōl*; но раньше дислабиализации развился после плавного вторичный лабиализованный гласный, который позднее заменился гласным полного образования: *zlobъ (žlōb)*. Развитие вторичного гласного после плавного находилось в этой группе в связи с общим фонетическим направлением в изменении сочетаний *tort, tert, tolt, telt*.

В южных и западных группах имеются и сочетания *člēt-, žlēt-* (в польской группе *žlet-*). Полагаем: изменения *čelt-, želt-* — в *čōlt-, žōlt-* происходило перед твердым согласным: *čōlnъ, cōlna, žōlnъ*; но *čelně, želbě*. С течением времени происходило обобщение для всех форм основы с одинаковым гласным после *č, ž* (ст.-сл. *жъдѣтъ, жъсти* (Супр. рук.). Старо-чешск. *člēnek*, словацк. *člienok*; чешск. *žlibek*, словацк. *žliebok, žleb*; сербо-хорв. *žlěb*, польск. *žleby* — „трещины, углубления в горах“.

§ 105. 2) *ort-, olt-*, в начале слова. Вследствие осуществления фонетической тенденции к открытости слога изменились у славян в доисторический период и *ort-, olt-* в начале слова. (Для *ert-, elt-* нет достоверных примеров). Изменения были не одинаковы по славянским группам.

В сочетаниях с *ort-, olt-* под восходящим ударением повсюду у славян получился одинаковый результат: происходило удлинение гласного и затем перемещение слоговых элементов: *ort- → rat-, olt- → lat-*. Ср. слова с корнем *or-* (из основного *ār-*): *or-* перед гласным не испытывало изменений, потому что *r* не заканчивал слога, а относился к следующему слогу: *orati* (*o-ra-ti* — „пахать“); ср. в других индоевропейских языках образования с тем же корнем: греч. *ἄρῳ* — „пашу“, *ἄροτης* — „пахарь“, *ἄρατρον* — „плуг“; лат. *arō* — „пащу“, *arātrum* — „плуг“; лит. *arti* — „пахать“, *artójas* — „пахарь“, *árklas* (вм. *ártlas*) — „соха“. Но перед согласным в славянской фонетике *or-* подверглось изменению: в данном случае *or-* было под восходящим ударением и заменилось посредством *ar-*, а это — посредством *ra-*: *ortai* — „пахарь“ → *ratai*; *ordlo* → *radlo* → *rafo* — „орудие пахоты“ (лит. *árklas*). Так, *ra-* во всех славянских группах. На то, что в этом корне *or-* перед согласным ударение было восходящее,

указывает судьба этого слога в славянских языках, с одной стороны, и литовская параллель — с другой: серб. *gàlo*, у чехов — долготы: *gādlo* (чешская долготы указывает в данном случае именно на восходящее ударение: *vrāna*, *l̄ra*; серб. *vrāna*, *l̄ra*); лит. *áklas* с '.

Другие примеры с восходящим ударением:

oŕmo → *ramo*, ст.-слав. *ramo*, серб. *gàmo*, *gàme* — „плечо“, чешск. *gāmě* — „плечо, рука“, украин. *ram'a*; ср. в сербском *ʹ*, в чешском долготу; ср. в литовском слог на стадии редукации, но с ударением: *l̄médė* — „ломота в костях“; др.-иран. *agāna* — „рука“, лат. *armus* — „лопатка“, др.-верхн.-нем. *aram* — „рука“.

oikati → *lakati* — „голодать, ощущать голод“, *oikomъ* → *lakomъ*. Во всех славянских группах *la*. Отметим серб. *lakom*, чешск. *lakati*. Ср. еще литовскую параллель с ударением: *álkti*.

Сочетания *ort-*, *olt-* с нисходящим ударением или без ударения изменялись не одинаково по славянским группам доисторического времени.

а) В одних группах произошло и в этих сочетаниях удлинение и перемещение слоговых элементов: *ort-* → *rat-*, *olt-* → *lat-*. Так было у предков южных славян — у болгар, сербов (хорватов), словинцев. Отчасти отразились те же результаты и у близких к ним предков словаков. Примеры:

ōldii- → *ladii*: серб. *lāda* (с *ɔ*, а не с *ɔ̄*); ср. безударное *al-* в литовском: *aldija* (винит. *aldija*);

ōlkūtī → *lakъtъ*: серб. *lakat*, болг. *лакът*, словин. *lakāt* (у словинцев произошел перенос нисходящего ударения на следующий слог: *zlatō*); ср. лит. *alkūnė*;

ōrvīno- → *gavъnъ*: серб. *gāvnt*, болг. *равен*, словин. *gavnōpol'e*; ср. др.-прусск. *arwis* — „подлинный, наверный“;

префикс *orz-* → *raz-* — в языках южных славян;

orsti, *orstъ* → *rasti*, *rastъ*, серб. *rasti*, *gāst*, болг. *раст*, словин. *rāsti* (с переносом ударения к началу слова).

§ 106. В немногих словах в языке предков южных славян получился и иной результат: удлинения не происходило, *ort-* под нисходящим ударением или вне ударения заменилось посредством *rot-*. Такая двойственность была в передаче сочетания

orb-: rabъ и robъ, rabota. Условия этой двойственности неясны. У предков болгарских славян были и другие слова в двойной передаче — с rat и rot, lat и lot. В Супрасльской рукописи, отражающей черты говоров восточной Болгарии, находится при словах с ра- (rabъ, раздати) не только рокъ, но и приставка роз-, рос-(розбонникомъ, розмысленъ, ростворенъ и др.), розкъ.

В болгарских группах были два фонетических варианта в замене oikŭi-: lakъть и lokъть. На вариант с lo указывают некоторые македонские говоры: локот (в Солунском крае, в Малой Реке — на западе Македонии).

б) В группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков, в сочетаниях ort-, oit- под нисходящим ударением или вне ударения не было удлинения; произошла только перестановка. Примеры: lodii, lodъ, lokъть, loni („в прошлом году“), говъпъ, roz-, gosti.

Корень og-, отмеченный выше, с восходящей интонацией: oĭ-dlo. Но в образовании с суффиксом -lja пережито было изменение тона, как и в других словах с суффиксом ja (-ja), -je: см. ниже в отделе об ударении. Вследствие метатонии появилась вместо восходящей интонации нисходящая (новонисходящая): гоlja — „пахотное поле, пашня“, белорусск. ралля, украинск. рілля, старо-чешск. ělie → ělĭ (в чешском языке в слог с прежним нисходящим ударением слог краток), польск. goła, др.-русс. ролна, рольа — хочеть погубити смерды и ролью смердомъ (Ипатьевский сп. летоп., под 6619 г.); было это слово в русском языке и в XVII в., некоторые лица имели прозвище от этого имени: да в той же пустоши по жеребью за Онтоном Игнатьевым сыном Рольным (Рязанские писц. книги XVII в.).

§ 107. В языке предков славян болгарских тенденция избежать закрытости слога в сочетании og-, ol- в начале слова отразилась еще в ином направлении: посредством развития вторичного гласного после плавного: aĭkati, aĭdii. На такой результат изменения oit- указывают данные старославянских памятников: aĭmati, vĭzaĭmati, aĭyŭca, aĭdini. Но и: ladni; в Синайской пс. laŭŭŭte, vĭzlaŭŭŭŭ; vĭzlaŭŭŭŭtъ vko pesъ, в Зогр. код. vĭzlaŭŭŭŭŭ sa. Такой способ избежания закрытости слога применялся в языке болгарских славян и позднее, как было указано выше (§ 36): norĭdanъ, kaporĭdnoumъ, orĭganъ, oĭtarъ и др.

ПОЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП СРЕДИ ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В ОТНОШЕНИИ СОГЛАСНЫХ.

§ 108. 1) В языке славян согласным s, z в ряде слов соответствовали шипящие или свистящие в одних индоевропейских языках, заднебные или их замены — в других. Шипящие или свистящие представлены в языках древнеиндийском, древнеиранском, литовском, албанском. Заднебные или их замены были в языковых группах хеттской, тохарской, греческой, итальянской, кельтской, германской. Заднебные согласные представлял и язык того населения, весьма богатая культура которого в долине реки Инда (в Мохенджо-Даро и в Хараппе) открыта была недавними раскопками, — культура, относящаяся к первой половине 3-го тысячелетия до н. э.¹ Надписи на некоторых предметах этой культуры удалось несколько месяцев тому назад прочитать профессору Пражского университета Б. Грозному. (Он же прочитал иероглифические хеттские надписи.) На основании таких соответствий в разных индоевропейских языковых группах полагаем, что эти соответствия представляли собою замену более ранней фонетической стадии индоевропейских языков, — стадии с такими k, g, gh, которые отличались от k, g, gh в других словах, — отличались тем, что затвор производился ближе к твердому нёбу по сравнению с затвором для k, g в других случаях. Таким образом, в языковых группах восточноиндоевропейских — в др.-индийской с ее книжным языком — с санскритом (в группе более позднего появления в области Инда, по сравнению с населением, остатки культуры которого открыты в Мохенджо-Даро, — с населением протоиндийским), в др.-иранской, балтийской (литовской, др.-прусской и др.), славянской, албанской, — в судьбе образования для таких нелабиализованных, задних k, g произошла передвижка вперед, их замена посредством согласных шипящих, свистящих или фрикативного th (dh). В некоторых других давних процессах восточноиндоевропейские группы также представляли общие направления.

В языковых группах протоиндийской, хеттской, тохарской, греческой, итальянской, кельтской, германской передвижки вперед

¹ В. Грозный, О nejstarším stěhování národů a o problému civilizace protoindické. Praha, 1939, стр. 27. — Мой перевод этой статьи проф. Грозного напечатан (с сокращениями) в журн. „Вестник древней истории“, № 2 за 1940 год, стр. 15—34.

не происходило; заднебные k, g, ch становились близкими к нелабиализованному заднебному согласным.

Итак, соответствия древнейшим k', g', g'h в отдельных индо-европейских языках таковы:

	др.-инд.	др.-иран.	лит.	слав.	алб.	тох.	греч.	лат.	гот.
k'	κ(ś)	s	š	s	s, th	k	κ	c(k)	h(g)
g'	j(dž)	z	ž	z	z, dh, d	k	γ	g	k
g'h	h	z	ž	z	z, dh, d	k	χ	h	g

Примеры:

k':

а) слав. съто, tysetja в.м. ty-seŕja, ст.-слав. тысяща, лит. šimtas, др.-инд. śatām, др.-иран. satəm;

б) тохар. kānt, греч. ἑκατόν (é-xatón), лат. centum, гот. hund;

а) слав. desetъ, лит. dësimt (диал. dešimtis), др.-инд. dáśa; др.-иран. dasa;

б) греч. δέκα, лат. decem, гот. taihun;

а) рьsati, pišq (1 л. ед.), лит. piëšti, piešiù — „углем проводить линию, чертить, писать“, др.-инд. piñçáti — „он украшает, придает вид“;

б) тохар. piñkam — „он пишет“, лат. pingō (pictum) — „рисую, иглою вышиваю“.

g':

а) слав. znati, лит. žinóti; др.-инд. jñāti (džanati) — „он знает“;

б) греч. γινώσκω — „я познаю, знаю“, лат. gñōscō, pñskō, гот. kann;

а) слав. зьгно, лит. žl̃nis;

б) лат. grānum;

а) слав. зрѣъ, лит. žambas — „угол у перекладины“, латышск. zuobs — „зуб“, др.-инд. jāmbhaḥ — „зуб“.

б) греч. γόμφος — „гвоздь“, др.-верхн.-нем. kamb — „гребень“.

g'h:

а) слав. vezq, vozъ, лит. vežù, др.-инд. váhati — „он едет“;

б) греч. βῆχος в.м. φόχος — „повозка“, лат. veho, гот. gawīga (ga-wīga) — „я двигаю“;

а) слав. zima, лит. žemà, др.-инд. himāḥ;

б) греч. χιών — „снег“, χειμών — „зима“, лат. hiema.

§ 109. 2) Соответствия разных индоевропейских языков указывают, что в их фонетической системе некогда были такие *k, g, gh*, при образовании которых затвор производился в глубоководной части мягкого нёба; а такая задненебная артикуляция согласных сопровождается активным участием губ,— их округлением: k^u, g^u, gh^u (значок u указывает не на отдельную губную артикуляцию, а на лабиализованные *k, g, gh*). Подвижка вперед заменителей таких согласных в отдельных индоевропейских языках не переживалась, если только не возникали особые фонетические условия, при которых происходила передвижка образования согласного в палатальный ряд (напр., у славян перед *j* и перед гласным переднего ряда: $ki \rightarrow \check{c}i, ke \rightarrow \check{c}e...$). След лабиализованного образования *k, g, gh* представлен в некоторых индоевропейских языках и в том, что при задненебном образовании согласного развился лабиальный элемент. Такой был в языках хеттском, латинском, германских: хет. *kuiš*, лат. *quis* — „кто“, гот. *hwas* — „кто“. Бывало и так, что губная артикуляция получала перевес: затвор велярно-лабиальный заменялся лабиальной артикуляцией. Так в оско-умбрской группе (*pis* — „который“), в греческой (*πότερος* — „который из двух“), отчасти в кельтском (др.-валлийск. *reŕguar* в соответствии латинскому *quattuor* — „четыре“). В восточных же индоевропейских языках нет следов лабиального элемента в образовании *k, g*: если он некогда и был в фонетической системе этих языков, то он рано утрачен ими. Отсутствие или давняя утрата лабиального элемента *k, g, gh*, с одной стороны, и небо-зубные спиранты вместо k', g', gh' — с другой, в восточноиндоевропейских языках находились в связи с фонетической системой их. Примеры:

Ст.-слав. *отълькѣ* — „остаток“, лит. *lėkù*; но греч. *λείπω* — „оставляю“, лат. *linquo* — „оставляю“;

гот. *leiŕwa* — „суживаю“;

слав. *говѣдо* — „рогатый скот“, латыш. *gūws* — „корова“, др.-инд. *gāuḥ* — „скот“; но греч. *βοῦς* — „бык“.

§ 110. 3) В славянской, балтийской, др.-индийской, др.-иранской языковых группах имеются слова с *k, g*, которым в западных индоевропейских языках соответствуют согласные, восходящие к задненебным согласным без лабиального элемента: в греч. *x*, в латин. *c* (*k*), в герм. *h*.

Напр.: слав. *krъ* (*krъvъ* — винит. ед.), лит. *kraũjas* — „кровь“, др.-инд. *kravṣṭ* — „сырое мясо“, греч. *κρέας* в м. *κρέας* — „мясо“, лат. *crugo* — „кровь“;

слав. *lucъ* (ѣ в м. к перед гласным переднего ряда), лит. *laũkas* — „имеющий белое пятно“, греч. *λευκός* — „белый“, лат. *lũcere* — „светить“, гот. *liuhath* — „свет“;

слав. *stogъ*, *ostegъ* (*o-stegъ*) — „одежда“, лит. *stogas* — „крыша“, др.-инд. *sthaḡayati* — „он покрывает“, греч. *στέγα* — „покрываю“.

§ 111. 4) В др.-индийском, др.-иранском, греческом, латинском языках отразились следы более ранней фонетической стадии с придыхательными *kh*, *gh*, *g^h* (лабиовелярный придыхательный *g*): в др.-индийском — придыхательные *kh*, *gh* и *h*, в греческом придыхательные *kh*, *gh* заменились задненебным спирантом *χ*, а лабиовелярный придыхательный *g^h* заменился спирантом *φ* или *θ*; в латинском *h* вместо *gh* и губной *f(v)* вместо *g^h*.

В языке славян, как и в языке литовцев, нет следов придыхательных *gh*, *g^h*: в этих языковых группах имеется задненебный согласный *g*, а вместо незадного *g^h* находится то же, что и вместо незадного *g'*: в литовском *ž*, в славянском *z*.

Примеры:

gh: слав. *stig-* (*stignoti*), лит. *staiḡyti* — „торопиться“, др.-инд. *atistḡham* — „переходить“, греч. *στέγω* — „ступаю, иду“; слав. *тъгѣ*, лит. *miḡla*, др.-инд. *mēghaḥ*, греч. *θύγλη* — „туман, облако“.

g^h: слав. *snēgъ*, лит. *snēgas*, греч. *νίψ*, лат. *nivem* (им. едм. *nix*);

слав. *gorēti*, лит. *gāras* — „пар“, др.-инд. *gharmāḥ* — „жар“, греч. *θερμός* — „теплый, горячий“, лат. *formus* — „горячий, теплый“.

g^h: слав. *zima*, лит. *žemà*, др.-инд. *himaḥ* — „холод, зима“, греч. *χειμῶν*, лат. *hiems*; другие примеры см. выше.

В литовском языке нет следа и от придыхательного задненебного *kh*. Но у славян есть след такого согласного: в ряде слов, в которых др.-индийский имел *kh*, греческий *χ*, у славян был *ch*, а не *k*. Напр.:

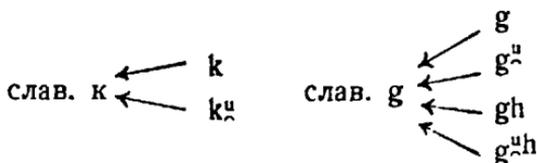
слав. *socha*, др.-инд. *śākha* — „сук, ветвь“, персид. *šāch*; лит. *šakà* — „сук, ветвь“.

В отношении значения „соха — ветвь, сук“ ср. русские прилагательные „россохатой, росошистой, росохивостой“ в значении — „ветвистый, суковатый“: на дръвѣхъ росохатыхъ по-яснѣша (Георг. Амартол); да попрошодъ налево стешкою да къ ивъ къ росошистой (из Белевских писцовых книг, 1584—1585 гг.); отъ тово дуба... на холмъ на росохивостай дубъ (оттуда же).

слав. *chochotati*, др.-инд. *kakhati* — 3 ед., греч. *καχάζω*;

слав. *gěcha* (русск. прорѣха), *gěšiti* (*otrěšiti*), др.-инд. *gēkha* — „черта, линия“, *rikhati* — „режет“, но лит. *gēkti* — „резать хлеб“.

Итак:

§ 112. В ряде индоевропейских языков имеются ясные следы придыхательных согласных, находившихся некогда в фонетической системе этих языков. Так, в др.-индийском, др.-иранском, греческом, латинском, германских имеются указания на придыхательные звонкие согласные, когда-то находившиеся в этих языках — *bh*, *dh*, *gh* (*gh* и *g^h*).

В др.-индийском были слова с *b*; но больше слов было с *bh*; в греческом им соответствовали слова с *β* и с *φ*; в латинском с *b* и *f*. Слова с др.-инд. *bh*, с греч. *φ*, с лат. *f* указывают на более раннюю фонетическую стадию с придыхательным *bh*.

У славян, как и у литовцев, — *b*. Например:

b: др.-инд. *bālam* — „сила“, греч. *βέλτερος* — „лучший“, лат. *dēbilis* (*dē-bilis* — „бессильный“), — слав. *bol ſi* — „большой, лучший“;

bh: др.-инд. *bhārami*, греч. *φέρω*, лат. *ferō*, — слав. *berō*;
др.-инд. *bhānati* — „он говорит“, греч. *φημί*, лат. *fāgī*, — слав. *baјō*, *baјati*;

др.-инд. *bhāvāmi*, греч. *φῶναι* — „давать бытие, рождать, производить“, лат. *futurus* — „будущий“, — слав. *byti*, лит. *būti*.

Ср. также в др.-индийском слова с *d* и *dh*, в греческом с *δ* и *θ*, в латинском с *d* и *f*, указывающие на более ранние *d*

в одних случаях и на придыхательный dh — в других. У славян, как и у литовцев, только d. Напр.:

d: др.-инд. *duvā́, dvā́*, греч. *δύω*, лат. *duo*, лит. *dù*, слав. *дѣва*;
др.-инд. *dāmaḥ*, греч. *δομος*, лат. *domus*, слав. *домъ*;

dh: др.-инд. *mādhu*, греч. *μέθυ*, лит. *medūs*, слав. *медъ*;
др.-инд. *dháyati* „сосет, пьет“, *dhēnúḥ* — „молочный“, греч. *θήσαστο* — „он сосал“, *θηλή* — „грудь матери“, лат. *fēlāre* — „кормить молоком“, слав. *dojō, dēte*;
др.-инд. *rudhirāḥ* — „красный“, греч. *έρυθρός* — „красный“, лит. *rudėti*, слав. *гѣдѣти, ruda*.

Замены придыхательных *gʰh, gh, gʰh* в др.-индийском, в греческом и латинском отмечены были выше: в др.-инд. гортанный *h* вм. *gʰh* и вм. *gʰh* (перед заменой давних *ē, ě, i*); *gh* вм. *gh* и *gʰh*; в греческом *χ* вм. *gh (gʰh, gh)*; *φ, θ* вм. *gʰh*; в латинском *h* вм. *gh (gʰh, gh)*; *f, v* вм. *gʰh*.

У славян же *gʰh* → *z*, у литовцев → *ž*, как и вместо непридыхательного *gʰ*; вместо же задних придыхательных *gh, gʰh* у славян, как и у литовцев, *g*. Сравните соответствия славянским *zima, mьgla, sněgъ, gorēti* — соответствия, указанные выше.

В др.-индийском и др.-иранском языках были представлены указания на глухие придыхательные *th, ph, kh*. В греческом имелись следы двух из этих глухих придыхательных; *φ* вм. *ph*, *χ* вм. *kh*. В фонетике славян есть след только давнего *kh*, — след в виде *ch: rěcha, chochotati* и др. соответствия, см. выше. В отношении других глухих согласных нет следов придыхательного образования их: во всех случаях у славян *t, p*, как и вместо непридыхательных *t, p*. Примеры:

t: др.-инд. *tád*, греч. *τό*, лат. *istud*, слав. *to*;
др.-инд. *mātār*, слав. *mati*, лат. *māter*;

th: др.-инд. *mānthati* — „он двигает, перемешивает“, слав. *męto*;

p: др.-инд. *plavatē* — „он плавает“, греч. *πλέω*, лат. *pluit*, слав. *plowō*;
др.-инд. *priyāḥ* — „дорогой, милый“, слав. *prijazнь, prijatelʹ*;

ph: др.-инд. *phénaḥ*, слав. *pěna*;

др.-инд. *phálakam* — „доска“, греч. *σφέλις* — „скамейка“, слав. *polica*.

Итак, у славян, как и в некоторых других индоевропейских группах, система согласных не имела издавна придыхательных согласных. И следов не осталось от таких согласных, кроме одного: *sh* вм. *kh*.

Образование славянской фонетической системы сравнительно с системами других индоевропейских языков обнаружило следующие черты давней славянской системы в отношении согласных:

- 1) *s*, *z* вместо нелабialsных, задних *k'*, *g'*, *g'h*;
- 2) отсутствие следов фонем с лабиальным элементом *k^h*, *g^h*: были только *k*, *g*.
- 3) отсутствие следов придыхательных согласных:

b вместо *b* и *bh*,
p вместо *p* и *ph*,
d вместо *d* и *dh*,
t вместо *t* и *th*,
g вместо *g* и *gh*.

Только придыхательный *kh* оставил след в славянской фонетической системе: *kh* → *sh*, как и в греческом языке.

Небно-зубные.

§ 113. Согласные *t*, *d* соответствовали такого же типа согласным других индоевропейских языков.

- t*: слав. *to*, др.-инд. *tád*, греч. *τό*, лат. *istud*;
слав. *mati*, вин. *materь*, лит. *motė* — „женщина“, греч. (дорич.) *μᾶτηρ*, лат. *māter*;
- d*: слав. *domъ*, др.-инд. *dāmaḥ*, греч. *δομας*, лат. *domus*;
слав. *séděti*, лит. *sédėti*, др.-инд. *sádaḥ* — „место, жительство“.

Кроме того, как указано выше, в славянской системе *t*, *d* были в соответствии придыхательным *th*, *dh*, оставившим следы в системе др.-индийского (*th*, *dh*), греческого (*θ* вм. *dh*) языков.

- Слав. *meṭq*, др.-инд. *mānthati* — „он перемешивает“,
слав. *medъ*, др.-инд. *mádhu*, греч. *μέθυ* и др.; см. выше, § 112.

§ 114. Согласный *n* был продолжением такого же типа носового согласного более ранней фонетической стадии. В других индоевропейских языках ему соответствует *n*.

Слав. *nebo*, др.-инд. *pábhāḥ*, греч. *νεφος* — „облако“, лат. *nebula* — „туман, облако“, др.-верхн.-нем. *nebul* — „туман“.

слав. *сѣна*, др.-иран. *каёна* — „штраф“, лит. *kainė* „цена“, греч. *ποινή* — „возмездие, штраф“.

Кроме того, у славян п появился в доисторическое время вместо *m* в конце слога. Ср. ясное указание на согласный *p* в предлоге (префиксе) *son* или *sъp*: перед согласным *son* → *so:* *sošedъ*, *sošekъ* и др. Что касается вида этого предлога (префикса) с гласным *ъ* (ступень редукции — *sъp*), то *p* удержан перед гласным или перед *j*: *sъpití*, *sъp-jimъ* → *sъp'-imъ* („с ним“). В других положениях *p* утрачен: *sъp* → *sъ*. Соответствие этому предлогу в других индоевропейских языках представляет согласный *m*: др.-инд. *sām*, греч. *ἄμα* — „вместе с ...“. С согласным *p* вместо *m* был и предлог *kъp*: *kъp-jemu* → *kъp'-emu*. Ср. в др.-инд. вид соответствующего предлога: *kām*. Возможно полагать, что *m* изменился в *p* и в середине слова перед согласным (см. § 80).

Процесс изменения конечного *m* в *p* переживался отдельными славянскими группами и позднее, в исторический период. Так было в сербо-хорватской чакавской диалектной группе (*sāp* вм. *sām*, *zпāp* вм. *zпām*) и по говорам словацкой группы (*tap* вм. *tam*, *гоbтp* вм. *гоbтm*, *chlaron* вм. *chlaron* — дат. мн. — на юге среднесловацких говор).

§ 115. Славянские *s*, *z* продолжали собою того же типа согласные более древней фонетической стадии. В других индоевропейских языках находятся такие же согласные, если не пережито тех или иных изменений их. Несколько примеров:

s: слав. *супъ*, лит. *sūpūs*, др.-инд. *sūpūḥ*, гот. *sunus*, гр. *σίβς*, тох. *soyā*;

слав. *сѣjо*, лит. *сѣju*, лат. *sēmen* — „семя“;

z: слав. *мъzда*, гот. *mizdō*, гр. *μισθός* — „плата“;

слав. *mozgъ*, др.-иран. *mazga* — „костный мозг“.

Слов с *z*, которому в других индоевропейских языках соответствует такой же согласный или его замена, немного. При этом *z* находится только в сочетаниях *zd*, *zg*.

У славян согласные *s*, *z* были и иного происхождения.

а) В ряде случаев они появились вместо более давних незадных *k'*, *g'*, *g'h*, в соответствии с *ç* (*š*), *j* (*ǰ*) др.-индийских, *š*, *ž*

литовских, ж, у греческих: *dešęty, znatī, žygnō, žima, vezq.* Соответствия отмечены выше.

b) s в группе st обусловлено было диссимиляцией сочетания tt (вм. tt и dt → tt): *mesti* вм. *metti, vesti* вм. *vetti* ← *vedti, pastī* вм. *padti*.

s — ch.

§ 116. Согласный s пережил изменения у славян в доисторическое время: в определенном фонетическом условии s → ch. Таким условием было следующее: положение s после давних гласных высокого подъема (i, u) и после r, k. При указании на положение s после i, u имеются в виду не только давние гласные i, u краткие и длинные, но и дифтонги с этими гласными: eĭ, oĭ, eĭ, oĭ. Эти гласные и дифтонги изменились затем у славян так: ĭ → ĭ, ĭ → ъ, ū → у (ы), ū → ъ, eĭ → ĭ, oĭ → ě, eĭ → ju → 'u, oĭ → u. Таким образом, ch у славян появился фонетически после i, ъ, у (ы), ъ, ě (из oĭ), u, а также после r, k.

Возможно полагать, что появлению ch вместо s предшествовала фонетическая стадия с ж заднепалатальным.

В образовании s кончик языка опущен за нижние резцы; приподнятая часть у альвеол представляет теснину; одновременно приподнята и задняя часть языка. В положении после i, u, r, k редуцировалась работа передней части языка, а задняя часть несколько выше приподнималась. Но такого изменения s не было, если s находился в сочетании с затворным согласным: st, sk, sr; в этих случаях объединение артикуляции s со следующим затворным образованием удерживало переднеязычную артикуляцию s: *istina, iskati, blęskъ* и др. Сравните фонетический процесс в греческом языке: s в начале слова и в середине слова между гласными изменился в гортанный h — с дальнейшим изменением (утрата между гласными). Но перед r, t, k сохранилось образование *si* греч. *ἴση* — „новая“ (др.-инд. *sāpañ*, лат. *senex*); но: *σῆμα* — „совершаю возлияние“, *ἀστὴρ* — „звезда“.

Сравните славянские формы так называемого сигматического аориста, т. е. аориста с суффиксами -so, -s: *pęszъ* — I л. ед., *pęszę* — 3 л. мн. (ср. ст.-сл. *приваса, приваса* и т. п.) Но те же формы представляли ch в таких инфинитивных основах, которые оканчивались гласными i, u (у вместо более раннего ū), r, k — *бісчъ, бішę* (ж вм. ch перед гласным переднего ряда); *kruschъ, krusę*; *žerchъ* — ст.-сл. *жрхъ, žeršę* — ст.-сл. *жрша, řęchъ* (вм.

rĕk — chъ), rĕšĕ. Но -ste — в форме 2 л. мн., 3 л. двойств., -sta — в форме 2 л. дв.: biste, bista, kryste, krysta, rĕste, rĕsta, ст.-сл. жръста, жрста.

Другие индоевропейские языки также указывают на s в соответствии славянскому ch.

Несколько примеров:

слав. tichъ, лит. teisùs — „справедливый“, лит. taisaũ, taisýti — „готовить, улучшать“;

слав. mucha, лит. musĕ, лат. musa;

слав. ucho, лит. ausis, гот. auso, лат. auris (вм. ausis);

слав. ruch — ruchati; греч. φῦσα — „раздувательный мех“, φῦσάω — „дую“;

слав. мушь (š вм. ch перед гласным переднего ряда), др.-верхн.-нем. mūs, лат. mūs, греч. μῦς;

слав. bŕъcha, лит. blusà;

слав. тъschъ, лит. musaĩ, лат. muscus;

слав. roschъ, ст.-слав. прахъ (ср. тот же корень с гласным ъ и с суффиксом -t: рьсть), герм. (скандин.) fors — „водопад“;

слав. окончание формы местного множ. числа -chъ вместо -su, на которое ясно указывают языки др.-индийский, др.-иранский, др.-литовский: слав. kostъchъ, gostъchъ, tŕъchъ, vŕcĕchъ, супъchъ и др.; лит. akisù, sùpùsù; др.-инд. açvasu, sùnúṣu, vŕkeṣu, др.-иран. vāhrkaēṣu.

В тех же условиях, как у славян, было пережито изменение s и в группах индо-иранской и балтийской, — в группах, в системе которых представлены были и некоторые другие черты, общие с славянской системой. Направление фонетического процесса в изменении s было одинаково: согласный s заменялся шипящим š в др.-иранской и балтийской группах и согласным ſ (вроде шипящего) в др.-индийской. Например:

др.-инд. vārsiṣṭaḥ — „самый высокий“, лит. viršùs, слав. vŕchъ;

лит. garšvà, слав. gorchъ, ст.-слав. грахъ;

др.-иран. uši, лит. ausis, слав. ucho;

др.-инд. mūḥ (ḥ вм. ſ в конце слова), лат. mūs, слав. мушь;

Ср. выше примеры с окончанием местного множ. числа.

В литовском языке изменение s → š после i, u представлено непоследовательно: при каких-то условиях s после i, u в балтийской группе сохранялся без изменения.

лит. *vėtušas*, лат. *vetus*, слав. *vetъschъ*;

лит. *juše*, слав. *jucha* — „ухà“;

лит. *trišėti* — „дрожать“;

лит. *paĩšas* — „большой мешок“, этимологически соответствует славянскому *měschъ*.

Но: лит. *saũsas*, слав. *suchъ*, лит. *trisù*, слав. *trъschъ* и др.

В отличие от процесса индо-иранского и балтийского у славян изменение *s* в указанном положении было более интенсивным.

§ 117. На фонетическую сторону изменения *s* в *ch* может указывать такое позднейшее явление в славянских языках: изменение *šc* в *chc*. При этом имеются данные, свидетельствующие о переходной фонетической стадии, о *šc*. Так по болгарским говорам Македонии и Болгарии. Проследите судьбу названия таких сел в западной Македонии: Русци в XIV в. — Рухци позднее; Велмесци — Велмешци в XVI в., Велмехци позднее; Власци — Влашци в XVI в., (В)лахце позднее. То же изменение отражается на женском имени Бесцена: в записях XVII—XVIII вв. — Бехцена; прилагательное: пречуден камен бехцени (XVIII в.). На это явление указывает и передача слова „победоносца“ (винит.-родит.): победонохца и чудотворца Георгиа (XIX в.). Такой результат изменения представляет и сочетание *šč*: нохче (нофче) вместо ношче (ножче, уменьшит. к „нож“). Так изменились *sc*, *šč* и по говорам словинским и чешским: слов. *ichčem* („ищу“); чешск. *chčestĭ* вм. *ščestĭ* („счастье“), *jechče* вм. *ješče* („еще“); *chcāti* вм. *scāti*.

Отметим еще одну позднейшую параллель к изменению *s* в *ch*: один мальчуган (без дефектов в речи), волнуясь во время школьного экзамена, так прочитал заглавие рассказа „Садовник и его сын“: „Хадовник и его сын“.

Процесс изменения *s* в *ch* или в гортанное образование переживался многими языками. Из неиндоевропейских языков такое изменение в совсем недавнее время происходило в якутском языке, как на это обратил внимание О. Böhrlink: „*s* wird seit nicht gar langer Zeit von vielen Jakuten, namentlich von den Bewohnern der Stadt Jakutsk, zwischen zwei Vocalen wie *h* gesprochen“¹.

§ 118. В ряде случаев *ch* находится не только после *i*, *u*, но и после других гласных. Во всех этих случаях образования *s* *ch*

¹ О. Böhrlink, „Jakutische Grammatik“. SPB 1851, 158—159.

возникли по аналогии с родственными образованиями, в которых изменился фонетически (после *i*, *u*, *r*, *k*). Так, форма местного множ. числа имела окончание *-schъ* фонетически вместо *-su* в основах на *-ĭ*, *-ĭ̄*, *-o* (*-oĭ* → *è*): *supъschъ*, *kostъschъ*, *vyčechъ*. По образцу форм с такими основами стали образовывать форму местного множ. на *-schъ* и в основах на *-a*: *gubachъ*, *žepachъ*. Но в др.-индийском не происходило такого обобщения в окончании: *sūpūṣu*, *āviṣu*, но: *ācvasu*.

Хотя у славян процесс обобщения в окончании *-schъ* был интенсивен, но все же по славянским группам в некоторых случаях в именах собственных, относившихся к населению и к местам жительства его, доле держались формы местного множ. на *-sъ* в основах с суффиксом *-an*: *Dol'an-e*, *Vrbъča-ne*, *Ložane...* (доле, чем в именах апеллятивных, нарицательных). Еще в историческое время для чехов засвидетельствованы такие формы местного множ.: *Dolās*, *Vrbčās*, *Luzās* и некоторые др. Позднее для всех имен стало служить окончание *-ch*.

По аналогии появился *ch* и в формах сигматического аориста с инфинитивной основой на *-a*: *bygachъ*, *zпachъ*. Процесс обобщения *ch* в окончаниях форм аориста происходил и позднее, в исторический период славянских языков. Так, ст.-славянские памятники представляют после *a* окончание с *s*: *пропасаъ* — 1 л. ед., *пропаса*, *маса* (инфин. *мати*) — 3 л. множ. Но в говорах XI в., отражающихся в ст.-славянских памятниках, обычными были формы с *ch*: *мхъ* — 1 л. ед., *мша* — 3 л. множ.

ch вместо *s* находится и в начале слова. Напр., *choditi*. В жизни чаще приходилось применять образования с префиксами *pri-*, *u-*, т. е. такие образования, в которых *s* изменился в *ch*: *ou-sol* → *uchod* (*uchoditi*). От этих образований отвлечено и беспрефиксное *choditi*.

§ 119. *rychati*, *ry sati*. В этих и некоторых других словах неодинаковость согласных, *ch* в одних словах, *s* — в других, после одинакового гласного, *i* или *u*, обусловлена была тем, что некогда после *i*, *u* находились неодинаковые согласные. Так, в слове *rychati* (производные: *ryšeno*, *ryšenica*) после *ri* находился согласный *s*, который изменился в *ch*. Ср. лит. *paistyti* — „выкочлачивать зерна ячменя“, др.-инд. *pištāh* — „растолченный, разбитый усталостью“, лат. *pīnsō* — „толку“, *pīstus*. А в слове *ry sati*, *rystrъ* в период фонетического изменения *s* → *ch* не было обычного образования *s*, а был иной согласный, — такой, какой нахо-

дился тогда в словах *desęty, tysęcja* (ст.-слав. тысяща), *zgdęse, sława*, т. е. такой *s*, которому соответствует в литовском *š*, в др.-индийском *ç* (*ṣ*), в греческом *κ* — заменители более давнего *k'*. Ср. лит. *piešiù, pięšti* — „углем проводить линию, писать“, др.-инд. *piṅçati* — „он украшает, размещает“, лат. *pingō* (*picturn*) „рисую“; греч. *ποικίλος* — „пестрый“, слав. *ръсѣръ*. Значит, в то время, когда в славянской фонетической системе происходило изменение давнего *s* по направлению к *ch*, в языке славян не было еще обычного образования *s* в соответствиях др.-индийскому *ç*, греческому *κ*, а был иной согласный, отличный от твердого *s*, а потому не подвергшийся изменению по направлению к *ch*. Совпадение заменителя давнего *k'* с *s* в славянской фонетической системе произошло позднее изменения по направлению к *ch*.

§ 120. В ряде случаев представлен звук *s* после *i, ё* потому, что некогда этот согласный не находился непосредственно после *i*. Например:

tisъ, лат. *taxus*; в этом слове согласному *s* предшествовал заменитель более давнего *k'*: *tik'so-*;

bęsъ; согласный *s* находился после *d*: *ds* → *s*; так же изменилось сочетание *ds* и в литовском языке; ср. лит. *baidyti* — „пугать“ и лит. *baisùs* вм. *baidisùs*, — „страшный“, „отвратительный“, лат. *foedus* — „скверный, отвратительный“.

§ 121. Иное происхождение *ch* в начале и не в начале слова отмечено было выше: вместо придыхательного *kh*: *chochotati, chorvъgъ*, ст.-слав. *хръзъръ*, др.-инд. *kharaḥ*, — „твердый, острый“, *socha* и др.

§ 122. Появление образования для согласного *ch* в начале слова могло также находиться в связи с экспрессивностью значения слова и с соответствующим его произношением: *ch* могло быть экспрессивным вариантом согласного *k* в начале слова. Таково происхождение, напр., начального *ch* в глаголе *chochotati*: ср. в др.-индийском и греческом *k*: *kakhati, καχάζω*.

Ономатопоэтического (звукоподражательного) происхождения *ch* в длинном ряде слов с *chor, cher-* → *šer-, chъrk-*: русск. хорохориться, *šerochъ* (русск. шорох), *chъrkati* — „хрипеть, кашлять“. Того же происхождения ономатопоэзия для смеха, для гуканья: *chu! chu!* — русск. хи-хи!, глагол хихикать, чешск. *chuchati* — „дышать, дуть“, польск. *chuchać*, украинск. *хухати*, русск. *хухать*

и др. образования. Такого происхождения *ch* в русских (диалектальных) глаголах сильной экспрессивной значимости: ужахнуться, шарахнуться („броситься“).

Ономатопэтического происхождения и глагол *chvastati* — „болтать“, „нести вздор“. Того же происхождения частица *šu* в имени *šu-chvostъ*: русск. шухвост, название пункта поселения, имевшего отношение к лицу с таким именем — Шухвостово. Что касается значения имени хвост, то здесь был корень тот же, то и в глаголе хвастати: хвостъ — „болтун“; частица *шу-* усиливала выражение такого значения.

В отношении эмоционального значения согласных *s*, *ch*, *š* можно получить ясные указания в именах с суффиксами, в состав которых входили *s*, *ch*, *š*. Суффиксы с этими согласными придавали слову эмоциональное значение — уменьшительное, ласкательное или увеличительное. Такое значение этих суффиксов было актуально в течение долгого времени у славян и в исторический период: *pol-chъ* (русск. полах, южн.-сл. *plach*), чешск. *brach* (*bratr*), *kmoch* или *kmocha* (*kmoir* — „кум“), *Pech* (*Petr*), польск. *Stach* (*Stanisław*), русск. шорох, бабёха, Иваха — Ивахно, Алексаха — Лексаха — Сашура — Шура и многие другие. Подробнее см. в отделе о словообразовании.

§ 123. *ch* появился у славян также вместо сочетания двух согласных *kch*: ср. формы сигматического аориста от инфинитивных основ на *-k*: *rek-*, *tek-*, *velk-*, *lęk-* (*lęk-ti*, ст.-сл. *лѣци*, *лѣци* *лжѣ* — „натянуть лук“ — *ѣтечѣ то' тѣѣоу*): 1 л. ед. *гѣchъ* *вм.* *гѣkcho* — из *гѣk-so-n*; *тѣchъ*, 3 л. мн. *тѣše*; ст.-слав. *пѣтъ* (*вм.* *пѣтъ*) *зѣповѣдѣ тѣоухъ тѣхъ* (Син. пс.) — „я отправился по пути твоих приказаний“; *потѣша водѣ* (Син. пс.) — „потекли воды“; *орѣжне извѣшѣ* („извлекли“), *налѣшѣ лжѣ своѣ* (Син. пс.) — „натянули свой лук“.

Посредством *ch* передан у славян германский *h*: *chuzъ* (*chusъ*), *chuza*, *chuža*, *chuzina*, — герм. *husa*;
 слав. *chlѣbъ* — гот. *hlaihs* (*hlaihs*);
 слав. *chlѣvъ* — гот. *hlaiw* и др.

Итак:

s после i, u, r, k
 ↙
 слав. *ch* ↘
 kh (придыхательный k)
 экспрессивный вариант к согласному k.

Вопрос о согласном h.

§ 124. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов предполагали, что в славянском звуковом составе доисторической эпохи был согласный гортанный h. Согласный h, по их представлению, применялся в таких словах.

1) В указательном he-: hevo, heto; в частице hede, в числительном hedinъ, hedyъ.

К такому представлению побуждало Ф. Ф. Фортунатова отсутствие j перед e в начале этих слов и наличие согласного h в некоторых славянских языках: в украинском (hen), в белорусском (hetый), в чешском (hen, henku), в нижнелужицком (hyn, hynga).

Согласный h был и перед a в союзах ha (a), hako (ako).

С согласного h начиналось и наречие hešče, чередовавшееся с hošče; был звуковой вариант и с j: ješče.

2) Согласный h появился в эпоху доисторическую вместо придыхательного приступа, с которым произносились все начальные гласные. Согласный h развился вместо такого приступа перед o, u, q: hostrovъ, hulica, hqsy. „Возможно, что уже в общеславянском праязыке h в указанном положении было не особенно устойчиво. Вот почему, напр., h перед o во многих славянских языках совсем не нашло себе соответствия. Таковы сербские, болгарские, великорусские, польские и другие говоры“ (А. А. Шахматов).

3) Согласный h возник для избежания зияния в форме родительного пад. единств. ч. мужск. и средн. рода: too → toho и далее tovo в русских и кашубских говорах.

Все данные, на которые ссылались Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов в их утверждении согласного h в звуковом составе доисторической эпохи, не показательны. Они имеют иное значение.

1) В первом пункте, о h перед e некоторых слов, принято во внимание только отсутствие j перед e, но не принято во внимание особое значение этих слов в речи, особенность их произношения. Это частицы (e), наречия (ešče). Подробнее о произношении будет сказано ниже, в отделе о начале слова. Там дано будет объяснение особой артикуляции начального гласного некоторых слов, произносившихся с особой экспрессией,— указательной частицы e некоторых наречий. Начальному гласному таких слов предшествовало закрытие гортани,— предшествовал „крепкий приступ“. Звук j при такой артикуляции не

появлялся перед *e*. Согласный *h* перед *e* в этих словах развился позднее в фонетической системе отдельных славянских групп.

Нет достаточного основания полагать, что слова *jedĩnъ*, *jezero* имели в начале согласный *h* (*hedĩnъ*): они имели в начале согласный *j* или *ĭ*, как на это ясно указывает их судьба в восточнославянских языках. В то время как в украинском и белорусском языках появился вместо придыхательного приступа согласный *h* перед указательным *e* в *hevo*, *heto*, как и перед гласным *u* (*hulica*), а в русском языке с утратой „крепкого приступа“ перед указательным *eto*, *evo* представлено сочетание с *e* (э) (это, этот, эвон), а не с *je* и не с *o*, слова *jedĩnъ*, *jezero* имели иную судьбу. Все восточнославянские группы в ранний период их жизни утратили *j* или *ĭ* в начале слова перед *u* (*y*) и перед *e*: *jucha* → *ucha*, *junъ* → *unъ*, *jezero* → *ezero*, *jesenъ* → *esenъ*, *jedĩnъ* → *edĩnъ*. В фонетической системе этих славян действовала тенденция не начинать слова с гласного *e* в нормальной, ровной речи (без особой экспрессии). В связи с этой тенденцией произошла замена гласного переднего ряда со средним подъемом языка иным гласным того же подъема. Таким гласным в славянской фонетической системе был только гласный *o*: *ozero*, *osenъ*, *odĩnъ*. Если же гласный произносился с повышенным подъемом спинки языка, *ě*, то замены его другим гласным не происходило. А такой гласный, *ě*, появлялся рано в языковой системе славян в связи с редуцией гласного в соседнем слогe: *jěľь*, *jěźь*. Ни в украинском, ни в белорусском нет *hezero*, а есть *ozero*. В русском нет *эзеро*, которое соответствовало сочетаниям с *э* в словах *это*, *эвон*. Следовательно, у всех восточных славян в давнее время эти слова произносились не так, как слова с *eto*, *evo*, а иначе: *jedĩnъ*, *jezero*, как и *jesenъ*, — с *j* или *ĭ*. Роль подъема спинки языка в фонетической системе славян в разные периоды имела большое значение. Сравните, например, судьбу гласных *o*, *u* после палатальных согласных: эти гласные подверглись воздействию палатальной артикуляции предшествующего согласного и передвинулись в передний ряд, но в фонетической системе того времени не было лабиализованных гласных переднего ряда. Поэтому произошла их замена нелабиализованными, но с таким же подъемом: *ö* → *e*, *ū* → *i*.

2) И сам А. А. Шахматов видел недостаточную обоснованность положения о придыхательном приступе перед каждым гласным в начале слова, в частности о согласном *h* перед лабиали-

зованными гласными. Нет данных для такого утверждения. Изучение фонетической системы славянских языков указывает, что начало слова с гласного, — слова, не окрашенного эмоционально-экспрессивным тоном, произносившегося ровным темпом, — производилось не одинаково по славянским группам. В группах, которые легли в основу украинского, белорусского, полабского, лужицких языков и некоторых чешских групп, такие слова начинались с предварительного открытия гортани; струя воздуха проходила через гортань ранее вибрации голосовых связок (ранее производства гласного звука). Глухая гортанная фрикация, предшествовавшая артикуляции гласного звука, могла с течением времени замениться согласным *h* или *v* (*h* обычно сопровождается губной артикуляцией), *j*. (Подробнее см. в „Славянском языкознании“.)

В польской группе начальный *v* перед *o*, *e* из более давнего *o* (*vo*sy, *ve*g'el) не зависел от придыхательного приступа, а появился так же, как *v* перед *y* (*y*) и *ъ* во всех славянских группах вследствие утраты или ослабления лабиальной артикуляции в гласном; эта артикуляция производится перед гласным: старопольск. *v*asy → *vo*sy, *vag*l' → *ve*g'el.

3) Тезис о *h* в форме местоимений *to*ho, *ko*ho, будто бы вместо *to*o, *ko*o, вызван представлением о прямолинейности „фонетических законов“, вне учета значения слова и способа его произношения. Сочетание *ho* с дальнейшим его изменением в *vo* или с утратой сужения (для *h* или *v*) явилось в русском языке и в севернокашубских говорах вместо *-go*, которое было во всех славянских языках. Изменение *g* в *γ* → *h* вызвано было ослабленным образованием, которое свойственно в речи формам местоимений, а ослабление артикуляции вызывает замену затвора щелью, замену взрыва фрикацией. Сравните ясное указание на такое изменение звукового вида местоимений, представляемое местоимениями тебе, себе по русским говорам, — со слабосмычным редуцированным ⁶: те⁶é, се⁶é; представлены эти местоимения и с утратой ⁶: теé, сеé.

Ослабленная артикуляция местоимений отражается и на судьбе местоимений *te*ę, *te*ę, *se*ę в истории славянских языков. Так, в польских диалектах на северо-западе (в Коцевьё и Борах) и на юге Галиции местоимение *ш'ę* представляет твердый согласный: *та* на северо-западе, *те*ę (*те*) — на юге. Там же и в дательном падеже находится это местоимение с твердым *ш*: *шу*. Произошло отвер-

ение согласного *c* в русском *с'а*, вошедшем в состав глагольной формы: *умойса* (диалект). Твердый согласный вместо мягкого — то одно из проявлений редукции. Не менее выразительны следы ослабленной артикуляции этих местоимений и в истории болгарского языка. В среднеболгарскую эпоху (XII—XIII вв.) эти местоимения стали произноситься как *мж*, *тж*, *сж*. Здесь в двух отношениях отразилась ослабленность образования этих местоимений: в отвердении согласного и в изменении гласного *а* в *ж*. Позднее *ж* заменился гласным *ъ* (→ *а*): *мъ* (*ма*), *тъ* (*та*), *съ* (*са*).

Местоимения могут становиться несамостоятельными лексическими единицами, объединяясь с глаголом в одно целое в акцентном отношении и служа одним из грамматических показателей — глагольным показателем лица или объектным показателем в глаголе. Такова была судьба форм вин. и дат. личных местоимений 1 и 2 л. и местоимения „его“, „ему“ в южнославянских и западнославянских языках. Будучи несамостоятельным словом в предложении, произносимые неполновесно, эти местоимения в разных языках подверглись редукции в артикуляционном отношении. Таково происхождение в вин. пад. *го* (болг.), *га* (серб.) вместо *яго*, *му* (болг., серб.) вместо *ямоу*. Как слова несамостоятельные, эти местоимения неотделимы от глагола. И отрицание не отделяет таких местоимений от глагола, — не отделяет потому, что они служат грамматическим показателем его. В особенности ясна грамматическая функция этих местоимений в болгарском языке, главным образом в говорах Македонии: *го*, *му* и другие конъюнктивные местоимения находятся при глаголе как определительные элементы дополнения, — находятся при наличии дополнения именного, выражающего собою определенное конкретное название. В этих случаях дополнение — имя находится в членной форме или в сочетании с указательным местоимением. Например: *той ја виде книгата* („он увидел книгу“; *ја* — местоимение вин. ед. женск. р., ст.-сл. *ѣ*); *јас му-го дадоф на часкот и т. п.* Дополнением может быть местоимение личное или указательное для 3 л. В этом случае местоимение представлено в полной своей форме: — *јас тебе не те познавам*; и *нему му ја зеде* („взял“) *главата* (*ја* = *ѣ*, т. е. „голову“). Совершенно такие синтаксические сочетания представляют и другие восточнобалканские языки — новогреческий, албанский, аромунский. Такая судьба местоимений ясно указывает на их слабый удельный вес как самостоятельных членов

предложений, а это ведет к звуковому их изменению, — к редукции. С ослабленным произношением бывают и некоторые частицы, наречия, слова счета, титульные слова, названия лиц. См. подробнее § 152. Прямолинейностью фонетизма вызвано и такое неверное объяснение звукового вида имени „господарь“: осподарь в украинских и русских говорах: это слово без начального согласного указывает на h (хосподарь); а это значит, что это слово не русское, а пришлое, потому что в севернорусских говорах нет h; пришло оно от чехов (ведь в чешском языке g → h), — пришло через Польшу (объяснение А. А. Шахматова). Нет: *hospodář* находится и в кашубских говорах и под чешским воздействием оно не находилось: γ — h вместо g появилось здесь в зависимости от способа произношения этого титульного слова, — его ослабленной артикуляцией. Ср. судьбу близкого титула — названия государь → осударь → сударь → су → с.

г, 1.

§ 125. Плавный г в славянской фонетической системе продолжал собою такой же плавный более давнего времени.

г: слав. *bratǫ*, *bratъ*, лит. *brote*, *br̃elis* — „братко“, др.-инд. *bhr̥ata-*, лат. *frāter*, греч. *φράτωρ*, *φράτηρ* — „член фратрии“; слав. *berq*, др.-инд. *bhāgami*, греч. *φέρω*, лат. *ferō*.

В славянской фонетике появился палатальный г' вместо сочетания *gj*: *mogjo* → *mog'e*, *burja* → *bur'a*.

§ 126. Плавный 1 разного образования в славянской фонетической системе продолжал собою плавный 1 более ранней фонетической стадии.

Слав. *тъglā*, лит. *miġlā*, *myġlā*, греч. *μίχλη* — „мгла, туман“; слав. *lōka* — „долина, луг, излучина“, лит. *lankā*; слав. *lъgati*, *lъзь*, др.-верхн.-нем. *lugi*; слав. *льпъ*, лит. *līnaĩ* (множ. ч.), греч. *λίνοϋ*, лат. *līnum*; слав. *līra*, лит. *lėra*, гр. *ἀλίφαλος*.

В давней славянской фонетической системе плавные были неодинаковы в своем образовании: перед гласным заднего ряда и перед гласным среднего ряда у (ы) был твердый 1 (языковое тело отодвинуто было к задней части полости рта): *loviti*, *lavъka*, *lъgati*, *luko*... Перед гласным переднего ряда был „средний“ 1, образовавшийся со средоточением языкового тела в средней части полости рта: *līra*, *lєdъ*, *льль*.

У славян возник и третий вид образования l: палатальный l'. Он появился вместо сочетания lj: слав. l'udъ, l'udije, латыш. l'audis — „люди“, др.-верхн.-нем. liuti; слав. l'ubъ, l'ubiti, гот. liufs, др.-верхн.-нем. liob, др.-инд. l'ubhyati — „он ощущает желание, позыв“; volja — vol'a, ср. гот. wilja; poljo → pol'e...

Палатальный l' в славянской фонетической системе возник еще вместо j после губного согласного. Ср. форму l л. ед. наст. вр. в основах на i: lov'l'q, kup'l'q вместо lovjq, kupjq; ср. прочие формы loviši, lovite...; перед гласным у славян был l (j), а не i.

Слав. bl'udq, bl'usti; bl'ud- вм. bjud-, а это вм. beud-; ср. греч. πειθωμαι — „испытываю, разужнаю, наблюдаю“, гот. biuda; слав. pl'ujq, pl'uti, лит. spjauti, spjauju.

Губные m, p, b, v.

§ 127. Согласный m был продолжением такого же согласного более давней фонетической системы. В других индоевропейских языках ему соответствовал m.

Слав. mati, domъ и др. Соответствия других языков были отмечены выше.

В славянской фонетике доисторической эпохи m в конце слова изменился в n (см. выше § 114).

Согласные p, b были продолжением давних p, b, а также соответствовали придыхательным ph, bh и их заменителям некоторых других индоевропейских групп. См. выше, § 112.

О согласном v замечания сделаны в следующем, отдельном пункте.

u — w — v.

§ 128. История славянских языковых групп указывает на то, что в их фонетической системе издавна находились губно-зубной v и билабиальный w или неслоговой u. Образование билабиального w или неслогового u было некогда в сочетании с ъ, ѣ слабыми, подвергавшимися в течение времени все большей редукции. В историческое время по утрате таких ъ, ѣ меначальный слог стал оканчиваться билабиальным w или неслововым u. А в начале слова вместо uъ, uь, со слабым ъ или ѣ, по утрате их, развился тоже гласный, неслоговой u или слоговой u.

Неслоговой u в конце слога (в середине и в конце слова) представляют многие славянские языковые группы. Так в белорус-

ской, украинской группах, по говорам южнорусской, в некоторых говорах севернорусской, в восточночешских говорах, в лужицкой группе: праца, лацка (вост.-чешск. лацка), поц.

В начале слова ц (вм. цъ, ць) находится по говорам южнорусской группы, в сербо-хорватских группах: udova, upuk. Слоговой ц или неслоговой ц (или редуцированный ц) представлен в группах белорусской и украинской.

Полагаем: в доисторическое время губно-зубной v находился в одних славянских группах во всех фонетических положениях (voda, vьпукъ, vьdova, повъ); в других такой согласный был только перед гласным полного образования и перед ѣ, ь сильными, не подвергавшимися редукции (voda, vьсь); но в сочетаниях с ѣ, ь, слабыми были в этих группах образования с билабиальным w или с неслоговым ц (цъпукъ, цьdova).

Губно-зубной v или билабиальный w представлял у славян замену более раннего ц. Ср. такие факты чередования:

оц перед гласным → ов,

оц перед согласным и в конце слова (т. е. в конце слога) → ц: ostrovъ (o-strovъ) — struja (stru-ja); kovati — kuznica и др.; ср. ѣ вместо й перед согласным и в конце слова, v вм. й перед гласным, т. е. в положении, в котором й не составлял слога: medъ вм. medъs, но: medvêdъ (medv-êdъ).

§ 129. Другие индоевропейские группы представляют указание также на ц.

Слав. повъ, греч. $\nu\epsilon\phi\omicron\varsigma$ — с утраченным ѣ вм. более раннего ц;
слав. plovъ, греч. $\pi\lambda\acute{\epsilon}\phi\omega$;
слав. vêdêti, греч. $\phi\omicron\iota\delta\alpha$ — „я знаю“ и др.

В других индоевропейских языках также пережит процесс замены неслогового ц более ранней фонетической стадии губно-зубным v.

§ 130. У славян в доисторическое время развилось в начале слова перед з и у (ы) образование для неслогового ц (w) или для губно-зубного vъ: vьpiti (ср. с префиксом vъz -: vъz-ьpiti) vъ вм. vъп (ср. в других индоевропейских языках соответствия этому предлогу in, en); vuknотi (корень ук-; тот же корень в чередовании с гласным и -: uk-: па-ука, učiti); vydra (ср. др.-инд. udrah — „водяное животное“, лит. údra); vysokъ (ср. греч. $\upsilon\phi\iota$ — „высокий“, др.-верхн.-нем. uif).

Появление ц (v) в этом положении обусловлено было изменением более ранних й и й̄: при изменении й в ъ, а й̄ в у (ы) выделялся лабиальный элемент в начале образования: й → въ, й̄ → ву. По славянским группам доисторического времени развивался ц (v) и перед ф в начале слова, — тоже в связи с ослаблением лабиализации в образовании этого гласного. Так было в группах, легших в основу северо-западных славянских языков, — польского, поморского: фъкъ → vфъкъ (польск. *vofek*), фъь → vфъь (польск. *vofz*), фсу → vфсу (польск. *vofsy*), фтроба → vфтроба (польск. *voftroba*) и др. ¹.

Условия появления v в глаголе *vezati* неясны, если видеть в этом слове корень тот же, что и в слове *фъкъ*: чередование е с ф. Но возможно полагать, что корень слова *vezati* был иного происхождения, — того же, что и в имени *vфзь*: *възь*, *свъзь* — „завязка, ремень“ в Клоцовом сборнике, *възь* (дат. ед.) — „привязь, узы“ — греч. *δεσμός*: здесь v был не вторичного происхождения, а продолжал собою давний ц.

§ 131. В начале слова перед сонорным г, а может быть, и перед і утрачено было у славян в доисторическое время губное образование: цг → г, цл → л.

Слав. *gota* — „присяга“, др.-инд. *vratām* — „заповедь, постановление“, греч. (диал.) *φράτρα* — „договор“;

слав. *rodь*, др.-инд. *vrādhant* — „всходя, возвышаясь“.

слав. *lěska* — „ореховый прут“, ирланд. *flesc* — „прут“, др.-инд. *vlēṣkaḥ* — „петля“. Впрочем, это — единственный пример для сочетания цл-, и полагать только на этом основании утрату ц перед л в начале слова нельзя с уверенностью.

і — ј.

§ 132. В фонетической системе славян в доисторическое время, как и в их истории, не было категорического разграничения между неслоговым і и согласным ј. В одних и тех же словах могло быть образование і или образование с более высоким подъемом спинки языка к твердому небу, — образование, при котором получалась теснина или щель, и воздух, проходя через

¹ Более позднее явление представляет по славянским группам v перед ц, о в начале слова: *vulisa*, *vovisa*. Это явление связано было с особым произношением начального гласного в слове. См. соответствующие отделы в „Славянском языкознании“.

эту теснину, производил трение (обычная черта артикуляции согласных): это было образование *j*.

ǰ или *j* мог быть перед гласным в начале слова и в середине его: *ǰama* (*ǰama*), *ǰagъ* (*ǰagъ*), *troǰe* (*troǰe*), *struǰa* (*struǰa*)...

В других индоевропейских языках славянскому *ǰ* или *j* соответствовал *ǰ* или *j* с их заменами.

Слав. *ǰupъ*, лит. *ǰaupas*, др.-инд. *yúvā*, лат. *juvenis*, гот. *juggs*;
слав. *ǰego*, *ǰemu...*, лит. *ǰõ*;

слав. *trǰe*, *troǰe* (русск.), лит. *treǰi*, др.-инд. *trayāñ*.

В греческом языке *ǰ* более ранней фонетической стадии заменился придыханием *‘*, *’*. Напр.: слав. именит. средн. ед. *je* (*ježe*), др.-инд. *yád*, греч. *ó*. Только в некоторых случаях, в начале слова, развился согласный *ζ*, может быть, указывающий на *j* (а не на *ǰ*) более ранней фонетической системы. Слав. *ǰьgo* → *igo* (*’igo*), др.-инд. *yugám*, хет. *yugan*, лат. *jugum*, греч. *ζυγόν*; слав. *roǰasъ* (*ro-ǰasъ*), др.-иран. *yāstō*, лит. *ǰustas*, греч. *ζωστός* — „опоясанный“.

В языке славян неслоговой *ǰ* или *j* находился перед гласным в соответствии слоговому *i*, который был перед согласным и в конце слова. Так, формы наст. времени основ на *-i* представляли основу с таким гласным перед согласным (*posiǰi*, *chvaliǰi*...), но в форме I л. ед., перед гласным окончания (*o*) основа была с *ǰ* (*j*), который палатализовал предшествующий согласный и ассимилировался с ним: *chvalǰ-o* → *chval’o*, *posǰ-o* → *poǰo* и др. То же явление было представлено в причастии прош. вр. страд. залога в глаголах с инфинитивной основой на *-i*: перед гласным суффикса, перед *-eno*, гласный основы был *ǰ* (*j*): *chvalǰi-eno* → *chval’eno*, *posǰi-eno* → *poǰeno*...

§ 133. В славянской фонетической системе развился *ǰ* (*j*) в начале слова перед гласными переднего ряда, а также перед *a* (перед *a* в славянских языках исторического периода вторичный *ǰ* или *j* представлен непоследовательно).

Слав. *ǰestъ* (*ǰestъ*), лит. *ėsti*, лат. *est*, греч. *ἔστι*, др.-инд. *ásti*;

слав. *ǰetro* — „печень“, греч. *ἔντερα* — „внутренности“;

слав. *ǰeti*; ср. с префиксом *vъz-*: *vъzeti*;

слав. *ǰьto* → *itō* или *itō*; ср. с префиксом *vъz-*: *vъзьto*;

слав. *ǰaviti*, *aviti*; наречие *ǰavě*, *avě*; др.-инд. *āvīñ* — „открыто“;

слав. *ǰagnьсь*, *agnьсь*, *ǰagne*; лат. *agnus*.

О *ǰ* в начале слова см. еще замечания ниже, в пункте о начале слова.

§ 134. Задненебные k, g, ch у славян в разные доисторические периоды подверглись изменению. В результате одного изменения получились палатальные согласные: č в м. k, ž в м. g, š в м. ch. В результате изменения, пережитого позднее, получились палатальные с в м. k, dž в м. g, s' в м. ch.

1) Изменение k в č, g в ž, ch в š. Это изменение происходило при таких фонетических условиях: а) в сочетании задненебного согласного с j: kj → č, gj → ž, chj → š. Такое изменение было вызвано ассимиляцией согласных k, g, ch с j: передвижкой в зону палатальную, в место образования для j. В отношении результатов этой палатализации у славян рано произошло изменение в аффрикате dž, получившейся вследствие палатализации g. Как при палатализации глухого k появилась аффриката č, так вследствие палатализации звонкого g появилась аффриката dž. Звонкая аффриката dž в разное время в речи славян утрачивала затвор. Так было у славян в давнее доисторическое время. Так было и позднее. Ниже будет отмечен такой фонетический процесс, пережитый предками восточных славян: у них tj → č, dj → dž; но dž утратил затвор: dž → ž: svěča, meža. Параллельное явление представляет судьба звонкой аффрикаты dz в отдельных славянских группах: в большинстве славянских языковых групп эта аффриката утратила затвор: dz → z: podzè → pozè. Но в глухой аффрикате с затвор сохранен. Как видно, звонкие согласные, в частности звонкие аффрикаты, представляли более слабую артикуляцию, чем глухие.

Примеры č, ž, š вместо kj, gj, chj: sēk'ja (sēk- + суфф. -ja) → sēča, tŭkja (tŭk-ja) → tŭča, pritŭča (корень tŭk-, ср. tŭkati, tŭk-ŋoti), suchja (souч-ja) → suša, nosja → noša

Такой же фонетический результат получился у славян вместо k, g, ch перед гласными переднего ряда. Как и другие согласные, задненебные k, g, ch в давней славянской фонетической системе подверглись палатализации перед гласными переднего ряда. В особенности значительная подвижка к палатальной зоне происходила в образованиях вместо k, g, ch: k → č, g → dž → ž, ch → š: počiti (pokoiti), kričiši, pečeši, otročę (otrokъ), ležiši, možeši, tŭžь (tŭgati), dylъpъ (dylgъ), sušiti, myšь...

Особо отметим судьбу сочетаний kē, gē, chē, — с ē долгим: образование согласных передвинулось в ряд палатальных č, dž →

→ ž, š, а гласный ē, обусловив палатализацию предшествующего заднебного согласного, получил после этих палатальных согласных широкое образование,— образование гласного а: произошла диссимилиация между палатальной артикуляцией согласного и артикуляцией гласного долгого ē: *čadъ, kričati, žagъ, ležati, slyšati*....

§ 135. 2) Изменение k в с', g в dz', ch в s'. Когда-то в более поздний доисторический период в славянской фонетической системе обнаружилась прежняя тенденция передвижки заднебных k, g, ch в палатальную зону. Но результат этой передвижки получился не такой, который возник раньше. Теперь появились палатальные согласные с (с') вм. k, dz (dz') вм. g, s' вм. ch.

Такое изменение происходило в разное время при одном из следующих двух условий.

а) Положение k, g, ch перед гласным переднего ряда, заменившим собою более ранний дифтонг oĭ— позднее эта замена дифтонга oĭ получила образование гласного ě или в конце слова при особых интонационных условиях ě и i; см. выше об ě. Изменение же дифтонга oĭ в образование переднего ряда было вызвано ассимиляционным воздействием второго элемента этого дифтонга,— i: oĭ → ōĭ → ... ě (или при особых интонационных условиях в i в конце слова).

сѣпа (некогда, в период расцвета родового строя, это слово относилось к одному из явлений кровной мести и обозначало то, чем можно было откупиться за пролитую кровь); ср. тот же корень, в котором сочетание ōĭ (ōj) не представляло дифтонга, а, находясь перед гласным, относилось к 2 слогам: kajō (вм. kōjō), kajati — „мстить“; ср. соответствия в других индоевропейских языках того же значения: др.-иран. kāu — „платить, искупить“, kaēnā — „штраф, мечь“, греч. ποινή — „искупление, штраф“, лит. kaina — „цена“.

сѣstiti и čistiti в одном и том же значении. В старославянском языке переводчики применяли эти глаголы с семантической дифференциацией в соответствии различию в глаголах, употреблявшихся в переносном значении в греческом тексте: глагол *οὐραστῆναι* с винительным падежом дополнения служил для перевода греческого глагола *ἐξάλειψαι* — „вытирать, вычеркивать, уничтожать“; глаголом же *οὐραστῆναι* в сочетании с предлогом *ἐκ* переводили греческий *ἐκκαθαίρειν τι τινα* — „вычищать что-нибудь от чего-либо, искоренять“, *καθαίρειν* — „очищать“: 1) *всѣхъ кезаконныхъ мѡзъ οὐραστῆναι*

(Син. пс.) — *πάσας τὰς ἀνομίας μου ἐξάλειψον*; 2) отъ грѣха моего очисти мѧ (Син. пс.) — *ἄπο τῆς ἀμαρτίας μου καθάρισσον με*. В первом слове (ocēstīti) ě из дифтонга oĭ, в другом слове (ocīstīti) тот же корень представлял дифтонг eĭ или долгий ī (чередование e — o: ber-, bog-, byr-, bĭr-: berq... izbirati). Ср. соответствия в других индоевропейских языках: лит. skýstas — „тонкотекущий“, др.-прусск. skĭstint — „чистить“. Тот же корень и в слове cēdīti: восходит к koĭd; в других языках с начальным s — skoĭd-: латыш. skaidzs — „ясный, светлый, чистый“, др.-инд. kētūh — „сияние, светлость“. В слове cēstīti, čistъ корень koĭd-, keĭd-, kĭd- был распространен суффиксальным элементом -t, -to; dt → st (ved-ti → vesti).

dzēlo — „весьма“; лит. gailas — „резкий, быстрый“, гот. gailjan — „увеселять, оживлять“.

Дат.-местн. ед. основ на -a: rōcē, podzē, mušē. Ср. окончание этих форм в других индоевропейских языках — -ai: лит. gailkai, греч. χάρη, лат. terrae, гот. gibai.

Именит. множ. основ на -o: vylci, potoci, stodzi (stogъ), kožuši (kožuchъ). Окончание этой формы было некогда -oĭ.

Ср. ясное указание на такое окончание в других индоевропейских языках: греч. λόχοι, лит. vilkaĩ.

Повелит. (желат.) накл. ĭsĭ! — в ед. числе, tьcēte! — во множ. числе; pomodzi! — pomodzēte! Ср. соответствующее образование в греческом языке: φέροις, φέροι.

§ 136. По славянским группам доисторической эпохи k, g изменились в ĉ, dž и в сочетании с v: kvoĭ- → kvě-, gvoĭ- → džvě-: cvětъ, dzvězda. Так было в группах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков. Памятники старославянского языка представляют пример и с sv вм. chv: вльсьви (именит. мн., в ед. вльхъ вместо vĭchvъ). В группах, легших в основу западнославянских языков, такого изменения kv, gv не было: květъ, gvězda. Ср., напр., в чешском языке květ, hvězda, в польском языке kv'at, gv'azda.

Неодинаковость судьбы gv, kv перед ě по славянским языковым группам доисторической эпохи обусловлена была неодинаковой степенью близости в примыкании одного согласного к другому по этим языковым группам. В речи предков восточных и южных славян согласные k-v, g-v были в тесном объединении. Поэтому палатализация согласного v вызвала палатализацию и в согласном k (g). В речи этих славян были тесно объединены и артикуляции tĭ, dĭ. А такое близкое объединение t(d)

с 1 повело к замене их одним плавным 1 (i): radlo → rało, pleŭa → pleŭa. В речи предков западных славян не было такого близкого примыкания k(g) к v. Поэтому палатализация согласного v перед ě не отразилась на изменении согласного v. Такое свободное примыкание представляла речь этих славян и в сочетании 1 (di). Поэтому оно не подверглось изменению в 1 (i): radlo, pleŭa.

Тесного объединения в артикуляции сочетаний kv, gv с гласным в речи предков южных и восточных славян не было в ранний период доисторической эпохи, — не было тогда, когда актуален был процесс изменения k в č, g в dž (→ ž), ch в š перед гласным переднего ряда. О ст.-славянской звательной форме *въше* см. ниже, в конце этого пункта. Поэтому сочетания kvīt-, kvīt- оставались без изменения в отношении согласного k. В период более поздний, — в период, когда появился новый гласный переднего ряда вследствие изменения дифтонга oĭ (ě), в это время фонетическая система предков южных и восточных славян представляла тесное объединение сочетаний kv, gv с гласным. Поэтому kv, gv перед гласным переднего ряда, появившимся вместо oĭ, изменились в этой системе в cv, dzv: cvětъ, dzvězda. Такой же результат в изменении kv, gv получили и перед другими гласными переднего ряда: kvīt- → svēt- (o) (1 л. ед. наст. вр.), cvitati: ст.-сл. *прокъта, процисти*, украинск. *цвиту, цвісти*, серб.-хорв. *cvàtēm, cvàsti*; но чешск. *kvĭsti*; польск. *kviść*. Мы не можем объяснять cv в словах světĕti, cvitati тем, что на звуковом виде глагольных форм отразилось воздействие именных форм с svēt, — отразилось в обобщении сочетания cv (вместо kv-: kvīt-): изменение kvĕ-, gvĕ- в svĕ-, dzvĕ- вызвано было не особенностью в образовании гласного ě по сравнению с i или ь, а палатализующим воздействием гласного ě, как гласного переднего ряда; такое же воздействие в этом сочетании производили и другие гласные переднего ряда, ĭ, ĭ. Такого же происхождения cv в глаголе svĕliti, cviliti — „плакать“, „заставлять плакать“, „стонать“: — *Єстра твоє оумирають ковала мь та пошти за са; тако рекла: ать ина (женщина) дѣти не цвѣанть* (Ипатьевский спис. летоп., под 6770 г.); *люте бо бѣше, яко и дѣтишту цванати* (Слова Григория Богосл., XI в.); русск. *цвѣлѣть* — „мучить“, „заставлять плакать“, болг. *цвѣля* — „жаловаться“, „ржать“, сербо-хорв. *cviljeti* — „сетовать“, словин. *cviliti* — „пищать“, „визжать“; но в чешском *kviliti* — „визжать“, „вопить“; польск. *kvilić* — „плакать“, „виз-

жать*. Имеются в русских и украинских говорах слова, корень которых представлен в виде квил-, квѣл-: русск. квилить, квѣлить, украинск. квилити — „стонать“, квил — „стон“. Наличие к в этих словах обязано значению этих слов, — слов звукоподражательных. В таких словах в разных языках часто являются задненебные согласные.

Еще в большей степени выражен оноματοпоэтический элемент в глаголе kvičati — „пищать“, „щебетать“, „визжать“: и слоговую же оустрашают прость малая канчаща свиння (родит. ед.) поросата (из Слова Георгия Писиды, по русск. рукоп. XVI в.). Но и цв-: не имамъ оставити его и цвѣкнути (житие Федора Сикейского, по русск. рукоп. XVI в.). С kv этот глагол передается и в южных слав. языках: болг. квичá — „визжать“, сербо-хорв. kvičati, словин. kvičati, но и svičati.

Этот глагол применялся с оноματοпоэтическим элементом kv чаще, чем с результатом изменения kv в sv — перед гласным переднего ряда. Оноματοпоэтический элемент преобладал в этом глаголе. Тем же звуковым средством он выражался и в других языках, например, в литовском kvũkti — „визжать“, в немецком quieken. То же значение представляло это сочетание и в глаголе kvakati — „квакать“, „гоготать“.

Оноματοпоэтический фактор отразился и на словах с gv, передающих сильные звуки. В южных и восточных славянских языках такие слова представляют корень не только с dzv (→ zv) перед гласным переднего ряда, но и с gv — в таком положении. Так и в глаголе со значением „свистеть“: zvizdati, gvizdati. Употреблялся у славян издавна и другой глагол со значением „свистеть“: svistati, существ. svistъ. Параллельный вариант к zvizdati, gvizdati представлен в русских говорах в отношении „свистать“: свистать — хвистать...

В старославянском языке были слова свѣрѣнѣ, свѣрѣнѣсть, свѣрѣнѣнѣнѣ. Сочетание рѣ в корне этих слов представляло замену более раннего сочетания -ьг-: skьгн. Изменение kv (skv) в sv (scv) в этом сочетании не происходило потому, что носителем слога тут был плавный ǰ; в этом сочетании, перед твердым зубным согласным (п) он был твердым (sk-вьгпа), а гласный ь представлял неслогообразующую, скользящую артикуляцию гласного переднего ряда, — артикуляцию, которая не палатализовала предшествующего сочетания kv так, как палатализовали слогаобразующие гласные переднего ряда.

В старославянской Супрасльской рукописи находится звательная форма *вльшв*. Но это — вторичное образование, по образцу форм, в которых было чередование *sh* и *š*: *доухъ* — *доуше* и т. п.

§ 137. Фонетическая тенденция передвигать образование в палатальную зону вместо задненебных *k*, *g* действовала и в первые века н. э. Передача заимствованных слов с *k*, *g* перед гласными переднего ряда свидетельствует об этом.

Имеется несколько заимствованных слов с *c* (*ц*) вместо *k* перед гласным переднего ряда. В этом *ц* видят отражение славянского фонетического процесса изменения *k'* в *c* (*ц*) или славянскую субституцию — подстановку согласного *c* на место иноязычного *k'*. Слова с таким *c* (*ц*) объясняют заимствованием от германцев, а к германцам пришли они из романской среды, пришли тогда, когда в языке ее не было еще изменения *k* в *c* перед гласным переднего ряда: лат. *caesar*, гот. *kaisar* или *kaisāreis*, лат. *acetum*, гот. *akeit*; лат. *centum* (в значении *centenionalis*) = $\frac{1}{100}$ *libra* = $\frac{1}{3}$ *as* или народно-лат. *quintus* (в значении *quinarius*) = 5 римским *asses* = $\frac{1}{2}$ *denarius*, гот. *kintus*. У славян соответствующие слова — заимствования переданы были с *c* (*ц*): ст.-сл. *цѣсаръ*, *цѣсаръство*, *цѣсаръствѣннѣ*, *цѣсаръствовати*. Имя *cĕsarъ* пережило редукцию в языке южных и восточных славян: *цѣсаръ* → *цѣсаръ* → *царъ*. Другие слова: *очъть* („уксус“), *цата* („мелкая монета“).

Представленное выше объяснение заимствованных славянских слов с *ц* сомнительно. Сомнение вызывается тем, что в IX—XI вв. у славян иначе передавался мягкий *k'* (*g'*) в заимствованных словах, — передавался посредством *č* (*ж*). Такая передача мягкого *k'* была не случайной субституцией для мягкого *k'*, а вызвана была близостью артикуляции *k'* к артикуляции славянского *č*. Эта близость отражалась по славянским диалектам и в более позднее время. Так было, например, по говорам словинского языка: *гоѣ* вм. *гоке* (вин. множ. — „руки“), *číslo* вм. *kíselo* и др. Артикуляция славянского согласного *c* (*ц*) была дальше от артикуляции *k'*, чем *č*. Нигде в славянской фонетике не происходило изменения *k'* в *c* в позднее время. О замене согласного *k'* (*g'*) посредством *č* (*ж*) свидетельствует много собственных имен, восходящих к VIII—IX—XI вв.

Эти имена были отмечены выше, в вводном отделе, § 9: Ничпорь — греч. *Νιχφόρος*, Чуприанъ — *Κυπριανός*, Чурило — *Κύριλλος*,

Чурь — *Kóρις*, *Kór*, Чурижакъ — *Κυριαχός*, Чурикъ — *Κυριξ* (вм. *Κήριξ*), Ижера — финск. *Inger*, Селижар[овка] — ср. эстонск. *Sär'gjärv*.

В старославянском языке отразилось и новое явление славянской фонетической системы 2-й половины IX в: возможность артикуляции мягкого *k'*: *к'вдръ*, *пзрск'ввг'нл*. С таким согласным *к'* в старославянском языке было представлено и слово для названия римского императора *к'всар'ь*, греч. *καῖσαρ* (лат. *caesar*).

Различие в передаче слов с *k'* посредством *c* (*ц*) и *č* нет основания объяснять разными периодами заимствования: к более раннему времени относятся слова с *c* (*ц*), к более позднему с *č*. Эти периоды заимствований не были настолько отдалены один от другого, чтобы можно было полагать значительное различие в фонетической системе этих периодов.

Полагаем, заимствованные слова с *c* (*ц*) не представляют собою ни фонетического изменения у славян *k'* в *c*, ни славянской субституции. В таком звуковом образовании, с *c* (*ц*), славяне слышали эти слова в романской балканской среде. По романским группам на Балканском полуострове в VI в. был уже представлен результат изменения *k'* в *c*, как указывают на это названия мест, переданные в греческом сочинении Прокопия (VI в.): *Μουτζιάνι κάστελλον* около Ниша, *Λούτζολο* (*Luciolo*) около Remesiana в Верхней Мизии (где ныне Белая Паланка).

Через романскую среду прошло и народногреческое слово *κυριχόν* (вм. *κυριαχόν* — „принадлежащее господу, храм“), слав. сыгку, ст.-сл. чръкы. В славянских областях на северо-западе, в Крайне, в Штирии, Каринтии, в Паннонии, Моравии и в других краях, на передаче этого слова могло отразиться немецкое посредство. На это посредство указывает гласный *i* перед *г*. В таком звуковом сочетании это слово было в старочешском языке (*cierkev*), в старопольском (*cyrk'ew*). Моравизмом является *-nr-* в слове чръкъвь, как это отразилось в Киевских листках (*цркъвьво*) и в Синайской псалтыри (*цръкъвь*); *cirkuvañ* находится и в Фрейзингенских отрывках X—XI вв., — в памятнике с чертами словинского языка. С гласным *i* это слово представлено и в современных кайкавских говорах Хорватии, а также в восточнословинских (*cirkva*). С гласным *i* это слово обязано было верхненемецкому воздействию: др.-верхн.-нем. *kiricha*, *chiricha*.

§ 138. Другое условие для изменения *k* в *č*, *g* в *dž*, *ch* в *š* заключалось в ассимиляционном воздействии пред-

шествующего гласного переднего ряда. Под таким воздействием происходила передвижка образования для *k, g, ch* в зону палатальную: *k* → *č*, *g* → *dž*, *ch* → *š*. В той или иной степени такая передвижка в палатальную зону под воздействием предшествующих гласных переднего ряда и мягких согласных происходила и позднее в некоторых славянских группах. Ср. в русских диалектах — *-jka* → *jk'a*, *-n'ka* → *n'k'a*: *gaj-k'a*, *rajk'u*, *Van'k'a*, *Vas'k'a*, *Volot'k'a*. Ср. в болгарских говорах (преимущественно западных): *majk'a* (вм. *мајка* — „мать“), *л'ул'к'a*, *сен'к'a* — „тень“ и др. Ср. и поздний процесс у поморских словинцев: *k, g, ch* смягчились после гласных переднего ряда *e, è, i, I*: *sneg'*, *grèch'*, *bik'*, *gek'* вм. *гек* из *гакъ* (*ga* → *ge*). То же явление представляет фонетика тюркских и некоторых других языков. Напр., турецкие *düşek'* — „матрац, постель“, *gümrük'* — „таможня, пошлина“, *k'östek'* — „цепь, тормоз“. Примеры славянские доисторической эпохи: *liko* → *lice*, *dévika* → *déviča*, *ovika* → *ovyča*, *otika* (родит. ед.) → *ot'ča*, *ot'cu*, но звательная форма еще раньше имела звуковой вид такой: *ot'če*; *pol'dža*, *stydža*, *v'ša*, *v'še*, *v'š'v*, *zajęč*, *klićati*, *dvidžati*, *seđžati* — *oseđžati* — „осязать“ и др.

Фонетическая тенденция *k* → *c'*, *g* → *dz'* после гласных переднего ряда была актуальна и в поздний доисторический период, в первые века н. э., в период встреч и взаимоотношений с германскими народами: германские слова с *-ing* передавались славянами с конечными звуками: *-ędžь*: *kъnědžь* — герм. *küning*; *pēnědžь* — герм. *phenning*.

Старославянские памятники представляют ряд примеров итеративных глаголов на *-ати*, в которых находятся *ч* и *з* (*dž*) не только после *и* (*i*), *а*, но и после *рь* (доисторич. *ьг*): *мрьчати*, *трьзати* и др. Неясно, в результате ли фонетического процесса появились эти глаголы с *dž* после *ьг* или они вызваны влиянием ряда итеративных глаголов на *-ичати*, *-азати*: *вскличати*, *мричати*, *осазати*... На возможность фонетического результата может указывать *с* (*ч*) после *ьг* в таком имени: *зьгcadlo* → *зьгcało*, но и *зьгkało*.

В ряде слов не представлено изменения *k* в *č*, *g* в *dž*, *ch* в *š*.

а) Не происходило палатализующего воздействия гласного переднего ряда на следовавший за ними *k, g, ch*, если за этим согласным находился другой согласный: *тъгъла*, *тъгънѣти*, *стыгна* — „дорога, улица, переулок“, *сѣгънѣти*, *кликнѣти*, *мѣкнѣти*, *вьчгрь*. С этим сравните отсутствие изменения *s* → *ch*, если *s* был в сочетании с согласным: *blěskъ*, *istina*, *kryste* (аор.).

б) Можно полагать, что не происходило палатализирующего воздействия гласного переднего ряда на следовавшие за ним *k, g, ch*, если за этим согласным были гласные *ъ, у (ы)*: *къ, ку, гъ, гу, чъ, чу: тѣкъкъ, тѣгъкъ* (ср. глагол *отѣгъчѣти*), *льгун'и* („легкость“), *къпегуні*. В этом положении, перед *ъ, у (ы)*, согласные *k, g, ch* произносились с активным участием губ, а лабиализованное образование этих согласных удерживало их от передвижки в палатальную зону. На то, что лабиальный элемент был представлен в сочетаниях *къ, ку, гъ, гу, чъ, чу*, может указывать следующее явление: перед славянским *и* (из *оц*) в начале слова не появлялось губное сужение (*ц* или *v*), а перед *ъ, у (ы)*, получившимися из *й, ѵ*, был представлен *v*: *върѣти, вукъоті* (см. выше). При переходе лабиального гласного в нелабиальный (*й → ѣ, ѵ → у*) выделился лабиальный элемент, который в начале слова имел отдельную артикуляцию, а в сочетаниях *къ, ку, гъ, гу, чъ, чу* этот лабиальный элемент сопровождал артикуляцию задненебного.

В формах имен происходило обобщение основ с задненебным согласным или с палатальным согласным. Так:

Им. *liko* → *lice*

Род. *lika* → *lica*

Дат. *liku* → *licu*

С *с (ц)* и родит. множ. числа: *licь* вместо *likъ*.

Им. *polьga* → *polьdъa*

Вин. *polьgо* → *polьdъо*

Род. *polьgy*.

Вследствие обобщения основы по всем формам проведена или основа с *dъ*: *polьdъa, polьdъe (polьdъe)* — родит. ед., или все формы стали образовываться с основой на *g*: *polьga, polьgy...* (Ср. по диалектам русского языка: *пол'з'а* — в одних, на севере, *пол'га* — в других). Так и в местоимении *въьего, въьети, въьа...* Так и *въь'ъ* вм. *въьчъ*. Но были славянские группы, в которых обобщалась основа с *ch*: *въьчъ, въьча, въьчо...* Так было по говорам, легшим в основу севернорусской группы. Еще в XII в. в Новгородском крае были формы *въьа, въьоу: въьоу тоу дѣлаю хутивьскую* во вкладной Варлаама Хутынского (1192—1207 г.). Позднее, под влиянием соседних говоров, имевших формы этого местоимения с *с'*, вышли там из употребления формы с *х*.

§ 139. В фонетике славян доисторической эпохи одним из ранних процессов была ассимиляция согласного со следовавшим j или j̄. Этот процесс весьма значительно отразился в славянской фонетической системе. Полагаем, этот процесс проходил таким образом. Во всех сочетаниях пережито ассимилирующее воздействие j на предшествующий согласный. При ассимиляции задне-небных место артикуляции языка подвигалось вперед, к области палатальной, т. е. к образованию j, а при изменении небо-зубных согласных место артикуляции языка отодвигалось назад, тоже к месту образования j. Затем происходила ассимиляция j с тем палатальным согласным, который появился в результате этой передвижки: получались палатальные аффрикаты или палатальные долгие согласные:

kj → k'j → č; gj → g'j → dž → ž̄; chj → ch'j → š; nj → n'j → ñ';
 rj → r'j → r̄'; lj → l'j → l̄'; sj → s'j → š̄; zj → z'j → ž̄;
 tj → t'j → t̄'; dj → d'j → d̄'.

В дальнейшем происходило сокращение долготы согласных. Долгие согласные ñ', r̄', l̄', š̄, ž̄ (сонорные и фрикативные) утрачивали долготу без изменения в укладе языка: kop'a (род. ед.), vol'a, mor'e, poša, vožq. Затворные же палатальные согласные долгие t̄', d̄' утрачивали долготу иначе: взрыв сопровождался легким фрикативным элементом š, ž или ś, ź: 1) t̄' → t̄'š, d̄' → d̄'ž; 2) t̄' → t̄'ś, d̄' → d̄'ź. Первого вида изменение было свойственно тем группам, которые легли в основу восточной и южной славянских групп, а второго вида изменение происходило у предков западных славянских групп.

světja → svēt'a $\begin{cases} \nearrow \text{svět}'\text{ś}\text{a} \\ \searrow \text{svēt}'\text{ś}\text{a} \end{cases}$
 medja → med'a $\begin{cases} \nearrow \text{med}'\text{ź}\text{a} \\ \searrow \text{med}'\text{ź}\text{a} \end{cases}$

§ 140. Процесс ассимиляции губных согласных с j заключался в осложнении губной артикуляции артикуляцией языка, поднимавшегося к твердому небу. Конечные результаты этой ассимиляции были неодинаковы в начале слова и не в начале его. Именно, в начале слова перед гласным язычная артикуляция

отстала от губной артикуляции; подъем языка был высокий; получился мягкий согласный l'. Итак, mj + гласный → ml' + гласный; pj + гласный → pl' + гласный; bj + гласный → bl' + гласный; vj + гласный → vl' + гласный: pjou → pl'u- (pl'ujq); ср. лит. spīaiuju; beud- → bjud- → bl'ud- (bl'udq), ср. греч. πούματ. Так было, по всей славянской области. Но не в начальном слоге конечный результат изменения — губн. согл. + j перед гласным был неодинаков по славянским группам. В восточных и южных славянских языках zeml'a в м. земља. Западнославянские языки издавна не имеют l' в этом положении: zem'a. Неясно, был ли когда-нибудь в этих языках l' не в начале слова. Памятники письменности на западнославянских языках идут от XIII—XIV вв. Может быть, l' не в начале слова был и в языке этих славян. Но к XII—XIII вв. он был утрачен, как утрачен он был в болгарском языке во 2-й половине X—в XI вв. (см. в отделе о процессах этого языка). Но возможно, что в языке предков западных славян и не появлялся j не в начале слова: zem'a → zem'a.

§ 141. Судьба сочетаний skj, zgj. В группах skj, zgj заднеязычный согласный в сочетании с j изменился в č, dž в связи с процессом изменения kj, gj. Согласные s, z ассимилировались с шипящими š, ž, находившимися в составе аффрикат č, dž. Итак, skj → šč, zgj → ždž. Такой же результат получился и вместо sk, sg перед гласным переднего ряда: dъždъ; ср. лит. duzgeti — „глухо звучать“; iščeši, ср. iskati.

stj, zdj. Когда вместо tj, dj стали произноситься t'j, d'j и далее t̄', d̄', то в сочетаниях st̄'j (st̄'), zd̄'j (zd̄') согласные s, z ассимилировались со следовавшими за ними дорсально-палатальными образованиями. Результат ассимиляции был такой же, какой получался в процессе ассимиляции s, z перед j, n', l': в м. s, z появились палатальные š, ž: nosjq → nošq; vъzl'ubiti → vъžl'ubiti; mysl'q → myšl'q; mysl'ень → myšl'ень; sьbъzniti, нo: sьbъžn'ati.

Дальнейшее изменение: št̄' → št̄'š̄ → št̄'š̄; žd̄' → žd̄'ž̄ → žd̄'ž̄. Фрикативный элемент, развившийся за взрывом, был одинаков по всем славянским группам: он был из ряда шипящих. Это однообразие обусловлено было воздействием предшествующих шипящих š, ž: jěždžq, ср. jězditi; tьšča (tьšt'ša) в м. tьstja, ср. tьstь; pušča в м. pustja.

§ 142. Выше в §§ 134, 141 было указано происхождение палатальных č, ž, š:

1) č в м. kǝ и в м. k перед гласным переднего ряда (e, i, e ь).

ž в м. gǝ, zǝ и в м. g перед гласным переднего ряда;

š в м. chǝ, sj и в м. ch перед гласным переднего ряда. Примеры см. выше.

2) ž, š появились также вместо z, s перед палатальными l', n':
vžl'ubiti в м. vzl'ubiti; sьbłažn'ati, myšl'epo.

§ 142a. sk-|| k-.

В древней системе индоевропейских языков было сочетание sq (sqh, sk'), в начале слова чередовавшееся с q (qh, k'). Такое чередование было и в языке славян. Например:

ker-, koǝ- || sker-, skēp-, skeǝp-, skǝp-: čer-, cēp- || ščer-, ščar-, ščir-; cēpiti — „колоть“, cērǝ — „палка“, ščera, ščara, ščipati. Ср. греч. *σκήπαριος* — „топор“, *σκήπω* — „палка“, лит. skēpsnė — „кусоч материала“.

koir- || sker- — „отделять, резать“: cēr- || ščer-: cēriti — „скалить зубы“, ščeriti — в том же значении. Ср. греч. *κείρω* — „стригу, режу“, лит. skirti — „отделять, резать“.

kerz- → čerz-, kǝz- || skǝz-, skroz-: русск. через, болг. кръз в м. kǝz из kǝzǝ, серб. kroz, словацк. kroz, украин. криз; чешск. *skrz* („через“), русск. сквозь, украин. скрізь, польск. *skros'*. Ср. лит. skērsas — „поперечный“, skradžas — „сквозной“.

В славянской группе было больше слов с k-, чем в близкой к ней литовской.

čistǝ, cēditi, лит. skýstas — „тонкотекущий“, skáistas — „светлый, блестящий“.

kridlo — kriǝlo — лит. skriǝti — „летать изгибами, двигаться кругообразно“.

Группы согласных.

§ 142b. В славянской фонетической системе доисторического времени не было долгих согласных. Если встречались одинаковые образования согласных, то долгота утрачивалась посредством диссимиляции (при затворном долгом) или посредством сокращения (при фрикативном долгом согласном).

а) tt (вместо tt и dt) диссимилировалось в st: metti → mesti; наст. вр. metǝ, meteši...

čĭtĭi- (čĭt-tĭ) → čьstь — „честь“, корень čьt-, sьčĭtati — „считать“; это слово, как и сена, применялось в период расцвета родового строя в практике кровной мести: čьstь — то, что высчитывалось за пролитую кровь; соответствующее явление представляли и другие народы: ср. у греков τιμή — „цена, плата, мечь“, позднее „честь“; глагол τιμάω — „оцениваю, определяю размер штрафа, мщю“ и позднее „что, почитаю“.

vedti → vesti; наст. вр. vedq, veděsi...

Такой же процесс диссимиляции tt был пережит и в литовском языке: vėsti, наст. vedù.

б) ss ассимилировалось в s:

2 л. ед. ĭessi (основа -es-, окончание -si) → ĭesi (jesi).

Такое же явление пережито было и другими индоевропейскими группами: др.-инд. asĭ, др.-иран. ahi, греч. аттич. εἶ; но в греч. гомеровском дорическом εἶσι.

Другие славянские примеры представлены формами сигматического аориста с инфинитивной основой на s, z: nes-, vez-, — 1 л. ед. nĕsson → nĕsь; vĕzson → vĕsь, 3 л. множ. nĕssĭnt (ĭnt вм. -nt) → nĕsĕ, vĕsĕ.

§ 143. Некоторые группы согласных неодинакового образования также подверглись изменению. Отметим следующие сочетания.

1) Сочетания из двух согласных, из которых вторым был t̃

$$\begin{matrix} pt \\ bt \end{matrix} > t$$

tepti → teti — „ударять“; наст. вр. tepq...

grebti → greti; grebq, grebeši...; pogrĕbati;

delbto или dolbto → delto, dolto; южнослав. dlĕto, dlato, русск. долото; корень delb-, dolb-, чередовавшийся с dьlb-: dьlbiti; — русск. долбит’;

kt перед гласным заднего ряда и перед у (ы) → t:

lekto → letь — „лет, полет“; от этого имени образован инфинитив letĕti; на -kt указывают параллели других индоевропейских языков: лит. lĕkti — „летать“, греч. λακτιζω — „выпускаю“;

plekto → pletь, plokto → plotь; лат. plecto, др.-верхн.-нем. flīhtu, греч. πλέκω — „плету“, πλεκτή — „сеть, веревка“;

peťь — „пятый“; от этого порядкового числительного образовано и количественное peťь; лит. peñtas, лат. quintus из quinctus.

Может быть kt было в ротъ — „пот (потеть)“, если корень тут был рок-, чередовавшийся с рек-: rekъ, реšeži...

Такое же изменение сочетания kt происходило в истории итальянского языка: латинскому actus („сделанный“) соответствует итальянское atto (āto), латинскому strictus („туго стянутый“) — итальянское stretto. В славянской фонетической системе давнего времени не было долгих согласных. Поэтому сочетание kt заменилось посредством t обычного образования.

Перед гласным переднего ряда судьба kt (из kt и из gt) была иная. В этом положении, перед гласным переднего ряда, согласный t был палатализован. Перед палатализованным („мягким“) согласным артикуляция для k передвигалась в палатальную зону, как это было перед j и перед гласными переднего ряда. Вследствие передвижки вперед получилось образование палатального t': kt' → t't'. Таким образом, получилось образование t't', ассимилировавшееся в долгий палатальный t̄'. Долгота палатального затвора утрачивалась так, что при отворе развивался длительный фрикативный элемент, неодинаковый по славянским группам: \acute{s} —

в одних, \acute{s} — в других — $\begin{matrix} \widehat{t'}\acute{s} \\ \widehat{t'}\acute{s} \end{matrix}$. Т. е. происходило то же, что с t̄' вместо давнего tj.

noktī → noť'ь $\begin{matrix} \rightarrow \text{poť'\acute{s}ь, ст.-слав. ношь, русск. ночь,} \\ \rightarrow \text{poť'\acute{s}ь зап.-слав. пос(ь); лит. naktis, лат. пох} \end{matrix}$
(родит. ед. noctis);

dūktēr- (dūktēr-) → dъt̄'i (dъt̄'er-) → dъt̄'si (dъt̄'ser-), ст.-слав. дъци (дъщер-), русск. дъчи (дъчер-) → дочи...;

dъt̄'i (dъt̄'er-) → dъt̄'si (dъt̄'ser-), зап.-слав. dъci (dъcer-) → dci (dcer-); лит. duktē (родит. ед. dukteĩs), гот. daúhtar, греч. θυγάτηρ;

pekti → peť'i, ст.-слав. пощи, русск. печи — печь, зап.-слав. pec[i];
mogti → mokti → moť'i, ст.-слав. мощи, русск. мочи → мочь — помочь, зап.-слав. пос[i].

2) Сочетание двух согласных, из которых вторым был -п:

$$\begin{matrix} tn \\ dn \\ pn \\ bn \end{matrix} \left. \vphantom{\begin{matrix} tn \\ dn \\ pn \\ bn \end{matrix}} \right\} p$$

osvьnqti → osvьnqti — „засветить, рассветать“, корень svьt-, чередовавшийся с svět-;

vędnqti → vęnqti — „вянуть“; ср. uvędati;

prędnqti → pręnqti — „воспрянуть“; корень pręd-; prędati — „трясти“. Ср. в Супр. рук.: съвлькъше („раздев“) въздарьствьнъ:го пкъи снате („бейте“) да въспранявъ повинеть са (53).

sŭrno- — съръ; корень сър- (вм. sŭr-): сърати; греч. ὄρυς (‘ вместо σ);

kapnqti → kanqti; kapati, kapja — kapl’a;

tonnqti → tonqti; tonnja → ton’a; toniti, utopati;

gybnqti → gynqti; gьbnqti → гьнqti; корень gub-, gub-, гьb-: gubiti, gybati, gubělsь.

dŭbno → дьно; ср. лит. dubūs — „глубокий, пустой“.

В истории славянских языков актуальны были глагольные образования с суффиксом nq (с той или иной заменой гласного q). В особенности же часто применялся этот суффикс в истории западнославянских языков. В разное время по славянским языкам происходили новые образования с nq (с его заменой). В числе этих новообразований были и такие, в которых заменитель суффикса nq присоединялся к глагольному корню на губной или на небно-зубной согласный t, d: русск. гиб-нуть, кап-нуть, лип-нуть, зяб-нуть, чешск. kap-nouti (имеется и старое kapouti), словацк. ľrpnut’ („потерпеть“), польск. żęb-nqć, stop-nqć и др. Нового образования и западнославянские глаголы с nq после t, d: чешск. zvadnouti („увянуть“), sednouti, моравско-словацк. čtnŭt’, словацк. kvitnŭt’ и др.; польск. kvitnqć, vędnqć. Гласный i в корне таких глаголов, как kvitnqć, ясно указывает, что это образование вторично, от звукового вида глагола итеративного значения, где был издавна гласный T, как удлинение гласного i (или ъ) корня глагола с неитеративным значением: kvitati, svьtati, lipati — при глаголах совершенного вида: kvьnqti, svьnqti, ъnqti. Но некоторые глаголы с суффиксом nq оставались в прежнем звуковом виде: польск. kinqć, chłonqć при новом chłódnqć (ср. гласный ó в новообразовании), старочешск. hlēnŭti (pahlēngęte sem do hrobu — „посмотрите сюда в могилу“, рукопись начала XV в.); rapŭti (rapet a zhupe — „упадет и погибнет“, рукопись начала XV в. См. примеры в книге J. Gebauer’a, Historická mluvnice jazyka českého. I. Praha, 1894, стр. 410). На то, что и в речи предков западных славян был пережит процесс изменения рп(bn) в п, указывает и чешский глагол oslnouti вм. osľpnqti и

польский глагол *oślnąć* — „ослепнуть“. В таком звуковом виде этот глагол датируется польской письменностью от XVI в. вместо более раннего *oślnęć*, а это представляло собою фонетическую замену давнего *oślnęti*, — образование, в котором корень был на ступени редукции: *o-slър-пъ-ti*; *pn* → *n*. Ср. полную ступень этого корня: *slър-*. Ср. такое же чередование *světъ* — *svętnęti* → *svęnęti* и др. И наконец, ни один западнославянский язык не представляет *pn* в имени *sърпъ* → *sъпъ* („сон“), потому что рано это имя утратило этимологическую связь с видом корня *sър-* в глагольных образованиях *sър-a-ti*.

3) Сочетания двух согласных, из которых вторым был *n*:

vertmę → *vermę*: южн.-слав. *vrěmę*, др.-русск. *верем'а*, корень *vert-*, чередовавшийся с *vort-*, *vьrt-*; *verteno*: русск. *веретено*; *vortiti*: южно-слав. *vratiti*, русск. *воротить*;

1 л. ед. *dadmī* → *damъ*, 2 л. мн. *dadite*, 3 л. мн. *dadęty*;

roudмѣно → *rumenъ*; корень *rud-* — „красный“; *ruda*;

pledmĕn → *plemę*; корень *pled-*, чередовавшийся с *plod-* (*plodъ*, *ploditi*).

§ 144. Особое замечание о *sedmъ*-*setь*, польск.-кашуб. *setmъ*. Славянские языки представляют это числительное в таком виде: русск. *семь* — *семой*, русск. литер. *седьмой*, украин. *сім*, польск. *śedm* — *śedmy*, но в севернопольских говорах *s'ętem* — *s'õdmi*; в северно-кашубских говорах — *sětām*, *sětпә*, — порядков. *sõdmi*; чешск. *sedm* (по говорам *sedem*, *sedum*), — порядков. *sedmŭ*; болг. *седъм*, по говорам *седем*, в центральной и западной Македонии *седом*, *седум*, — порядков. *сѣдми*; сербо-хорв. *sedam* — *sĕdmī*. В старославянском *сѣдмъ*, — порядков. *сѣдмъ*.

Чем вызваны наличие группы *dm* и неодинаковость звукового вида основы в количественном числительном по сравнению с порядковым в сѣв.-польских и кашубских говорах (*-tm* в количественном, *-dm* в порядковом)?

Наличие *t* в количественном числительном при *d* в порядковом — это давнее явление. Ту же дифференциацию представляет и греческий язык: *ἑπτά* — *ἑβδομος*. С согласным *t* это числительное и в латинском (*septem*), и в литовском (*septyni*), и в др.-индийском (*sapta*).

Возможно полагать, что в давнее время у славян было то же отношение, как и в греческом: *septmī*, — порядк. *sebdīmo*. Сочетание *septmī* изменилось фонетически в *semy*; сочетание *sebdīmo* изменилось в *sedьmь*. К сочетанию *semy* восходят русское *семь*, украинское *сім*. У славян на ряде количественных числительных отразилось влияние порядковых: *peťь*, с *t*, как в *peťь* (а не с заменю *kt'* перед гласным переднего ряда); *osmь*, с *m*, как *osmь* (иначе не было бы *m* в количественном); *šestь*, *devetь*, *desetь* с *t*, как *šestь*, *devetь*, *desetь* (иначе не было бы *t* в количественном: ср. греч. *δέξα*, др.-инд. *daṣa* и др.). Такое же воздействие отражалось в разное время по славянским группам и на числительном „7“. В говорах, легших в основу поморских и близких к ним севернопольских групп, еще до ассимиляции *tm* появилось *seťmь*, с *-ьm-*, как *sedьmь* (порядков.). (Сев.-кашуб. *sētām*, *sētṁə*, сев.-польск. *sētēm* с основой косвенных падежей: *seťmī* → *setmī*; *em* или *mə* появилось вместо *m* в конце слова после согласного: *setm.*)

И в другом направлении действовало порядковое числительное: основа с *d* переносилась и в образование количественного числительного. Так в польском, чешском, в южнославянских языках. Старославянский язык указывает, что уже во второй половине IX в. были сочетания *sedьmь* — *sedьmь*. При этом *ь* отсутствовал не только в количественном, но и в порядковом числительном. Утрата *ь* в этих сочетаниях произошла рано, как и в некоторых других словах, — в наречиях, в словах-обращениях.

Восточнославянское *semyj* → *semoj* (русск.) — вторичного происхождения, в связи с количественным числительным *semy*. В XI—XII вв. уже существовали у восточных славян *semy* — *semyi* (примеры в Остромиров. ев., в Сборнике Святослава 1073 г., в Словах Григория Назианзина XI в. и др.).

§ 145. *tl*: 1) *tl*, 2) *tl* → *l*;

dl: 1) *dl*, 2) *dl* → *l*.

В одних славянских группах доисторического времени *tl*, *dl* → *l*. Так было в группах, легших в основу южных и восточных славянских языков. В тех же группах *kvě-* → *cvě-*, *gvě-* → *dzvě-*: *cvětь*, *dzvězda*.

В других славянских группах, — в тех, которые легли в основу западнославянских языков, *tl*, *dl* оставались без изменения.

В тех же группах не изменились и kvè-, gvè-. Повидимому, в образовании tl, dl, kv, gv примыкание артикуляции первого согласного ко второму не было в этих группах таким близким, входящим в образование другого согласного, каким оно (примыкание в tl, dl, kv, gv) было в группах, легших в основу южных и восточных славянских языков:

gʷrdlō — gʷr̥tlō; vedlā — veṭā; padlā — paṭā; metlā — meṭā (наст. вр. metq̄, meteši...).

В литовском языке также произошло изменение в сочетании tl, но изменение в ином направлении по сравнению со славянским: tl → kl: лит. gurklỹs, слав. gʷrdlō. В таком же направлении происходило изменение dl, tl в отдельных славянских группах, — изменение позднейшее. Так, в Псковском крае в XIV — XVI вв. повсгли, соустрякли — вместо вторичных образований — поведли, сустрѣтли, по образцу других форм с этими согласными: повед-ен, вед-у, стрѣт-ил... Так изменилось dl и в кашубских говорах: żądłō — „жало“¹, mgłāc вм. mdłāc — „млеть“.

§ 146. 5) ts
ds
ps
bs

1 л. ед. сигматического аориста čīson → čīsъ; наст. čyq̄, čyteši.

1 л. ед. сигматического аориста vēdson → vēsъ; наст. veṭq̄.

2 л. ед. наст. datsi → dasi, kondso → kq̄sъ — „кусок“; корень kond-, с формантом so; лит. kándu — „кусаю“.

1 л. ед. сигматического аориста grēbson → grēsъ; наст. grebq̄; osa, лит. vapsà, др.-верхн.-нем. wafsa.

ks (gs) → kch → ch
[kst → st]

1 л. ед. сигматического аориста rēkson → rēchъ; но 2 л. мн. rēste;

1 л. tēchъ (tēk-ch-); velk-ch → ст.-сл. влѣх-[ъ];

1 л. ед. сигматического аориста žachъ, но 2 л. мн. žaste, наст. вр. žegq̄.

¹ Псковское „жагло“ сюда не относится: здесь корень жег- и суффикс -ль, как и в болгарском слове того же происхождения и значения „жегло“, „жегъл“. Подробнее см. „Славянское языкознание“, I, стр. 302.

§ 147. 6) *bv* → *b*.

obvortiti → *obortiti*: южн.-слав. *obratiti*, русск. оборот; *obvelkati*, *obvolčiti* → *obelkati*, *obolčiti*: южн.-слав. *oblékati*, *obláčiti*, русск. оболочит' (сев.-русск.), оболочка; *obvolko* → *obolko*: южн.-слав. *obláko*, русск. оболочко (диал.); *obvoldti* (*ti* — суффикс) → *obolstь*: южн.-слав. *oblastь*; *ob-vitali* → *obitати* — „жить где-нибудь“, *obitěľ* — „жилище“. Ср. значение глагола *vitali* в старославянских текстах: *Г бѣваетъ дръво; вѣо прити птицамъ нѣскѣимъ і витати на вѣтахъ его* (Матф., XIII, 32; Зогр. код.); но ср. параллель Луки, XIII, 19: *Г бѣсть дръво вѣльв. Г птица нѣскѣима вѣсавишася въ вѣтанъ его* (Зогр. код.).

7) $\begin{matrix} \text{kvě} & \swarrow & \text{čvě} \\ & \text{kvě} & \end{matrix}$ $\begin{matrix} \text{gvě} & \swarrow & \text{dzvě} \\ & \text{gvě} & \end{matrix}$

květъ, *gvězda* — западнославянские группы; *světъ*, *dzvězda* (*zvězda*) — южнославянские и восточнославянские группы. Ст.-слав. *цвѣтъ*, *звѣзда*, русск. *цвѣт*, *звѣзда*; чешск. *květ*, *hvězda*, польск. *kwiat*, *gwiazda*.

8) *dg* → *g*.

vojdgolso → *věgolsь*: южн.-слав. *věglasь* — „сведущий“, *nevěglasь* — „невежественный человек“.

9) Сочетания из трех согласных:

skn → *sn*: *plesknŏti* → *plesnŏti*; *toiskno* → *těspnь*;

kst → *st*: *rēkste* → *rěste*.

skl, skr, skv, stv, str.

В фонетической системе славян были сочетания *skl*, *skr*, *s'tv*, *stv*, *str*: ст.-сл. *истаскль* — „отощавший“, *iskra* — *iskra*, *skrebŏ*, *skvozě*, суффикс *-stvo* (*-ьstvo*): *отьсѣstvo*, *тѣножьstvo*.

str. Это сочетание было разного происхождения. В одних словах оно было давнего происхождения: и в других индоевропейских языках было соответствующее сочетание. Слав. *strigŏ*; ср. др.-верхн.-нем. *strīhan*. В других случаях *str* появилось в языке славян вместо более раннего *sr*: как переходная артикуляция от *s* к *r* появился затвор *t*.

struja, *ostrovъ* (*o-strov-ъ*); ср. вост.-лит. *sraujà* — „поток“, *prāsravas* — „незамерзшие места среди льда, — места, где есть течение“; др.-инд. *srāvati* — „течет“; греч. *ρέω* — „теку“ (' в м. о);

sestra; др.-инд. *svasrē* (дат. ед.);

ostрь; др.-инд. *ācṛiḥ*, греч. *ἄκρος* (слав. *s*, др.-инд. *ç*, греч. *κ*: *desęť* — *dāça* — *δέκα*);

ръстръ; корень рьс-; ср. греч. ποικίλος — „пестрый“.

Но sl отсутствовало в ранней фонетической системе славян. Сочетание sl не подвергалось изменению: slědъ, slava, pasti — paslъ.

str вместо st появилось и в других языковых группах. Так, в литовском sraujà, а в ближайшем к нему латышском strauja, strauji — „бурностремительно“, strauše — „струя“.

В некоторых индоевропейских языках переходная артикуляция представлена и в передаче сочетания sl: sl → stl → skl. Ср. передачу славянских слов в греческом, латинском, албанском языках: Sclavi — в лат.; Σκλαβηνοί — в греч. (передача славянского slověne); албан. Sklivani — слав. Sliváne; алб. Škivovik. Škivovik — передача славянского названия холма Slivovik.

Как переходная артикуляция от z к г появился d. Старослав. из-д-ржкъ, из-д-ржъ, въз-д-радовати сд, раз-д-ржштин; ровъ издръ и ископа; без-д-ранъ;

говсвода въздръу („взревел“) акы левъ (Супр. рук.);

бездръпътънов слоужънне (Син. тр.).

То же явление отразилось и в передаче новых слов: издранль, греч. Ἰσραήλ.

Согласные перед гласными переднего ряда.

§ 148. Согласные в этом положении испытывали в той или иной степени передвижку к палатальной области. Задненебные k, g, ch пережили значительную передвижку, такую же, как перед j. В результате k → č, g → dž → ž, ch → š. Небно-зубные, плавные и губные согласные также изменяли артикуляцию: они становились мягкими. На изменение небно-зубных согласных перед гласным переднего ряда указывает судьба сочетания kt в этом положении: kt → tt, которые затем t̂t̂ в зависимости от воздействия образования следующего гласного переднего ряда. Дальнейшая судьба t̂t̂ (t̂) была такая же, что и t̂ в. tj: poktī → pot'ъ → pot'ъ̂ или pot'ъ̂; ср. лат. пох, poctis; mogtī → шоктī → → pot'ъ → pot'ъ̂ или pot'ъ̂.

Степень мягкости согласных недвойных (недолгих) не была такой высокой, какая свойственна была палатальным согласным. Так, l' вместо lj, p' вместо pj были палатальными, а l, p перед гласными переднего ряда были согласными палатализованными

не в высокой степени. На такое различие указывает следующее явление древней славянской фонетики: *s, z* перед *li, le, lè, lь, ni, ne, né, нь* оставались без изменения: *slědъ, mysliti, myslь, blazniti, bojazнь*; но перед *l', n'* согласные *s, z* изменились в палатальные *š, ž*: *myšleno, sьbłazn'ati, оушнати* (Зогр. л.).

Начало слова.

§ 149. Начало слова по своей фонетике может представлять отличия сравнительно с соответствующими артикуляциями в середине слова. Особая фонетика начала слова связана была с абсолютным началом слова, а также с особым произношением некоторых слов, начинавшихся с гласного звука. Некоторые слова произносились в начале слова с эмфазой. Положение гортани при таком произношении слова, начинавшегося с гласного звука, было не обычное, при котором вибрация голосовых связок начиналась одновременно с поступлением струи воздуха. При эмфазе начальный гласный слова произносился так: перед его артикуляцией гортань закрывалась; струя воздуха взрывала препятствие в гортани и вслед за этим она (струя воздуха) производила вибрацию голосовых связок. Этой вибрации предшествовал гортанный приступ. Так произносилось указательное словечко *e* отдельно и в сочетании с *-se, -to, -vo, -no*: *ese — „вот“, eto, evo — „вот“, epo — „вон там“*. Это словечко бывало и в сочетании с местоименной формой: *eta, eto — откуда русское эта*, без *ǐ (j)* перед *e* (эта, это, этот). И в других славянских языках представлены следы такого образования *e*: без *ǐ* или с гортанным *h* (чешск. *hep — „там“, hentep — „вон тот“, польск. hep — „смотри, вон там“, ниже-луж. hup — „вот тут, вот там“*). Ср. указание на *e*, без *ǐ*, в некоторых ст.-славянских памятниках, писанных кириллицей. В Супрасльской рукописи находится обычно *ese*, словечко для утверждения *en — „да“, местоимение стерьъ*, местоимение, в котором суффикс *-ter-* присоединен был к указательному словечку *e*, а не к местоименной основе *je (jego, jemu...)*; (*стерьъ — „какой-нибудь“, „один“*); в Остромировом ев.: *єдъ*, а не *юдъ, ен, стерьъ* (3 раза).

Особая редуцированность, скороговорочное произношение некоторых наречий также не представляли условий для развития *ǐ* перед *e* в начале слова, хотя бы такое наречие находилось и в середине фразы. Такова судьба наречий *edъva —*

edva, odъva — odva, ešče — ošče. По славянским языковым группам эти наречия представлены без *i* (*j*): edva, ešče (с той или иной заменой сочетания *šč*), с развившимся гортанным *h* (hušče в лужицком языке). Но эти наречия имели образования и с *i* (*j*): jedva, ješče.

§ 150. У славян в доисторическое время для начала слова с гласного звука имело значение и то, что в середине предложения такому слову предшествовало слово, оканчивавшееся гласным звуком (у славян слово не оканчивалось согласным). Итак: за гласным одного слова следовал гласный другого слова. При таком фонетическом условии, именно после гласного переднего ряда конца одного слова появлялся неслоговой *i* перед начальным гласным следующего слова. Напр.: kogva-i-agneč → korva-i-iagneč; dobroj-ěstī → dobrē-iestj. С *i* слово могло обобщиться и употребляться только в таком виде, с *i*-: iagneč; iestj...

i (*j*) появлялся перед *e*, *ē*, *e*, *ь*, повидимому перед *i*, перед *a*. es-: iestj; лит. *ėsti*, греч. *ἔστι*, лат. *est*.

ēd-: *jē-d* → *iad*-(*jād*); ст.-слав. *ѡмь* (вм. *jadъ*), *ѡдъ* — „ѡда“ (пища). Это слово применялось и к названию буквы *а* в глаголице, *ѡ* в кириллице: *ѡдъ*. Если же этот корень был в сочетании с префиксом, оканчивавшимся на согласный, то *ē* заменился посредством *ě*: *ъnĕdъ*, *ъnĕdati*, *obĕdъ*. От таких образований отвлечено *ĕd* и для слов без префикса: *ĕdъ*, *ĕda*, *ĕтъ*.

Русские рукописи XI—XII вв. также указывают на *ѡ* (*ѡдъ*, *ѡмь*, *ѡсн*...) их старославянских оригиналов. Часты и написания с *ъ*. И эти написания идут из старославянских оригиналов. Несомненно отражением речи русского писца было написание *ю* в этих словах: *ѡдъ* — („ѡда“) (Миняя, 1095), *ѡмь*, *ѡсн*, *ѡждъ*, *ѡдътъ* и др. в Арханг. ев., в Уставе (в Типике) и в других рукописях. В русском языке рано произошел диссимиляционный процесс в сочетании *j* + *ĕ* (*ě*): произошло понижение артикуляции в образовании гласного *ĕ* после *j*: *jĕ* → *je* (ср. давний процесс доисторической эпохи в судьбе гласного *ē* после *j* и других палатальных согласных: *jĕ* → *ja* — *stojati*, *kričati*...). Слово специального значения *jasli* (вм. *jad-sli*) удержалось вне этого ряда обобщения имен с *ĕd*. Но то обстоятельство, что глагол „есть — *φτῦειν* — *edere*“ представлен с *ĕ* во всех славянских языках, кроме болгарского (ст.-сл. *ѡмь*, соврем. болг. *jam* и новообразование *jadъ*), побуждает предполагать, что образования с *ĕd* обязаны

не одному только процессу отвлечения этого сочетания от образований с префиксом (oběd-, sьněd-): вероятно, было какое-то обстоятельство, при котором существовали в речи сочетания с *ěd* без вторичного *ĭ* (j).

entro-: ĭetro (ĭetro) — „печень“; греч. ἔντερα — „внутренности“. vьzęti (vьz-ęti), но ĭęti (ĭęti).

vьзьmъ (vьz-ьmъ), но ĭmъ → imъ или ĭmъ (*ĭ* — редуцированный *ĭ*).

Что касается слов с гласным *ĭ* в начале слова, то обычно этот гласный в таком положении появлялся при следующих условиях: 1) вместо *ej-*: *iti*; ср. лит. eĩti, isk[ati] вм. eisk-; ср. лит. ieškóti, др.-верхн.-нем. eiscôn — „исследовать, спрашивать“; 2) вместо *ĭь* с *ĭ* (j) давнего происхождения (jьgo → igo; лат. jugum) или *ĭ* (j) вторичным, появившимся перед начальным *ь*: *idъ*, *ideši* вм. ĭьd-, с *ĭ* вторичного происхождения (*ь* — ступень редукции к полной ступени с *ej*; ср. др.-инд. 1 л. ед. éti, но 2 л. мн. imáh); *imъ* вм. ĭmъ, со вторичным *ĭ*; ср. vьзьmъ; *ime*, *imene* вм. ĭmēn, ĭmene, со вторичным *ĭ-*; *iz* вм. ĭz; ср. лит. iš (вм. iż) и др.

Если процесс развития *ĭ* перед начальным гласным переднего ряда был длительным, то такое сужение (*ĭ*) появлялось и перед *ĭ* всякого происхождения: *ĭ* → *ĭi-*: *poti-ĭiskati*. Но *ĭi* затем заменилось образованием без особого сужения: *i-*. Так изменялось и ранее *ĭi*. Ср., напр., судьбу местоименной основы *je* (*ie*) из *jo*: *jego*, *jemu*; но твор. ед. муж. и средн. рода *im* вместо *joimĭ* (→ *jeimĭ* → *ĭimĭ*), родит множ. *icĭnъ*, восходящее к *oĭsŭ*, и др.

Перед *a* также развился *ĭ-*:

ĭagne (ĭagne), ĭagnьсь; ср. лат. agnus;

ĭagoda (ĭagoda); ср. лит. ūga,

ĭaviti (ĭaviti), наречие *javě*; ср. др.-инд. āvīḥ — „открытый, явный“;

ĭazъ (ĭazъ); ср. лит. aš, др.-инд. ahām, греч. ἐγώ, лат. ego.

Но язык старославянских памятников и современные болгарские говоры представляют и сочетания без *ĭ* (j) перед *a* в начале слова: *azъ* — аз, по говорам на западе *jaz* (*язе*, *язика*); ст.-слав. азити, азенти; ст.-слав. агньць, агньць, совр. болгар. *ĭagne*, *agne*; ст.-слав. азгода, азгодъ, совр. болгар. *ĭagoda*. В отношении местоимения *azъ* заметим, что в Мариинском кодексе в одном случае

передано ѡзъ (ѡ — в соответствии в кириллицы), но передано в зависимости от предшествующего гласного і: въпрошъ и ѡзъ къ (Марк, 11, 29) — „спрошу и я вас“; при той же фонетической обусловленности находятся в этом памятнике ѡ и в таких случаях: и ѡште (вм. и ште) любите — „и если любите“ (Лука, 6, 32), и ѡште идъ — „и если иду“ (Иоанн, 14, 3); и ѡвне (вм. и вгне) — „и тотчас“ (Лука, 5, 13).

Примем во внимание следующее явление: те слова с ја, которые восходили к давнему сочетанию с ј (і) (ѡръ, ѡреть, ѡма, местоим. ѡже — „которая“), в старославянских памятниках передаются с ѡ (в глаголическом письме с ѡ — ѡ). Следовательно, отсутствие ј перед а в других сочетаниях (ѡгньць, ѡвнн...) представляло собою явление не исторического времени в судьбе болгарского языка, это не был результат утраты ј, происшедшей в X—XI вв. Если бы это явление происходило в X—XI вв., то в определенных фонетических условиях происходила бы и утрата ј в ѡръ, ѡма. Полагаем, что уже в доисторическое время по славянским группам, главным образом по группам, легшим в основу болгарских, некоторые слова с начальным а произносились при тех или иных фонетических условиях без вторичного ј: авѣ, агнѣ. Без вторичного ј произносился союз а по всем славянским группам. Реже этот союз произносился с ј (ја).

В позднейшее время по славянским группам происходит в определенных фонетических условиях утрата ј перед а. Так, в хорватском говоре острова Selve (Silba, Адриатика) местоимение 1 л. ед. представлено без ј (і): аз вм. јаz. В таком виде находится это местоимение в некоторых хорватских говорах Адриатического побережья; но обычно в сербо-хорватских говорах ја (ja).

В языке тех славянских групп, которые легли в основу групп славян поморских, вторичный ј (і) „появлялся и перед начальным ѡ: ѡза, јѡза; ѡтръ, јѡтръ; ѡду, јѡду („откуда“); ѡдоѡ, јѡдоѡ; ѡтроба, јѡтроба и др. Такие сочетания не были представлены во всех случаях с ј (і): произносили эти слова и без ј: ѡза,— явление, параллельное сочетаниям с ја — и с а: јагньсь — агньсь.

Неясна судьба дифтонга ој в начале слова,— неясна вследствие недостоверности этимологии немногих относящихся сюда примеров. Относимые сюда слова представляют ја и е.

Ст.-слав. ѡдра — „грудь“; с ѡ после предлога и префикса въп: въп'ѡдра. От таких сочетаний давно отвлечены сочетания пѣдро,

nědra; русск. нѣдро, нѣдра; серб. nědra — „грудь“, словин. nědrō — „грудь“ (jǎdro — „подгрудок, опухоль“), чешск. ěadra — „грудь“.

Одни из лингвистов сопоставляют это слово с греческим οἶδω, οἶδέω — „пухну“ и с некоторыми другими, ведущими к положению, что давний вид этой основы был οἶδ-го-. Другие связывают слово jǎdro с греческим ἦτρον — „живот, выпуклость“, с др.-верхн.-немецким ādara — „жила“, inādirī — „внутренности, потроха“, т. е. видят основу с ēd-го-.

Ст.-слав. ѡдъ, серб. jǎd и jĕd, словин. jād, чешск. jed, польск. jad, луж. jĕd. Сербские варианты представляют разные значения: jǎd (ǎ в м. ѡ; диалект. чакавское имеет ѡ): jǎd — „печаль, горе“, jĕd — „яд, гнев“. По мнению одних лингвистов, в этой основе отражается давнее οἶd, соответствующее греческому οἶδος — „опухоль“. По предположению других, славянский jǎdъ восходит к ēdo, с корнем ēd — „есть“ — φαγεῖν. Может быть, на словах jĕd отразилась связь со словами jĕda, jĕsti.

Ст.-слав. ѡзва — „рана“, ѡзвннѣ — „рана, нора“. С ja (ja) это слово и в других славянских языках. Этимология его более ясна. Как и литовское aiza — „щель“, латышское aiza — „дыра во льду“, славянское jazva восходит к οἶg'ца.

jasnъ вместо jas'no-. Восходит к οἶskno-: ср. соответствия в литовском āiškus и со ступенью редукции iškūs — „ясный, видный“.

Итак, можно полагать, что ja или ja появилось в славянской фонетической системе и вместо давнего οἶ в начале слова. Процесс этой замены представляем таким образом. Вследствие ассимиляционного воздействия образования j̄ на предшествующий гласный o произошла передвижка для образования o вперед: οἶ → ѡj̄. Фонетическая тенденция к замене дифтонгов монофтонгами отразилась так, что вместо ѡj̄ получилось образование монофтонга ѡ. А так как славянской фонетической системе не были свойственны лабиализованные гласные переднего ряда, то ѡ заменился гласным ē или ā. Перед ē или ā, как перед другими гласными переднего ряда и перед a, развилось сужение j̄: j̄ē, j̄ā, а это заменилось посредством ja (ja).

Неясно происхождение ju и u в таких словах: utro, jutro, ст.-слав. ѡутро, ѡтро, чешск. jutro → jítro; слав. uže, juže. Лит. aužrà — „утренняя заря“, др.-инд. usrā — „утренняя заря“ соответствует иному славянскому имени для „утра“: ustro. На такое имя указывает старославянское наречие заѡустрѣ = заѡутра („ут-

ром*)— в Синайской пс., современное македонско-болгарское наречие того же значения застра или дзастра.

§ 151. Происхождение вторичного \underline{v} в начале слова и н о е сравнительно с происхождением \underline{i} в отмеченных выше положениях. Вторичный \underline{v} появился перед \underline{z} и \underline{y} (ы) в начале слова, — появился он вследствие выделения лабиального элемента при изменении гласных лабиальных \underline{i} в нелабиальный \underline{z} и гласного лабиального \underline{u} в нелабиальный \underline{y} (ы): \underline{v} р \underline{i} t \underline{i} , \underline{v} п (\underline{v} ъ), \underline{v} к \underline{p} o \underline{t} i, \underline{v} udra, \underline{v} ysokъ, см. § 130. В этом параграфе, а также в § 138, отмечены следы выделения лабиального элемента и в изменении сочетаний $\underline{k}\underline{i}$, $\underline{g}\underline{i}$, $\underline{c}\underline{h}\underline{i}$ в \underline{k} ъ, \underline{g} ъ, $\underline{c}\underline{h}$ ъ и сочетаний $\underline{k}\underline{u}$, $\underline{g}\underline{u}$, $\underline{c}\underline{h}\underline{u}$ в \underline{k} у, \underline{g} у, $\underline{c}\underline{h}$ у: этот лабиальный элемент сопровождал артикуляцию заднебных перед \underline{z} , \underline{y} (ы) и препятствовал передвижке их вперед при нахождении после гласного переднего ряда: $\underline{t}\underline{e}\underline{g}$ ъ \underline{k} ъ, \underline{k} ъ $\underline{n}\underline{e}\underline{g}$ у \underline{n} 'i, $\underline{t}\underline{i}\underline{c}\underline{h}$ ъ... По группам происходило появление \underline{v} перед начальным \underline{q} вследствие того, что там носовой гласный заднего ряда становился менее лабиальным, чем \underline{o} : \underline{a} (\underline{a}): \underline{q} → $\underline{v}\underline{a}$. Так было в группах, которые легли в основу северо-западных славянских языков (польского, поморского, полабского). Напр., польск. $\underline{v}\underline{q}\underline{z}$, $\underline{v}\underline{q}\underline{z}\underline{k}\underline{i}$, $\underline{v}\underline{q}\underline{s}\underline{y}$, $\underline{v}\underline{e}\underline{g}'\underline{e}\underline{l}$ — „уголь“ (\underline{e} заменяет в польском языке давние гласные \underline{q} , \underline{e} в сократившемся слове), $\underline{v}\underline{e}\underline{z}\underline{e}\underline{l}$ — „узел“, $\underline{v}\underline{e}\underline{g}\underline{r}\underline{y}$ — Венгрия (Угрия)...

Неясны условия появления \underline{v} в слове $\underline{v}\underline{o}\underline{p}'\underline{a}$ — „запах“, корень $\underline{o}\underline{p}$ -; ср. перед согласными $\underline{q}\underline{c}\underline{h}\underline{a}\underline{t}\underline{i}$; лат. $\underline{a}\underline{n}\underline{i}\underline{m}\underline{u}\underline{s}$, греч. $\underline{\alpha}\underline{\nu}\underline{\epsilon}\underline{\rho}\underline{\mu}\underline{o}\underline{s}$ — „дуновение“, др.-инд. $\underline{\acute{a}}\underline{n}\underline{i}\underline{t}\underline{i}$ — „он дышит“.

О глаголе $\underline{v}\underline{e}\underline{z}\underline{a}\underline{t}\underline{i}$ см. в § 130. Полагаем, что тут был давнего происхождения корень $\underline{v}\underline{e}\underline{z}$ -, чередовавшийся с $\underline{v}\underline{q}\underline{z}$ - (а не $\underline{e}\underline{z}$ - в чередовании с $\underline{q}\underline{z}$:- $\underline{q}\underline{z}$ -ъкъ).

Неясно условие появления согласного \underline{g} в начале слова таких слов: $\underline{g}\underline{o}\underline{s}\underline{e}\underline{n}\underline{i}\underline{c}\underline{a}$ („гусеница“) вместо $\underline{q}\underline{s}\underline{e}\underline{n}\underline{i}\underline{c}\underline{a}$; $\underline{g}\underline{o}\underline{z}$ ъ: русск. \underline{g} уж, польск. $\underline{g}\underline{o}\underline{z}\underline{v}\underline{y}$ — (множ.) „ремень у цепа“, словин. $\underline{g}\underline{o}\underline{z}$ ъ, серб. $\underline{g}\underline{u}\underline{z}$, $\underline{g}\underline{u}\underline{z}\underline{v}\underline{a}$ вместо $\underline{q}\underline{z}$ ъ; ср. ст.-сл. $\underline{ж}\underline{е}\underline{ж}\underline{а}\underline{л}\underline{ь}\underline{з}\underline{н}\underline{о}$ — „цепь“, $\underline{ж}\underline{н}\underline{н}\underline{а}$ — „родственник“, т. е. „связанный родством“.

Конец слова.

· § 152. Значительные процессы происходят в конце слова, — процессы, отличные от фонетики середины слова в отношении одних и тех же звуков и звуковых сочетаний. Конец слова может быть ослабленным в его произношении. Это ослабление

бывает более или менее значительно. Степень ослабления конца слова или всего слова находится в связи со значением слова или формы в речи, в связи с частотой его применения, с особым скороговорочным его произношением. Так, некоторые глагольные формы переживают большую редукцию конечного слога, чем формы имен. Значительной редукции подвергаются частицы. Наиболее сильная редукция отражается на наречиях по причине частоты применения и особого произношения их. При этом на наречиях редукция может отражаться не только на конечном слоге, но на всем слове. Такая же судьба бывает у имен счета (числительных) и имен, употребляемых при обращении к кому-нибудь.

Фонетические результаты в конце слова могут выражаться непоследовательно в разных словах: те или иные группы слов, связанных с родственными словами и формами, представляют в конце слова те же звуки, какие находятся в родственных формах не в конце слова. Так, форма 3 л. ед. и множ. числа наст. вр. у славян представляла в конце сочетание *-тъ*: *pesetъ*, *pesotъ*. Но по славянским группам и в раннее доисторическое время и позднее происходило отверждение окончания *-тъ*: *-тъ* → *-тъ*. Но в именах на *-тъ* такого отверждения не было, вследствие того, что в ряде других форм согласный *t* был перед гласным переднего ряда полного образования, а также не в конце слова: *nitъ*, *nitî*, *nitîi* (родит. мн.), *nitъmi* и др. Ср. подобный процесс позднего времени в чешском языке: по чешским говорам имеется мягкий *t'* в конце слова (*nit'*, *zet'*...) по образцу других форм, имевших окончание *-i*: *nitî*, *nitîi* — родит. мн. (перед *i* в чешском языке согласные *t*, *d*, *n* мягки).

Результаты ослабления (редукции) в конце слова выражаются в следующем: а) в изменении и утрате конечных согласных; б) в отверждении согласных; в) в редукции гласных, — в редукции не только в отношении количественной стороны, но и в отношении других сторон артикуляции: в появлении большой закрытости образования *o*, *a* в определенных положениях: *o* → *u* (перед *n*, *s*), *a* → *â* (перед *n*).

В словах, подвергающихся редукции в целом своем составе, отражаются те же явления: изменение и утрата согласных и редукция гласных, закрытость их образования, утрата. В отношении изменения согласных при редукции слова отметим следующее. Редукция слова может выражаться в замене затвора щелью

(тесниной). Это ясно обнаруживается в судьбе местоимений *себе, тебе* в русских говорах: по говорам они произносятся со слабым, неполного образования фрикативным (не смычным) ^б — се^бе, те^бе. В дальнейшем происходила утрата такой артикуляции: те^бе → те^е, в зависимости от большей или меньшей степени в силе произношения этого местоимения. В таком же направлении происходило изменение затворного *g* в *γ* и *h* в форме местоимения *кого* в русском и кашубском языках. Так изменялся *g* и в титульном слове, в словообращении *gospodar'ъ: uospodar'ъ — hospodar'ъ — ospodar'*, см. выше § 124.

§ 153. Процессы конца слова в славянской системе донсторического времени.

1) Утрата конечных согласных. Такими согласными в конце слова были *t, d, s, r, n*.

Для утраты конечных согласных имела значение также фонетическая тенденция к открытости слога.

[*t, d*]: в 3 л. ед. ч. аориста: *pade, nese*; др.-инд. *ābharat*;

в 3 л. ед. ч. повелит. (желательного) накл.: *berī, др.-инд. bhāret*;

в 3 л. множ. ч. аориста *padq*, в сигматическом аористе: *se: vēse* — „они привели“; *q* вм. *-ont, -se* вм. *-snt* из *-s^hnt*;

местоимение именит.-вин. ед. ч. средн. р.: *to*; др.-инд. *tād(t)*, лат. *istud*;

родит. ед. ч. основ на *-o*: *vьka, voza*; др.-инд. *vṛkāḍ* (отложительный падеж).

[*s*]: в именит. ед. муж. р.: *vьkь*; др.-инд. *vṛkas* → *vṛkaḥ*, лит. *vīlkas*, греч. *λύκος*, лат. *lupus*;

супь; лит. *sūpūs*;

gostь; лат. *hostis* — „чужой человек, враг“; гот. *gasts*;

именит. ед. женск. р.: *dvьgь, daпь, bornь* (южнослав. *branjь*); лит. *dūris*, лит. *dūnis*, лит. *barnis*;

именит.-вин. ед. средн. р.: *nebo, slovo*; др.-инд. *nābhas* → *nābhaḥ, śrāvas*; греч. *ὑέρος, κλέρος*;

во 2 л. ед. повелит. (желат.) склонения: *berī* др.-инд. *bhāges* → *bhāreḥ*, греч. *φέροις*;

во 2 л. ед. аориста: *pade, nese*; др.-инд. *ābharaḥ*, греч. *ἔφερес*.

[*r*]: именит. ед. жен. р.: *mati, dūkti* (*dūt'i*) — „дочь“, греч. *μάτηρ* (*μήτηρ*), *θυγάτηρ*, лат. *mater*.

[*n*]. Конечный *n* также подвергся редукции. Но осуществление ее не вполне ясно. Возможно, что произошла не утрата

артикуляции для п, а ассимиляция ее с предшествующей артикуляцией гласного. Очевиден результат такой ассимиляции после долгих ē, ā (ǎ):

sēmēp → sēmē, вин. ед. личных местоимений mēp → mē.

tēp → tē, sēp → sē; ср. др.-инд. māp, tvāp — с долгим ā;

вин. ед. основ на -a: gogq, vodq; ср. окончания в др.-инд. -ām, в греч. -āv, лит.-a;

повидимому к -āp (вм. -ām) восходит окончание q в форме 1 л. ед. наст. вр.: berq, pesq; этой форме соответствовала форма латинского конъюнктива на -ām: ferām.

В сочетаниях же -ip, -up фонетические стадии неясны. Возможно полагать, что и тут произошла ассимиляция п с предшествующим гласным в одно образование — в носовой i, u. Ср. в литовском pāktj (вин. ед.), mōterj (вин. ед.), sūnc (вин. ед.). Если и в славянской фонетической системе возникали носовые i, u, то они позднее, но в доисторическое время, заменились неносовыми i, u. Эта замена, при сохранении носовых ę, o, была вызвана тем, что в славянской фонетике имелась и имеется тенденция не опускать мягкого нѣба, открывающего вход в носовую полость, не опускать при высоком подъеме спинки языка. См. подробнее выше, в § 77. Итак:

вин. ед.: gostin → gostь, noktīn → noťь (ст.-слав. ноць, зап.-слав. пось, русск. ночь), sūnūm → sunь, ср. окончание п, m в других индоевропейских языках: др.-инд. matīm, греч. πόλις, лат. turrim, лит. pāktj; др.-инд. sūnūm, лит. sūnc, лат. manum;

вин. множ. gostins → gostins → gostj [?] → gosti; sūnūns → sūnūps → sūnc [?] → sūnū → suny; об удлинении гласного перед ns см. ниже; ср. окончание -ns в готском (anstins, sununs), в греческом (диалект., критские πόλις, uίος).

Отдельное замечание о предлогах-префиксах: 1) op, на ступени редукции — vьp (с v вторичного происхождения, перед ъп), 2) sop, на ступени редукции — sьп, 3) kьп. На носовой согласный в этих предлогах указывают и данные славянской фонетики и соответствия других индоевропейских языков: слав. vьп, греч. ἐν, лат. in, лит. in, j; слав. sьп, др.-инд. sam — „вместе“, греч. ἄμα (‘ вм. o), др.-прусс. san; слав. kьп, др.-инд. kām.

В сочетаниях перед гласным и перед j согласный п сохранялся, примыкая к гласному или к j + гласный: oputja: — ст.-слав. оуца, русск. онуча, чешск. onuce; ср. глаголы uti (u-ti), obuti; лит. aiti.

Перед согласным *op* → *o*, как всякий *op* не в конце слова: *otrъ* (*o-trъ*; *-trъ* — суффикс, чередовавшийся с *-tero*; *-togo*); ср. др.-инд. *ántaraḥ* — „внутреннее“ (от *antár*), лат. *interior* (от *inter*); *o'tьkъ* — „уток“, собственно, „что втыкается“; *o'do'ь* — „долина“ („вдол“), *o'vozъ* — „ввоз, въезд“ и др. Перед гласным — *vъp*: *vъpiti*, (*vъp-iti*), *vъnimati* (*vъp-imati* — „брать“), *vъpnušiti* (*vъp-ušiti*; *ušiti* — образование от имени *ucho*; *zaušiti* — „ударить по уху“); ст.-слав. *уши имать і не въчушмать* (Син. пс.); *vъpědro*, *vъpědra*; затем отвлечено *pědro*, *pědra*, так как префикс воспринят был в таком виде, в каком он находился перед словом, начинавшимся с согласного звука *vъ*.

Так же тесно, как префиксы, объединялись *vъp*, *kъp* с местоимением *iego*, *jemu*, *jь...*: *vъp* + *jь* → *vъp'ь* (сочетание предлога *vъp* с формой местоимения вин. ед. мужск. р. *jь*; ст.-слав. *въм'ь*, чешск. *veň*, польск. *ven'*); *vъp* + *jemu* → *vъp'emu* (*vъp* + форма местного пад. ед. ч. местоимения *jemu*).

son перед согласным → *so*: *sośédъ*, *soqьrъ* — „соперник“, *soqekъ* — „сусек“, *soqroбъ* — „сугроб“, *soqroгъ* — „один из 2 волов в одном ярме“ и др.

szp перед гласным и перед *j*: *szpiti* — „сойти“, *szpimati*, *szpъntъ* — „собрание“, (*szp-ъntъ*: *-ъnt-* — корень, по значению тот же, что *ber-*, *bor-*, *by-*; ср. те же семантические элементы в слове *sz-bogъ*); *szp* + *jiimъ* → *szp'imъ* — „с ним“.

kъp: *kъp* + *jemu* → *kъp'emu*.

По образцу сочетаний *vъp'ь*, *vъp'emu*, *szp'imъ*, *szp'imati*, *kъp'emu* стали начинать формы этого местоимения согласным *p'* и после других предлогов: в сочетаниях *vъp'emu*, *kъp'emu*... выделяли предлог в том виде, в каком он находился в других случаях, перед согласным, — в виде *vъ*: *za p'imъ*, *o p'emъ*, южн.-слав. *grědъ p'imъ* и др. Ср. тот же процесс выделения предлога *vъ*, а не *vъp*, в сочетаниях *vъpědra*, *vъpědgrěchъ*. Выделению префикса в виде *vъ*, *szъ*, *kъ* содействовала и фонетическая тенденция к открытости слова: *p* относился к следующему гласному: *vъpiti*, *vъp'emu* представляли такие слоговые единицы: *vъ-p'i-ti*, *vъ-p'e-тъ*. Процесс пошел и далее. По славянским языкам позднее стали употребляться формы местоимения с *p'* и без сочетания с предлогом. Особенно широкое применение эта тенденция получила в южнославянских языках. Там формы *p'ego*, *p'emu*, *p'eј*... получили значение самостоятельных ударенных местоимений в отличие от безударных, конъюнктивных *go*, *mi*, *i* или *jeј* и др.,

потребляющихся не самостоятельно, а в сочетании с другим словом: *daj-mi* — „дай ему“.

Не перед гласным и не перед *j*, а перед всяким другим согласным *vъp*, *sъp*, *kъp* утратили *p*: *vъp* → *vъ*, *sъp* → *съ*, *kъp* → *kъ*. Процесс этой утраты неясен. Может быть, эта утрата произошла при положении *vŭp*, *sŭp*, *kŭp* после слова, т. е. в конечном слоге (*sŭp* → *sŭ* → *sŭ* → *съ*...). А в таком положении они бывали некогда в языке славян, как и в других индоевропейских языках, наподобие латинского сочетания с постпозитивным *sum*: *pe-sum*. Долее держались сочетания с послеименными *dě'l'a dŭ'l'a*), *radi: mene radi*. Может быть, содействовало утрате конечного *p* (через стадию *ц*) и то, что *vŭp*, *sŭp*, *kŭp* имели некогда самостоятельное значение отдельных слов, наречий.

2) В связи с редукцией конечного слога происходило отвержение согласного в этом слоге. Этот процесс происходил в разных славянских языках в разное время, и в доисторическое и в их истории. Так, напр., было с согласным *t'* в окончании 3 л. ед. и множ. наст. вр. (*-тъ*); в одних языках раньше, в других позднее происходило его отвержение. В раннее время, до IX в., произошло отвержение *t'* (в *-тъ*) в тех группах, которые легли в основу болгарских. В связи с таким изменением произошло и изменение гласного: *тъ* → *тъ*... Старославянские памятники представляют формы 3 л. ед. и множ. наст. вр. с окончанием *-тъ*: *несеть*, *несѣтъ*, *хвалѣтъ*... Рано отвердел *t'* в этих формах и в тех группах, которые легли в основу западнославянских. Позднее происходило отвержение *t'* в восточнославянских. Так севернорусские памятники письменности XI—XII вв. представляют это окончание в виде *-тъ*.

В этой категории форм редукция отражалась и в дальнейшем изменении: в утрате *t* из *тъ* (из *тъ*). Эта утрата происходила в славянских языках тоже в разное время. Так, в старославянском языке эти формы были с окончанием *-тъ*, при весьма редких случаях без *t*. По указанию памятников XI в., в среднеболгарскую эпоху чаще применяются формы без *t*. В современных болгарских говорах формы 3 л. ед. числа не имеют *t*. Только говоры на западе Македонии до сих пор представляют форму 3 л. ед. с *t*. В форме 3 л. множ. числа во многих болгарских говорах *t* не утрачивался. Но по говорам произошла утрата *t* и в этой форме.

На фонетическое изменение *-тъ* в *-тъ* или *-t'* в *-t* (после утраты редуцированных гласных) может указывать также сле-

дующее явление: в некоторых русских говорах мягкость согласного -t' удержалась в связи с напряженностью артикуляции предшествующего гласного — гласного высокого подъема. Так было по говорам Заонежья в форме 3 л. множ.: несут', жнут', могут', выпишут', но — стучат, грем'ат. Отметим параллельное явление в южнорусских говорах: в 3 л. ед. и множ. во многих из этих говоров не происходило отвердения и утраты t' после гласного высокого подъема, — после i, u (y): спит', гарит', в'алит' („велит“) — 3 л. ед.; н'асут', знáют', пáшут', вѣд'ут', хóд'ут' — 3 л. мн. (-ут' в вид'ут', хóд'ют' и др. по образцу с формами глаголов с основой на -е: н'асут' и др.), но без -t — сп'á, глѣд'á, („глядят“) — 3 л. множ.; нисѣ, знáја, пáша, вѣд'а, хóд'а — 3 л. ед. (вид'а, ход'а, с -а по аналогии с формами глаголов с основой на -е: несѣ...). Так и в говорах украинских и белорусских. См. в отделе примечаний к „концу слова“, а также замечание в отделе о глагольных формах.

По севернорусским говорам процесс отвердения согласного t' в конце слова был пережит и формой инфинитива. В 70-х годах прошлого века М. А. Колосов писал в своем диалектологическом отчете о севернорусских говорах между прочим следующее: „т в окончании неопределенного наклонения глаголов местами отвердевает. Так, в Грязовце вместо пѣтъ, быть я слышал почти пет, быт“.

3) Усиление лабиализации для гласного o в конечных сочетаниях -оп, -ос: -оп → -ип, -ос → -ис с дальнейшим изменением -йп → -й [ʔ] → -й → -ъ; -йп → -й [ʔ] → -й → -у (ы); -ос → -йс' → -й → -ъ;

-оп: вин. ед. основ на -o муж. р.: вѣкъ, возъ; ср. окончание -п, -т в других индоевропейских языках: др.-инд. vṛkāt, греч. λῶκον, лит. vilka;

1 л. ед. числа аориста: радъ, погъ, ср. др.-инд. ábharam, греч. ἔρερον.

-оп: каму вм. kamōp; ср. в греч. ἄκμιον, лит. актиб.

-ос: имен. ед. муж. р.: вѣкъ, возъ; в других индоевропейских языках окончание этой формы -s; др.-инд. vṛkaḥ (ḥ вместо конечного s), греч. λῶκος, лат. lupus, лит. vilkas и др.;

окончание 1 л. множ. числа -тъ в соответствии латинскому -tus (вм. -tos): беретъ, песетъ...

Форма имен.-вин. ед. средн. рода на -o в давних основах на -o и на -os (-es). В основах на -o окончанием был носовой

согласный, в основах на -os не было особого окончания для этого падежа. 1) Слав. *igo* с основой на -o, 2) *slovo* с основой на -oa. Ср. соответствия других индоевропейских языков: 1) др.-инд. *yugám*, греч. *ζυγόν*, лат. *jugum*; 2) др.-инд. *śrávas*, греч. *κλέφος*. Окончание -o в славянской форме появилось по связи с формой именит.-вин. ед. ч. местоимения: *to*, *ono*, где за гласным o следовал согласный d: *tod* → *to*...

-ons → -ūns (об удлинении гласного перед ns см. в § 85);
ūns → ū [ʔ] → ū → y (ы);

вин. множ. основ на -o мужск. р. *vozu*, *vyky*; ср. в греческом (в критском диалекте) -us, в готском -ns; греч. *λύκος*, гот. *wulfans*.

-onts: та же судьба, что и сочетания -ons, вследствие изменения *ts* в *s*: -onts → -ons → -ūns → -ц [ʔ] -ū → -y (ы), именит. ед. мужск. р. причастия наст. вр.: *nesonts* → ... *nesy*, *beronts* → ... *bery*; суффикс причастия -nt-, окончание именит. пад. ед. -s; др.-инд. *bhāran* (винит. *bhārantam*); греч. *φέρων* (вин. *φέρουσα*), лат. *ferens* (вин. *ferentem*), гот. *bairands*.

-jons (-jonts). После *j* процессы, пережитые сочетанием -ons, неясны. Звуковой вид формы причастия наст. вр. именит. ед. мужск. и средн. рода в основах на *je/jo* указывает на изменение -jons (из -jonts) в -jens, а это в -jēns (вследствие удлинения гласного перед -ns); -jēns → -jē: *znaje*, *dělaje*. Но в других формах причастия -jō- (-jōtj-): *znajōtja* (ст.-слав. *знаѣща*); *znajōtju* (ст.-слав. *знаѣщую*) и в форме 3 л. мн. наст. вр. *znajōtŭ*, *rišōtŭ*. Неясно, чем вызвано такое различие в звуковом виде этих сочетаний с давним -jo-. Полагают, что такое различие зависело от положения в слове: *jons* → *jē* в конце, -*jontia* → *jōtja* не в конце. Но вполне возможно полагать, что это различие в носовом гласном было обусловлено связью с формами других основ, хотя и при таком объяснении пока трудно уловить направление этой связи. Может быть, при -jē в именит. пад. ед. ч. (*znaje*) появились основы с *o* (*znajōtia*) после палатального по образцу форм с основой на *e/o*: *nesōtja*, *nesōtju*...

Винит. множ. основ на -o мужск. р. имел окончание -ns, как было отмечено выше: *vozu*, *vyky*. После мягкого согласного окончание этой формы было не одинаково по славянским группам: *konjōns* → ... *kon'ę* в группах, легших в основу южнославянских языков; *konjōns* → *kon'ě* в группах, легших в основу восточнославянских и западнославянских групп. Такая же двойственность по

диалектам была представлена формами родит. ед. и винит.-именит. множ. в основах на -ja: zeml'ę, ulicę в группах, легших в основу южнославянских языков, zeml'ě (zem'è), ulicè в восточнославянских и западнославянских группах. Ф. Ф. Фортунатов полагал, что в западнославянских и восточнославянских формах *ě* был некогда носовым. А. Мейе видел в *ę* и *ě* диалектические варианты результата фонетического изменения -jops (kopjops), -jās (zeml'ę, -ě). Но эти попытки объяснения -*ě* в указанных случаях нет возможности считать удовлетворительными: они даны вне связи с другими фактами фонетических и морфологических процессов.

-ois. Форма творит. множ. основ на -o у славян имела окончание у (*ы*) после твердого согласного, *i* после мягкого: vozu, kop'i. В др.-индийском окончанием было -ais → -aiḥ, в др.-иран. -āiš, в литовском -āis. Может быть, славянское окончание появилось фонетически вместо -ois, появилось вследствие усиления лабиализации перед *s* в конце слова и вследствие одновременной с этим редукции дифтонга -ois → -uis. Дифтонг *ui* вообще близок к гласному⁴ у (*ы*), а получив ослабление, он совсем совпал с этим гласным.

О близости славянского у (*ы*) с *ū*, *uī* (*i* — редуцированный *i*) свидетельствует ряд явлений. Лица из неславянской среды, не имевшие в фонетической системе своего языка гласного *ы*, слышали в нем элементы *ui*. Так по наблюдению последних лет. Так было и раньше. Посредством *ui* передан гласный *ы* в Фрейзингенских отрывках (памятник славянского языка X — XI вв.); так и в передаче чешских слов, находящихся в латинских документах: см. § 35. Проф. А. И. Томсон определял славянский гласный *ы*, как дифтонг. Мы не можем признать дифтонгичность русского и польского *ы*, как и соответствующего гласного более ранней фонетической системы других славянских языков. Гласный, заменивший собою более давний *ū*, был не лабиальный гласный: отсутствие лабиализации в этой замене, в *ы*, и вызвало развитие перед ним в начале слова *v*: vuknōti.

Лабиализация -āp. В конечном слоге перед *p* на долгом *ā* также отразилась тенденция лабиализации: āp → āp → ɸ. Таково происхождение окончания -ɸ в форме винит. ед. основ на -a: gogɸ, žepɸ, vol'ɸ. Соответствия других индоевропейских языков отмечены были выше, § 85. Вместо -āp и окончание формы I л. ед. наст. вр.: berɸ, pсsɸ, vedɸ; ср. латинский конъюнктив ferāth.

-ās. А. Мейе полагал, что лабиализация пережита была в конечном -ās: -ās → -ōs → -ūs → -у (ы). Таково происхождение, по его мнению, окончания -у в форме родит. ед. основ на -а, в соответствии др.-индийскому -āḥ и греческому -ās, и окончания -у (ы) в форме именит. множ. тех же основ (ženy...) в соответствии др.-индийскому -āḥ, литовскому -os. Но славянская форма именит. множ. женск. рода во всех основах — по происхождению форма винительного падежа и некогда имела одинаковое для всех основ окончание -ns. Окончание южнославянских форм в основах после мягкого согласного, — окончание -ę (stru;ę) также указывает на наличие носового п в окончании. Поэтому положение А. Мейе об изменении -ās → -ūs → -у (ы) считаем неприемлемым.

4) Редукция конечных долгих гласных. Долгие гласные, оканчивавшие собою слово, сократились у славян, — сократились рано:

trāvā → trāvǎ, sȳnū → sȳnǔ, sȳnū → sȳnǚ, byīt → byīī, trāvō → → trāvǫ, sēmē → sēmē, trāvé → trāvě (с кратким ě) и т. д.

Количество слога.

§ 154. В древней фонетической системе славян слог был долгим, если в его состав входил один из долгих гласных: а, и, у, о, е, і, ё или сочетание *or, ol, er, el, ъr, ъl, ъr, ъl* перед согласным: *matī, sȳnū, vōgnā, bēzǎ, boltō, gǫrdlo, vǫba, vǫkь*.

Кратким был слог, если он заключал в себе один из кратких или редуцированных гласных: е, о, ъ, ь, ѱ, і: *sěǫ, rǫ'ě, съпъ, дьпъ*.

Гласные краткие *ǫ, і* удлинились в таком фонетическом положении: перед группой согласных -ns: вин. мн. *sūnǫ-ns* (-ns давнее окончание винительного множ. в индоевропейских языках) → *sūnūns* → *sūnū[ns]* → *synu*; вин. мн. *gostī-ns* → *gostins* → → *gos'ti[ns]* → *gostī*. См. § 85.

Отдельные славянские языки, сербо-хорватский, словинский, польский, кашубский, чешский, словацкий, представляют указания, что с давнего доисторического времени они имеют в ряде случаев слоги краткие, вместо долгих более раннего времени. Можно полагать, что уже в доисторическую эпоху произошли сокращения долготы слога в следующих положениях.

1) Долгие гласные сократились перед ударным слогом, имевшим акутовый (восходящий) тип ударения на долгом гласном

(о видах ударения см. ниже). Ср. передачу давнего слова *dobina*: польск. *dębina* (в польском яз. *ę* находится в старопольском кратком слоге), сербск. и чешск. *dubina*, *malina* (с краткими *й*, *я*). То же явление представлено в ряде форм имен сущ. женск. р. с основой на *-а*: в формах твор. ед., дат., твор., местн. мн.: чешск. *říkat*, серб. *říkata*. Здесь издавна находится в первом слоге краткий гласный *й* вм. *я*.

2) Сократился долгий гласный, не находившийся непосредственно перед ударением. Напр. *dalekó* → *dǎlekó*; *širokó*, *čistotá*, *slěpotá*. Ср. краткость *a*, *i*, *e* в этих словах в сербо-хорватском и чешском языках.

3) Сократился долгий гласный под ударением в третьем или четвертом слоге от конца: *jāgoda* → *jǎgoda*; ср. чешск. *jāhoda*, сербо-хорв. *jǎgoda*; чешск. *mātefe* (но *māti*), чешск. *sěmene* (но *sīmě*), чешск. *vǎdnouti* — „вянуть“.

4) Сократился долгий гласный в конце слова вне ударения и под ударением: *māit* → *māi*, *řybā* → *řybǎ*, *vedō* → *vedǎ*, чешск. *vedū*...

§ 155. Если в сербо-хорватском, словинском, чешском, словацком, старопольском языках слово оканчивалось долгим гласным, то эта долгота вторичного происхождения. Так, она получалась в результате стяжения двух гласных: *dobǎ* и др. Она могла возникнуть по образцу других форм и близких по значению слов. Напр., окончание *ā* в форме имен. множ. существ. средн. рода в словацком языке: *slovā*, *mestā*, *plecǎ* — „плечи“, — с долгим *ā*, как в *slovāch*, *slovām*...

В некоторых случаях долгий гласный в открытом слоге был давнего происхождения, — именно там, где открытость конечного слога с долгим гласным появилась позднее, вследствие утраты согласного. Напр., чешск. форма 3 л. мн. ч. наст. вр. *pesū* → *pesou*, *chvalit* и др. Эти формы имели некогда такой вид: *pesōtǐ*, *chvalētǐ*. Или чешское местоимение *jā* с долгим *ā*: еще в XIV—XV вв. оно произносилось с согласным в конце слова: *jǎz* вм. *jǎzǐ*.

Позднее славянские языки переживали дальнейшие сокращения долготы слога; — переживали при тех или иных условиях. Некоторые славянские языковые группы совсем утратили этимологическое различие между долгими и краткими слогами. Такая утрата пережита в языках восточнославянских, болгарском, польском, лужицких.

§ 156. Для понимания языковых явлений, связанных с давними интонационно-акцентными различиями, сделаем замечания о славянских интонационных отношениях в доисторическое время,— замечания, основанные на сравнительно-историческом изучении ударения и количества слога (долготы и краткости его) в славянских языках.

Долгие гласные и долгие слоги (слоги с долгими гласными или с сочетаниями *og, ol, eg, el, ъг, ъl, ьг, ьl* между согласными) произносились некогда не с одинаковым движением тона: 1) в одних слогах они имели интонацию восходящего вида, т. е. тон повышался и в конце несколько понижался; 2) в других случаях тон, начавшись с высокой ноты, понижался и в конце слога несколько повышался. Интонацию первого вида будем обозначать посредством акута ' и называть акутовой, или восходящей, интонацию второго вида— посредством циркумфлекса ^ и называть циркумфлексной, или нисходящей.

Различные следы давних интонаций имеются под ударением во всех славянских языках. Об этих следах будет речь в обозрении отдельных славянских языковых групп. А пока ограничимся следующей справкой. Сербо-хорватский и словинский языки до сих пор представляют под ударением различие в интонации: в одних словах ударение бывает нисходящее, в других восходящее. Сочетания, имеющие нисходящее ударение на долгом гласном в сербо-хорватском и словинском языках, восходят к соответствующим давним сочетаниям с циркумфлексным ударением: сербо-хорв. *grâd, brêg, glâs, drûg, vîd*. То же и в словинском языке. Сербо-хорватским и словинским сочетаниям с ударенными *ga, la, gè* соответствуют в русском языке сочетания с *оро, оло, ере* („полногласие“) с ударением на первой части полногласия: *оро, бло, ере: город; голос, берег*. В чешском и словацком языках в соответствующих слогах произошло сокращение: чешск. *hrâd, břěh, hlâs, drûh, vîd*.

Сочетания, имеющие в словинском языке ударение долгое восходящее, а в сербо-хорватском краткое нисходящее, отражают прежнее акутовое ударение. Словин. *kráva, bláto, bréza, sîla*. Сербо-хорв. *kràva, blàto, brèza, sîla*. Словинским *rá, lá, ré*, сербо-хорватским *rà, là, rè* соответствуют в русском языке сочетания с „полногласием“, имеющим ударение на второй части: *корòва,*

болѣто, бер'ѣза (береза). В чешских соответствиях представлена долгота гласного: *kráva, bláto, bíza, síla*, а у словаков краткость: *bläto, brëza, síla*.

Наконец, заметим еще следующее. Если нисходящее ударение находилось на начальном слоге неодносложного слова, то оно в словинском языке перенесено на следующий слог: *brêg*, род. *bregâ, zlatô*. Такой же перенос в этих случаях пережит и болгарским языком: *златò, брѣгѣт, гласѣт*. Но в словинском и болгарском *kráva, síla*, без переноса ударения, потому что в этих последних сочетаниях интонация ударенного слога была иная, восходящая (акутовая).

§ 157. В середине слова интонация восходящего типа (акутовая) в речи славян была в слоге, гласный которого восходил к более давнему долготому гласному или к дифтонгу с долгим гласным или к долготому слоговому сонанту: *ō̄, ā̄, ō̄i... p̄, *p̄, *r̄, *l̄*. Такая же интонация была и в замене двухслоговой базы, с утраченным гласным э.

bŷti: чешск. *bŷti*, словин. *bŷti*, сербо-хорв. *bŷti*; ср. лит. *bŷti*, др.-инд. *bhŷti*;

bërza: чешск. *břza*, словин. *brëza*, сербо-хорв. *brëza*, русск. бер'ѣза; ср. лит. *bëržas*, др.-верхн.-нем. *birihha*; основная двухслоговая база *beræg'h*-. Другие примеры см. в отделе чередования.

Нисходящая (циркумфлексная) интонация у славян была в середине слова в тех случаях, если гласный слога восходил к более давнему дифтонгу с кратким гласным или к краткому слоговому сонанту: *ō̇, ā̇, ē̇, ō̇i, ō̇r, ē̇r, ō̇l, ē̇l, *ṗ, *ṙ, *l̇, *l̇*.

sŷchъ: чешск. *sŷcho*, сербо-хорв. *sŷh*; ср. лит. *saŷsas*, греч. *αῖσς*; основное — *săŷs-*;

vŷpnъ: чешск. *vřpn*, сербо-хорв. *vřpn*, словин. *vřpn*, русск. вѣрон; — *vŷpn-ъ*. Другие примеры см. в отделе чередования.

Нисходящую интонацию представляли и краткие слоги, с давним кратким гласным: *pŷ'e, slŷvo, lŷdъ*.

§ 158. В давний, доисторический период славянских групп, до их расселения по восточной, южной и западной Европе, произошли значительные изменения в интонации, произошла мена ее (метатония) в некоторых положениях. Именно, в ряде случаев ударенная циркумфлексная интонация перешла в интонацию иного типа, акутовую. В отличие от старой акутовой интонации назо-

вем ее, вслед за Я. Розвадовским, новоакутовой. Следы ее представлены говорами чакавского и кайкавского наречий сербо-хорватского языка в виде долгого восходящего ударения. В штокавских сербо-хорватских говорах Посавья в этих случаях имеется особого вида долгое восходящее ударение. В других штокавских говорах эта интонация изменилась в долгую нисходящую. (А старая акутовая интонация под ударением перешла во всех сербо-хорватских говорах в краткое нисходящее ударение, $\acute{}$; см. выше).

Эта новоакутовая интонация в словинской и восточнославянской группах совпала с прежней акутовой: в словинском языке вместо нее, как и вместо староакутовой интонации, под ударением представлено долгое восходящее ударение ($\acute{}$), а в русском языке в случаях, когда она находилась в словах с *tořt*, *řolt*, *terřt*, *telt*, ударение находится на втором гласном сочетаний *ого*, *ою*, *ере*. С прежней акутовой интонацией совпала новоакутовая интонация и в чешской группе: под ударением, имевшим такую интонацию, гласный является долгим, как и гласный, бывший под старым акутовым ударением. В словацком языке под новоакутовым ударением долгота сохранялась. (Под старым акутом она сократилась.) То же в старопольском языке: гласный под новоакутовым ударением сохранял долготу; гласный же под ударением с давней акутовой интонацией сократился (*vrõna*, *sřõma*, *blõto*).

Такая метатония была пережита, например, в форме *stõřza*, *stõřza*, с новоакутовой интонацией на *ог* ($-l$). Поэтому в посавско-штокавских, чакавских и кайкавских сербо-хорватских говорах и в словинском языке представлено долгое восходящее ударение, *strãřza*; в чешском и словацком — долгота: *strãřza* (чешск. *straře*), в польском — след долготы в изменении гласного *о* по направлению к *и* и совсем в *и*: так изменялся долгий гласный *о* — *strõřza* (*struřza*); в русском — ударение на второй части полногласия: *с то р õ ж а*. Или еще сравните образования с суфф. $-ъје$: *prõřъје* → *prõřъје*; сербо-хорв. чакав. *prõřtje*, словин. *prõřtje*; соответствующее явление отражается в чешском *dõbřt* → *doubřt* вм. *dõbъje*, в русском *кол õ с ъ а* вм. *kolъje*; ср. именит. *kolъsъ*, русск. *к õ л о с*. В форме род. п. мн. ч. некоторых имен с основой на *а*: *stõřnъ* → *stõřnъ*, *řõkъ* → *řõkъ*... На то, что здесь было некогда циркумфлексное ударение, указывает перенос акцента на следующий слог: *stõrná*, *řõká* (см. ниже о месте акцента). В сербо-хорватских

посавских и чакавских говорах, в словинском языке замена этих форм имеет долгое восходящее ударение: *strān*, *rūk* (*rók* — в словин.). В чешской и словацкой группах — долгота: *strān*, *rūk* (чешск. *rūk* → *rouk*). В русском — ударение на второй части полногласия: *с тор ђн*.

Тип новоакутовый был в течение продолжительного времени в жизни славянских языков не только традиционным, но и актуальным типом. Он появлялся в таких сочетаниях, которые были унаследованы с циркумфлексной интонацией, а также в сочетаниях (в словах), появившихся в историческое время в стдельных славянских языках: напр. чакав. *kral'* (шток. *krâl'*), чешск. *krāl* (пошло от имени Карла Великого).

В определенных условиях произошла метатония и по отношению к давней акутовой интонации: она заменилась интонацией циркумфлексной, которую назовем новоциркумфлексной. Следы этой интонации в славянских языках представлены в таком виде. В некоторых сербо-хорватских говорах, а также в словинской группе эта интонация под ударением отразилась в виде долгого нисходящего ударения; давнему же неизменившемуся акутовому ударению соответствует в сербо-хорватском языке краткое нисходящее ударение $\check{}$ (*krava*), а в словинском — долгое восходящее (*krāva*). В чешской и словацкой группах под этим новоциркумфлексным ударением гласный сократился, как и под прежним циркумфлексным (под прежним акутовым неизменившимся ударением долгота сохранялась у чехов: *krāva*). Но в русском языке следы новоциркумфлексного ударения не представлены: оно совпало с прежним акутовым, ср. ударение на второй части полногласия: *ор ђ*, *ол ђ*. Так, в глагольных формах наст. вр., имевших ударение не на окончании, акутовая интонация изменилась в новоциркумфлексную. Ср. в чакавских и словинских говорах *vēneš*, *zimūješ*, чешск. *vāpneš*, *zimūješ* (с краткими *ä*, *ü*). Форма родит. мн. таких, напр., имен с акутовым ударением: *kōŕva*, *dělo* (чешск. *dřlo*, словин. *dělo*): в этой форме (род. мн.) произошло изменение акутовой интонации в новоциркумфлексную: словин. *krāv*, *děl*; чешск. *krāv*, *děl*; ср. в чешск. краткость *ä*, *ë*; но в русском — *кор ђв*. Ср. новоциркумфлексную интонацию (в чешском краткость, в сербо-хорватском и словинском нисходящее ударение) вместо акутовой в именах на *-ъje*: *sъdbŏvŕje*, *bězъje*: сербо-хорв. *zdrāvŕ'e*, словинское *zdrāvje*; *brězje*; чешск. *zdrāvŕ*, *břězŕ*; но без суффикса *-ъje* слова этих корней имели

акут: s'ǎdǒrŋv', b'ěz'a: ср. чешск. zdrāv, b'řza, русск. здр'ов, бер'џа.

Метатония пережита в ряде имен прилагательных. Если в именной форме двухсложное прилагательное имело акцент (ударение) на окончании, то в сложной форме ударение переходило на коренной слог; при этом интонация этого коренного слога становилась из циркумфлексной новоакутовой. Имен. форма: чакавск. b'ēlǒ, golǒ, русск. б'ѣлǒ, голǒ; но сложн. формы: чакавск. b'ēlŋ, русск. б'ѣлџ, гџлџ (гџџлџ, — по некоторым говорам). Если двухсложное именное прилагательное имело ударение на коренном слоге, то судьба интонации и акцента была не одинакова во всех случаях:

а) если корень имел акутовую интонацию, то акцент (ударение) оставался на прежнем слоге, но происходило изменение интонации: она стала новоциркумфлексной: имен. форма чакав. s'ito (вм. s'itǒ), словин. s'ito, чешск. s'yto, русск. с'ѣто; сложн. форма: чакавск. s'itŋ, словин. s'itŋ, чешск. s'ytŋ, русск. с'ѣтой;

б) если корень имел интонацию циркумфлексную на долгом или на кратком слоге, то в одних случаях акцент переходил на окончание: имен. форма сербо-хорв. чакавск. b'ǒso, чешск. ml'ǎdo, b'ǒso, s'ũcho, русск. м'џлодо, б'џсо, с'џхо; сложн. форма сербо-хорв. чакавск. bosŋ, чешск. ml'ǎdŋ, русск. молодџй, бџсџй; в других случаях акцент сохранялся на корне, но интонация становилась новоакутовой: имен. формы сербо-хорв. ml'ǎdro, sk'ũro, ml'ǎdo; сложн. формы сербо-хорв. чакав. ml'ǎdŋ, штокав. ml'ũdŋ, sk'ũpŋ (= вместо нового акута); польск. m'ǒdry, sk'ǒry; чешск. ml'ũdrŋ → m'oudrŋ, sk'ũry → sk'ouprŋ.

§ 159. Краткие гласные. Слог с кратким гласным имел некогда, в доисторическую эпоху, одинаковую интонацию, — циркумфлексную (нисходящую). Когда происходила при тех или иных обстоятельствах метатония долгих гласных, то ею были охвачены при определенных условиях и краткие гласные в кратком слоге. Так изменилась циркумфлексная ударенная интонация в именах на -ja (-a): развивалась новоакутовая интонация гласного в корне, — гласного долгого или кратко. Ср. вышеприведенный пример st'ǒr'za → st'ǒr'za. Примеры с кратким гласным (в кратком слоге): чакав. k'ǒža, v'ǒl'a, словин. k'ǒža, v'ǒl'a, v'ǒn'a, чешск. k'ũže, v'ũle, v'ũpe с долгим ŋ вм. долгого ō; долгота появилась под ударением восходящего типа. Русские диалект. к'џџа, в'џџ'а — с џџ

или с закрытым \acute{o} ; такое \acute{o} ($\acute{y}\acute{o}$) находится в русских говорах в тех случаях, когда o был раньше под восходящим ударением. Или сравните еще форму родит. мн. с изменившейся интонацией циркумфлексной в новоакутовую. Примеры с долгим гласным сообщены выше ($storn\grave{y}$, $g\acute{o}k\grave{y}$). Краткий гласный: $gog\grave{y}$, $\acute{z}ep\grave{y}$. Словин. и чакав. $g\acute{o}r$, $\acute{z}ep$.

Форма именит. ед. основ на $-o$ муж. р. с ударением на окончании: $dvog\grave{y}$, $vo\acute{t}$, $kon'\acute{y}$... Ср. чакав. $dv\acute{o}g$, $v\acute{o}l$, $k\acute{o}n'$ (с восх. o), русск. диалект. $dv\acute{u}or$, $st\acute{u}ol$, $ku\acute{o}n'$.

В связи с таким ударением появились в русском языке во вм. o в словах $vo\acute{s}em\acute{y}$, $vo\acute{s}tr\acute{y}i$.

Причины, вызвавшие метатонию, неясны. В зависимости от каких-то причин происходило перераспределение сонорно-интонационных волн в отдельных частях предложения. Те или иные изменения в сочетании слов, изменения в построении формы слова, уменьшение сонорной волны слога в связи с редукцией гласного могли обусловить метатонию. Ср. интонацию в $d\acute{o}b\grave{y}$, $pr\acute{o}t\grave{y}$, $mo\acute{l}d\grave{y}$ (русск. $m\acute{o}l\acute{o}d$) и в $d\acute{o}b\grave{y}je$, $pr\acute{o}t\grave{y}je$, $mo\acute{l}d\grave{y}je$ (чешск. $ml\acute{a}d\acute{t}$). Ср. также разные интонации в именных формах прилагательных по сравнению со сложными: $s\acute{y}to$, но $s\acute{y}t\acute{y}i$ и др.

Итак, славяне в своей речи в доисторический период имели долгие слоги с такими интонациями:

- 1) с акутовой: $k\acute{o}gva$, $s\acute{t}la$;
- 2) с циркумфлексной: $g\acute{o}rd\grave{y}$, $dr\acute{u}g\grave{y}$;
- 3) с новоакутовой: $st\acute{o}r\acute{z}a$;
- 4) с новоциркумфлексной: $k\acute{o}g\grave{v}\acute{y}$ (род. мн.), $d\acute{e}l\acute{y}$ (род. мн.).

Новоциркумфлексная интонация была, повидимому, близка к старой циркумфлексной: в отдельных славянских группах судьба старой и новой циркумфлексной интонации была одинакова.

Более значительно было различие старой акутовой и новой акутовой интонации. Следы этого различия в ударяемом слоге ясно различаются в сербо-хорватском, словацком и польском языках: слог со старой акутовой интонацией сократился ($kr\acute{a}va$), а слог с новой акутовой интонацией остался долгим (словацк. $str\acute{a}z\acute{a}$, польск. $str\acute{o}z\acute{a}$ → $stru\acute{z}\acute{a}$).

На кратком слоге была одна из двух интонаций:

- 1) старая циркумфлексная: $po\acute{l}'e$;
- 2) новоакутовая: $vo\acute{l}'a$, $dv\acute{o}d\grave{y}$.

§ 160. В языке славян доисторической эпохи пережиты были изменения также в месте акцента (ударения).

1) В словах с разными слоговыми интонациями акцент (ударение) перешел со слога с нисходящей интонацией на слог с восходящей интонацией. Так было и в литовской группе.

а) Акцент перенесен на следующий слог в тех сочетаниях, в которых прежний ударенный слог был кратким или долгим, но с интонацией циркумфлексной, а следующий слог имел акутовую интонацию, как это определено было Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. де-Соссюром (последний указал это по отношению к фактам литовского языка).

medjá (med'á) с дальнейшим изменением, — русск. межа́; ср. др.-инд. mádhya, греч. μέση; vđová — др.-инд. vidháva; zimá — лит. žẽtà; греч. χειρα; golvá (русск. голова); прилагат. povà.

Но ср. форму винит. ед. с циркумфлексной интонацией корня и с такой же интонацией окончание ô: zîmô, golvô, pðvô, сербо-хорв. zîmu, glâvu, русск. зѣму, гòлову.

Ср. также solma, — с акцентом на корне, так как он имел интонацию акутовую; русск. солòма, чешск. slâma, словин. slâma (с восход. ударением).

Сравните ударение на суффиксе: goréti, smýrdéti, tьrpéti, но ударение на корне с акутовой интонацией: vfdéti, stýšati; сербо-хорв. v'đeti, sl'šati, — с краткостью гласного, указывающей на акутовую интонацию, при которой в этом языке долгота сокращалась (křava); ср. литовскую параллель к суффиксальному гласному é, — параллель в виде é, соответствующем славянскому акутовому ударению: лит. smirdéti.

1 л. ед. наст. вр. pišó, češó, vežó; повелит. наклон. piš! pišitel' češ! vež! Коренной слог в этих случаях имел циркумфлексную интонацию, а окончание акутовую. — Сербо-хорв. 3 л. ед. rîšē, čēšē. Если же коренной слог имел акутовую интонацию, то акцент не переходил на следующий слог: víd;ô (сербо-хорв. v'đu, русск. вѣжу), pažô (серб. pažem, русск. ма́жу...).

б) Акцент перешел на предшествующий слог, имевший акутовую интонацию, — dýmъ, dýma: чешск. dým, сербо-хорв. dîm; лит. dúmai, но ср. др.-инд. dhūmāḥ, греч. θῦμός; слав. býti; чешск. býti; сербо-хорв. bîti; лит. būti; но ср. др.-инд. bhūtfḥ.

2) Происходили передвижки акцента в связи с метатонией. Так, напр., в сложных формах прилагательных: если именная форма прилагательных имела акцент на окончании, то в сложной

форме акцент падал на коренной слог и интонация являлась новоакутовая: $\breve{e}l\acute{o}$, $go\acute{o}$; но — $\breve{e}l\acute{o}je$, $\breve{e}l\acute{y}i$, $g\acute{o}l\acute{o}je$, $g\acute{o}l\acute{y}i$; ср. чакав. и словин. $\breve{e}l\acute{t}$, $g\acute{o}l\acute{t}$ (с восходящ. удар.), диалект. русск. $г\acute{u}олой$. См. выше.

3) Особое замечание следует сделать о мене места акцента в сочетаниях имен с префиксами или с предлогами, — имен, имевших акцент на начальном слоге. В сочетаниях, в которых начальный слог имени имел издавна акутовую интонацию, передвижки акцента на префикс или предлог не произошло: $\breve{b}\acute{e}r\acute{z}a$, на $\breve{b}\acute{e}r\acute{z}o$ (ср. русск. на бер'óзу), $\breve{b}\acute{o}l\acute{o}$, на $\breve{b}\acute{o}l\acute{o}$ (русск. на бо-лòто) и др. В сочетаниях, в которых начальный слог имени имел циркумфлексную интонацию, произошло следующее.

а) В одних случаях переноса акцента на префикс не произошло, — только интонация изменилась в новоакутовую: $rov\acute{o}r\acute{t}ь$ → $rov\acute{o}r\acute{t}ь$; ср. русск. поворòт, словин. $rov\acute{r}\acute{a}t$; но без префикса: $v\acute{o}r\acute{t}ь$, русск. вòрòт, серб., слов. $vr\acute{a}t$; $rot\acute{o}r\acute{ь}$ ($i\acute{o}$ — с нисходящей интонацией) → $rot\acute{o}r\acute{ь}$; ср. словин. $rot\acute{b}r$, $rot\acute{o}b\acute{r}a$; ср. диалект. русск. покуóй (покóй), налòг, поклòн..., указывающие на некогда бывшее восходящее ударение в слоге с *o*, явившееся в эпоху доисторическую вм. более раннего нисходящего.

б) В других сочетаниях акцент перешел на префикс или на предлог: $g\acute{o}r\acute{d}ь$, $z\acute{a}g\acute{o}r\acute{d}ь$, ср. русск. зà-гòрòд; $ot\acute{k}\acute{u}r\acute{ь}$ → $ot\acute{k}ur\acute{ь}$, ср. русск. óткуп, сербо-хорв. $otkup$.

Неодинаковость судьбы акцента в сочетаниях префикса или предлога с именем, начальный слог которого имел циркумфлексную интонацию, зависела, вероятно, от того, что образование этих сочетаний происходило в разное время. Одни из них относятся к раннему времени. Это — сочетания без переноса акцента на префикс. Другие возникли позднее. Это — сочетания с переносом акцента на префикс. Сюда же относятся сочетания с предлогами: во всех случаях представлен перенос акцента на предлог, если первый слог имени имел циркумфлексную интонацию. Но со слога с акутовой интонацией акцент не переходил на предлог.

Чередование гласных.

§ 161. Чередование гласных — определенная мена их в словах одного корня. Эта мена отражается и в корне, и в суффиксе, и в окончании. Некогда она имела большое значение в системе индоевропейских языков, — значение грамматическое, служа одним

из элементов для определения грамматической категории слова. Напр.: слав. *berq*, *berēši...*, *nesq*, *nesēši...*, *rekq*, *rečeši...* с гласным *e* в наст. времени, но *boгъ*, *posъ* (*grinostъ*), *rokъ*, *otrokъ...* в существительных; греч. *φέρω* — „несу“, но *φόρος* — „подать, дань“; чередование не в корне: греч. *λόχος* — именит. ед. — „волк“, *λόχε* — зват. ед.; слав. *vykъ* — *vyčel*; греч. *πατήρ* — „отец“, с *ē* в именит. ед., *πατέρα* с *ē* в винит. ед., *πατρός* — с отсутствием гласного в слоге перед окончанием *-ος* — родит. ед., *πατράσι* — с иным видом суффикса в дат. множ. числа и др.

Все индоевропейские языки представляют указание на определенную систему рядов в чередовании гласных. Чередовались — *ě||ō||ē||ō* || редукция этих гласных. Реже в чередовании входил гласный *a*. Но применение этих чередовавшихся гласных по грамматическим формам часто не совпадает в отдельных индоевропейских языках, — не совпадает вследствие обобщений в звуковом виде основы и суффикса в применении их к разным формам. А эти обобщения проходили не в одинаковом направлении в каждой индоевропейской группе. Происшедшие обобщения в звуковом виде корня и суффикса в разных формах затрудняют определить условия, при которых возникло это явление (чередование гласных). Есть основание полагать, что наличие *e* или *o* первоначально находилось в связи не с грамматическим значением, а было обусловлено фонетической системой, — положением гласного в отношении к ударению (к акценту): под ударением — *e*, вне ударения — *o*. Ср. греческое чередование: *πατέρες* — „отцы“ (именит. множ.) || *εὐπάτορες* — „знатные“; *φρένες* (именит. множ.; ед. *φρήν*) — „сердце, ум“ || *ἄφρονες* — „безумные“; *πέσω* — „пасу“ || *βοεύς* — „пастух“; *σπέλω* — „совершаю возлияние“ || *σπουδή* — „возлияние“; в латинском *terra* — „земля“, „страна“ || *exterritis* — „изгнанный“.

В течение времени происходило обобщение, выравнивание в отношении звукового вида основы по родственным формам. В результате этого морфологического процесса произошли весьма сильные изменения в отношении чередовавшихся гласных в прежних рядах родственных форм: одни формы обобщили основу с гласным *o* вне ударения и под ударением, другие формы обобщились с гласным *e*. Напр., в греч. *φόρος* — „подать, дань“, с *o*, как и *φορά* — „несение, подати, уплата“, *φορέας* — „носильщик“; *φόνος* — „убийство“ с *o*, как *φονεύς* — „убийца“ и т. п. Фонетическое значение чередования *e||o* (*e* под ударением, *o* вне ударения) сменилось во многих случаях значением грамматическим: тот или

иной звуковой вид основы или окончания стал указывать на грамматическую категорию слова.

Фонетического происхождения была и ступень редукции: она появлялась когда-то вследствие ослабленной артикуляции гласных *ě, ѓ, є, ѓ, ѓ*. Гласный, получившийся в результате редукции *ě, ѓ*, невозможно определить в его образовании в наиболее ранних фонетических системах индоевропейских языков,— невозможно по той причине, что судьба его в отдельных языках различна. Условно обозначаем этот редуцированный гласный посредством буквы *а* (иное обозначение: *е*). У славян этот гласный изменился в *ь, ѓ*. Редукция гласных *е, о* иногда доходила до нуля звука. Напр.: 3 л. мн. *soťь*, причастие наст. вр. *su (съ)*, но 3 л. ед. *jestь*; ср. и в др.-инд. *sānti||āsti*. Гласный, получившийся в результате редукции долгих *ē, ō, ā*, тоже невозможно определить для давних систем индоевропейских языков по причине различной замены его по языкам. Условно обозначаем этот гласный посредством *э*. У славян вместо него получился *о*, в др.-инд. *і*, в греч. и лат. *ă*. Ослабление артикуляции в образовании гласных *ě, ѓ, є, ѓ, ѓ* было вызвано каким-то положением слога с этими гласными в отношении ударения в слове. Но позднее морфологические акцентологические передвижки отразились и на применении ступени с результатом давней редукции: в некоторых случаях эта ступень оказалась не только вне ударения, но и под ударением или обобщена для той или иной грамматической категории некоторых слов.

В зависимости от положения в отношении к ударенному слогу находилось некогда и чередование кратких гласных с долгими.

Если чередуются гласные, образование которых различается в укладе органов речи, то такое чередование называют качественным: *ě||ѓ, є||ō: běr-||bǫr-, sēd-||sōd- (sēd-||sad-)*.

Если чередующиеся гласные различаются в количественном отношении, то это будет чередование количественное: *ě||ē, ѓ||ō (ѓ||а);* чередование кратких или долгих гласных с результатом их редукции: *ě||а* (слав. *ě||ь* или *ъ*), *ѓ||а* (слав. *о||ь* или *ъ*), *є||э* (слав. *ě||о*), *ѓ||э* (слав. *а||о*): *sēd-||sēd- (sedьo || sēdēti), g^hhōr-||g^hhōr-(gorēti || garь); berq || bьrati; gon'q || gьnati; spēti || sproгь (о вм. э).*

Бывает и чередование смешанное, качественно-количественное: *sedьo || sadь (а вм. ѓ), žegavь („раскаленные угли“) || garь.*

§ 162. При изучении чередования гласных по отдельным индоевропейским языкам приходится выделять особо слова с дифтонгами в широком значении этого термина, т. е. сочетания е, о с *ĭ*, *u*, *m*, *n*, *g*, *l* в разных фонетических положениях. Сущность чередования здесь та же, что и вне сочетаний с *ĭ*, *u*, *m*, *n*, *g*, *l*. Но фонетические процессы, пережитые отдельными языками, сильно изменили звуковой облик этих чередований.

В индоевропейских языках имеются следы таких чередований, в которых в состав корня или базы входило сочетание: гласный + согласный шумный или сонорный *ĭ*, *u*, *m*, *n*, *g*, *l* + гласный. В этой базе один из гласных представлял собою результат редукции: если в первом слоге был гласный е или о, то во втором находился редуцированный э (результат редукции *ē*, *ō*, *ā*): *etā-*, *otā-*; если во втором слоге был *ē*, *ō*, *ā*, то в первом слоге был результат редукции * или нуль звука: **tē-* (*tē-*), **tō-* (*tō-*) **tā-* (*tā-*).

Если за базой *etā*, *otā* следовал гласный, то э отсутствовал: *et*, *ot*, **t* (*t*). Например:

греч. *πεσόμαι* (вм. *πεσόμαι*) — „упаду“: отражение базы *retā-*;

греч. *πεπτῆός* (*πε-πτῆ-ός*) — „упавший“: отражение базы *ptē-*;

греч. *πέπτωχα* (*πέ-πτω-χα*) — „упал“: отражение базы *ptō-*;

др.-инд. *patitāḥ* (*pati-taḥ*) — „упавший“: отражение базы *ptā-*.

Особо нужно учитывать двухслоговые базы с *ĭ*, *u*, *m*, *n*, *g*, *l*: различные фонетические процессы пережиты этими сочетаниями в отдельных индоевропейских языках.

Отметим звуковой вид ступени редукции двухслоговых баз при положении между согласными: *ṭ* вм. *eĭā-*, *ū* вм. *euā-*; *m̄* (**m̄*) вм. *emā-*; *n̄* (**n̄*) вм. *enā-*; *ḡ* (**ḡ*) вм. *eḡā-*; *l̄* (**l̄*) вм. *elā-*: *tīt*, *tūt*, *tīt*, *tīt*, *tīt*; в фонетике славян *ṭ* → *ṭ*; *ū* → *у* (*у*); *m̄*, *n̄* (**m̄*, **n̄*) → *ę*; *ḡ* (**ḡ*) → *ыг*, *ъг*; *l̄* (**l̄*) → *ыл*, *ъл*; интонация в этих слогах, как и в слогах с *og*, *ol*, *eg*, *el* вместо двухслоговых сочетаний, была у славян восходящая; в литовской группе *lm*, *ln*, *lg*, *ln*, *ll*, *ll*. Например:

слав. *ръпнѣ*; лит. *pilnas*, др.-инд. *pīṅṅā* — вм. *pīn-*;

но ср. др.-инд. *pāṅnam* (*pāṅ-nam*) — вм. *peā-*;

греч. *πολύς* (*πολ-ός*) — „многий“ вм. *poi-*;

лат. *plēnus* — „полный“, греч. (гомеров.) *ἐπλητο* (*ē-plē-to*), др.-инд. *āpṛāt* — „он наполнил“ — вм. *plē-* (с редукцией первого гласного).

русск. otava, словин. otáviti — „подкреплять силы“, чешск. otaviti se — „выздороветь“.

Отметим теперь примеры чередования гласных, относящихся к славянской группе. В начале представляем столбец основного ряда чередования, в следующем столбце — чередование с результатами процессов славянской группы. При этом заметим, что не все ступени с чередованием гласных удержались в том или ином индоевропейском языке: многие слова с разными степенями чередования вышли из употребления.

§ 165. ě — e

ǫ — o

ě — é, а (а после палатальных согласных)

ǭ — a

* (степень редукции) — ь, ъ, нуль звука.

tekŏ||tok, potokъ, otokъ — „остров“ ||těchъ — 1 л. ед. сигматического аориста (těk-s-on), utěkati||tak-, tačati (ст.-сл. истацати) ||tьci||повелит. накл. ||ticati;

godъ („определенное время“), godina (то же значение): поздъ же съвѣшю припада оуте[ни]ци сго глѣше поусто в мѣсто н годъ юже мнѣхъ отълѣсти народы (Савв. кн.). В соответствующем мѣсте (Матф., XIV, 15) других старославянских памятников находится година (напр., в Мариин. ев.) ||žьdati||židati, ožidati; мене ждѣтъ грѣшници погубити мѣ (Син. пс.), ждѣтъ тебе (Син. тр.);

pletŏ||plotъ, zaplotъ||sъplětati, zaplětati||sъplitati;

rekŏ||rokъ, otrokъ||rěchъ — 1 л. ед. сигматич. аориста (rěk-so-n) rěkati (ст.-сл. изръкати) ||rьci||ricati, proricati;

grebŏ||grobъ — „яма“ ||grěsъ — 1 л. ед. сигмат. аориста (grěb-so-n), grěbati, progrěbati||grabiti||grьběti — „быть погребаемым“ ||gribati;

pled-mę → plemę||plodъ;

terpъ (ter-ъ) ||topъ, topiti;

пазнегътъ ||пазногътъ („ноготь“);

česati||kosa — „волосы“;

lемеchъ||lomiti;

sedьlo||sěsti||sadъ;

skel- (ščel-ъ)||skōl- (skala). Ср. лит. skélti „колоть“ ||skalà — „щепка“;

de- в основе с удвоением корня de-d- (d вм. d* — нулевая ступень в чередовании) ||dē-, dē-dэ (перед гласным dēd-). Это

чередование *вм.* основного чередования *dhē-* (*dhēdh-*) || *dhē-*, *dhēdhə-* (*dhēdh-* — перед гласными) — „класть, ставить“. Ст.-сл. *дежд* — „кладу“, ст.-сл. *нажда*, *ожда*; *ї одеждѣтъ сѣ ѡко одеждѣ стѹдомѣ своѣмѣ* (Син. пс.), *вѣджди прѣсты въ оухѣ егѡ* — „всунь пальцы в его ухо“ (Син. тр.) || *dēti* — „класть“, „ставить“, *dē'q, dējati* || *sq'z* (*sq-d-ъ*; *sq-* префикс как в *sqsedъ, sqsekъ*) — „суд — *judicium*“ и „*vas* — сосуд“. Ср. др.-инд. *dadhmaḥ*, лит. *deste* — 2 л. множ. || др.-инд. *ádham* — „я положил“, греч. *τίθημι* (-θη-) буд. вр. *θήσω*, лит. *dēti* ||, др.-инд. *nidhiḥ* (*ni-dh-i-h*) — „сбережение, сокровище“; *poziti, požь* (*вм. poz-jo-*), *pziti* (ст.-сл. *пронъзити*) || *pronizati*; *choditi* || *prichadjati* (ст.-сл. *прижадати*) || *šьdъ, šьdъša* (ср. русск. „хаживать“) || ст.-сл. *оуиндъ* — „беглец“; *leg-*: *legti* (ст.-сл. *лѣши*) || *logъ, po'logъ, lože* || *lèg-*: *nalègati* || *lag-*: *po'lagati*; *jesmъ* || *sq'z, sy(см)* — именит. ед. мужск. р. причастия наст. вр.

В суффиксах и окончаниях.

neseši (*nese-ši*), *nesetъ...* || 3 л. мн. *nesq'z* (*вм. neso-nti*); основа причастия наст. вр. *nesont-* (именит. ед. мужск. р. *nesy*, род. ед. мужск. р. *nesontja*, ст. сл. *несѡнта...*).

katu (*вм. kamōp*) в именит. ед. || *kamen-* — в других формах: *kamene, kameni* и др.; *semę* (*вм. semēn*) в именит.-вин. ед., но в других формах *semen-*: *semene, semena...*

pebo (*вм. pebos*) — в именит.-вин. ед. || *pebes-* — в других формах: *pebese, pebesa...*

vykъ (*ъ* *вм. -os*) в именит. ед., *vykotъ* — дат. мн. || звательный ед. с *-e*: *vyčel* (ср. греч.: *λύκος* — *λύχε!*) || им.-вин. двойств. числа не *-ǫ*, а *-ō* → *a*: *vyka* — „оба волка“, *voza*; ср. греч. *λύκω*.

Перед гласным:

Перед согласным:

§ 166. II. <i>em</i> (<i>en</i>)	<i>em</i> (<i>en</i>)	ε
<i>om</i> (<i>on</i>)	<i>om</i> (<i>on</i>)	ο
<i>ēm</i> (<i>ēn</i>)	<i>ēm</i> (<i>ēn</i>)	ε с восход. интон.
<i>ōm</i> (<i>ōn</i>)	<i>am</i> (<i>an</i>)	ο с восход. интон.
* <i>m</i> (или <i>m</i> , * <i>n</i> или <i>n</i>)	<i>ьm, ъm, (ьп, ъп)</i>	ε
* <i>m̄</i> (<i>m̄</i>), * <i>n̄</i> , <i>n̄</i>)	удлинение <i>um, im</i>	ε с восход. интон.

В этих рядах чередования гласных были замены давних однослоговых и двухслоговых баз. О двухслоговых базах и о результатах их редукции (*m̄, n̄...*) см. выше, § 162.

em-: emati: — „братъ“: emati плѣды (Савв. кн.), злемъ, злемодльць, личосмьство (Син. пс.)|| ьп-: въз-ьп-о, съп-ьп-ъ, ср. синонимическое имя съ-бор-ъ („собор, собрание“), съп-ьп-ище („место соборания, сонмище“), ьп-о → imo, imo||ѣ — перед согласным: въз-ѣ-ti, ь-ѣ-ti.

mъnĕti||памѣть||помĕnati||pominati. Ср. лит. minĕti, atmintis. gromъ||гръмĕti.

stromĕ||stromъ — „дерево, ствол“||stromъ.

ženō, ženeši — „гоню, гонишь“||gonъ, goniti||gan'ati||гъnati.

zvōn||zvōkъ (zvōn-ko)||zvĕkъ||zvъnĕti-; ср. чередование в литовском: žvėngti — „ржать“||žvangėti — „звучать“||žvėngti — „заржать“.

rop-, oropa (o-rop-a), ors-rop-ъ (раскoнъ), заропъка|| poto (ponto)|| pĕti||pъno — „натягиваю“||pinati, propinati.

kop-, kopъ или копъ („начало“): покoнъ („начало“) прѣмждрoстн (Син. пс.), копсь („маленькое начало, конец“), iskonĭ||ĉĕti, paĉĕti (восходит к kep- или k'п-)||паĉьno||paĉinati. Ср. латышск. atkan — „снова“.

tĕga, tĕgati||toĝъ, toĝa, toĝiti.

seĭk-: seĭkōti — „течь“, чешск. sáknouti — „просачиваться, иссякать“, русск. сякнуть („вода сякнет ис катки“ — Среднее Поволжье)||soĭk-: soĉiti, ст.-сл. исънѣти, прѣсънѣти — „прекратить течение, высушить“: ты вако рати („соблаговоли“) мнѣ прѣсънѣти истоуѣннѣ крѣн сви (Син. тр.). Ср. лит. seika, sekti — „падать, течь вниз“.

blĕdъ — „заблуждение“||blōdъ.

prĕĝъ, zarĕĝati||prōĝъ, sōrōĝъ — „один из двух волов в одном ярме“: другъ рече сѣпрѣĝъ воловъннѣхъ коупнѣхъ пать — „другой сказал: я купил 5 пар волов“ (Маринин. ев.); Константин (Кирилл), умирая, говорил своему брату Мефодию: „сз брато въ сѣпрѣĝъ вѣдохъ ѡднѣхъ брѣдѣхъ тажашѣ, и азъ на лѣсъ падахъ свои днѣ съкончавъ“ — „Вот, брат, мы с тобой были два вола, тянущие одну борозду, и я на борозде падаю, закончив свой день“ (житие Мефодия).

trĕsō, trĕseši||trōsъ.

mĕto, mĕteši, mĕtežъ||mōtiti, съmōta.

lĕkō — „сгибаю“||lōkъ — „лук“, lōka — „излучина, луг“: налмѣтѣтъ лѣнъ свои — „натянет свой лук“, (Син. пс.). Ср. лит. lenkti — „сгибаюсь“||lankā — „луг“, как genktĭ — „подбирать“, „собирать“|| rankā — „рука“, слав. rōka.

čęstъ — „частый“ (k^чst-)||комъ; ср. в литовском *ki^чstas* — „набитый“, *ki^чsti* — „набивать“, „затыкать“ ||kams — „ком, глыба“, *kamūti* — „давить“, „набивать“.

čęstъ||kqsz — „кусок“, *kqsati*: корень *kond-* — суффиксальный элемент *-so-*. Ср. в литовском: *kānda*, *kąsti* — „кусать“, др.-инд. *knādati* — „он раскусывает“.

dqti (dq — восходит, может быть, к *dom-*, перед согласным, а не к *d^чm-*)||d^чmq — „дую“, падъмень (na-d^чm-enъ)||*dumatī*, *v^зdzumatī*. Отметим образование того же корня в литовском и др.-индийском языках: лит. *dumiū*, *dūmti*, др.-инд. причастие *dhamitā*, аорист *adh^чmasit*. Все эти формы указывают на давнюю слоговую базу с ее редукцией *dhemə-*, *dhom-*, *dh^чm-*.

Перед гласным:

Перед согласным:

§ 167. III.

<i>er</i> (el)	<i>er</i> (el)	<i>e^ч</i> (e)
<i>or</i> (ol)	<i>or</i> (ol)	<i>o^ч</i> (o)
<i>ēr</i> (ēl)	<i>ēr</i> (ēl)	<i>e^ч</i> с восх. интон.
<i>ōr</i> (ōl)	<i>ar</i> (al)	<i>o^ч</i> с восх. интон.
<i>er</i> (или <i>ę</i>), <i>*l</i> (или <i>l̄</i>)	<i>yr</i> , <i>yr</i> (yl, yl)	<i>y^ч</i> , <i>y^ч</i> (yl, yl)
<i>*r̄</i> (или <i>r̄̄</i>), <i>*ī</i> (или <i>ī̄</i>)	удлинение <i>ir</i> , <i>yr</i> , (il, yl)	<i>y^ч</i> , <i>y^ч</i> (yl, yl) с восход. интон.

Сочетания *e^ч*, *e|*, *e^ч*, *o|*, *y^ч*, *yl*, *y^ч*, *yl* подверглись изменениям в славянских языковых группах. См. выше §§ 94—97; 101—107.

В рядах чередования *er*, *or*, *ol* и т. д. были сочетания, одни из которых восходили к однослоговым базам (*er-*, *or-*, *ę...*), другие к двухслоговым и их редукциям (*erə-*, **te-*, *orə-*, **rō-*, *r̄-*, *ī-*):

berq, *berme* (*ber-me*; ст.-сл. *брьма*)||*borъ*||*birati*||*birati*, *nabirati*; *žeravъ* — „раскаленные угли“||*gorēti*||*žarъ* (*žer-*, а это *вм. g^чhēr-*). Ср. отражение *g^чher-*||*g^чhor* — в др.-индийском, греческом, латинском: др.-инд. *gharmāḥ* — „теплота“, греч. *θερμός*, лат. *formus* — „теплый“.

stergo, *steržeši* (ст.-сл. *стръга*)||*storža* (ст.-сл. *стржа*).

verēja, *verti*: южн.-сл. *vrēti* — „запирать“ ||*vorъ*, *zavorъ* — „запор“, *vorata*: южн.-сл. *vrata*, вост.-сл. *vorota*.

verteno (*vert-eno*): южн.-слав. *vrēteno*, вост.-слав. *веретено*, *verme* (*вм. vert-mēn*; южн.-слав. *vrēme*)||*vortiti* (южн.-сл. *vratiti*||*v^чrtēti*, *v^чrsta* (*вм. v^чrt-ta*). Те же виды корня отражаются и в других индоевропейских языках: *vert-*: лит. *veĩsti* — „что-

нибудь вертикально вращать*, лат. *vertō* — „поворачиваю, вращаю“, др.-инд. *vārtate* — „вращаться“, *vārtman* — „колея, путь“; *vort*: лит. *vartūti*; *vrt*:- лит. *virtaũ*, *viřti* — „падать“, „опрокидывать“, др.-инд. *vṛta* — „образ жизни“.

mer-, *merti* (южн.-сл. *mṛēti*, русск. мереть) || *morǝ*, *moriti* || *umar'ati* || *umirati*. Ср. лит. *mėrdėti* — „быть мертвым“ || *pemaišius* — „бессмертный“ || *mirtti* — „умирать“.

žer:- *žer-dlo* („пасть“, „отверстие“, „устье реки“): ст.-сл. *жъръло*, *жръло*, белорусск. *жерелó*, русск. *ожерёлок* („ошейник“), украин. *джерело* („жерло“, „источник“), чешск. *žřidlo* → *zřidlo* („источник“) || *žy*:- *žy-a-ti* — „глотать“, *žy-dlo* (то же значение): ст.-сл. *жъръло*, др.-русс. *жърло*, украин. *жорло*, серб. *ždřlo* || *gyr-dlo*, *gyr-jo* („горло“); тот же корень, распространенный посредством *t* — *gyrt-anь*. Ср. в литовском чередование *ger*-||*gur*:- *gerklė* („горло“), *gurklỹs* („зоб“), др.-прусс. *gurkle* („горло“). Основное *g^uer*-||*g^ur*-

szpogъ (*szpog-ъ*) || *pręti*, *szpęb'ь* (*szp-ęb'ь*) — „противник в споре“ || *pirati*, *perpirati* (ст.-сл. *прѣпирати*).

per-, *perti* (южн.-сл. *pręti*, вост.-сл. *перети*) || *por-*, *oroga* || *pyq* — „подпираю“.

čert-, *čersti* (вм. *čert-ti*; *čert*- вм. *kert*-) — „резать“ (ст.-сл. *чръсти*; русск. *очерести* — „определить границу, провести пограничную черту“) || *kort-*, *kortъkъ* (южн.-сл. *kratъkъ*, вост.-сл. *короток*); *kortъ* — „раз“, „удар“ (южн.-сл. *kratъ*, ст.-слав. *два крaты*) || *čyrt-*, *čyrt-a* — „черта, штрих“; *čyrtadlo* — *čyrtalo* — „нож“: русск. *чертало* — „сошной нож“, болгарск. *чертало* — в том же значении. Ср. литовские соответствия: *kertũ* || *kiřti* — „рубить“ || *kařtas* — „раз“, в др.-индийском: *kṛtāti* — „он режет“, *kṛtiḥ* — „нож“.

vel-, *velęti* || *voliti*, *vol'a*, *dovolъ* — „достаточность, довольствие“: да в'сегда в'свкъ доволъ имаше (Син. тр.); ѿ своего добола (Галицкое ев. 1266—1301 гг.) || *vyęti*, *dovyęti* — „удовлетворять“: довьляеть намъ си — „нам достаточно этого“ (Супр. рук.), довьляеть ти подвнгниати са (Син. тр.), двѣма сътома сѣребрянникъ хлѣбн не довьляють имъ — „им недостаточно на 200 серебрянников хлебов“ (Остром. ев.).

mel-, *melti* (южн.-сл. *młęti*; русск. *молотъ*) || *molъ* || *męlъ* || *mylinъ* — „мельница“.

stel-, *stel'q* || *stoľ* || *stęľati* || *stifati*.

delb-, *deltó* (вм. *delbto*; южн.-сл. *dłęto*) || *dolto* (вм. *doľbto*; южн.-сл. *dľato*) || *dęľbiti*.

telk-, telkti (ст.-сл. тѣлѣти) ||tolčiti (южн.-сл. тѣчѣти) ||тылқ.

velk-, velkti (ст.-сл. вѣлѣти) ||volkъ (южн.-сл. вѣлѣкъ), obolko (вм. obvolko; южн.-сл. oblako) ||vylk-, обылчено (вм. obvylčeno). Ср. те же ступени чередования в литовском: veikū — „волоку“ ||ūžvalkas — „наволока“ ||vilkti.

ter-, terti (ст.-сл. трѣти, чешск. třiti, русск. тереть) ||torъ, zatorъ ||тыр-, ырти, прич. прош. врем. страдат. зал. тыртъ (серб. t̃rti, с ˘ вм. давнего ˘) ||тыр-, тырқ. Того же образования корень отражается в других индоевропейских языках: лат. terō — „тру“, греч. τὸρῶς — „проницательный“, греч. τρᾶνῆς — „проникающий“ (греч. ρᾶ, как и слав. ѣрѣ, указывает на более раннее *r̥ или r̥j). Имеются и другие варианты этого корня: греч. τέρετρον — „бурав“, лат. terebra — „бурав“, восходящие к базе terə-; греч. τρητός — „пробуравленный“, др.-верхн.-нем. drājan — „вытачивать“, восходящее к базе trā- или t̥rā-; греч. τῆρῶσθω (τι-τρῶ-σθω) — „раню“, восходящее к базе trō- или t̥rō-. Следует полагать, что в основе индоевропейских образований с этим корнем лежала двухслоговая база terə- || torə- и ее изменение.

der-, derq, dereši; dervъn'a (русск. „деревня — поле, полевые угодья, поселок с полевыми угодьями“) ||dorъ, orzdorъ (южн.-сл. gazdorъ, название пункта поселения русск. Дор — пункта, возникшего на месте, на котором выдраны деревья) || dera — „дыра“, украинск. діра, чешск. díra ||darъ, udarъ ||dъrati — „драть, колоть“ (лит. durti — „колоть“) ||dyra ||dъrati — „сдирать“ (лит. dirti — „сдирать“), дырпъ (дыр-пъ) ||dirati, sъdirati, zadirati. Ср. еще лит. dūriau (в прош.врем.), греч. δῆρις — „борьба, спор“, греч. δέρω, аорист ἐδάρην — „сдирать кожу“, др. инд. dṛṇāti — „трескается“, „лопается“. В семантическом соответствии славянскому dervъn'a — „деревня“ находится лит. dirvā — „поле“. Во всех этих сочетаниях отражается давняя база derə- || dorə- || der- || dor- || d̥rə- || d̥r-(dr-).

vog-, — южн.-сл. izvogъ — „ключ, источник“ || varъ — „кипяток, жара“, variti || vьrēti — „кипеть“ || viгъ — „водоворот, пучина“. Ср. лит. vėrdu — „варю“ || varūs — „кипящий, варящийся“ || virti — „кипеть, бить пеной, варить“ (восходит к базе verə- и к результатам ее изменения).

zog-, zogъ, rozogъ, zog'a || zогкъ (zog-къ; южн.-сл. zгакъ) || zar'a || zьrēti || zirati, nazirati. Ср. лит. žerėti — „лучезарно сиять“, žarijā — „раскаленные угли“. Восходят к базе g'herə- и к результатам ее изменения.

dervo (южн.-сл. drēvo) || sъdorvъ (sъ-dorvъ; ст.-сл. съдравъ) || dъrva.

Семантическую параллель представлял др.-индийский язык: *darīnaḥ* — „крепкий, жесткий“ — *dāru-||dru* — „дрова“. Ср. лит. *dervà* — „сосновое дерево“ || латыш. *darva* — „деготь“ || латыш. *dūore* — „посудина, выделанная из одного дерева“. Ср. греч. *δῆρυ* — „дерево, балка“ || *δρυός*, родит. ед. к *δρῶς* — „дуб“; др.-инд. *dru-vāyaḥ* — „посуда из дерева“; гот. *triu* — „дрова, дерево“. Во всех этих словах отражается в основе база *derəu-* || *dorəu-* || *dʰrəu-* или *dreu-* (гот. *triu*) || *druu-*. Неясны условия, при которых появились в литовской группе гласные *i*, *u* при *r*, *e* (*ir*, *ur*, *il*, *ul*), а в славянской в соответствии с этим *ь*, *ъ* (*ьr*, *ъr*, *ьl*, *ъl*). Неодинаковость гласного бывала иногда в одном и том же корне. Выше отмечены *dьrati* и *dъrati*, лит. *dirtī* и *dūrtī*. С разным звуковым видом стало различаться в значении основы слав. *dьrti*, лит. *dirtī* — „сдирать“, слав. *dьrti*, лит. *dūrtī* — „колоть“. Еще пример такого различия гласного при плавном на ступени редукции: слав. *скъгьбь* — „скорбь“ (серб. *skŕb*); ср. лит. — жематийское *skuŕbti* — „находиться в жалком состоянии“, латыш. *skūrbt* — „становиться бессильным“; но слав. *щъгьбь*, *щъгьба* — „зазубрина, щербина“, латыш. *šk'irba* — „трещина, щель“ || *skafbs* — „острый“. Ср. также др.-верхн.-нем. *scirbi* — „черепок“ (*Scherbe*) || *scarbō* — „резать на куски“. Выше было отмечено также чередование *žer-* || *žьr-* || *гьr-*: *žerdlo* — *žerlo* || *žьrdlo* — *žьrlo*, *žьrati* || *гьrdlo* — *гьrlo*, *гьrtanь*. Чередование гласного на ступени редукции представлено было и в др.-инд.: *girāti* — „проглатывает“, *gūrtāḥ* — „съеденный“, „проглоченный“.

§ 168. IV.

	Перед гласным:	Перед согласным:
е̣	ev, ov	ju → 'u
о̣	ov	u
ѐ̣	ѐv перед гласн. передн. р.	ju → 'u с восходящ. интонацией
ọ̄	av	u с восходящ. интонацией
й̣	ъv	
ụ̄	ъv, uv в глаголах итеративного значения.	у (разного происхож- дения)

В ряду этих чередований имеются слова, одни из которых восходят к однослоговой базе, другие к двухслоговой с ее редукцией: *е̣э-*, *о̣э-* и к их изменениям: *ъ̣ѐ-* (*ѐ̣ѐ-*), *ъ̣ō-* (*ọ̄ō-*), *ѐ̣э-*, *ụ̄-*.

В славянской группе, кроме корней (баз) с у (ы) вместо ù, представлявшего ступень редукции двухслоговой базы, появились основы с новым коренным у (ы) в итеративных глаголах, имевших основу с ъ: бѣв-(zabъvепъ)||byvati, как дѣтѣ — „дую“, падѣмь||dymati, въздымати:

гудѣ, guda||гудѣти, гудѣ — „красновато-желтый“; гуджа — гуд'а — „ржавчина“||гуджо → гуд'ъ — „рыжий“. Ср. в литовском gaudà — „красная краска“||gūdas — „краснобурый“, греч. ἐρυθρός — „красный, темнокрасный“||лит. gūdis — „ржавчина“.

дупа, дупю, дупька — „отверстие, дыра“||дѣпо (вм. дѣрпо). Ср. лит. dubùs — „глубокий“ и dūgnas вм. dūpnas — „почва, грунт“.

губити, sugубь — „двойной“, собств. „согнутый“; такое же значение su- отражается и в таких прилагательных по болгарским говорам: суголѣм — суголем — „довольно большой“, сумалечок — „маленький“ (примеры из Македонии; того же значения слово было в древнеиндийском sū (на ступени редукции) — „хорошо“||гѣб-, гѣпоти (вместо гѣб-пѣ-ti)||gybati, gybělъ. Ср. значение литовского linkas в таких словах: dvilinkas — „двойкий“, „двойной“, trilinkas — „тройкий“, „тройной“; тот же корень на полной ступени в глаголе lenkiù, leiŋkti — „гнуть“.

bl'udѣ, bl'usti (восходит к bheud-)||buditi (восходит к bhouc-)||бѣдѣти, бѣдѣ (бѣд-гѣ).

kruchъ, ukruчъ — „ломоть хлеба“, krušiti — „ломать“||кгъча, кгъщъка.

трѣц- ||троц-: натроути („накормить“, синонимическое напнѣти), натроуши („накормишь“): натроуши ны хлѣба слезъна I напоши ны слезъ въ мѣрѣ (Син. пс.); truti, otruti („травить, отравить“); otrovъ („яд“) ||трѣц-: trěva (ст.-сл. и совр. болгарск. трѣва первоначально имело значение „корм“, затем „трава“)||trōu-: trava („корм“, затем „трава“), potrava, съtrava („пища“), otravъ („яд“), otraviti.

dūžg-||douzg-: — ст.-сл. дѣжд- (дѣждь)||доужд-: доуждскыныхъ водъ (Супр. рук.);

studъ, studja → stūđa (русск. стужа)||стыдъ.

пунѣ||пнѣ — русск. (диалект.) нѣне, пн — „но“. Ср. чередование в других индоевропейских языках: др.-инд. ní — „ныне“, греч. νῦν — „ныне“, лит. pūnā, сев.-герм. pūna||др.-инд. ní — „теперь“; греч. νῦν, νῦν — частицы усилительного значения: „ну, же“, лит. pū — „теперь, ну!“ — Производные имена прилагательные др.-инд. pávan — „новый“, греч. νέος, лат. novus, слав. повъ.

prevināt — „заставлять лететь“, греч. πλέω — „плыву на корабле“, др.-инд. plāvate — „плавает“ || лит. pláuti — „полоскать“, греч. πλώω — „плаваю на корабле“ || др.-инд. plāvayati „пускает плавать“ || греч. πλώω — „мою“, латыш. plūts — „плот, паром“. Эти образования восходят к двухслоговой базе pleuэ-||ploуe- и к ее редукции.

zovɔ||zъvati||zyvati, prizyvati. Ср. лит. žavėti — „говорить, пересуживать“, др.-инд. hāvītavē — „кликать“, havih — „жертва“. Двухслоговая база и ее редукция g'heуэ-.

byti||baviti||bъvenъ, zabъvenъ||byvati. Ср. лит. būti, būvo — „был“, др.-прусск. buvinaiti — „жить, обитать“, др.-инд. bhāvati — 3 л. ед. „ест, становится“ || буд. врем. bhaviṣyāti || аор. ábhūt. Эти и другие образования для глагола „быть“ имеют основы, восходящие к двухслоговой базе bheуэ-||bhoуэ- и к ее редукции (bhū-, bhū-).

kvasъ||kysnɔti. База давняя keуэs-||kuōs-||kūs-.

chvatai || chutъ — „желание“ || chotěti || chъtěti || chytiti, chytrъ (chyt-гъ). Ср. значение ѡvъкъ и ѡviti. — Восходят к сочетаниям с заменой базы khouэt-||khuōt-||khouт-||khūt-||khūt-||khэт-.

kuōp-: kvariti — „спешить“, „торопиться“ || kūr-: курěti; ст.-чешск. кургъ — „старательный“, „деятельный“. Основной вид — двухслоговая база k^uēp-||k^uōp-||kūr- (ступень редукции).

chuog- (вм. ch^uog), chvogъ — „больной“ || choуг (вм. choу^uг), chug-: чешск. churavъ — „больной“ || chūr (ступень редукции двухслоговой базы): chug-: churěti — „слабеть“.

В суффиксах: в основах на- ū: в именит. ед. основа с -ū → ъ: супъ, ср. лит. sūpūs; в родит. ед. основа с -ou: супи; ср. лит. supaiūs; в дат. ед., в именит. множ. основа с -ov перед гласным: супові (дат. ед.), супове (именит. мн.); в местн. ед. основа с -ōу: супи; ср. др.-инд. sūpū; в именит.-вин. двойств. основа с -ū: супу.

§ 169. V.

	Перед гласным:	Перед согласным:
eĭ	ьj (ьĭ)	i
oĭ	oj (oĭ)	e
ēĭ	ěj (ěĭ)	i с восходящей интонац.
ōĭ	a, (aĭ)	ě с восходящей интонац.
ĩ	ьj (ьĭ)	ь
ī	ьj (ьĭ)	i

i появился в новых образованиях, в итеративных глаголах (nabirati...)

В рядах этого чередования были образования с заменами давних основ с односложной или двухсложной базой.

lèpiti||льрèti, льпòti (вм. льрпòti)||lipati. Ср. латыш. pēlaire — „припек в хлебе“ || лит. limpù, lipi.

svètъ||svytèti, svьпòti (вм. svьтпòti) — „блеснуть“ (о свете, о заре): свьтъло свьтатъ са (Син. тр.) ||svitati. Ср. лит. švaisà — „проблеск“ || švintù, švistì.

slèрь||slьp-: oslьpнòti → osльпòti — ст.-сл. осльпнати, вор. осльпъ, чешск. oslnouti, польск. olśnić вместо oślnić.

tiskъ||tèsk-по → tésno, tèsk-to → tèsto, тьскъ — „пресс“ — в среднеболгарском Търновском ев.

tichъ||tèch-: utècha, tešiti.

strig-(strǫg-, streǫg-)||strèg-(stroǫg-): постръщи власи, постръганища, постръженне (Син. тр.).

čistъ||cèditi, cèstìti — „чистить“. Ср. лит. skýstas — „жидкий“ || лит. skáidyti — „отделять“, skaidrùs — „светлый, ясный“

viti||вьjǫ||voi (вм. воj-ь)||вèпсь.

piti||pьjǫ||poi (вм. роj-ь); парoi||pajati; парajati.

rinǫti||roi (вм. роj-ь)||рэjati.

pьsati, pьstrъ||pisati.

pьchati, pьšeno||pichati.

liti||льjǫ||лèjǫ||loi (вм. лоj-ь) — „сало“. Ср. лит. lèju, lèjan, lèti||lyjù, lijaũ, lýti. — Двухслоговая база lejǫ.

žiti, živъ||goiti (вм. гоjiti) „выращивать“, goi (вм. гоi-ь) — „мир, изобилие“ ||gai (вм. gai-ь) — „лес, роща“; ср. в семантическом отношении русск. роща (вм. orstja; orsti → rosti). Ср. образования с соответствующим корнем в других индоевропейских языках: др.-инд. jīvaḥ (džīvaḥ) — „живой“, лит. gývas, лат. vīvus || др.-инд. gāyaḥ — „дом“, др.-иран. gauō — „жизнь“. База g^uejǫ || g^uojǫ и результаты ее изменения.

В суффиксах: в основах на -й в именит. ед. основа с -й → ь: gostъ; родит. ед. основа с -ej → i: gosti; в именит. множ. основа с ej перед гласным окончания (-es); gostъje (вм. gostej-es), в именит.-вин. двойств. основа с -T: gosti.

§ 170. Выше была отмечена схема чередований таких баз, в которых чередовались только долгие ē, ō, ā с их редукцией, с э. Перед гласным э утрачивался. Замена этого чередования у славян:

I. è — è или а после палатального согласного

ō — а

э — о или отсутствие его (перед гласным).

gēzati||gazъ, gaziti. Ср. чередование в греческом: ῥήγμα — „разрыв“ || ῥωμός — „ущелье“ || ῥαγῆναι — „быть сломанным“ (греч. а вместо э).

čadъ||kaditi.

lèzq||laziti.

spēti||sporъ — „изобильный“. Ср. лат. spēs — „ожидание, надежда“, др.-инд. arhātiḥ — „ожидание“ || др.-инд. sphirāḥ — „жирный, богатый“ (в др.-инд. э → i).

dati||dadēty (da-d-ēty; d вм. dэ перед гласным), pridъ (pid-ъ) — „приданое“. Ср. греч. δίδωμι, лит. dūti||лат. dedi (ded-I).

II. а

э

stati||stojo. Ср. лат. stāre, др.-инд. āsthāt||лат. status (в лат. э → ā), др.-инд. sthitāḥ.

bajati, basny||bobony (bo-bo-ny) — „суеверис, связанное с говорением“. Ср. греч. дорич. φᾶμι „говорю“ || φᾶμες „говорим“.

В суффиксе: в основах на -а звательная форма представляла основу на -э (в греч. э → ā, в слав. э → ѓ): žepa||ženoi Ср. зват. форму в греч. υἱμφᾶ! — „невеста!“, „невестка!“

Неясны условия чередования e||o||ē с e||o||. Такое чередование было представлено, например, в таких корнях.

ker-||kojr-: čer-||cēr-, čeriti, русск. чепь, укр. чепіти — „виснуть“, чепкий — „ловкий, цепкий“; польск. čerić śę — „зацепляться“. Ср. латышск. k'ert — „приставать“. Слав. čeriti, русск. цѣпъ, укр. ціплятися.

Иное значение слов с корнями čer||cēr-: čeriti — „колоть, рассекать“, cēriti, cēpati — в том же значении; cērъ — „цеп“, „палка“, ocērēti или ocērenēti — „одеревянуть“; ср. синонимические слова o-kol-ēti, kol-ъ; ср. также значение kol — „рассекать“ (kolti — „колоть“). Ср. греч. σκίπων — „палка“, σκίπαρος — „тесла, топор“.

skēr-||skēr-||skop-||skeip-||skoip-||skTp-: ščer-||skop-||ščip-||scēr- — корень с значением „колоть“, „резать“: ščerati, ščera, ščerъ, ščara (è → а), ščipati, skopiti. Ср. σκίπαρος — „топор“, σκίπων — „палка“, лит. skēpsnė — „кусочек материала“, skópitі — „вырезать ножом“, skāptas — „вырезной кривой нож“.

sker-||kojr — „отделять“, „резать“: ščer-||cēr-: ščeriti, cēriti — „отделять, скалить зубы“, русский глагол ощеряться — „зубо-

скалить*, имя Ощера. Ср. лит. skirti — „отделять, резать“, греч. χείρω — „стригу, режу“.

я. Чередования с кратким я в данной системе индоевропейских языковых групп были в немногих случаях. Так, в начале слова было в некоторых группах чередование я||нуль звука. Напр.: греч. αἴψω — „увеличиваю“, лит. áukštas — „большой“ || др.-инд. úkṣant — „растущий“ и некоторые др. Для чередования я||о нет достоверных примеров. Если такое чередование и было когда-то, оно совпало в славянской группе с чередованием о||е, так как я заменился тут гласным ѓ.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

§ 171. Звуковой состав старославянского языка был охарактеризован выше, в §§ 35—40. Там же определено отношение старославянского языка к другим славянским языковым группам и отмечена генетическая связь элементов этого языка с говорами славян Македонии и Болгарии.

Звуковая система старославянского языка второй половины IX в., за исключением немногих черт, представляла те же элементы, какие находились в системах и других славянских языков в ранний период их жизни, — элементы, возникшие в доисторическое время. В предшествующем отделе рассмотрены были главнейшие процессы и явления древнейшей фонетической системы славянских языковых групп. Нижеследующий же отдел посвящен изучению фонетической системы старославянского языка в его основе второй половины IX в. и в дальнейшей судьбе в X—XI вв. по указанию памятников этого языка.

ъ.

§ 172. ѡ — в кириллице, ѡ — в глаголице, — буква, называвшаяся славянскими книжными людьми „едью“ (▲Ω ѡ — ѡдь, ѡдь — „еда“).

В Битольской триоди (XIII в.) в одном месте (на л. 93^{об.}) три буквы, п, р, ѡ (в слове прѣставльнѣ) написаны вместе. Против этой лигатуры писец заметил: „пѡкон (т. е. букву п) и рѡці (т. е. букву р) и ѡдь (т. е. букву ѡ) заодно написашь прѣствѣ ма“.

Звуковое значение старославянского ѡ — широкий гласный переднего ряда а с мягкостью предшествующего согласного. На

такое образование в указывают графика, некоторые черты правописания, дальнейшая судьба этого гласного в болгарском языке, а также некоторые факты графики древнерусских и древнесербских рукописей.

В отношении графики важное указание представляет глаголица. Она имеет один знак ѡ для замены древнего ѣ и 'а (а после мягкого согласного) и ја. Составитель глаголицы ограничился одним знаком для передачи этих звуков потому, что они были близки один к другому, — близки потому, что вместо а после палатального согласного произносился гласный переднего ряда или близкий к нему, — явление, свойственное фонетической системе многих славянских языковых групп, в том числе и болгарской. Можно полагать, что не совсем тождественны были в болгарских группах, или по крайней мере в некоторых из них, образования ѡ вместо древнего ѣ (вънъ, горъ) и ѡ вместо а после палатального согласного (конъ — род. ед. от конъ, коуръ — имен. ед.). Разница была повидимому и в предшествующем согласном и в самом гласном: согласный перед ѡ вм. ѣ не являлся таким сильно смягченным (палатальным), как перед ѡ вм. 'а; возможно, что гласный ѡ вм. 'а не был того же места образования, как ѡ вм. ѣ, а был близок к среднему ряду (ѡ).

В кириллице имеются два знака: ѡ для замены ѣ, ѡ для замены 'а и для ја (ја). Но в кириллических памятниках встречаются написания с ѡ и вместо ѡ. Показательны в этом отношении листки Ундольского: они имеют только ѡ; ѡ отсутствует: в одних случаях пишется ѡ, в других ѡ: ѡко, твоѡ (=твоѡ) септѡбрь — род. ед., съѡнѡуѡнне, слышѡвшн, ѡвѡщѡвъ... И в других кириллических памятниках, имеющих ѡ и ѡ, находятся написания с ѡ вм. ѡ: ѡоль — им. ед., ѡорѡ — род. ед.; но: ѡѡ, ѡасѡ, ѡашѡ, ѡѡѡуѡще. (Савв. кн.)

§ 173. В Киевских листках ѡ вместо древнего а находится не только после j (ѡко), но и после ч, ш, ж; ѡшь — им. ед., ѡшь... Но имеются и написания с а после шипящих согласных: съръшати, папѡжа. В других памятниках обычно пишутся ѡа, ѡш, ѡж при редких вариантах с ѡ, вероятно, перенесенных из более ранних оригиналов. При этом наблюдается такое различие в передаче замены того же гласного после мягких н', л', р': в глаголических памятниках после этих согласных пишется ѡ (а): конъ — род. ед., колъ — им. ед., коуръ (коуръ) — им. ед.; после же ч, ш, ж — а: ѡашѡ, ѡашѡ, ѡашѡ, при редких написаниях с ѡъ, ѡшъ, ѡжъ. Из кириллических

памятников листки Ундольского представляют то же явление. Но в Саввиной книге ъ пишется обычно после р, л: морѣ — род. ед., волѣ — им. ед. Но после н' — ш: конш. После шипящих и после ј в этом памятнике а: ташь, таша, жалоушце, зко. В Супрасльской рук. только в отдельных случаях, — в словах, перенесенных из более ранних оригиналов, — встречается ѣ после н', л', р'. Обычно пишется ш: волш. Таким образом, в кириллических памятниках нашел себе отражение результат дальнейшего развития того явления, на которое указывают и глаголические памятники: замена ѣ вместо давнего 'а после шипящих согласных, а также после других мягких согласных посредством ш. Во 2-й же половине IX в. и несколько позднее, как указывают Киевские листки, ѣ вместо давнего 'а был представлен не только после ј, п', л', г', но и после шипящих согласных. В XI же в., по указанию глаголических рукописей, после шипящих согласных произносился гласный а или близкий к нему: ша, жа, та: таша. Изменение это (шѣ → ша...) было вызвано особой артикуляцией шипящих согласных, — особенностью, независимой от их отвердения: и при мягком их произношении происходила диспалатализация гласного переднего ряда ѣ в ѣ (шѣѣ и др. в Савв. кн.); несколько позднее, с XII в., после ш, ж отражается веляризация а: шж вместо ша, жж вместо жа: жжѣ... В таком же направлении изменялся и тот гласный ѣ, который в течение какого-то периода времени произносился вместо давнего а: шѣ → ша, жѣ → жа, тѣ → та. Следовательно, до этого изменения, до веляризации его, это был гласный не е, а гласный ѣ или близкий к среднему ряду ѣ. В кириллических памятниках отражается более широко такое изменение ѣ (вм. 'а): такой ѣ изменился в а не только после шипящих согласных, но и после ј, л', н' р' (Супр. рук.).

Примерами могут служить формы повелительного наклонения с таким гласным (ѣ). Саввина кн.; пиште! плауте! покажите! Из Супрасльской рук.: постслимѣ вместо пиште! плауте! покажите! постслимѣ! Гласный а появился вместо ѣ. А с этим гласным (ѣ) стали вновь образовывать во множественном числе формы повелительного наклонения под влиянием форм с основой е/о: несѣмѣ! несѣте! брѣте! Гласный же ѣ = ѣ после мягкого согласного получил более открытое образование, близкое к а.

В Саввиной книге и в глаголических памятниках имеются также примеры форм повелительного наклонения с ѣ после этих согласных: вѣнмаѣте! зкоѣте! покѣѣте! шѣѣте! (Савв. кн., Остро-

мир., Зограф., Маринин., Ассеман.). Это — более позднего времени новообразования, когда *ъ* не переходило уже в *а* после *ј*, *ч*, *ж*, *ш*, *шт*.

Того же времени были и новообразования формы сравнительной степени с *ъ* после шипящего согласного: *мъножьнша* в Маринин., *множьша* в Савв. кн. Это новообразование (вместо *мъножан*) возникло под влиянием форм сравнительной степени с *ъ*: *добрън*, *старън* и т. п.

Ссылаются иногда на написание с *ра* вм. *ръ*, находящиеся в Синайской пс.: *пръврати* вместо *пръвати* (л. 103), *погръвама* вместо *погръвама* (л. 106), *врама* вместо *връма* (л. 110). Полагают, что в этих написаниях отразилось фонетическое явление: изменение *ръ* в *ра*. Но эти написания Синайской пс. не показательны: в этой рукописи в многочисленных случаях отразилась невнимательность писцов: часто буквы недописываются, пропускаются, путаются; в особенности много графических заскоков вперед: написание буквы следующего слога: *кото* вм. *къто*, *гога* вм. *рога* и др. Полагаем: *пръврати*, *погръвама*, *врама* относятся к числу таких же описок.

Не показательны для суждения об изменении *ръ* в *ра* и написания *трава* и *тръва*: здесь отражается давнее чередование *ѣ* (*ѣ*) с *ѡ* (*а*); см. в отделе о чередовании гласных, § 168. В языке славян Болгарии издавна употреблялись *трава* и *тръва*. В таком виде это слово представлено и в современном болгарском языке. Это слово с *ъ* находилось и в тех старославянских рукописях, которыми пользовались на Руси. Написания *тръва*, *тръвную* находятся в Остромировом ев., в Сборнике Святослава 1073 г., в Словах Кирилла Иерусалимского. Представлено это слово и с *а*: *трава*.

Такое же чередование отразилось в глаголе *подръжати* — греч. *ἐπιμυκτηρίζω* („насмехаться над кем.-н.“), в Зограф. ев., в Саввиной кн., в Остром. ев.; *подръжати* в Маринин. ев.

§ 174. В передаче греческих слов с *αι* неодинаково передается в старославянских памятниках греческий гласный, заменивший собою этот дифтонг. В Ассеманиевом кодексе, в Саввиной книге, в Остромировом кодексе в передаче таких слов пишется почти всегда *е*. Савв. кн.: *галава*, — *Γαλιλαία*; *елвонъ* — *ἐλαία*; *заведовъ* — *Ζαβδαίος*; *кесарин* — родит. ед. — *Καισαρείας*; *преторъ* — *πραιτωρίου* и др. В Марининском и Зографском кодексах эти слова передаются неодинаково: и с *е* и с *ъ*. Такое колебание в передаче представлено

и в окончании и в корне: галлаѡм (родит. ед.) — галлаѡъ, прѣторъ — прѣторъ. Примеры с ѡ и с ѡ в этих случаях не указывают на изменение гласного ѡ. В этих написаниях ѡ обязано было переписчику или справщику, который стремился внести дифференциацию в славянский текст (писать ѡ в соответствии греческому αι) подобно дифференциации греческого текста, где различались αι и ε, хотя в то время греческое αι имело значение гласного ε. Непоследовательность такой искусственной дифференциации была обусловлена проникновением элементов живого произношения этих слов с ε. Отражение такого произношения, ε вместо αι, славянские переводчики и справщики могли найти и в греческих оригиналах.

§ 175. В старославянских памятниках не отразилось изменение ѡ (вместо ё); он оставался гласным ā: — мѡсто, нѡмъ, лѡто, жѡнъ, рѡцѡ. Различие в судьбе ѡ в м. ё и в судьбе ѡ в м. 'а (нѡмъ, вѡнъ, — кон'а) обусловлено было тем, что неодинаково, повидимому, было образование этих ѡ: гласный вместо 'а был ближе к среднему ряду, чем ā в м. ё; кроме того, неодинаковость палатализации перед этим ѡ имела значение в судьбе этих гласных: перед заменителем давнего 'а согласный был более мягким (был палатальным), чем перед заменителем давнего ё; после палатального согласного происходил процесс диссимиляции, — процесс диспалатализации гласного ā или á, подобный давнему доисторическому процессу изменения ē в а при таком условии (stojati, kričati...). Итак: кон'ā или кон'á → кон'а. ѡ же, как заменитель давнего ё, не находился после палатальных согласных; согласный перед этим ѡ образовывался не при высокой палатализации; мягкость его была средняя (обозначим ее условно маленькой буквой ε, а не апострофом '): п'āшъ (нѡмъ), д'āю (дѡю). Происходило взаимное приспособление артикуляции согласного и гласного. Такой гласный ā был представлен всеми группами славян болгарских и на севере от Дуная, и у Балкан, и во Фракии, и в Македонии, и в Греции, и в Албании: славянская топонимия в Румынии, Греции, Албании, славянские слова с ё, находящиеся в румынском, новогреческом, албанском языках, с ё, переданным посредством ā (εа) или а, — судьба ё в разных болгарских группах свидетельствует о таком образовании ѡ, — об ā. Примеры топонимические и лексические были указаны выше: см. § 7.

Только в одном фонетическом условии обнаружилось ранее, чем в других положениях, изменение ѡ: в сочетании ѡъ. В этом

сочетании $z \rightarrow a$ в зависимости только от отвердения $ц$, — от отвердения, происшедшего раньше, чем отвердение шипящих согласных: $цана \rightarrow аана$, $цалоунте \rightarrow аалоунте$. Результат такого изменения обнаружился не в старославянских памятниках, а в среднеболгарских (Добрейшово ев. XIII в.). Но несомненно, процесс изменения $ца$ по направлению к $ча$ действовал в фонетической системе некоторых болгарских групп и в XI—XII вв.

Грамматик Константин Констанчский (конец XIV — первая половина XV в.), знавший хорошо болгарскую речь, указывал, что в то время z имел широкое произношение, $а$, и таким образом следует произносить эту букву z , а не смешивать ее с e , как это допускали сербские писцы, и не растлевать писания. Звуки, близкие к z , он указывал в тамошних балканских языках: в турецком $кьнь$ — „я“ (1 л. ед. ч.), в греческом $кръсь$ (т. е. $κρέας$ — „мясо“), в румынском $кь$ (т. е. $беа$ — „пить“): $аще ѿупниши съ ѣ, или аще рѣшиши кь съ ѣ глѣть, съ ѣ не можеши право рѣши, съ з же тако глѣть.$

§ 176. В среднеболгарскую эпоху и позднее, в разное время, во отдельных болгарских группах, в одних раньше, в других позднее, происходило общее изменение $ѣ$ (\bar{a}). Направление этого изменения было такое.

1) $ѣ$ (\bar{a}) $\rightarrow e$ во всех положениях. Так в говорах западной Болгарии, Македонии, Албании. В полосе говоров, находящихся в западной Болгарии, в соседней части восточной Македонии, $ца$ ($цѣ$) ранее общего изменения a в e заменилось посредством $ча$: $цана$. Но в то время было еще $хл'аб$, $с'ано$...

2) $ѣ$ $\rightarrow e$ в одних фонетических условиях (перед мягким согласным или перед слогом с гласным переднего ряда), $ѣ$ $\rightarrow 'a$ в других условиях (перед слогом с гласным непереднего ряда или в закрытом слоге перед твердым согласным: $недел'а$, $верен$, $бели$; $б'ал$, $л'ато$). Так на востоке Болгарии, в Прибалканье.

3) На юго-востоке Албании (в районе Корчи) и на юго-востоке от Солуны (в Родопском крае) находится $'\bar{a}$ во всех положениях.

По говорам на юго-востоке Болгарии и на северо-востоке ее наличие \bar{a} обусловлено таким фонетическим положением: перед слогом с гласным переднего ряда или перед мягким согласным: $л'äten$, $б'али$, $нед'ал'а$. В других положениях $\bar{a} \rightarrow 'a$ (или $'\bar{a}$, $'ъ$ — вне ударения): $б'али$, но $б'ал$.

Замены гласного ѣ (è) в современных болгарских группах также свидетельствуют, что в ранней фонетической системе их этим заменам предшествовал гласный переднего ряда ā.

На звуковое значение гласного ѣ в старославянском языке, как на гласный ā, указывают и древнерусские и древнесербские рукописи.

В языке восточных славян образование ѣ было иное: это был гласный закрытый, произносившийся при подъеме языка, более высоко, чем при е, — гласный ê (e'). В старославянских памятниках нет написаний, которые указывали бы на гласный е вместо ѣ в речи их писцов. В русских же рукописях встречаются написания с е вместо ѣ. При этом смещение е и ѣ находится главным образом в словах, которых не было в обыденной речи восточных славян, — в словах церковных, книжных. Восточнославянские писцы при передаче этих слов руководствовались не своим произношением (с ê), а тем произношением, которое они слышали от своих учителей, от славян, прибывших из Болгарии. То было произношение с ā, — с гласным, который русские книжники передавали буквою е, так как гласный е был ближе к ā, чем ê (e'). — Арханг. ев. *ѡгнѣтъ, ѡпрѡснѣтъ, ѡжжѣсѣдѣтелѣ*; Собрн. Святосл. 1073 г. *гн'вѣтъ, ѡбитѣлъ, сѣдѣтел'а, шгоупѣно*. В речи восточных славян слово, соответствовавшее старославянскому *сѣдѣтель*, представляло иное образование: *сѣдѣоѣтъ, послѣоухѣ*. Словам же с суффиксом *-ѣно* соответствовали восточнославянские с суффиксом *-ѣно* ('ане). Часто писали русские книжники е вместо ѣ в передаче старославянского *рѣ* в соответствии восточнославянскому *ере*. Реже находятся в русских рукописях примеры с ѡ вместо старославянского *лѣ* в соответствии восточнославянскому *оло*: *на-средоу, требоу, трево, жребни, урѣсъ* в Собрн. Святосл. 1073 г. и др.; *пѣвѣлѣтъ, пѣвѣннѣ, ѡбѣлѣоуѣ ед, приѣлѣуѣ* в Минеях 1095—1097 гг.

Возможно, что написание с *рѣ* вызвано тем же, чем вызвано и написание с *рѡ* в соответствии русскому *оро* и южнославянскому *ра*: в ст.-сл. *градѣ, врата* — в русск. *городѣ, ворота*. Стремясь подражать старославянской передаче, русский книжник писал свое слово без гласного перед *р*: *гродѣ, врата*. Параллельно с этим он писал и *рѡ*, пропуская знак для первого гласного в русском *ере*: *кредѣ, жребни*. Причина того, что написания с *лѡ* в русских рукописях находятся реже, чем *рѡ*, заключалась в том, что в речи русского писца не было слов с *еле*, которое соответствовало бы старославянскому *лѣ*, а были слова с *оло*: *пѣвѣлѣтъ,*

полонъ — в ст.-сл. пълъвалъ, пълнѣ. Объяснять же частое написание с ръ при редком с лъ тем, что в произношении славян из Болгарии русские книжные люди слышали р твердым перед ѡ, а л мягким, не представляется возможным: данные болгарской диалектологии не дают основания для такого объяснения; перед ѡ все согласные в болгарских диалектах представляли мягкость, такими они являются и до сих пор не только перед 'а вместо ѣ (бр'аг), но и перед ѡ. Так по говорам Солунского и Леринского районов на юго-востоке Македонии; так в болгарском говоре изолированных сел на юго-востоке Албании, — в районе города Корчи: b'āgān, l'āto, r'āka, r'āč, ned'āla, повелит. накл. pos'āje. Так и в говорах Родопского края на юго-востоке Болгарии и на северо-востоке, к югу от Дуная: p'āsni, l'āten den, vr'āme, повелит. накл. plet'ātel gor'ātel pišātel!

Часто встречаются в русских рукописях написания с е в формах с основами тълес-, делес-: тълесе, тълеса, тълесьныи, делесе, но с ѡ в написаниях форм тълѡ, дѡлѡ. Можно полагать, что в речи русского писца были формы, вновь образованные от основ дѡлѡ, тѡлѡ: тѡла, тѡлу, дѡла, дѡлу... вместо основных тѡлесе и т. д. Формы тълесе, дѡлесе считались книжными, старославянскими, произносившимися по болгарскому образцу t'ā-, d'ā-, что книжник и в произношении и на письме передавал посредством те-, де-. И памятники сербо-хорватские XIV—XVI вв., написанные на юге, где ѣ изменился в је, и современные сербские говоры юга также представляют такие книжные формы, с гласным е: telesa, прилагат. telesne. Но в именительном единств. ч. применялось что имя в местном звуковом виде: tjelo (tijelo).

Нередки в русских рукописях написания дат. и местн. единств. числа личных местоимений тѡбѡ, сѡбѡ вместо ст.-сл. тѡбѣ, сѡбѣ. В написаниях русского книжника отразилось смешение книжных форм родит. ед. с дат.: в его речи форма дат.-местного имела вид тѡбѣ, сѡбѣ; встретив в старославянской рукописи форму тѡбѣ, сѡбѣ, русский переписчик мог счесть ее за форму родительного единств. (тѡбѡ).

Написания форм сравнительной степени и повелительного наклонения с ѡ вместо ѡ после шипящих и после j, — написания, встречающиеся в русских рукописях XI—XII вв., были перенесены из старославянских оригиналов; а там они отражали речевую черту, но не фонетическую, не результат изменения а в ѡ, а морфологическую — мѡножѡша, покѡжѡте, пишѡте и др.

Древнесербские рукописи также указывают на то, что в старославянском языке ѣ произносился не так, как сербский соответствующий гласный. В сербском языке это был гласный, как и на славянском востоке, — гласный ê. Стремясь к книжному произношению некоторых слов, сербские книжные люди подставляли для старославянского ѣ свой гласный е, как это было и в книжной среде восточнославянской: к этому гласному был ближе ѣ (ā), чем к сербскому ê (e¹); произношение же старославянских слов с ѣ могли слышать ранние сербские писцы от лиц, прибывших из Болгарии, из Македонии и утверждавших среди сербов письменность на старославянском языке. В Мирославовом ев. (XII в.) нет примеров, которые указывали бы на изменение в сербском языке гласного ѣ. Написания с е вместо ѣ имеются в этом памятнике. Но такие написания относятся к передаче форм и слов, перенесенных из старославянских оригиналов. Так, встречается написание формы сравнительной степени с е после шипящих: множеншихъ (176^{об.}). Такой формы, с гласным е, не было в сербском языке; но в старославянских памятниках они отражаются, — с ѣ: множаншихъ... С ѣ пишутся они иногда и в сербском памятнике. Такого же значения и передача повелительного наклонения с е: ѡубишь (127): в старославянском оригинале было ѡубишь, — с ѣ (вместо ѡ) морфологического происхождения, как отмечено было выше. Сравните и восточнославянские параллели в передаче этих форм, — параллели, идущие от старославянских источников с ѣ = ā, произносившимся в сербской и русской среде как е, а не как свой ѣ = ê.

По-книжному, с е, произносили в сербской среде слова с корнем *вѣт-*. Такое произношение отразилось на письме Мирославова ев.: ѡвѣтати, ѡувѣтати, съвѣтати, ѡвѣтъ, ѡвѣта. С гласным е произносили в книжной сербской среде слова с этим корнем и позднее, как указывают грамоты XIV—XV вв. с чертами таких сербских говоров, в которых в то время на месте ѣ произносился је, і.

Как уже было выше отмечено, книжного происхождения были у сербов и хорватов формы *telesa, telesne*, при форме существительного в именительном единств. числа *tijelo*.

Ранее общего процесса изменения в артикуляции гласного ѣ происходило изменение в положении после *ц* и по другим славянским языковым группам, — изменение в таком же направлении, как и в болгарских диалектах: в связи с отвердением согласного *ц* произошло понижение в артикуляции гласного ѣ. Такое

изменение происходило и на славянском востоке, в группах южно-великорусской и северновеликорусской, и на юге, в группах сербо-хорватских. В северновеликорусских говорах, в которых замена гласного ѣ является в виде ê, е, і, находится иной результат в судьбе гласного ѣ после ц: ѣ в этом сочетании (цѣ), вследствие отвердения ц, понизил свою артикуляцию: ѣ → е или ä. Такой же процесс происходил и в южновеликорусских говорах, как подробнее об этом говорится в моем курсе истории русского языка. Позднее по северновеликорусским говорам ца̑ → ца: цалова́ти, цалко́вой, цана. В других северновеликорусских говорах слова с *це-* вошли в ряд со словами, представлявшими гласный *о* вместо давнего *е* перед твердым согласным; стали произносить *цо-* и вместо *це-* из *цѣ-*: цоловати, цолковой, — без цоловань — в Стоглаве (XVI в.), не чолоую — в Новгородской 4-й летописи.

На такой процесс в изменении сочетания *цѣ* в областях сербских указывает Мирославово ев. своим написанием *цѣлѣвати*. Эта передача указывает на фонетическую черту (*це-*) и на морфологическую (глагольное новообразование с суффиксом *-ыва-*, *-ива-*). Такое изменение пережито было не только в сербском говоре писца Мирославова ев., но и в говорах других сербо-хорватских областей: глагол *selivati* представляют не только говоры на востоке сербской области (с е вместо ѣ), но и на юге (с је вместо ѣ).

ж, љ.

§ 177. В системе старославянского языка были носовые гласные. Один из них был заднего ряда, другой переднего. Можно полагать, что после палатальных согласных произносился носовой гласный не заднего ряда, а переднего или среднего: *chran'ǫ* или *chran'ǫ̆*. В глаголице для передачи этих гласных служили знаки **Ѣ** для носового гласного заднего ряда, **Ѧ** для замены носового гласного заднего ряда после палатальных согласных, **Ѣ** для носового гласного переднего ряда. В кириллице — ж, љ, ѡ, ѣ.

Название буквы для носового гласного „юс“ прошло сербскую или восточнославянскую языковую среду, с у вместо носового гласного заднего ряда. Название буквы ж (ж) представляло не только звуковой вид *жсъ*, но повидимому и *жсъ* („юс“). См. ниже, § 200а. Начертания глаголических **Ѣ** и **Ѣ** ясны по их происхождению: первый состоит из **Д** (*о*) и **Ѣ**; второй — из **З** (*е*) и **Ѧ**. Одинаковая вторая часть начертания для того и другого юса указывает на

общий элемент передаваемых звуков, на носовое произношение их. Эта часть служила иногда и для передачи согласного *н*. Так неоднократно передан *н* в слове *ангълъ* в Синайской пс.: **† € Ѡ Э Ѡ Ѡ**. Происхождение левой части глаголического йотованного юса большого неясно. В первоначальной глаголице не было **€** в значении носового гласного переднего ряда после палатальных согласных: пользовались одним знаком **Э**, параллельно тому, как употреблялся один знак **Э** для *e* после непалатальных и после палатальных согласных, а также и для передачи *je* (*je*). Только один этот знак применялся в Киевских лл., в Синайской пс. Позднее этот знак стали употреблять в начале слова и после гласного, а после согласного носовой гласный переднего ряда стали передавать посредством одной второй части этого знака.

Знаки юсов кириллицы находились в зависимости от глаголических начертаний. В первоначальной кириллице также не было йотованного юса малого. Его нет в старославянских кириллических памятниках. В лл. Ундольского находится один знак **▲** — *дсате*, *са*. . . В других памятниках отразилась потребность в передаче йотации (*i* или *j*) перед *е*: введен второй знак для носового гласного переднего ряда, **▲** или **▲**. Прежний же знак **▲** применялся в значении **м** (*je*), а для *е* после согласного писали **▲** или **▲**. Так в Саввиной книге: *дзѣкъ*, *сѣд* вин. мн.; *нма*, *са*. Так и в Супрасльской рукоп. В Хиландарских же лл. **▲** употребляется в значении **м**, а **▲** особого начертания находится после согласного: *подъати*, *ѡуподѣл'ѣа*, *сѣваза са*. В Зографских лл. после гласного находится **▲**, а после согласного **▲**, как **▲** в Хиландарских лл.

§ 178. Носовой гласный заднего ряда **ж** представлял собою в языке славян болгарских в VIII—IX вв. носовой гласный заднего ряда лабиализованный. Можно полагать, что этот гласный был тогда не обычного образования носовой гласный **ѡ**, а лабиализованный носовой **ѣ**. К XII—XIII вв. определилось иное образование носового гласного заднего ряда, — образование носового нелабиализованного **ѣ** или по говорам неносового нелабиализованного **ѣ**. После палатального согласного образование носового гласного было в среднем или в переднем ряде полости рта. На то, что **ж** в XI—XII вв. в болгарских говорах был носовым **ѣ**, указывает судьба его в среднеболгарскую эпоху: он заменился по говорам в разных болгарских областях гласным **ѣ**: памятники XII—XIII вв. представляют замену **ж** посредством **ѣ**, или пишут иногда **ж** вм. **ѣ**. Несколько примеров: *сѣѣтѣми* (Боянское ев.

XIII в. из собрания Григоровича); лъжъ в.м. лъжь; вѣдръ в.м. вѣдръ, тѣма в.м. тѣма из тѣма (там же); нѣжда (Болон. пс. XIII в.).

На такую замену гласного ж указывают и все современные болгарские говоры: они представляют ъ или замену его (как и всякого другого ъ вторичного происхождения) посредством а, о (о в центральной части Родопской области и на западе в Македонии — в Дебре.)

В юго-восточной Македонии (по говорам Солунского края) и на юго-западной окраине ее (в Костурско-Корчанских говорах) судьба носовых гласных была такая. Перед затворным согласным в отношении небной занавески происходило то же, что и в польском языке в таком же положении: она стала опускаться не в момент произношения гласного (как это бывает при образовании носового гласного), а после него: развился вторичный носовой согласный п, м (п перед губным согласным). В польском языке носовые гласные ɔ, ɛ образуются перед s, ś, ŝ, ch, z, ź, ż. Но перед затворным согласным образование носовых гласных раздвоилось на две артикуляции: гласный + п, м. Что касается гласного, то это был такой, какой произносился и раньше; но теперь он произносился при поднятой небной занавеске (при закрытом входе в полость носа). У поляков гласный о перед п, м в.м. ɔ и гласный е (по диалектам а) перед п, м в.м. ɛ(ą): sɔnd (sont), żɔnd (żont), dɔmb (domp), ɛpse, ɛmba. Так по типу варшавского произношения. Иначе в фонетике типа краковской речи: там гласные о и е назализованы: ɔmp, ɛpse. В указанных македонских говорах перед затворным согласным представлены сочетания ъп, ъм вместо ж (может быть по говорам и дальнейшая замена гласного ъ), ep(ǎn), em(ǎm) вместо а. Напр., дѣпъ в.м. дѣпъ, гѣмба в.м. гѣба, пѣпдѣг в.м. мѣдръ, сѣт в.м. сѣдъ, дѣпк — „жердь“ — в.м. дрѣгъ и др.

Гласный ъ или его дальнейшая замена (а) и е (ǎ) могут быть назализованы как в польской речи краковского типа (польск.-крак. ɔmp, ɛpse...). Носовой согласный элемент может быть неполного образования. Так, напр., в говоре села Бобошчица и Дреновене в юго-восточной Албании, недалеко от города Корчи: sɔⁿt в.м. сѣдъ, gɔ^mba, gov'ǎⁿdo, z'ⁿǎt в.м. зать и др.

Гласный ъ в ън, ъм указывает ясно, что в предшествующей фонетической стадии был гласный носовой ɔ (а не носовой ɔ). Возможно возражение: глаголический ѣ указывает на какой-то гласный о, — на носовой о. На возражение заметим, что в этом

лучае наличие знака для *o* в комбинаторном начертании носового гласного не обязательно указывает на носовой *o*: ведь тот же знак находится и в написании для *ѳ*: *ѳ*.

В связи с утратой лабиального образования в гласном *ѳ* перед ним гласным в начале слова появилась в XII—XIII вв. фригитивная артикуляция *v*: *qʰ* (или *ѳʰ*) → *vʰ* → *vъ*. Таким образом возникли сочетания с *v* — в начале слова: *въже* (въже) — „веревка“, *въдица* (въдица) — „крюк“ (в говоре района Корчи в Албании, — *ḡdak* — „вязанка“), *въс* (въс) — „усы“, *вътък* — *въток* — „уток“, *въглен* — „уголь“ (въггал' — в говорах сёл Сухо и Висохо, в Соунском крае), *въгарец* (*vāgōrec* — в районе Корчи) — „угорь“; *възел* — „узел“. Ср. в польском яз. *v* в соответствующих словах, возникший тоже в связи с утратой лабиализации в образовании носового гласного заднего ряда. В польском языке в давнее время носовой гласный *o* изменился в *a* (*ā*), который затем олучил образование, как *o* в долгом слоге, как *a* или *e* в кратком слоге: *węda* („удочка“), *vōsy*, *vōtek*, *vęg'el* („уголь“), *vęgoż* („угорь“), *vęzeł* и др.

Иначе было в середине слова после гласного: лабиальный элемент не появлялся перед *ѳ* — *ъ*. Перед гласным *ѳ* развилась патальная артикуляция *ɟ* или *j* — *paqʰkъ* → *paɟk* → *paɟk* (паяк — паук). Ср. и в польском языке — *paɟk*. По болгарским говорам не появлялся *v* и в начале слова. В фонетике этих говоров перед начальным *ѳ* или *ъ* стало производиться образование для *ɟ* или *j*: *ѳъже* (по говорам *ѳъже* → *ѳаже*), *ѳъдица*, *ѳъзел* и др.

§ 179. Гласный *а* (ЭЭ) имел такое значение: носовой *e* (*ä*) открытого образования: *ä*. Ср. передачу ап посредством *а* в заимствованных словах: *констатинъ* (Клоцов сб. и в др.), *александроу Мариин*. ев.). Учтите и такое явление среднеболгарской эпохи: в определенных фонетических условиях, после шипящих согласных, произошло сближение артикуляции для *а* и для *ж*, — сближение в гласном заднего ряда: *штати*, *штва* и др.; такое же сближение происходило при ослабленном произношении безударных местоименных энклитик *ма*, *та*, *са*: *мж*, *тж*, *сж* (в современных говорах *лъ*, *тъ*, *съ*). Такое сближение указывает, что гласный *а* был открытого образования и был близок к среднему ряду (*ä*).

И в современных говорах имеются следы, ведущие к гласному *ä* (*a* не к *e*): *äⁿ* (*ä^m*) или *ä* вместо *а*. Так в говорах района Корчи (Бобошчица, Дреновене): *gl'äⁿda* — „глядит“, *gov'äⁿdo*, *äⁿt* вм. *затъ*; *jäzik*, *m'äso*.

§ 180. Старославянские памятники не представляют указаний на значительные изменения в образовании гласных ж и л; нет указаний на их изменение в носовые гласные; нет указаний на их „смещение“, которое обнаружится позднее, в среднеболгарскую эпоху (XII—XIV вв.).

Отступления в отношении применения знаков ж, л имеются в старославянских памятниках. В некоторых из этих отступлений видят отражение фонетических явлений. Мы отрицаем такое показательное значение отступлений в отношении ж, л в старославянских памятниках. Важно такое общее указание этих памятников: отступления в отношении ж, л, главным образом ж, представляют глаголические памятники; таких отступлений нет в памятниках кириллических, — нет потому, что не было ничего общего в написаниях букв ж и ѳ, Ѵ с одной стороны, л и е — с другой. В глаголице же знаки Ж и Л, Ж, Э и Э имеют общие черты. Все отступления в употреблении ж и л разбиваются на 2 группы. 1) Одни из отступлений появились вследствие того, что писец спутал формы или не понял значения слова. 2) Другие отступления представляют собою описки переписчика: а) он не дописывал второй части глаголических знаков для носовых гласных, а иногда лишнюю часть присоединял к знаку для о или е, — часть в виде Ѵ или только кружка, смешивал букву для о носового („юс большой нейотированный“) с буквой для и (в кириллице ѳ), не дописывал он иногда и знака для и (в кириллице ѳ), так что оставался один знак для о (в кириллице Ѵ); б) он переносил букву одного слога в другой, — явление, нередкое при недостаточно внимательной переписке.

Из глаголических памятников наиболее многочисленны отступления в ж и л в Синайской пс. и в Маринском кодексе.

В Синайской пс. в длинном ряде написаний представлено Э (Ѵ) вместо Ж; имеется немало написаний с Э вм. юса малого нейотированного. В написаниях с Ѵ вм. ж обычно видят указание на замену гласного о носового посредством о в говоре писцов этого памятника. На фонетическом значении написаний с глаголической буквой для е вм. юса малого нейотированного не настаивают, хотя и нет основания для особого выделения этой группы написаний. Не можем усматривать фонетическое значение не только в написаниях с буквой для е вм. юса малого нейотированного, но и для о вм. юса большого нейотированного в Синайской пс.

Сделаем небольшое отступление, в котором отметим одну

особенность письма Синайской пс.— особенность, в свете которой следует рассматривать и случаи отступлений в написаниях ж и л (ш). Синайская пс. изобилует разными описками; они находятся тут в таком большом количестве, как ни в каком другом старославянском памятнике. Смешение букв, пропуски отдельных букв и целых слогов, лишние написания, многочисленные исправления, недописки букв, смешение форм и основ испещряют памятник. При решении вопроса о фонетическом значении написаний необходимо иметь в виду эту черту письма Синайской пс. Отметим несколько примеров.

1) Пропуск титл: гла (12 — 2 раза, 132^{об.}), церь (24) и др.

2) Пропуск букв: вргоу (8, в.м. врагоу), тве (28^{об.}, в.м. теве), твъ (21^{об.}, в.м. текъ), твего (32, в.м. твеого), олтръ (65^{об.}, в.м. олтарь), сленъ (28^{об.}, в.м. сланъ), домъ арнь (150, в.м. аро'ь), възвед ма (19, в.м. възведе ма), скоуш (11, съкроуш), стасъ (4^{об.}, в.м. страсъ), оусташшма сь (103^{об.}, в.м. оустраш...), стълъ (18^{об.}, в.м. стрълъ), разгъдъшма (91^{об.}, в.м. разгръдъшма), оушта (101^{об.}, в.м. оуръшта), жезъ (92^{об.}, в.м. жезлъ) нежеж (54^{об.}, в.м. нежеж), овебъзасте сь (114, в.м. овебъзасте сь), възгъшма сь (141^{об.}, в.м. възгнъшма сь), кънижъемъ (52^{об.}, в.м. кънижъемъ) и др.

3) Пропуск слогов: оутаръшма (19, в.м. оутаръдъшма), завътъ зъшташма (111, в.м. завъшташма), съкатъ (138, в.м. съкажетъ), раетъ ед огнь (51, в.м. ражежетъ...), ржми (140^{об.}, в.м. ржками), прърънь (100, в.м. пръръканъ), оути (21, в.м. оумъти), врьште (82^{об.}, в.м. врьштше), боу ждемоу (57^{об.}, в.м. боу теуждемоу), възтокъ нъца (148^{об.}, в.м. слънъца), не поувнъ (19, в.м. попероувнъ), оуслытъ (122, в.м. оуслыштъ), десни (76, в.м. десница) и др.

Не заметил переписчик и таких пропусков, которые искажают смысл текста: зане насъ варты (101, в.м. зане не насъ); нзнеможете (20, в.м. и не нзнеможете) и др.

4) Путаница в буквах. Она вызвана такими обстоятельствами:

а) Переписчик смешал формы или основы. Напр.: сждити людемъ (8, в.м. сждитъ); не насъ варты (102, в.м. не насъ...); възвълхъ (конец строки) ржжъ твова (121^{об.}, в.м. ржжъ твою); възнеситъ (95^{об.}, в.м. възнеситъ); пръвлъуетъ (10, в.м. при-); может быть и иного происхождения пръ-: под графическим воздействием написания следующего слога, что весьма часто отражается в памятнике.

б) Переписчик не дописал букву. Это часто бывало в отношении ы: ызъ'къ (25^{об.}; ' надписано над строкой); оуельш (13, 16, недописано ы); въсокъ (118); штедротъ твоа (29); въ ызънъхъ (125^{об.}).

Переписывая слова с буквой для о, он снабжал иногда этот знак крючком. Иногда он замечал свою описку и стирал этот крю-

чок для ѣ. Так в слове въхѣмъ (23 об.) имеется буква со стертым крючком для ѣ, мѣмъ (53, в. мѣмъ), крючок выскоблен слабо. Таково происхождение ѳ (ъ) или э в. о и обратно с буквой для о с недописанным крючком в. ѳ (ъ) в написаниях: въды (133, в. вѣды), сѣвеса (20, в. словеса), мѣмъ (117, в. мѣмъ), вѣнѣ (44 об., в. вѣнѣ), възнесетѣ сѣ (21, в. възнесеть сѣ).

О недописке букв могут свидетельствовать и такие примеры: на л. 14 недописана часть второй буквы э (ѳ) в слове вѣзакѣнѣтъ; недописан нижний овал в букве для о (ѳ) в префиксе до- (допѣдъ 15).

с) Случайная путаница: трѣухъ (103, в. трѣуаъ), вѣра (110, в. вѣра) и др.

б) В особенности часты случаи графического воздействия следующего слога на предшествующий. Вследствие такого воздействия пишется вместо одной буквы иная (буква следующего слога), появляется лишняя буква или несколько букв: гѣгѣ (31 об., в. вѣгѣ); гѣга (95 об., в. рѣга); похнахъ (174 об., в. вѣзнахъ); мѣждѣ (81 об., в. мѣждѣ); кѣтѣ (20, в. кѣтѣ); лѣтъ на кроу-леу (18 об., в. кѣлеу); прѣкратѣмѣ (104, в. прѣвѣрѣ...), вѣ нѣзѣбѣ сѣрдѣца (105 об., в. вѣ нѣзѣбѣ) под влиянием окончания следующего слова; ѣтъ рѣтрѣкѣ (25 об., в. ѣтъ жѣтрѣкѣ); дѣштѣрѣ (92 об., в. дѣштѣрѣ); дѣврѣ (90, в. дѣврѣ); прѣложѣмѣ трѣупѣ рѣрѣкѣ твоѣхъ (105 об., в. нѣложѣмѣ трѣупѣ рѣкѣ); сѣтѣ прѣсѣрѣдѣ (110, в. посѣрѣдѣ — *επιμεση*); хѣрѣстѣжѣ (140, в. хѣрѣстѣжѣ); гѣгорѣ (89 об., в. горѣ); ѣмѣжѣ (105, в. ѣмѣжѣ); мѣмѣнѣ-ѣ-лѣ (167, в. мѣнѣ ѣлѣ); нѣнѣшѣго (20, в. нѣшѣго); сѣмѣтѣтѣ (11 об.), сѣдѣмѣшѣмѣ (141 об.); ѣзѣврѣрѣ дѣдѣ рѣвѣ (105); лѣнѣгѣрѣ (133, — а слегка зачеркнуто; — греч. *βυθροί*); прѣнѣмѣсѣ ѣмѣ (101; м в первом слове полустерто). Из других подобных написаний отметим только з: вѣ гѣслѣхъ (127 об., в. вѣ гѣслѣхъ), вѣ гѣслѣхъ (121 об., с лишним ѣ в первом слоге и с пропуском ѣ во втором), тѣврѣмѣтѣ (14): в переделано из р, написанного под воздействием следующего рѣ.

Вот при таких-то недописках, описках, переписках и путанице в письме невозможно безоговорочно выбрать отступления в отношении написаний с юсом большим и юсом малым нейотированными и истолковать эти отступления как отражение фонетических черт речи писателей. Нет: все случаи смешения

ѣѣ — ѣ, ѣѣ — ѣ являются описками, относящимися к тем рядам их, которые отмечены выше. Мы отметили многочисленные примеры путаницы букв разных начертаний. Тем легче было появиться смешению ѣ — ѣѣ — ѣѣ, появиться при наличии общей

части в начертании их. В рукописи памятника имеются прямые указания на такое происхождение смещения этих букв. Так, на 15^{об.} в слове **жрѣва** в строке написана первая часть буквы, — написано **ѡ**, а вторая часть этого глаголического юса (**ѣ**) не написана была, и только позднее писец заметил свою ошибку и вверху надписал **ѣ**. Чаше он не замечал своих недописок, и оставалась только первая часть буквы. Недописывалась иногда и буква **ѣ** (**ѡу**). Так, на 32^{об.} **върѣжѣ**. Ясно, что недописана вверху буква **и** (кирилл. **ѡу**): **въроужѣ**. Также **ѡмъуаахъ** вм. **ѡумъуаахъ**. Имеются следы недописки и в знаке юс малый нейотированный: **вънмѣтъ**; этот знак передан так: первая часть буквы находится в строке, а вторая часть была недописана, и только по написании слова писатель заметил пропуск и приписал вверху вторую часть буквы. Ясно указывает на графическую путаницу и такой пример на л. 9: **сѡсѡсѣ** (**ѡ** написано не как **ѡ**, а с присоединением кружка, т. е. писец хотел написать юс малый нейотированный, но остановился, не дописав его: **ѡѡѡѡѡѡ** вм. **ѡѡѡѡѡѡ**). Так же написано слово **мѡзмѣ** на л. 73, на л. 121 от **рѡлы** **латиштѡмѣ** (с **лѡ** вм. **лѡ**); о невнимательности писца свидетельствует и пропуск букв: **стрѣлы**). Под графическим воздействием следующего слога написано **ѡмѣ** вместо **ѡмѣ** 176^{об.}. Иногда писец пропускал первую часть глаголического юса. Так же недописки: л. 49^{об.} **ѡрѣмѣ** вм. — **ѡѣ**, **тъжѣко** **теготѣшѣ**; в первом слове недописан юс малый нейотированный в первой его части, в последнем слове недописан он во второй его части; на л. 19: **сѣхранѣ**; последняя буква представляет собой вторую часть буквы **ѣѣ** (**ѣ**).

Путанице **ѡ** — **ѡѣ** содействовало нахождение их в соседних слогах: **пѡрогашѣ** **сѣ** (25, вм. **пѡрѣж-**); **ѡскодѣшѣ** (120, вм. **ѡскѣд-**); **жрѣва** **мѡвѣ** **ѡскѣдѣ** (36, вм. **жрѣва... ѡскѣдѣ**); **ѡмотѣхѣ** (116^{об.} вм. **ѡмѣтѣхѣ**); **сѣдѣдовѣ** (162, вм. **сѣдовѣ?**); **възѣжѣтъ** (78^{об.}, вм. **възѡжѣтъ**); **жрѣжѣмѣ** (58^{об.} вм. **ѡрѣж...**); **пѡвѣдѣжѣ** (тв. ед., 77^{об.}), **пѡвѣдѣ** **мижѣ** (57^{об.}); **пѡвѣдѣ** **сѣжѡжѣ** (115).

В немногих случаях то же графическое явление отразилось в Синайском требнике и в Мариинском ев. Син. тр.: **не ѡзѡмѣ** **родѣства** и на той же странице **не ѡзѡмѣ** **рождѣствѣнѡмѣ** (19); **жѣдѣ** — „связь“; **жрѣжѣ** и на той же странице **ѡтрѣжѣ** (83), **ѡжѣжѣ** и на той же странице **жрѣжѣ** (29); **ножѣдѣ** („ножницы“) и **нажѣдѣ** (177). То же графическое явление отразилось и в кириллических памятниках. Например, в Новгородской минее 1095 г.: **рокою** и др.

То же явление и в отношении Э — ЭѢ — посръдъ ѡм (176 об., в.м. ѡм).

Другие случаи недописанных знаков — юс большой и юс малый нейотированные: прози (137, 145 об.), ѡм заблѡдиши (141), молнѡвѡкъ (140 об.), рокамѡ (128); лѡкъ (96); ѡзыци (1 об.); съпѡшти (прич. наст. вр. имен. мн.); нѡте (28 об., в.м. нѡти) и др.

Историческая диалектология болгарского языка также возражает против фонетического объяснения написаний с ѡ в.м. ж в Синайской пс.: нет болгарских языковых групп, которые бы указывали на ѡ, как на непосредственную замену гласного ж. Такой заменой был повсюду в этих группах гласный ѣ → ѡ. Позднее в Дебре (в Западной Македонии) и в некоторых местностях восточной Албании, в связи с местной албанской фонетикой, вторичный гласный ѡ всякого происхождения изменился в ѡ, — в гласный, который находится там и в албанских говорах вместо ѣ (ѣ — глухой с базисом е) других албанских говоров.

Те же группы отступлений в отношении ж и л представляет и Мариинский кодекс с тем отличием от Синайской псалтыри, что тут писец смешивал юс большой нейотированный чаще со знаком для и (ѡу), юс большой йотированный с буквой для ю и реже не дописывал вторую часть в юсе большом нейотированном, т. е. писал только э (ѡ): сѡжѡ рѡжѡ (в.м. сѡужѡ...); мѡжѡ (дат. ед.); дѡуѡу (в.м. дѡужѡ); сѡуѡѡ (Лука, XIII, 11) — „согбенная“; но это прилагательное своим необычайным значением привлекло внимание переписчика, и он исправил описку: знак для и (ѡу) заменил посредством юса большого нейотированного; бѡрѡ, кѡвѡмѡтъ, дѡжѡѡѡ, лѡбѡю, вѡ нѡжѡ и др.;

о (у): бѡдѡтъ, сѡдѡтъ, прикѡснѡѡ, радѡвѡлѡхѡ и др.

Недописывался иногда и знак для и (ѡу): помѡлѡн (в.м. помѡлѡун), ѡхѡ (в.м. ѡухѡ), ѡуѡвѡнѡкъ (в.м. ѡуѡвѡнѡкъ) и др.

Смешивались также Э и ЭѢ: грѡуѡѡу (в.м. грѡѡѡу), поѡуѡутѡти (в.м. поѡуѡутѡти).

Если бы в говоре писца Мариинского кодекса не было носового гласного ж, то не было и носового л: в славянских языках положение небной занавески было одинаково в образованиях замен ж и л: если небная занавеска не опускалась при произношении заменителя гласного ж, то она не опускалась и при произношении заменителя гласного л. Между тем, писец Мариинского кодекса ни разу не спутал л и ѡ, — не спутал потому, что это были разные гласные: один носовой гласный, другой неносовой.

пндити, нудити — „принуждать, заставлять“;

гндшати, гношати — „пренебрегать“.

В этих словах носовой гласный появился вместо *и* вследствие ассимиляции с предшествующим носовым *п*, *п*. В других славянских языках эти слова представлены с давним *и*. Показательны соответствия словинского языка (*nuditi* — в словинском языке *о* вм. *о*) и польского (*nudzić*). Но в польском языке, как и в старославянском, находятся слова не только с *nud* (*nuda* — „скука“, *nudzić* — „возбуждать отвращение“), но и с *nęd* вместо более раннего *пnd* (*nędza* — „нужда“, *nędzić* — „доводить до бедности“). На то, что сочетания с *и* (*nud-*) не явились в давнее время вместо *пnd*, может указывать и готское соответствие, с *paud-*; *paudithaurfts* — „нужда, потребность“, немец. *Notdurft*.

сжьмьнѣти(сѧ), *соумьнѣти(сѧ)* — „сомневаться, опасаться“. Обычно объясняют это *соу-* диссимиляцией со следующим *м*: *сжьмь* → *соумь*, но неясным остается при таком объяснении, почему появился гласный *оу*, а не иной гласный заднего ряда (*о*, *ъ*). Кажется, будет ближе к истине полагать, что *соу-* в этом образовании не фонетического происхождения, а то же, что и в *соу-гоуѣ* (*соугоуѣ*). Это значение *су-* представлено и такими прилагательными в болгарских говорах: *суголѣм* — „довольно большой“ („суголѣми уши“); *сумалечок* — „маленький“ (из Македонии). Славянскому *su* соответствовало в др.-индийском *sū* (*ī* — ступень редукции дифтонга *ou*, *au*). Значение же этого *sū* было такое: „хорошо“.

§ 183. *-мьн-*, *-ман-*. В старославянских памятниках глагол „помянуть“ встречается в двух вариантах относительно гласного после *м*: *помьнѣти*, *поманѣти*. В гласном *ѣ* видят результат диссимиляции носового гласного *а* со следующим носовым *н*. Полагаем иное происхождение этих вариантов: они были разного образования: *помьнѣти* давнее образование, с *-мьн-*, как и в слове *въмьнѣти*, восходящее к *-мѣп-*; ср. др.-верхн.-нем. *meīnan* „думать“, „сказать“, др.-сакс. *mēñiān*. Образование *поманѣти* не первоначальное образование, а возникло от основы *мѣ*, как в образовании *рамѣть*. Были по славянским языкам и более поздние образования от слова, заменявшего собою ранее *рамѣть*: ср. болгар. *памет* и глагол *паметувам*, *паметвам* — „памятую, помню“, сербо-хорв. *ра̄мѣт* и глагол *ра̄метовати* и др. Были такие давние образования, в которых основа была некогда с инфиксом *п* или без него. Таково происхождение основ с *а* или с *ъ*, *ѣ* в словах: *сѧдѣ* — *сѧсти*, *ѣсрѧдѣ* — *ѣсрѧсти*, *сѧръсѧти*, *лѧдѣ* — *лѧсти*.

Неясно происхождение звуковых вариантов с ѡ в старославянском языке, с а в русском и сербском языках в таких случаях:

1) в наречии *прѣмѡ* — ст.-сл., *прѣмѡ* — др.-русск. и др.-сербск. *смѡ* — в древнесербском *Мирославовом* ев., с ѡ вместо а);

2) в суффиксе прилагательных — *вънъ* в ст.-сл., *анъ* в др.-русск. др.-сербск.: *камънъ* — *каманъ*, *мѣдънъ* — *мѣданъ* и др.;

3) в суффиксе существительных *-анннъ* (*анннъ* после палатальных), *-анннъ*: *самарѣанннъ*, *гражданннъ* — *самаранннъ*.

Полагают, что некогда в доисторическую эпоху не одинаково менялся по славянским группам долгий *ѣ* перед носовым согласным: в одних группах он изменился в *ѣ* (ѡ) перед всеми гласными (после палатального согласного *ѣ* еще ранее изменяя в *ѣ* получил открытое образование — а: *kričati*, *gorđjaninъ* г.-сл. *гражданннъ*); в других славянских группах *ѣ* перед носовым гласным назализировался, — стал гласным *ѣ*: *gręto*, *kaņęnъ*.

Мены ж и а, при определенных условиях отражающейся среднеболгарских памятниках XII—XIV вв., не было в старославянском языке IX—XI вв. Только в одном положении, после твердого согласного в форме именительного пад. единств. числа мужского рода причастия наст. вр., а стал близок к ж (*раджи*), см. выше.

Русские рукописи XI в., списанные с южнославянских оригиналов, также не представляют указания на смешение ж с а. Немногочисленные случаи отклонения в употреблении ж или его русской замены ѡ и в употреблении а или его русской замены ѡ появились вследствие непонимания текста или вследствие пропуск. Например: *творити а* вместо *творить а*; *шио хощега да творѣ* вместо *творатъ* (Арх. ев.). Писец, не вникнув в текст, в первом случае подставил местоимение в форме множественного числа (а) написал по своему произношению ш. Спутал он тут и форму редшествующего слова, написав *творити* вместо *творить*. В другом случае он прочитал глагольную форму как форму 1 лица единств. числа (*творѣ*) вместо 3 лица множеств. числа. Другие случаи (их немного) „смешения юсов“ (их русских замен) совсем не показательны. Нет указания на мены ж и а и в старославянском оригинале сербского *Мирослава* ев.

ъ, ѡ.

§ 184. В системе старославянского языка были редуцированные гласные: заднего ряда ѡ, переднего ряда ѡ. Составитель

В XI в. обнаружались результаты изменения в редуцированных гласных,—изменения, подготовлявшего в течение длительного периода времени. Эти результаты в языке болгарском, как и в других славянских, весьма сильно изменили фонетическую систему. Изменился звуковой облик слов: после утраты ъ, ь многочисленные слова стали оканчиваться на согласный; стали возможны такие сочетания согласных, которые избегались раньше: пс, вн и др.

Старославянские памятники XI в. представляют указания на такие изменения в отношении ъ, ь: 1) на утрату ъ, ь, 2) на смещение ъ, ь 3) на замену ъ, ь гласными о, е.

§ 185. 1) Утрата ъ, ь происходила в определенных условиях,—в таких, в каких утрачивались ъ, ь и в других славянских языках: в конце слова и перед слогом с гласным полного образования или с ъ, ь сильными, т. е. не подвергшимися утрате: много → мно҃го, брати → брати, правдыѣ → правдын → правден, псати → псати, зло → зло, злѣ → злѣ → зла и т. п. Положение, в котором происходила утрата ъ, ь,—положение для слабых ъ, ь. Старославянские памятники XI в. представляют многочисленные примеры утраты слабых ъ, ь. Меньше примеров с отсутствием ъ, ь в конце слова. Но малочисленность написаний без ъ, ь в конце слов не имеет фонетического значения. Книжнику было легко запомнить правило, что в конце слова следует писать ъ, ь. Немало написаний без ъ, ь в конце слова находится в Ассеманьевом кодексе: градѣт, гла҃гошт, живѣт, работ, лѣт и др.

Утрата ъ, ь перед слогом с гласным полного образования происходила в болгарских говорах, отразившихся в старославянских памятниках, не одновременно во всех словах. При некоторых условиях редуцированные гласные утрачивались раньше, в других позднее. Повидимому, не одновременно во всех словах (во всех положениях) они утрачивались и в других славянских языках. Были такие фонетические условия, при которых ъ, ь утрачивались раньше сравнительно с общим фонетическим процессом утраты ъ, ь в слабом положении. Полагаем, фонетические условия, благоприятствовавшие более ранней утрате артикуляции для ъ, ь, были такие.

а) Нахождение ъ, ь в начале слова между такими согласными (разумеется, если далее следовал гласный полного образования): п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с. Наибольшая частота пропуска ъ, ь в рукописях наблюдается между этими согласными. Пропуск ъ, ь в этих случаях восходил к тем более ранним рукописным оригиналам,

в которых слабые *ъ, ь* еще не совсем были утрачены между другими согласными: *псати, пшевица, птица, много, все* и др.

б) В суффиксе перед сонорным *н, л* (далее следовал гласный полного образования). Многочисленны примеры пропуска *ъ, ь* в передаче прилагательных *въриа, правьдна (праведна), подобно*.

в) В конце слова: *градот, работ...*

г) Более ранняя утрата *ъ, ь* перед слогом с гласным полного образования была обусловлена не только артикуляцией соседних согласных и положением в начале слова, но еще иным обстоятельством: значением слова, способом его произношения. Выше, в отделе о возникновении редуцированных гласных (§ 88—90), и в пункте о конце слова (§ 152—153) отмечена была ослабленная артикуляция при произношении некоторых слов-частиц, некоторых наречий, местоимений, слов счета (числительных), слов-обращений, титульных слов. При таком произношении происходила редукция слова в отношении артикуляционном. Результаты редукции бывали и бывают разные. Одним из таких результатов является ослабление гласного полного образования или его утрата. Редукция в таких условиях, в связи со значением слова, переживалась всеми славянскими группами,— переживалась в разное время— и задолго до общего процесса ослабления и утраты *ъ, ь* перед слогом с гласным полного образования и после этого процесса. К ранним результатам редукции, связанной со значением слов и ослабленным его произнесением, относится редукция, пережитая именем *čelovekъ* в южнославянских языках. В IX в. в области славян Болгарии это слово произносилось без *ь*: *человкъ*, как свидетельствуют все памятники старославянского языка. (На славянском востоке в то время и позднее это слово произносилось без результата редукций: *человькъ, чолвькъ*.) Гласные *ъ, ь* перед слогом с гласным полного образования произносились в особенности слабо в местоимениях, в наречиях. В IX в. гласные *ъ, ь* в этих частях речи еще были, по крайней мере в речи славян Солунского района. Но в местоимениях и наречиях, в связи с более слабым их произношением сравнительно с именами, глаголами, происходила утрата их,— происходила ранее общего процесса утраты слабых *ъ, ь*. Много примеров с утратой и со смешением *ъ, ь* представляет Зографское ев.— памятник довольно консервативный в отношении передачи слов с *ъ, ь*. Несколько примеров: *ито, уто, кде, тьимо (вм. тькъмо), когда, тогда, никогда, кьсегда—всегда* и др.; *празднькъ, праздньги*;

празникъ, праздни. В старославянских памятниках находятся такие 2 варианта имен: 1) празьникъ, празьнин, непразьна („беременна“). Так в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом ев. 2) Представлено это имя и с сочетанием зн: празникъ (Ассеман. ев., Саввина кн.), праздни, непразна (Саввина кн.).

Едва ли сочетания с -зн- явились вследствие фонетического изменения -здън-. Вероятнее полагать, что это — давние образования с разными суффиксальными элементами: с -ьн- и с -н-: porzdyп и porzdp → porzn. На давние варианты porzdyп- и porzn- могут указывать их замены в древнерусском языке, отразившиеся в древнерусских рукописях: порозьдъныа, порозныа в Уставе патриаршей библиотеки № 330, XII в. Перед палатальным п' (из п' в суффиксальных элементах -пј-) z → ž в давнее время. И на это указывают древнерусские рукописи и современный русский язык: оупорожняють в Уставе патриаршей б-ки № 330, соврем. русск. порожний, опорожнять, порожняком.

Во второй половине X—в XI вв. на Русь приходили с юга, из Болгарии, книжные люди вместе со старославянскими рукописями. Среди этих рукописей были и такие, в которых отражалась утрата ъ, ь в слабом положении, как можно судить по русским копиям с этих рукописей. Таким был оригинал Сборника Святослава 1073 г. Написания без ъ, ь здесь многочисленны.

Русские рукописи XI—XII вв. представляют определенные указания и на то, что процесс утраты редуцированных гласных в старославянском языке (как и в других славянских языках) проходил не в одинаковой степени интенсивно во всех случаях. В некоторых условиях ослабление артикуляции было более значительно, и гласные ъ, ь утратились раньше, чем в других положениях. И русские рукописи указывают на такие положения, в которых ъ, ь утрачивались раньше, чем осуществился общий процесс утраты ъ, ь перед слогом с гласным полного образования.

а) В начале слова между п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с. С пропуском ъ, ь в этом положении были старославянские рукописи и у русских книжных людей XI—XII вв. В некоторых из русских списков, при написаниях с ъ, ь перед слогом с гласным полного образования, встречаются написания без ъ, ь в начале слова в указанном выше положении. Так, например, в 1-м почерке Арханг. ев. вси, втица, вси и в ряде других русских рукописей XI—XII вв. представлены многочисленные примеры с про-

пуском ъ, ь в этих сочетаниях. Из Слов Кирилла Иерусалимского: *многъ, птица, всего, вселенна* и др.

б) Многочисленны написания форм с утраченным ь в суффиксах с сонорным н, л перед слогом с гласным полного образования: *оумна, върна, подобно, тъмница, (тъмница), козница* (Арханг. ев.).

в) В конце слова: *сътвориѣ* (Арханг. ев.), *разоум, отълоуит'са гъл'* (Сборн. Свят. 1073 г.).

г) В местоимениях и наречиях, в связи с ослабленным произношением их. Во всех русских рукописях, кроме Остромирова ев., представлены многочисленные примеры без ъ, ь в местоимениях: *миѡ, мною, кто* в наречиях *тъмно* (вм. *тъмно*), *дондеже* (вм. *дон'ъдеже*). Так в разных древнерусских рукописях, в том числе и в первом почерке Архангельского ев. при редком пропуске ъ, ь в других случаях.

Может быть, не все написания с пропуском ъ, ь в этих положениях перенесены были из старославянских оригиналов: некоторые из них могли отражать соответствующее явление речи восточного славянина. Но детали совпадения слов и форм с утраченными ъ, ь в русских рукописях, с одной стороны, и в старославянских — с другой, указывают, что во многих случаях написания с пропусками ъ, ь перенесены в восточнославянские рукописи из старославянских оригиналов. Так было с написаниями разных форм местоимения *всь, всьего* и др. Даже в Остромировом ев. (в первом почерке) находится это местоимение без ь: *в'сѣмоу, всѣкъ*. Весьма часто представлено это местоимение без ь в других русских рукописях. По образцу старославянских оригиналов без ь передано в некоторых русских рукописях и именит. единств. мужск. р. *в'сь* или *вь* (Сборн. Святосл. 1073 г.). Ср. *в'сь* в Зограф. ев., *вь* в Саввиной кн.

Деталь совпадения написаний в древнерусских текстах с текстами старославянскими отражается в пропуске ь в формах *дне, дни* и др. и в передаче формы именительного единств. без ь в корне: *днь*. Такая передача появилась в старославянских текстах, — появилась вследствие уравнивания звукового вида основы по другим формам, как в местоимении *вс-его, всь*. В виде *днь* эта форма находится в Зографском ев., в Саввиной кн. и в русском Сборнике Святосл. 1073 г.

Во всех этих случаях пропуска ъ, ь такое же показательное значение представляет и текст древнесербского памятника письменности — Мирославова ев. И в этом памятнике чаще всего

отсутствует ъ, ь в начале слова между пс, пш, пт, ми, стъ (псн, пшница, птница, створити, много); местоимение кто написано без ъ 141 раз и только 3 раза в виде къто; также почти последовательно мнъ, мною (мнома); местоимение всего, всемоу и др. в 405 случаях без ь и только в 48 написаниях с ь.

§ 186. В некотором фонетическом положении редуцированный ъ перед слогом с гласным полного образования оставался и после окончательной утраты слабых ъ, ь. В этом гласном ъ в таком особом положении был не только ¹давний ъ, но и сѣвпавший с ним давний ь. Так, по диалектам был ъ между д-ф, т-ф, д-н, т-м, т-н, м-ст, м-зд, м-г, л- начального слога перед слогом с гласным полного образования: дѣщери, дѣщница, тѣща „теща“, тѣщаница, дѣно, тѣмъ, тѣмъ, тѣмънати (прѣтѣмънати), мѣстниши (вм. мѣстниши), мѣзда, мѣгла (вм. мѣгла), лѣсти. С гласным ъ такие сочетания сохранялись и позднее в языке славян болгарских: тѣкъ, тѣчеш, тѣкач („ткач“), дѣщеря, дѣно, дѣниште, пѣси сине! („собачий сын!“ — при ругани), именит. мн. пѣсове — песове, мѣгла, мѣглив — на востоке Болгарии; мѣгла — магла, могла — (с гласным о в Дебре, на зап. Македонии), тѣща, (тѣшта) — ташча (ташта) — тошта (с о в Дебре, — „старуха“, вместо тѣща с тем же гласным и форма для имени мужского рода — тѣст — таст, тост — „старик“, вместо тѣсть).

Показательно в этом отношении и древнесербское Мирославово ев. (XII в.): при частых пропусках ъ, ь в слабом положении последовательно переданы со знаком редуцированного гласного сочетания лѣж- (лѣжа, лѣжи...), лѣст- (лѣсти, прѣлѣщени), мѣзд- (мѣзда...), мѣст- (мѣсти...), тѣф- (тѣща, потѣщавсе, отѣщтитѣ). Со знаком редуцированного гласного переданы и формы имени дѣщи (дѣщи, дѣщерь...). Некоторые из таких написаний соответствовали сербской речи того времени: лѣсти, лѣжа, тѣшта („теща“), отѣшттитѣ. Но написаний дѣщи, дѣщерь не было в сербской речи. Эти написания взяты из старославянского оригинала. Находились в этом оригинале и сочетания с ъ в указанных выше словах. Подобное явление представлено и в других славянских языковых группах. Так было у словаков (дѣска, позднее daska и др.), у полабян.

§ 187. 2) Смешение ъ, ь. В старославянских памятниках XI в. обнаруживается весьма часто смешение ъ и ь: написан ъ вм. ь и обратно. Смешанное применение ъ и ь вызвано было разными причинами.

а) њ вместо њ в сильном и слабом положении, после ш, ж: шѣдѣ, пришьан, шѣстнѣ; жѣзла, жѣнѣ — *veričw*. Это — несомненно фонетическая черта: результат воздействия шипящих согласных ш, ж на следовавший за ними њ, который становился в этом положении веляризованным, близким к њ. Такое же воздействие шипящих отразилось и на том гласном â или á (средний ряд), который был раньше вместо а после палатального согласного: шѣ → ша, жѣ → жа: уаша, оужасѣ (см. выше в отделе о њ). Несколько позднее веляризирующее воздействие согласных ш, ж сильно отразится на а: ша → ша̋, жа → жа̋ (XII — XIII вв.). Веляризация гласных њ, ѣ (вм. 'а) могла не быть связана с отвердением ш, ж: и после мягких ш, ж, как и после ј, бывал подобный процесс веляризации: ср. давний доисторический процесс изменения ё в а после ј, љ, љ, љ. Изменение шѣ в ша̋ — процесс, отразившийся с несомненностью в языке писца Саввиной книги. Отмеченные выше примеры взяты оттуда. Такое явление отразилось в ряде случаев и в восточноболгарском оригинале Остромирова кодекса: шѣдѣ, сирѣжѣтѣ, нашѣ, кокошѣ, дѣжѣ, матежѣ и др. Немногие примеры такой замены њ в сильном положении имеются также в Мариинском кодексе, в Синайском требнике: шѣдѣ, пришьаша... часты в Супрасльской рук. (там же шѣдѣ...). Ряд написаний с шѣ, жѣ представляют и другие памятники, — но представляют в слабом положении: дѣжѣннѣжѣ, грѣшнѣвѣмѣ, нашѣ, мяжѣ. Нет уверенности, что написания с ѣ в этом положении отражали когда-то соответствующее фонетическое явление: такие написания могли появиться позднее, после утраты слабых ѣ, њ, — появиться вследствие путанного их применения в письме.

б) Смещение ѣ, њ, бывших в слабом положении, — смещение, вызванное утратой их. Отсутствие в языке гласных звуков в этом положении, недосмотр по отношению к оригиналу (переписчик читал чаще целые слова, а не отдельные буквы) — все это имело следствием пропуски ѣ и њ и смешанное их употребление: дѣни — дѣни — дни, зѣриши — зѣриши, вѣсѣхѣ — вѣсѣхѣ — вѣсѣхѣ, дѣва — дѣва — дѣв, мѣного — мѣного — много и мн. др.

в) В отношении мены ѣ, њ в слабом положении. В. Ягич („Archiv für slav. Philologie“ I, II) впервые обратил внимание на то, что она в длинном ряде написаний в старославянских памятниках представлена последовательно в зависимости от следующего слога: перед слогом с гласным переднего ряда написано ѣ, перед слогом с гласным заднего ряда — њ: вѣнѣ — вѣнѣ; зѣло —

ъли; дъва — дьва; върѣни — въръна; бърати, въдванца и т. п. В. Ягич другие лингвисты полагают, что такая мена отражала соответствующее явление речи: ассимиляцию слабых ъ, ь со следующим слогом; это была своего рода гармония гласных. Явление же это относилось ко времени более раннему, чем время написания дошедших до нас памятников, — ко времени, когда в фонетической системе были еще ъ, ь в слабом положении. Во время же написания дошедших до нас памятников слабых ъ, ь уже не было в речи. Поэтому нет выдержанности в передаче мены ъ, ь в зависимости от следующего слога. Пишут дъва и дьва, дъни и др. Но отмечают для более раннего времени и две группы сочетаний, в каких эта мена не отразилась:

1) после задненебных согласных к, г написан ъ и перед слогом с гласным переднего ряда: къннѣннѣтъ, къназь — къназь, къде, къгнннѣтъ;

2) после палатальных согласных пишут ь и перед слогом гласным заднего ряда: къ'въотина, домоу коупл'наго, зпл'вава, оидон'шамъ, тьто, вращно, рождество и др.

В подтверждение того, что мена ъ, ь в зависимости от следующего слога представляла собою когда-то фонетическое явление, ссылаются на такие написания: врьтъпъ (в Син. пс.) — вертеп, пещера^а, предполагая, что такое сочетание (с -о-) получилось вместо врьтъпъ, а это вместо более раннего врьтъпъ; ср. усск. вертеп. Получилось же врьтъпъ (с -тъпъ) от косвенных падежей: врьтъпа, врьтъпоу вследствие обобщения основы в одинаковом звуковом виде. Следовательно, в косвенных падежах был гласный ъ вм. ь перед слогом с гласным заднего ряда.

вьва'ь вместо вьпа'ь (Савв. кн.), при среднеболгарской книжной передаче вьвалъ.

сждьвъ — род. множ. (Син. пс.) вместо сждъвъ, а это по аналогии к другим формам: сждъва, сждъвъ... вм. сждъва, сждъвъ.

възми, възметъ (напр., Марин. кодекс). С последними формами сопоставляют диалектические болгарские формы везми (по некоторым говорам Софийского района и в северносолунском эле Сухо).

Нам неясно происхождение написаний вьва'ь и сждьвъ. Что же касается врьтъпъ, с ѓ, то, несомненно, гласный ѓ не из ъ, а продолжал собою такой же гласный (ѓ) доисторического времени. Гласным ѓ это слово было в разных местах болгарских славян, и на юго-западе и на северо-востоке. Этим именем называли

и некоторые пункты поселений, в гористых ущельях. Так было у славян Албании (соврем. Vrtop). Так у славян Болгарии, — в Видинском и Софийском районах. В говорах этих местностей Болгарии замена сильного *ъ* не *o*, а *ъ*. Так и к северу от Дуная. Многочисленные топографические имена в Румынии: *Virtóbul*, *Virtuápele*, *Hirtópul* — свидетельствуют об этом. Тут тоже славянские элементы не указывают на *o* из *ъ*. В давних славянских группах образование этого слова было с разным гласным после *t*: *e* — *o* — *ъ*: *вътеръ* — *въторъ* — *вътьръ* (чередование гласных).

В языке старославянских памятников был представлен с разными гласными и суффикс в слове *скъдаль* — *хѣраѡс* — „черепок“, „черепица“: *-ea-*, *скъдаль* в Марин., *-ol-*, *скъдоль* в Зограф., *-ъa-*, *скъдълъ* в Саввиной кн., *-ъa-*, *скъдълъ* (винит. множ.) в Ассеман.

Болгарское диалектическое *везми* появилось не в результате фонетического процесса вместо *възми*. Формы глагола *възати* в говорах Болгарии и Македонии разнообразны по своим элементам. На этих формах отразились результаты фонетических и морфологических процессов.

1) Результат фонетического изменения представляют формы аориста и причастия с *з*: *зех*, *зе*, *зель* вместо *възакъ*, *въза*, *въздакъ*. Утрачен *в* и в формах *възвемъш* — с основой *ем-*, как *вмати* (плоды *вмати* (Савв. кн.): *земеш*, *земе*. Основа *зем-* обобщена и для других форм: *земи!* — повелит. накл. В таком виде эти формы являются общераспространенными на востоке и на западе Болгарии и в Македонии. Утрата *в* в сочетании *вз* пережита всеми болгарскими группами, как и утрата *в* в сочетании *вс-*: *секи* — „всякий“.

2) По говорам юго-восточной Македонии представлены формы *зева* — 3 ед., *зеви!* — повелит. накл., — с суффиксом *ва*, — продуктивным в болгарской глагольной системе: *чуваш*, *купва...* Ср. контекст из Леринского края (в южной Македонии): *си зевал пу двајсетина пари на ден и на вечерта си купвал [х]лепче* — „брал по 20 денежек в день и вечером покупал хлебец“.

3) *зве*, *звел* при формах *зева*, *зеве* — в южной Македонии.

4) *вземеш*, *везми* — в немногих солунских говорах; *взе* — аорист, *везехте*, *везели* — в говорах Софийского района. В формах наст. вр. и повелит. накл. в софийских говорах употребляется только основа *земе*: *земеш*, *приземе*, *земи!* С *зе-* бывают там и формы аориста и причастия: *зех*, *зе*, *зел*.

5) *вени!* — повелит. накл., в говоре солунского села Сухо.

Оставляя пока в стороне солунское возьмеш, наблюдаем, что в говорах Македонии и Болгарии все формы образованы от основы с утраченным ъ: в[ъ]з-, з-. Полагаем, и вез не представляет собою замены въз из въз: образования с ве появились при фонетической тенденции этих говоров сохранить губно-зубную артикуляцию в вз: эта артикуляция стала сопровождаться артикуляцией гласного, который был во многих формах после з: зе, земеш — окружающих говоров.

Форма вени! связана с формами возьмеш: отсутствует з подобно сочетанию излени! вместо излѣзни!

Вопреки В. Вондраку, Н. Ван-Вейку, считаем тезис Авг. Лескина („Archiv für slav. Philologie“, XXVII, 345—349) относительно мены ъ, ь в старославянских памятниках более обоснованным, чем фонетическая теория В. Ягича и его последователей. Авг. Лескин склонялся к такому мнению: эта мена не была вызвана изменением гласных ъ, ь в слабом положении в зависимости от следующего слога; эта мена — явление более позднее, относившееся ко времени, когда слабые ъ, ь были уже утрачены. Если и была зависимость этой мены от следующего слога, то эта зависимость была не та, о какой думал В. Ягич: она указывала на твердость или на мягкость согласного, после которого писался ъ (после твердого) или ь (после мягкого); мягкость же согласного в одних случаях была давней, в других она появилась под влиянием следующего смягченного согласного. Итак: дъни могло обозначать д'н'и; зъли — з'л'и, зъло — зл'о с твердым з и т. п.

При таком понимании мены ъ, ь будет понятно отсутствие ее после к, г и после палатальных согласных: к, г не палатализовались перед мягким согласным (книга — на письме кънига); прежние палатальные согласные были мягкими и в XI в. (кроме ч, з, ѓ, которые по диалектам отвердели); поэтому и писали ь после л', н' независимо от образования следующего слога (с гласным переднего и заднего ряда). Палатальность согласного не препятствовала веляризации гласного, как не препятствовала ей и в других языках, где действительно была пережита веляризация: ср. русск. пѣшькъ → пѣшкъ, мѣшок...

Отметим еще один факт графики в отношении мены ъ, ь. В Супр. рук. почти последовательно, за исключением весьма немногих случаев, предлог „к“ в сочетании с местоимением ѡмоу, ѡн, ѡма, ѡмъ передается без ъ: к н'ѡмоу, к н'ѡн, к'ѡнмъ... как и князь. Писец не находил нужным писать какой-нибудь знак после к,

так как в этих сочетаниях был обычный твердый согласный и. Иное отношение писца было к передаче сочетаний того же местоимения с предлогом „в“: он также последовательно пишет *въ*; пропуска *ь* нет: *въ н'сѣмъ*, *въ н'си*, *въ н'шѣ*, *въ н'в...* В этих сочетаниях не был обычный твердый *в*, а был мягкий *в'*, в передаче которого нельзя было ограничиться написанием *в*, а нужно было еще написать *ь*: *ьѣ*.

§ 188. 3) *ъ*, *ь* в сильном положении. Это было положение, когда в следующем слоге находился *ъ* или *ь* слабый или редуцированный и слабый: *вънъ* (после *в*), *тъкъмо* (после *т*), *шѣдъ*, *шѣдѣша* (после *ш*), *върънъ* (после *р*), *коньць* (после *н*), *прншьльць* (после *л*), *тъстнѣж* (после *ч*) и т. п. Еще было одно фонетическое положение, в котором *ъ*, *ь* были сильными: в начале слова под ударением: *дѣсяж*. В тех же условиях *ъ*, *ь* были сильными и в других славянских языках. В сильном положении *ъ*, *ь* в болгарских языковых группах, отразившихся в старославянских памятниках XI в., имели такую замену.

а) *ъ* → *о*, *ь* → *о*. Так в глаголических памятниках. Киевские листки сюда не относятся. Исключаются также македонские глаголические отрывки: Македонский листок и Охридские отрывки: в них недостаточно данных, чтобы судить о судьбе сильных. Отметим примеры из Синайской пс.

ъ: *вонъ* = *вон*, *вѣпль*, *дѣждь*, *зѣлъ* — род. множ., *лѣжь*, *сонъ*, *сонъѣ*, *нсохъ* (вм. *-сѣхъ*);

сѣзъда = *созда* (вм. *сѣзъда*), *солъгаша*;

вѣзъдахъ = *возвах*, *вѣзгрьмъ*, *вѣзъмн*, *вѣнъмн*, *во сѣмрътѣ* = *во смрти*, *во мнѣ*, *во нъ же дѣнь* (вм. *въ н'ъ же дѣнь*), *во всѣж*, *во сѣвѣтъ*, *во тѣмѣ*, *во крѣбѣ*, *во стѣзѣхъ*;

ѣто вѣстокъ = *ѣто встокъ*, *ѣто всѣхъ*, *ѣто сѣрмштѣ*;

крѣпокъ (вм. *крѣпѣкъ*), *крѣтокъ* (вм. *крѣтѣкъ*), *пѣсокъ*, *устарѣтокъ*, *паутокъ*.

ь: *вѣсь дѣнь* (вм. *вѣсь дѣнь*), *мѣстѣника*, *лѣстѣ*, *лѣстѣж*, *тѣмъна* = *темна* (вм. *тѣмъна*), *ѣтѣстѣва*, *ѣтѣ стѣзѣ*, *пѣсьма моухъ*: *нѣустѣнѣж*, *прншьльць*, *сѣнѣмъ* = *снем* (вм. *сѣнѣмъ*, „собрание“), *но* — *сонъмѣ* = *сонма* (вм. *сѣнѣмѣ*);

вѣурѣнъ (вм. *вѣурѣнъ*), *красѣнъ* (вм. *красѣнъ*), *мѣдѣнъ*, *подѣвѣнъ*, *правѣдѣнъ* (вм. *правѣдѣнъ* — „справедлив“), *но* — *правѣдѣнѣ* = *правѣд'нѣ*;

конѣць = *конецъ* (вм. *коньць*), *прѣвѣнѣць*, *телѣць* = *телецъ* (вм. *тѣльць*), *прншьльць* = *пришлецъ* (вм. *прншьльць*; но ср. отмеченное выше *прншьльць*).

Знаки ъ, ѣ писались в Син. пс. иногда в значении о, в: естъ-станокъ (48^{об.}) вместо естъ-станокъ; отъ бышедъшнихъ (38^{об.}) вм. отъ-бышедъшнихъ; о нѣмъ (78^{об.}) = о н'ем (вм. о н'емъ).

Подобные примеры с о, в вместо ъ, ѣ в сильном положении представляют и другие глаголические памятники XI в. Только в Зографском кодексе таких примеров мало. В небольших македонских отрывках нет достаточно данных по вопросу о сильных ъ, ѣ. В Македонском листке нет слов с сильным ѣ; немногие примеры с ѣ сильным не отклоняются от обычной орфографии. В Охридских отрывках вместо сильного ѣ есть в, а слов с сильным ѣ нет.

На гласные о, в вместо сильных ъ, ѣ в языке писателей глаголических рукописей указывает и такое морфологическое явление, находившееся в связи со звуковым видом слов в разных их формах,— слов, имевших в одних формах ъ, ѣ сильные, в других ъ, ѣ слабые: сънъ — съна, днь — дне, вьрънь — вьрна. В XI в. такие формы имели звуковой вид сон — сна, днѣ' — днѣ, вьрвѣ — вьрна. По образцу чередования форм с о, в и без о, в появились формы с „беглыми“ о, в и в других случаях, в которых эти гласные не восходили к ъ, ѣ. Такое явление отразилось в говоре писца Синайской псалтыри: вьрѣна — им. вин. множ. 136^{об.}, на камнѣ 52. Это — не описка. То же явление отразилось и на имени дѣмонъ — *δαίμόνιον*: и пожръши („и принесли в жертву“) сѣтъ своѣ и дѣшери своѣ дѣмонѣ, 140. Ср. такое же явление в судьбе некоторых слов с давними е, о в русском языке: ледъ — леда, камень — камене, ровъ — рова стали изменяться подобно словам с е, о вместо ѣ, ѣ: лёд — л'да, камен' — камн'а, ров — рва.

Старославянские рукописи македонского происхождения, с о, в вместо ъ, ѣ сильных, были под руками и в Южной Сербии. Следы их отразились в древнейшем сербском памятнике, в Мирославовом ев., — отразились в ряде написаний с о, в вместо ъ, ѣ: локоть, созда, соншпихъ, вонъ (вм. вонъ из вѣнъ), сънемъ (вм. сънемъ из сънѣмъ — „собрание“), праведна и др.

б) ъ → ѣ, ѣ → в. Редуцированный гласный заднего ряда не подвергся значительному изменению в укладе языка и губ; но он стал полнее в своем образовании, сохранив прежнюю характерную черту — более короткую вибрацию голосовых связок. Такая замена сильных редуцированных гласных отразилась в Супрасльской рукописи. Во всей рукописи нет примеров с заменой ѣ сильного посредством о. Только в 3 словах оказалось о: в суф-

фиксе -ок- прилагательного *крѣпокъ* (464) и -ок- в м. -ѣв- в прилагательных *любѣвънн* (166), *смоковнаго* (345). Повидимому, эти слова не находились в связи с результатом фонетического процесса, пережитого в говоре писца: слова с основами *любѣв-*, *смоков-* были словами книжными, идущими из глаголических оригиналов с *ѡ* вместо сильного *ъ* или были словами книжного языка, формировавшегося там, где *ъ* в сильном положении изменился в *ѡ*. Прилагательные с суффиксом -ок- находятся и в среднеболгарских рукописях, при этом в таких, которые изготовлены писцами, не имевшими *ѡ* вместо *ъ*; то же явление представляют и современные восточные болгарские говоры, в которых нет *ѡ* в м. *ъ* (*сынъ*, *дъждъ*). Образование прилагательных на -ок- распространилось от таких прилагательных, как *высокъ*, *широкъ*, *жестокъ* с давним -ок-; с таким же суффиксом стали образовывать и другие прилагательные: *крѣпокъ*, *кротокъ*. В отношении сильного *ъ* многочисленные примеры с *ѡ* свидетельствуют о фонетической черте писавшего (Супр. рук.) — *ъ* → *ѡ*: *темници*, *темьници*, *дньсь*, *мьсть*, *шѣдъ*, *правдици*, *конецъ*, *силень* и многие др. Так в первой части рукописи (до стр. 285 по изданию Северьянова). Но во второй части примеры с *ѡ* редки. Повидимому, перед писцом был оригинал, не представлявший такой замены сильного *ъ*.

Вероятно, одну группу с Супрасльской рукописью составляют листки Ундольского и Хиландарские. Они также представляют примеры с *ѡ* в м. *ъ* в сильном положении. Но примеров с *ъ* в сильном положении в этих отрывках нет. Предполагаем только, что *ѡ* в м. *ъ* в них не было, подобно данным Супрасльской рукописи.

в) *ъ* → *ъ*, *ь* → *ь*. Таковы данные Саввиной книги. Сюда не относятся формы имен существительных на -*емь* (творит. ед. и дат. множ. в основах на -*ь* и на согласный), на -*ехъ* (местн. множ. в тех же основах): *именемь* (и — *именьмь*, *именьмъ*), *людехъ*, *временехъ* и некоторые другие.

Эти формы образованы вновь, по образцу форм с давней основой на -*jo* (-'ь, '-в): *кон'емь*, *кон'емъ*, *отьцемь*, *пол'емь*...

Находится *ѡ* и в двух основах слов книжного происхождения: *смоковнн*, *смоковънн* (-*ов-*), *книносѣты* — *тоѡ хѣрусѣ* (*книжьсь*, *книжьсь* — *хѣрусѣ* — „дань, подать“).

Не представляют замен *ъ* и *ь* в сильном положении и Зографские листки. В Македонском кириллическом листке один знак *ь* для *ь* и *ъ* во всех положениях.

Надпись Самуила 993 г. не представляет данных для определения судьбы \bar{z} и \bar{z} в живой речи того времени. В немногих имеющихся тут примерах \bar{z} , \bar{z} во всех положениях, в слабом и сильном, употреблены правильно. Только в одном случае написан \bar{z} вместо \bar{z} : *накрѣстахъ*, *рѣ* вм. *рѣ*. Если процесс утраты слабых \bar{z} , \bar{z} после *р*, *л* проходил одновременно с утратой \bar{z} , \bar{z} и в других сочетаниях, то можно полагать, что уже в конце X в. слабые \bar{z} , \bar{z} были утрачены. Следовательно, такие написания, находящиеся на этой плите, как *отѣца*, *азъ*, *ниѣди*[кта], представляли собой только орфографию.

§ 189. Глаголические памятники с заменой сильного \bar{z} посредством ϕ , сильного \bar{z} посредством ψ были написаны лицами, происходившими из Македонии или из нынешней юго-западной Болгарии. Мы располагаем памятниками XII — XIII вв., написанными в Македонии (Охридский апостол, Болонская пс., Битольская триодь и др.). Они представляют ту же замену \bar{z} и \bar{z} , как и глаголические памятники XI в.: ϕ , ψ . О той же замене свидетельствуют и современные говоры Македонии и юго-западной Болгарии.

Супрасльская рукопись отражает говоры восточноболгарской области. Среднеболгарские памятники, происходящие из восточной Болгарии, представляют такую же замену \bar{z} , \bar{z} в сильном положении — $\bar{z} \rightarrow \bar{z}$, $\bar{z} \rightarrow \psi$: *сынъ*, *кряпкъ*, *день*, *силенъ*. Такое же указание извлекаем и из современных восточноболгарских говоров: *сын*, *дъжд*, *тъкмо*, *ден*, *вѣрен*, *силен*.

К какой области относился говор, отразившийся в Саввиной книге и в Зографских листках? Памятников среднеболгарских с такой судьбой \bar{z} , \bar{z} в сильном положении ($\bar{z} \rightarrow \bar{z}$, $\bar{z} \rightarrow \psi$) не известно. Нет и говоров, в которых были бы представлены гласные \bar{z} , \bar{z} вместо сильных \bar{z} , \bar{z} . Повидимому, продолжатели говора, отразившегося в Саввиной книге и в Зографских отрывках, восприняли в течение времени некоторые черты соседней диалектической области, в том числе замены сильных \bar{z} , \bar{z} : или восточноболгарские или юго-западноболгарские, вероятнее восточноболгарские ($\bar{z} \rightarrow \bar{z}$, $\bar{z} \rightarrow \psi$).

Примечание к предшествующему отделу. Смещение \bar{z} и \bar{z} , вызванное разными причинами, повело к тому, что в некоторых памятниках XI и последующих веков стали пользоваться одним знаком, \bar{z} или ψ . Так, в лл. Ундольского, за исключением немногих случаев с \bar{z} , пишется \bar{z} , в кириллическом Македонском листке применяется только \bar{z} .

§ 190. Кроме редуцированных ъ, ь, в старославянском языке, как и во всех других славянских языках, были редуцированные \dot{y} (ѣ) и \dot{i} . В характеристике языковых процессов доисторической эпохи отмечены были фонетические условия, при которых появились эти редуцированные \dot{y} , \dot{i} : вместо ъ, ь перед j (і) и перед i : $mъj\dot{q} \rightarrow m\dot{y}j\dot{q}$, $dobrъ-i \rightarrow dobr\dot{y}i$, $vъ-in\dot{q} \rightarrow v\dot{y}in\dot{q}$, $dobrъ-ichъ$ (родит. множ.) $\rightarrow dobr\dot{y}ichъ$, $mъ-i$ ($mъ-i\dot{i}$) $\rightarrow m\dot{y}i$ (повелит. накл.), $bъj\dot{q} \rightarrow b\dot{i}j\dot{q}$, $sin'ъ-i \rightarrow sin'\dot{i}i$, $sin'ъ-ichъ \rightarrow sin'\dot{i}ichъ$, $znamenъje \rightarrow znamen\dot{i}je$, $bratrъja$ ($bratъja$) $\rightarrow bratr\dot{i}ja$ ($brat\dot{i}ja$), $bъ-i$ ($bъ-i\dot{i}$) $\rightarrow b\dot{i}i$ (повелит. накл.), $sъdъi$ ($sъdъi\dot{i}$) $\rightarrow s\dot{q}d\dot{i}i$ (именит. ед.) и т. п.

Эти редуцированные в старославянских памятниках передавались посредством ъ и и: *крьюши, добрыи, вьини* („всегда“), *кы испиш, кы исходища еодъна* (Син. пс.), *добрыихъ, крѣи* (повелит. накл.), *бол'ни, братриа, вьини*. Но это не были обычного образования гласные ъ, и, как в словах *сѣтъ, вѣтъ, вѣти*. Это были гласные неполного образования, похожие в акустическом отношении на *ы, и* по причине высокого подъема спинки языка, при каком произносились эти гласные (под воздействием следовавшего образования j , i). О том, что это были редуцированные гласные, свидетельствуют следующие обстоятельства.

В старославянских памятниках представлена и иная передача этих гласных — посредством ъ, ь: *нарѣченѣи и нарѣченѣи, гостѣи и гостѣю, люди* (родит. мн.) и *люди, дѣню и дѣвю, пни и пнѣ, зъванѣи и зъванѣю, о коурѣи въспѣтъ, по коурѣи въспѣтъ* (последние 2 примера из Син. тр.). Но передача посредством ъ, ь в некоторых случаях представляла обычного образования гласные ъ, ь (как показано будет ниже).

Еще более показательно такое свидетельство о редуцированности ъ, и в указанных выше сочетаниях: перед слогом с гласным полного образования такой гласный и утрачен был ко времени написания дошедших до нас памятников XI в., т. е. это был гласный неполного образования, находившийся в слабом положении (примеров с ъ в слабом положении нет). Вот несколько примеров, ясно указывающих на утрату редуцированного и в слабом положении. *гѣлиъ* (Зограф.) вм. *вѣлиъ* ($vъ-l\dot{i}ja$); *кренѣи* вм. *крьни*; *вѣснѣвъшю* вм. *вѣспѣвъшю* (примеры из Клоц. Сб.); *несуетѣи* вм. *несуетѣиъ, во снѣ, ео тѣмъ свѣтъ* (Син. пс.); *пришьствѣи* вм. *пришьствѣиъ, кренѣи, іс трѣстѣиъ, трѣстѣиъ* вм. *трѣстѣиъ*,

донне нши, цѣловнѣ, любовнѣ вѣ. цѣльнѣ, любѣнѣ (Син. тр.). прише-
 ствию, нашествию, цѣсарствению (Супр. рук.) и др. Гласные ѣ, в вѣ. ѣ, ѡ
 появились потому, что в следующем слоге произошла утрата
 редуцированного гласного. Это был редуцированный и, как вспо-
 минает о нем традиционная графика, копируя прежние написания
 -нѣ, -нѣ... Писец иногда писал и ѣ, ѡ в этих случаях, тоже не
 обозначавших в XI в. гласного звука в слабом положении.
 Например: донѣ вѣ. дѣнѣ, лѣстѣ вѣ. лѣстнѣ, брѣнѣ (Клоц. Сб.,
 Мариин., Син. пс., Син. тр.), сонѣ (Син. пс.). Знак ѣ или ѡ в этих
 написаниях в XI в. имел то же графическое значение, как в на-
 писаниях земѣ, земѣ: он указывал на наличие ĭ (j) после со-
 гласного: лѣст'-ĭж, зем'-ĭж.

Итак, в XI в. редуцированный гласный и в слабом по-
 ложении не существовал в фонетической системе говоров,
 отразившихся в старославянских памятниках: было тогда зна-
 мен'је вѣ. знаменнѣ, брат'ја вѣ. братнѣ, здрав'је вѣ. здравнѣ.

Такой же процесс пережит и другими южнославянскими и
 восточнославянскими языками (за исключением некоторых запад-
 ных хорватских говоров и некоторых словинских). У западных
 славян и в некоторых говорах хорватских и словинских процесс
 проходил иначе: там рано произошла утрата ĭ между гласными;
 два гласных, из которых предшествующий мог быть редуциро-
 ванным ĭ, стянулись в один долгий гласный: znamen'je → zna-
 men'ie → -n'ē, znamen'ja → -n'ia → -n'ā...

§ 191. В сильном положении редуцированные были при
 таких условиях: а) в начале слова под ударением, б) перед ĭ,
 который в заударном слоге после гласного становился реду-
 цированным (а позднее неслоговым). В таком положе-
 нии редуцированные ѣ, и стали обычными ѣ, и полного образова-
 ния. Так было в истории всех славянских языков.

а) мѣж, мѣжши; вѣж, вѣжши; мѣи (повелит. накл.), вѣи (повелит.
 накл.).

б) добрыи (= dobryĭ вѣ. dobryi); бол'ни (= bol'ii вѣ. bol'ii).

На письме эти ѣ, и передавались попрежнему, буквами ѣ, и.

Стяжение. Сочетания ĭi, ii или позднее уi, ii подверглись
 ассимиляции и стяжению в один гласный ѣ или и. Именит. ед.
 добры, другы, нѣмы, боли, вѣи, трети; повелит. накл. ѣумы (Зограф.);
 вѣ (местн. ед.; именит. вѣ вѣ. vŭja — „шея“); сѣи вѣ. сѣи;
 мѣи вѣ. мѣи (последние примеры из того же памятника),
 вѣж вѣ. вѣж.

Так было и в других славянских языках.

Если же стяжения не происходило, то редуцированный *i* (из *i*) становился неслоговым: *шпуі* → *шпуј*, *риі* → *риј*, *dobryi* → *dobryј*.

Формы повелит. накл. с *-уј*, *-іј*, (*шуй!* *бий!*) находятся в разных славянских языках. Но формы именит. ед. мужск. рода прилагательных на *-уј*, *-іј* (*dobryј*, *sin'ii*) представляют только восточнославянские группы (в русском языке с дальнейшим изменением сочетаний *уј*, *іј* всякого происхождения в *ој*, *еј*: *dobroj*, *sin'eј*). В других славянских языках эти формы представляют результат стяжения, указанного выше: *dobrȳ* (*dobry*), *sinī* (*sinī*), *pěšī* (*pěši*).

В старославянском языке, по указанию памятников XI в., нередко были представлены формы в именах существительных без результата стяжения и без изменения гласного *i* в *ј*. Напр.: ♦ *спасени*, на *распятихъ* и т. п., но и: ♦ *съпасенин*, на *распятихъ*... В последнем написании (с *-ни*) может отражаться графика более ранних оригиналов; но такие написания могли служить и для передачи сочетаний: ♦ *спасен'јн*, на *распятихъ*. А такие сочетания — с *i* (или с *ј*) перед окончанием — появились вследствие обобщения основы в одинаковом звуковом виде: как в родит. *спасен'ја* (вм. *съпаснѣя*), как в дат. *спасен'ју*, так и в местном: *спасен'ју*.

Сравните отсутствие стяжения и в таких формах, как *вѣн*, *братн* (дат. и местн. ед.) и т. п. Причина наличия *-ѣн*, *-нн* та же, что и в предшествующих примерах, т. е. объединение основы в отношении звукового вида ее: как в именит. *вужа*, в родит. *вуже*, основа *вуж-* и в дат. местном: *вуж-і* (*вѣн*); как в родит. *bratje* (вм. *bratije*), в винит. *bratjъ* (вм. *bratiјъ*), так в дат. местном *bratji*.

В старославянских памятниках сложные формы прилагательных представлены с результатами стяжения *-ѣн* в *-ѣ*, *-нн* в *-н*: *добрѣхъ*, *добрѣхъ*, *тоуждихъ*, *тоужднѣхъ*. Но имеются и формы с *-ѣн*, *-нн*: *добрѣнѣхъ*, *тоужднѣхъ*. Эти последние формы могли быть перенесены из более ранних оригиналов; но были и такие случаи, когда формы на *-ѣн*, *-нн* (*-ѣнхъ*, *-ннхъ*) представляли собою выражения соответствующего явления современной речи: то были образования нового формирования, под воздействием форм местоимений *ихъ*, *имъ*, *имнѣ*: *добрѣихъ*, *добрѣимнѣ*... Связь сложных форм прилагательных с формами местоимений отражалась в разные периоды во всех славянских языковых группах, связь в том или ином направлении. Ср. в севернорусских говорах формы

форма *оударьн*, с -ь под влиянием *оударь*, *оударьша...*); *людси*, *дънси...*; Син. *пс. лжлвон*, *пръмъдрої*, *нечъствої*, *гръшьної*; *велси*, *вышыси*, *нишси* (имеются и написания с ь: *ништьн*; были и именные образования: *нишьт*, *ништа...*); *врабей* (как глосса к „птица“, 11^{об.}); *печалси*, *скръбси*, *заповѣдени*, *хлѣбси твоихъ*, *съвѣдѣнси*, *дънеси*. Син. тр.: *велси* *страхъ*, *връгъ бжси*, *отъ сътен*, *скръбси* причастие именит. ед. мужск.: *градѣщси покон*, *створси*, *помолси сад*, *їзволси*, *зларѣщси* и др.; -он (*ої* или *ої*) -ен (*еї* или *еї*) были и в старославянском оригинале сербского Мирославова ев. Несколько написаний с -он, -си в именит. ед. мужск. рода и в родит. множ. прежних основ на -ї (*пять*, *двѣрь*), находящихся в этом памятнике, не могло быть внесено сербским писцом, так как в сербском языке судьба *ъ*, *ь* была иная. Эти написания перешли из старославянского, македоно-болгарского оригинала: *болон*, *велон*, *бжси*, *оумерон*; *пютен* (в ст.-сл. оригинале было *пжтен*), *людси*, *двѣрсн*, *дврсн* (*вм*, *двѣрсн*), *всен* (*вьсь* — „село“, „деревня“).

В болгарских диалектах формы прилагательных на -ої, -еї вышли из употребления. В современном болгарском языке имеются только формы именные (*нов*) и сложные с результатом стяжения: на -и из -ы (*нови*). Формы имен существительных на еї употребляются и поныне в болгарских говорах: *врабей*, *славий* и *славей*, *сїпей* — „обвал“, „обсыпающееся место“, *чѣрвей* — „червяк“.

Формы на -еї, происходящие из -ыї, имеются и в восточнославянских языках. Так, в украинском: *соловѣй*, *инѣй*; родит. множ. *ночей*, *дверей*, *дней*; в белорусском: *салавѣй*, *вирабѣй*, *сам-третѣй* (старобелорусск.); родит. множ. *гасцѣй*, *людзѣй*, *канѣй*. Но в этих языках имеются и формы на -її: *соловій*, *гусий* — *гус'ий* и др. (украинск.); *коний*, *гроший* (белорусск.). В русском языке сочетание *її* всякого происхождения изменилось в *еї*: *биї* → *беї*, *сам-третиї* → *сам-третѣї*; *Кїїев* → *Кеїев*, *Куприїан* — или *Киприїан* или *Чуприїан* → *Купреїан*, *Кипреїан*, *Чупреїан* и др. (Параллельно с этим *ыї* → *ої*: *дурныйї* → *дурної*, *мыї* → *мої*). Но в южнорусских (южновеликорусских) говорах имеются следы разного происхождения сочетания -еї: 1) из -її, 2) из -ьї. Следы эти выражаются в том, что перед ударенным *е* в форме именит. ед. мужск. рода и родит. множ. находится по говорам в одних словах *и*, в других — *'а*.

и: *сам-тритѣї*, *пличѣї* (ед. *пл'ачо*), *свичѣї*, *дитѣї*, *двирѣї*.

'а: *ар'апѣї* — „репейник“, *чарвѣї*, *чартѣї*, *зил'анѣї* (именит.

множ. зилин'а — „хлебные посевы“), н'а-бѣј („не бей!“). Гласный *и* в предударном слоге указывает, что под ударением был некогда гласный не *и*, а *е* из *е* или из *ь*: ср. в таких говорах звуковой вид сочетаний: бирѣш, нисѣш, плитѣн' („плетень“), типѣр'а („теперь“), винѣц; также перед 'о из *ь*: дин'ок („денек“ — дьнькъ).

Гласный 'а в предударном слоге в таких говорах указывает на гласные *и*, *ы*, *у*, *ѣ*, которые были в следующем, ударенном слоге: ба'рѣ! н'асѣ! вил'акѣ („велики“), с'астры, т'амнын' („темнота“), гл'адѣл, в'алѣл, б'алѣја — сравн. степень... Следовательно, диалектические южнорусские (южновеликорусские) тритѣј, двирѣј... с *и* в предударном слоге, восходят к сочетаниям с -ѣі: третѣі, двертѣі; -ѣі (-ѣі) изменилось затем в -еј.

Сочетания же ар'апѣј, зіл'анѣј, н'а-бѣјл, с 'а в предударном слоге, восходят к сочетаниям с -іі: рѣпні, зелени (родит. мн.); -іі (-іі) затем изменилось в -еј.

§ 193. Дополнение. Изменению в редуцированные *ъ*, *ь* подверглись также те *ъ*, *ь*, которые оканчивали собою слово в сочетании со словом, начинавшимся с *и* (*і*, *ї*): поставити *и*, осждаати *и*, слышахомы *и*, видѣлы *и* вси (из Мариин.); поговѣити *и*, видѣвѣти *и* (Супр. рук.); азъ вамъ прѣдамъ *и* (вм. прѣдамъ *и*), памати имъ (вм. память имъ, из Клоц.). В этих случаях происходило то же явление, как и в сочетаниях предлогов с именем или местоимением, начинавшимся с -и: въ истинѣ, въ инѣ → вънѣ, къ исправленью (последний пример из Клоц.). И в этих случаях отражалась связь с формами, находившимися вне сочетаний со словом, начинавшимся с *и* — принесети *и*, но было и: принесети хлѣбъ; по образцу последних сочетаний говорили также с *ъ* и: принесети *и*. В сочетании с местоимением винит. ед. мужск. р. и это последнее, объединившееся с предшествующим глаголом в одно акцентное целое, было неслоговым, несколько ранее оно было редуцированным в таком сочетании: рѣнесетъ-і → ту-і; или рѣнесетъ-і — рѣнесетъ-і; вѣтъ-і → вѣтѣ-і → вѣтѣ-і (-і) или вѣтъ-і. Вследствие изменения конечного *і* после гласного в *ї* → *ј*, редуцированный *ѣ* или *ъ*, *ї* или *ь* в предшествующем слоге оказывался в сильном положении. На то, что *ъ*, *ь* были в таком сочетании сильными, указывают примеры с *о*, *е* вместо них в глаголических памятниках: оубнѣмо *и* (Ассеман.); азъ вамъ прѣдамъ *и* (Мариин.). Имеется ряд примеров с -о и *и* в Син. пс.: смѣрѣнѣти *и*, помѣти *и*, извѣнѣти *и*, поярѣнѣти *и*. Но для этого памятника не исключена возможность и графической

причины появления написания с ђ (э), вместо ѣ (э), как отмечено было выше.

В сочетаниях с -ы, -и в конце слова, а также предлога (вы, кы) перед словом, начинавшимся с и, следует иметь в виду и то, что эти -ы, -и могли в некоторых случаях не представлять собою замен более ранних ѣ, ѥ, а могли появиться позднее утраты конечных ѣ, ѥ, появиться при сочетании конца слова, оканчивавшегося на согласный, или при сочетании предлога в, к со словом, начинавшимся с и. В таких сочетаниях вторая часть в образовании согласного конца слова или предлога, рекурсия его, сливается с артикуляцией гласного следующего слова. При твердом согласном предшествующего слова или предлога в, к гласный и изменялся в ѣ; при мягкости согласного предшествующего слова артикуляция гласного и примыкала без особого изменения к артикуляции предшествующего мягкого согласного: дам'-и → дам'и. Такое явление представляет фонетика современного русского языка (при наличии гласного ѣ): подывој („под ивой“), с -ы-ваном („с Иваном“), з братом-ы-ваном („с братом Иваном“), пит'-и-ѣ'с'т' („пить и есть“). Подобное явление было и в болгарских говорах XI в., после утраты конечных ѣ, ѥ. Такого происхождения -мы в сочетании: ѣмы и вм. ѣм-и, а это вместо ѣмъ и (Ассеман.). Мы не может поддерживать такое объяснение этих сочетаний: ѣ здесь вместо ѣ, вследствие раннего изменения конечного мь в мѣ (еще при наличии редуцированных гласных). Полагаем, что губные согласные отвердели в конце слова ранее, чем в середине слова, но все же отвердели после утраты слабого ѣ: ѣмъ → ѣм' → ѣм; дамъ → дам' → дам. Сочетание же ѣм'и → ѣмы, что передано писцом, желавшим выделить местоимение и, таким образом: ѣмы и, прадамы и. И в других славянских языках губные, заканчивающие слово, отвердевали раньше, чем перед гласным переднего ряда, но отвердевали после утраты конечных ѣ, ѥ. Для восточнославянских языков имеются указания на существование мягких губных согласных не только в XI—XII вв. (отсутствие замены ѣ посредством ѣ в этом положении), но и в XIII—XIV вв. Напр.: нкнмь, цълтмь и др. в духовной грамоте Калиты 1328 г.; пуднмь товаромь, с мѣштеремь и др. в Полоцкой грамоте около 1330 г. По говорам на юге и на западе у восточных славян были в XIII—XIV вв. и сочетания с отвердевшими губными согласными в конце слова.

§ 194. Сочетания доисторической эпохи ѣг, ѣг, ѣі, ѣі между согласными переданы в старославянских памятниках посредством рѣ, рь, лѣ, ль,— последовательно с ѣ, ѣ после р, л: грѣдѣ, съмрьѣ, срьдѣцѣ, хлѣмѣ, влѣкѣ. Для доисторической эпохи мы полагаем, что плавные г, і в этих сочетаниях были носителями слога, а находившиеся перед ними ѣ, ѣ были неслоговыми: гѣрѣдѣ, съмѣрѣѣ, снѣімѣѣ, вѣкѣ (см. § 94). В старославянском языке, как и в других южнославянских языках, а также в словацком и чешском, плавный продолжал быть носителем слога. Изменение, пережитое этими сочетаниями в той славянской группе, которая легла в основу старославянского языка, касалось неслогового редуцированного гласного элемента: он стал следовать за слоговым плавным, может быть, в связи с той же фонетической тенденцией, какой вызвана была и перестановка в tart, tĕrt, talt, tĕlt: trat, trĕt, flat, tlĕt: gradѣ, brĕgѣ... Если бы гласный элемент попрежнему находился перед плавным, то Константин и Мефодий, с таким мастерством проанализировавшие фонетическую систему языка солунских славян и с такой точностью фиксировавшие ее в письменности, так и передали бы на письме: ѣ, ѣ перед р, л. Знаки ѣ, ѣ служили в этих случаях не одним только указанием на слоговость г, і, а передавали некоторый гласный элемент, похожий на ѣ или на ѣ и сопровождавший артикуляцию слоговых плавных. На то, что ѣ, ѣ в этих случаях выражали гласный элемент, указывает то различие в применении их, какое было в написаниях, восходящих к кирилло-мефодиевской орфографии: ѣ писали в тех сочетаниях, в которых и в доисторическое время был редуцированный заднего ряда; ѣ писали там, где издавна был редуцированный переднего ряда. На такое применение ѣ, ѣ при плавных указывают Киевские листки: сѣрѣѣѣѣ, сѣврѣѣѣѣѣ, ѣутѣрѣѣѣѣ, тѣрѣѣѣѣ, срьдѣѣѣѣѣ, дрѣѣѣѣѣѣѣ, напѣѣѣѣѣѣѣѣ. И в других памятниках имеются следы такого применения ѣ, ѣ. В глаголических памятниках в передаче замены тѣгѣѣѣѣ служит рѣ между согласными. Так же передается часто и замена ѣгѣѣѣѣ. Но в передаче этой последней замены встречается и рѣ из более ранних оригиналов: мръѣѣѣѣѣ и мръѣѣѣѣѣѣѣ, сѣмръѣѣѣѣѣ и сѣмръѣѣѣѣѣѣѣ и др. Различие в применении в первых славянских переводах знаков ѣ, ѣ при плавных указывает на разные гласные элементы за слоговым плавным. Мы не можем полагать, что ѣ указывал на мягкость плавного, как

утверждают некоторые из лингвистов. Нет следов ни в одном из славянских языков мягкости *г*, *л* перед твердым зубным согласным: *skъgъno*. Между тем, в Киевских листках, близко отражающих древнейшую орфографию старославянских памятников, находится *рѣ: скрънѣстни*. Мы не отрицаем некоторой мягкости плавных *г*, *л* в сочетании с *ь* не перед твердым зубным согласным (*въгѣа, въгсѣхъ...*), но если она была перед твердым зубным согласным, то наличие ее указывает опять-таки на положение *ь* после плавного: некоторая мягкость согласного, в том числе и плавных, была вызвана здесь положением перед гласными переднего ряда. Итак, если было *г'* перед твердым зубным согласным, то не потому, что ему предшествовал *ь* (*tvъgdъ* — такого произношения с мягким *г'* не было у славян), а потому, что за ним следовал *ь*: *тврѣдъ — tvъgdъ, вьлѣкъ — vъlkъ, мьлѣхъ — mlъchati*.

§ 195. Старославянские памятники XI в. указывают на то, что в языке их писателей слоговые *г*, *л* были без *ъ*, *ь*: эти слабые неслоговые гласные были утрачены. Сохранялась только графическая традиция писать *ъ* или *ь* после плавного. Писали *мрътъвь* и *мрътъвъ*, *зръно* и *зръно*, *отръзи* и *отръзи*, *дльгъ* и *дльгъ*, *наплъни* и *наплъни* и т. д. Встречаются и написания без *ъ*, *ь*: *врхѣу*, *сръдъце*, *сръдъца*, *чръкъве* (Зограф.), *скръпаштаа*, *мьлосръдѣа* (Мариин.): *тврѣдъ*, *съртъ* (Син. пс.). Еще более важно указание Македонского кириллического листка. Писец отступил от прежней традиции писать *ь* после плавного: он пишет его перед плавным — *врхѣу*, *дърѣстниѣ*, *гърѣдъ*. Таким же способом он передал *л* и в слове *рлѣ: вьлѣхъ*. Но и такое написание он считал неудовлетворительным для передачи слогового свойства плавного. Он пишет *ь* по обе стороны *л*: *дльгъаю*.

Итак, в XI в. в языке старославянских памятников были сочетания с *г*, *л*: *врх*, *длг*. Во 2-й половине IX в. за слоговыми *г*, *л* следовали *ъ*, *ь* неслоговые. Их значение в фонетической системе было не то, что обычного образования слоговых *ъ*, *ь*. Слоговые *ъ*, *ь* или подверглись утрате (в слабом положении), или заменились гласными полного образования (в сильном положении). Гласные же *ъ*, *ь* после слоговых плавных были очень слабыми неслоговыми гласными элементами. Утрата их произошла во всех положениях: не только *врхѣу* — *врхѣу*, но и *врхѣъ* — *врх*. Утрата *ъ*, *ь* не вызывала удлинения гласных *ъ*, *ь* в предшествующем слоге, — удлинения, связанного с утратой слабых *ъ*, *ь*, бывших раньше слоговыми. Поэтому: *дньъ* → *днъ|ъ*,

но съмръть → смрт[ь], съмръти → смрти. Ср. фонетическое значение ъ и ь в сочетании въ съмръти: в XI в. вместо этого сочетания было во смрти (три раза в Син. пс.), отъ съмръти (Син. пс.): после е гласный ъ был в слабом положении, перед слогом с г; после в, т гласный ъ был в сильном положении в связи с ослаблением и затем утратой гласного ъ в следующем слове (в съ-); ср. в Синайской же псалтыри отъ слезъ.

§ 196. От доисторической эпохи язык славян болгарских, как и другие славянские языковые группы, унаследовал такие сочетания плавного с ъ, ь между согласными, в которых редуцированные находились после плавного: кгъвъ, кгъвчвъ, слъза, слъзь... Слоговое значение плавного и редуцированного в этих сочетаниях было не одинаково в зависимости от образования следующего слова.

1) Если в следующем слове был слабый редуцированный ъ, ь, то носителем слога в сочетании гъ, гь, љъ, љь был гласный ъ, ь: кгъвъ, слъзь. Так было во всех славянских языках. Так было и в языке кирилло-мефодиевских переводов. На такое значение сочетаний ръ, рь, лъ, ль в этом положении указывает то обстоятельство, что тут ъ, ь в памятниках XI в. не смешиваются, как смешиваются они в передаче grd, tvrd, v!k: гръдъ — грьдъ, вльнъ — влькъ. О том, что в сочетаниях крвъ, плтъ, слъзь слогаобразующим элементом был ъ, ь, свидетельствуют примеры с заменой их посредством ѳ, ѳ в глаголических памятниках: в этих сочетаниях ъ, ь были такими, как и в первом слове слов сънъ, днь и т. п., — слоговыми, сильными: кровъ, плоть, слезъ, брань (Син. пс. и в др.), стрѣльтъ (Син. пс.).

Встречаются написания со смешанным применением ъ, ь и в этих случаях: плтъ, кровъ. Но такие написания отражали более позднее состояние болгарских диалектов. Такие написания передавали сочетания с г, љ слоговыми (p!t', kv' — kv). А такие сочетания появились по образцу p!ti, kvvi и др.; см. ниже.

2) Сочетания гъ, гь, љъ, љь находились перед слогом с гласным полного образования. В таких сочетаниях ъ, ь были слоговыми слабыми гласными. Так было во всех славянских языках. Так было и в языке славян болгарских в IX в.: крѣво (род. ед.), крѣви (дат. ед.), плѣти, слѣзми. В отличие от сочетаний типа t!rti, t!t (ст.-сл. трѣтъ, тлѣтъ) редуцированные гласные в сочетании типа t!gt, t!t перед гласным полного образования были носителями слога в то время, когда в фонетической системе славян имелись

ъ, ь слабые (ъ, ь перед слогом с гласным полного образования). Они составляли слог, как ъ, ь в других сочетаниях: съпа, дьпе. Когда на следующей фонетической стадии утратились слабые редуцированные гласные, они утратились и в сочетаниях kŕ[ъ]vi, sl[ъ]zami. Но след того, что они были некогда слоговыми (носителями слога), остался такой: если в предшествующем слоге был ъ или ь, то он был сильным и заменялся гласным полного образования: възгрѣвъ (Син. пс., 2 раза), во кръви (Син. пс., 2 раза), сокръвѣнъхъ и другие сочетания с во-, въз-, вос-, со- (вместо въ-, въз-, въс-, съ-). В этих сочетаниях изменение ъ в о обусловлено тем же, чем такое же изменение и в других сочетаниях: во въсьхъ и др. в той же Син. пс.: наличием слабого ь, ъ в следующем слоге и утратой его; этот слабый ь, ъ был некогда слоговым: въ[šé]chъ, дь[pe]... Таким он был и в сочетаниях kŕ[ъ]vi... Сравните иное фонетическое значение ъ, ь в сочетаниях tŕ[ъ]t, tŕ[ъ]t (ст.-сл. трѣтъ, трѣтъ): тут ъ, ь издавна не были слоговыми и потому не имели значения для усиления (для продления) гласного ъ, ь в предшествующем слоге: съмръти, съмрътъ → смръти; въ съмръти → во смръти (см. выше).

§ 197. В судьбе отдельных славянских языков происходила утрата ъ, ь в замене сочетаний tŕ[ъ]t перед слогом с гласным полного образования. Так было в южных, в западных и отчасти в восточных славянских языках. В тех языках, в системе которых были слоговые ě, ĭ, такими стали ě, ĭ и в сочетаниях с утраченными ъ, ь: kŕvi, kŕvav, slza. Так в языках сербо-хорватском, словинском, словацком, чешском. Так было и в языке старославянских памятников XI в., отражающих черты болгарских диалектов того времени. В передаче замен рѣ, рь, лѣ, ль со слабыми ъ, ь (перед слогом с гласным полного образования) знаки ъ, ь смешанно применяются на письме: дрѣкольми и дрѣкольми, кръви и кръви, съзгы и съзгы, съзгами и съзгами, пльти и пльти; накрѣстѣхъ, с рѣ вместо рь в надписи Самуила 993 г. Изредка встречаются и написания без ъ, ь: ѳутрин (Маринин.), крѣта, крѣта (Жлоц., Ассеман.). В Македонском кириллическом листке: пльти с ь перед л, как и в върхъ, гърдь.

Памятники XI в. представляют указание на объединение звукового вида основы для разных форм, — основ с заменами сочетаний tŕ[ъ]t, tŕ[ъ]t. Такое объединение происходило в разных славянских языковых группах. Направление, в каком происходило это обобщение, было в южнославянских языках одинаково для всех слов: обобщалась основа с ě, ĭ: kŕvi, так и kŕv' — kŕv;

p|ti, так и p|t'—p|t; s|za так и s|z и т. д. Старославянские памятники отразили результат такого морфологического процесса: *крьвь*, т. е. *крв'*—*крв*; *пльть*, т. е. *плт'*. Имеются примеры написаний и без *ь*, *ь*: *крвь*, *крститель* (Маринин.), *крсть* как и *крста*, *крсть* (Клоц., Ассеман.).

В XI в. процесс объединения основы с *г*, *!* не отразился еще на всех словах: держались по диалектам и сочетания с *рѡ*, *лѡ*, *лѡ* в м. *рѣ*, *лѣ*, *лѣ*: *крѡв'*—*крѡв*, *крѡвѣж*, *плѡт'*, *слѣз*. См. выше.

Слоговой плавный *!* после утраты гласного элемента *ь*, *ь* был в болгарских группах, как и в других южнославянских, твердым, велярным (*!*), а в некоторых говорах лабио-велярным. Таким (лабио-велярным) он был в говорах западной Македонии (см. ниже).

Слоговые плавные *г*, *!* в фонетической системе болгарских групп не удержались: они заменились неслоговыми, а носителем слога стал вторичный гласный, развившийся при плавном,— гласный *ъ*. В западной Македонии, где *!* был лабио-велярным, *!*→→ *о!*—*о!*: *воцк*. Вторичный гласный *ъ* в этих сочетаниях часто не совпадал в своем образовании с гласным *ъ* в другом фонетическом положении (*сън*, *рѣка* в м. *рѣка*...): перед плавным согласным *ъ* несколько подвинут к среднему ряду, вроде безударного, слабого русского *ы*: *пѣрѣви*; после плавного *ъ* часто сильно редуцирован, а плавный имеет свойство слогаобразующего элемента: *зрѣнце*, *крѣф*.

Положение вторичного *ъ* во многих болгарских говорах постоянное: перед плавными: *врѣба*, *врѣху*, *пѣрѣва*, *влѣк*, *жѣлт*, *кѣрѡвѡв*, *кѣрѡв* (*кѣрѣф*). В немногих говорах *ъ* находится после плавного: *врѣху*, *врѣба*, *влѣк*. Так в некоторых юго-западных говорах (напр., в говорах Горной Джумаи). Во многих восточно-болгарских говорах положение *ъ* после плавного обусловлено такой фонетической обстановкой: перед двумя согласными или перед одним конечным согласным: *зѣрно*, но *зѣрнце*; *пѣрѣви*, но *прѣв* (*прѣф*)...

Еще на фонетической стадии с *г*, *!* отразилась в болгарских диалектах, как и в других славянских группах, тенденция избежать сочетания *ѣг*. Эта тенденция имела следствием появление гласного *е*, который стал слоговым: *ѣг*→*ѣег*: *черни*, *червен'*, но *врѣба*. Та же тенденция действовала и в чешском языке: *ѣегнѣ*, но *tvrdŭ*. Там (в чешском) и *žr*→*žer*: *žerd'*, *žernov*...

В Супрасльской рукописи, изготовленной где-то на востоке Болгарии, находится в одном случае *ѡр* вместо *ѡр*: *ѡрѣноуриъцѣ* (119).

Если это написание не представляет описки, а отражает соответствующую черту речи писавшего, то приходится полагать, что на востоке Болгарии в XI в. были такие немногие говоры, в которых от сочетания ѣг избавлялись заменой его посредством сг . Но других указаний на такое изменение ѣг в говорах Болгарии не имеется. Позднее, в XIV—XIX вв., в Македонии слова с ѣг вытеснялись под сербским воздействием словами с сг -: сгпн . В сербо-хорватских говорах сочетание ѣг изменилось посредством сг -: сгп , сгвен , а также сгѣво , сгѣр . Подробнее об этом сочетании — в моих „Македонских кодичах XVI—XVIII вв.“, стр. 102—111.

-tvьt- (двѣри, свѣтъи).

§ 197а. Подобно сочетаниям trьt , trьt изменялось по славянским языковым группам сочетание tvь- перед слогом с гласным полного образования: dvьri , svьnqti (svьt- в чередовании с svѣt-). По утрате слабого редуцированного ъ образовалось сочетание dvr . Это сочетание во всех славянских языках изменялось. Изменение проходило в таких направлениях.

1) В тех языковых группах, в фонетической системе которых существовала артикуляция билабиального w , происходило изменение $\text{dvr} \rightarrow \text{dur}$, $\text{cwt} \rightarrow \text{cut}$. Так по говорам западной Македонии: цутиш вместо cwtiш (из svьt-); так во многих говорах словинских (словенских): dwr — dur ; так по лужицким группам: durje , žuri вм. džuri (нижне-луж.).

2) Сочетание dvr представляло губно-зубной v , который не заменялся слоговым гласным. В таком случае развился вторичный гласный перед v . Так в болгарских говорах было уже в конце XII—XIII вв.: двѣрехъ (Болонск. пс.), процѣфть (Норовск. пс. XIII в.); соврем. болгарские цѣфтиш , сѣмне вм. сѣвне (сѣвнѣтъ , svьt-). По словинским говорам davr — daur , dovr — dour .

3) Или же для избежания слоговости губно-зубного v произошла перестановка: dvьf- — dъv . Так в чешском языке — dъvi , в польском — dъvi (drzwi — dъvi); старо-чешск. kvьu вместо kvьu (kvьt) — I л. ед. ч. наст. вр.

4) Обобщалась основа dvьg — с сильным ь или его заменой. Так в восточнославянских языках: дверь , двери , дверка , дверци ; в чешском — dvefe , родит. мн. dveřf ; в словацком — dvere , родит. мн. dverf , по словинским говорам dveri . Так было и в польских группах в прежнее время: dъv'efi ; ze dwirzy — „из дверей“ (XV в.).

Сохраняется до сих пор в слове *džviski* — *dž'verki*, но и *džvički* (*drzwiczki*); русск. цвѣту́, цвѣтеш...

5) Утрачивалась губная артикуляция. Так было в старопольском *kćeć* вместо *kvytėti*; так в польском диалектальном *tknoć* вместо *kvinóć*. Так в верхнелужицких *ktu*, *kćeš*.

В старославянских памятниках соответствующие слова переданы посредством написаний с -въ-, -въ-: *двъри*, *двъремъ* (дат. множ.), *свьѣти*, *процвьѣтѣ*. Что касается звукового значения -въ- или -въ- в этих случаях, то полагаем, что по болгарским говорам того времени, XI в., произношение таких сочетаний было неодинаково: в одних говорах это были сочетания с билабиальным *w* (*dwri*, *swtėti*), в других — сочетания с губно-зубным *v*, но со вторичным гласным *ъ*, т. е. отражались результаты процессов, отмеченных в пунктах 1 и 2.

ы.

§ 198. Гласный среднего ряда *ы* был в системе старославянского языка. В некоторых старославянских памятниках XI в. находятся примеры написаний с *н* вместо *ы*. Наиболее показательны такие примеры в Саввиной книге: *рыѣъ*, *рыѣнць*, но чаще *рыѣы*, *рыѣъ*; *отъкрѣти*, *отъкрѣи*, но и *отъкрѣитъ са*, *отъкрѣша* и др. В Зограф. кодексе также находится в одном случае *ѡъ рыѣъ*. Имеются примеры написаний с *н* вм. *ы* в Клоц., в Мариин., в Син. пс., в Син. тр., в Супр. рук. Из этих примеров считаем наиболее показательными написания *ѣн* вместо *ѣы*: после *р* в некоторых славянских языковых группах, имеющих в своей системе гласный *ы*, отсутствует *ы*: вместо этого сочетания произносится *ри* с гласным *и*, несколько пододвинутым к среднему ряду: *риѣба*. Такое произношение этого слова можно наблюдать во многих русских местностях.

Примеры Синайской псалтыри, Синайского требника и Супрасльской рукописи *ѣикати* и другие образования с этим корнем, может быть, не представляют замены *ѣы* посредством *ѣн*: гук-восходит к *gūk*:- ср. лит. *gūkti*, латыш. *gūkt* — „мычать, ржать“; славянское же *gik*, как и латышское *r'ūk*- (*r'ūkt*-), могут восходить к более раннему *gjūk*-.

Написания с *н* вместо *ы* Мариинского и Клоцова кодексов не показательны. В Мариин. переписчик в ряде случаев не дописал *ы*: *сѣшати*, *вдѣннѣ* (вм. *ты*) и др. Недописку и описку представляет большинство и других примеров с *н* (*ѣ*) и с *и* (*ѣ*). Переписчик за-

мечал свои описки и исправлял их, ставя ъ вверху над и: народи^ъ (Матф., IX, 36), аромати^ъ (Марк, XVI, 1), мнѣтаремъ (Лука, VII, 34), жени^ъ (Лука, XIV, 26) и др. Описки эти фонетическое значение могут представить в немногих случаях. В большинстве написаний спутаны окончания форм, и только в 5 случаях написано и в корне слова: мнѣтаремъ, ии^ълъ, рнѣж, сншаштомъ, избѣтъа. Из них возможно было особое произношение рнѣж как рнѣж. Что касается ии^ъ (Иоанн, VIII, 42), то здесь описка очевидна: этому слову предшествует ки: ки ии^ъ въ. ки ии^ъ въ. ки ии^ъ въ (сослаг. накл.).

Также ясны описки в употреблении ѣ вместо и: разбонныкъ (Лука, X, 30), рыгыты (Лука, V, 2), выстыня (Лука, X, 30): тут написано ѣ под влиянием такого же написания в соседнем слогѣ.

Непоказательны написания с и въ. ѣ и в Клоцовом Сб.

В кириллических Зографских листках пишется ѣ не только для и, но и для і: вънъшьнышкъ, съ нѣми. Как видно, тут отражается новое не только в орфографии, но и в графике: в состав буквы входит не знак ѣ, а ѣ в сочетании с і, над которым ставят иногда точку. Может быть и такие примеры с и вместо и не указывают на изменение и в і. Эти гласные близки один к другому по типической черте своего образования, по высокому подъему языка, и эта близость может отразиться на письме: пишут один знак для этих гласных. Такое явление можно наблюдать в письме лиц из русской среды, не окрепших в обычной орфографии: „посилку от тебя я получил и открытку“ (из одного письма из Городецкого района, Горьковской области). Такие написания встречались у многих лиц этой местности. Образование же гласного и в говорах этой местности обычное для русской фонетики.

е.

§ 199. Диссимиляция ео в заимствованных словах внофѣсомъ, г'сонѣ, об этом см. ниже.

В Зографском кодексе имеются случаи написания и вместо е. Невозможно усматривать в них указание на изменение е в і. Это смешение представлено в окончаниях и явилось по недоразумению и рассеянности списателя: хвалите вместо хвалити; пиети вместо пиете; спутаны отрицания: ни вместо не. Совершенно недопустимо объяснение и немногих написаний с и вместо а: в них некоторые из лингвистов видят тоже фонетическое явление, ставя его в связь с изменением неударенного е в і. Здесь ясно сме-

шение форм: в трех случаях употреблены формы множ. числа вместо единственного: *осждасть* (Лука, XI, 31), *сълззатъ* (Марк, XIII, 15), *сквърнати* (Матф., XV, 20), *вм. осждати, сълззати, сквърнати*. См. тексты. В одном случае писатель этого памятника, а может быть и его предшественник, глагол „судить“ согласовал не с царицей южской, а со всем коллективом, который будет судить: *цъсарница южска встаетъ на съдъ съ мѣжи [!] рода сего.*
осждасть [!] и.

Так же просто было спутать числа и во втором случае: — *иже на кровъ да не сълззатъ въ домъ...* Перед этим глаголы употреблены были во множественном числе: *иже бждѣтъ въ юудѣ да възгнѣтъ на горы,* — и далее следует — *иже на кровъ...*

В третьем случае текст для писца был неясен: *си сѣтъ сквърнаштаѣ ѹѡа. ѡ ѣже не оумъвенами рѣками всти не сквърнати ѹѡа.*

Наконец, писец раз написал форму единств. числа вместо множественного, *оузърнѣ* (Матф., XIII, 15) *вм. оузърати*, имени при глаголе нет; не досмотрев списываемого текста, книжник прочитал единственное число: *егда къгда оузърнѣ оумил...*

§ 200. *i* → *i* → *i*. В старославянском, как и в других славянских языках, гласный *i* послѣ гласного претерпел редукцию (*i*) и затем стал неслоговым (*i*), если до этого он (*i*) не ассимилировался с предшествующим гласным в один гласный долгий. В связи с редукцией гласного *i* происходило удлинение предшествующего редуцированного *ŷ* или *i*: они становились гласными полного образования *y* (*ы*), *i*: *dobrŷi* → *dobryi*, *bolŷi* → *bol'ii*, *tvoi* → *tvoi* → *tvoj*, *boite se* → *boite se* → *boite se*. По славянским языкам удлинялся в таком положении и гласный *o*: чешск. *hpij* *вм. hpoj* из *gpoi* („навоз“), *liij* *вм. loi* („сало“) и др.

С неслоговым *i* была и сложная форма именит. ед. мужск. рода причастия наст. и прош. вр. *градни* = *граднѣ*, *глаголан* = *глаголанѣ*, *хвалан* = *хвалѣ*, *сътвори* — *сътвори* = *сътвориѣ*.

§ 200а. Начало слова. Выше, в §§ 149—151, были сделаны замечания о начале слова с гласного, о появлении вторичных *i* (*j*) и *ц* (неслогового или билабиального *w* или губно-зубного *v*). Что касается слов со вторичным *ц* (*v*), появившимся в доисторическую эпоху, то они в старославянском языке представлены были в таком же виде, с начальным *в*: *въ*, *вълнѣти*, *высокъ*, *книжати* (*навыкнати*). Изменения были пережиты сочетаниями с *i* перед гласным в начале слова.

Во всех тех случаях, в которых появился в доисторическую эпоху *ǐ* в этом положении, он был представлен и в старославянском языке. Но в старославянском языке были более многочисленны случаи, в которых пользовались словами без *ǐ*. В одних из этих сочетаний *ǐ* и не появлялся. Без *ǐ* издавна произносились некоторые эмфатические слова, союзы, наречия: *e*, *ese* союз *a*, *ešče*, см. § 149. В других случаях получили более частое применение слова с начальным гласным *a* без *ǐ*, отвлеченные от тех фонетических положений, в которых не появлялся *ǐ* (начало слова): *агньць*, *азь*.

а. В говорах славян болгарских сочетания с *ǐ* в начале слова перед *a* и перед *в* переживали дальнейшие изменения. Изменения эти были неодинаковы во всех фонетических положениях. Различалось направление процесса в судьбе слов с *ǐ* перед *a*- и перед *в*- также по диалектам. Так, не все слова старославянских памятников с *a*- таким же образом произносились в более раннее время. В некоторых случаях утрата *ǐ* перед *a* произошла позднее. Сравните, напр., судьбу *авити* (глаголич. *ѡвѣти*) — *авити*. Наблюдения над передачей этого глагола в глаголических памятниках с *ѡ* и *а* приводят к заключению, что в ранних старославянских оригиналах более часто применялся этот глагол с *ѡ*- (*и*-). Так, в Зографском кодексе, в наиболее архаичной его части (от Иоанна), почти исключительно употребляется *ѡвн*-, утрата *ǐ* могла происходить в сочетании с предшествующим словом, оканчивающимся на гласный не *i*. Напр., *законъ его авитъ шъ* (Син. пс. 29^{об.}); *егда авитъ мѣся* (Син. пс. 17), как и: *злаа* (Син. пс. 41^{об.}), *окаанаа* (Син. пс. 177), с позднейшей утратой *ǐ* между гласными.

С другой стороны, после *i* могли появиться новые сочетания с *ǐ*. Так, в языке славян болгарских издавна было местоимение *азь* при *ǐазь* других славянских языков. В виде *азь* оно было и в языке кирилло-мефодиевских переводов. Но *нъзь* (Мариин.). То же явление в *авнѡ*: *ѡнѡ* (Мариин.). Общая же тенденция, обнаружившаяся в старославянском языке, как и в болгарских говорах более позднего времени, — это тенденция к утрате *ǐ*. На то, что в фонетической системе появление *ǐ* перед начальным *a* не представляло актуального значения, может указывать передача греческих слов с *α* (эти передачи представлены с *a*-, а не с *ѡ*-, не с *ѡ* в глаголических памятниках): *авла* = *ἀββα* — „отец“, *авръ* = *ἀήρ* — „воздух“, прилаг. *аврънь* = *ἀέριον*; *аромать* = *ἄρωμα*; *архи-триканиъ* = *ἀρχιτρίκλιτος* — „главный стольник“ и др.

Итак, слова с *а-* и *и-* (с *і-*, появившимся в разное время у славян перед *а* в начале слова): *а* (союз), *аеню* — *иеню*, *аенти* — *иенти*, *авъ* — *ивъ*, *азъ* — *изъ*, *аще* — *ище*, *агньць* — *игньць*, *агода*, *акы* — *икы* в тех словах с начальным *і-* (*ј-*), которому было соответствие в других индоевропейских языках *і* или *ј* — были представлены в старославянском, как и в других славянских языках: *иже* (местоимение с основой *-јо*, *ја-*) — „которая“, *ико*, *иръ*, *ирость*, *ирьмянити* (прилагат. от имени *јагьто*), *имл...*

Что касается вопроса об *і* или его отсутствии перед *е*, то старославянские памятники представляют большое затруднение в решении его вследствие своей графики: в глаголице *е* и *ю* не различаются: для них служит один знак *Э*; кириллические памятники, следуя глаголическим оригиналам, тоже не всегда различают *е* и *ю*. Совсем нет *ю* в лл. Ундольского, Зографских; в Хиландарских лл. тоже обычно *е*: *ю* только в двух случаях в середине слова; в Саввиной книге *ю* находится весьма редко. Только в Супрасльской рук. различаются в длинном ряде написаний *е* и *ю*. Это различие показательно: *е* пишется в передаче словечек *си* — „да“, „так“, *есе* (после *и* два раза *есе*: *и есе*) — „вот“; местоимение *стеръ* — образование от указательного словечка *е*; с *е* и с *ю* переданы слова *еда* — „ли, чтобы не“, *езеро*, *елень*, *ешл* — „о, если бы“: *еша* *могъ* *быхъ* *азъ* *касъ* *оувьштати*. Выше, в § 149, дано было разъяснение написания *е*, выразившего собою гласный *е*, а не *іе* в словах *е*, *есе*, *еда*, *стеръ*: они образованы от указательного словечка *е*, произносившегося эмфатически при начале фразы. Произношение же слов *езеро*, *елень* с *е* и с *ю* находилось в связи с положением во фразе: с *ю* внутри фразы после слова, оканчивавшегося на *і*: *при* *взъръ*. Повидимому, произношение с *і* (*іе-*) было неактуально в фонетической системе того времени. Греческие слова с *ε* переданы посредством *е*: *ευга* — *Ев҃га*, *ελινѣ* — *Еллінѣ*, *ελпидиѣ* — *Елпидиѣ*, *επιτιμια* — „наказание“, *εφесъ* — *Ефесъ* и др.; с *ε-*, а не с *ю* переданы греческие слова с *ε* и в Остромировом кодексе по образцу восточноболгарскому.

В других случаях в Супрасльской рукописи употреблено *ю-*: *юсь*, *юсть*, *юште*, *юдва* и др.

Следует полагать, что и в более раннее время были сочетания *ε-е-* (*есе*, *етегь...*), с *іе-* (*іестъ*, *іеѣче* и *еѣче...*). В течение времени сочетания с *е* стали чаще в речи. Но и до сих пор в фонетической системе болгарских говоров, как продолжателей старосла-

вянских говоров, отразившихся в памятниках XI в., не получили определенного положения сочетания с *je-* и с *e-*. В говорах, преимущественно западных, и в литературном языке обнаруживается тенденция в сторону сочетаний без *i-*.

Важное указание для суждения о начале слова с *e* или *je-* (*je-*) представляют „русские рукописи“ XI—XII вв. Во многих из них отражается различие между *e* и *ю*, как в Супрасльской рукописи. С *e* передаются в них греческие слова (*схидьма*, *вльнъ* и др.) и следующие славянские: *сн*, *ссь*, *вда*, *сѣд*, *вн*, *вѣтва*, *вльма* или *вльмн*, *сѣте*, *ствръ*, *езеро*, *вльнь*, *единъ*. Некоторые из этих слов: *сѣте*, *единъ*, *вльма*, *езеро* передаются и с *ю*. Весьма важное указание представляет передача частиц (*сн*, *ссь*, *вда...*), отражается ясно их произношение в речи писцов старославянских памятников, — произношение без начального *j* (*i*). Колебание в передаче некоторых слов восходит к старославянским оригиналам, а не внесено русскими писцами. Русский книжник не мог руководствоваться своим произношением некоторых из этих слов: в его обыденной речи было не *езеро* или *юзеро*, а *озеро*, не *всень* или *юсень*, а *осень*, слова *ствръ* совсем не было.

Везде с начальным *ю* переданы в русских рукописях формы местоимения *юго*, *юмоу* и т. д.; наречие *югда*; форма глагола *юсмь*, *юси* и т. д.

и. Перед *ѣ* в начале слова *i* (*j*), как и в доисторическое время: *мзънъ*, *мзда* — „боль“, *мтро* — „печень“, *мти*. Так переданы эти слова в памятниках, различающих *и* и *ю*, напр., в Мариинском кодексе (из ряда глаголических рукописей), в Саввиной книге (*и* в значении *и*, а *ю* в значении *ю*).

ж. Еыше (§ 150) было отмечено, что в языке предков славян болгарских были сочетания с *jo-* и *o-* в начале слова, параллельно сочетаниям с *ja-* и *a-* (*jagnьсь*, *agnьсь*, *javiti*, *aviti*). Нескольких примеров из памятников старославянских XI в.: *штъ*: *вльзъ самъ въ штрън'жжъ клътъжжъ* (Супр.), *шдоу жв* (Клоц.), *отъ ншдоу* (Супр. — „откуда“); *внъшдсу* („снаружи“): *гробн повзънени* („могильные склепы, выбеленные известью, окрашенные“) *жв внъшдъ оубо сятъ краснъ*, *внъштръдъ жв плънн сятъ костнн мртвънхъ* (Мариин.); *ждомъ родства* (Син. тр.), *съ ждомъ* (Син. тр.), *въ ждоль плахвънъжжъ* (Син. пс.). Примеры с *ш-* в русских, среднеболгарских и сербских памятниках, списанных со старославянских (староболгарских), или восходящих к ним: *шзда* (Святослав. Сб. 1073 г.), *штра* (Минеи XI в.) вместо *штръ* староболгарского

оригинала; жтрѣдоу (Остромир.), ѡжика (Болонск. пс.), юдоу (Шиша-тов. ап. XIV в.). Повидимому, с ѡ и ѡ произносился также жъ, жъ („ус, борода“). Этим словом называли в азбучном славянском перечне букву для носового гласного заднего ряда, а русские и сербские книжные люди передавали это название по своей фонетике, с у вместо ж: юс или ус. На название в виде ус указывает книжная грамматическая традиция, отразившаяся в одной русской рукописи XVII в. (Из собрания Тихонравова, б-ка им. Ленина в Москве.): „жъ. Сегдъ жъ ѡбыкдша оупотреблати людіе сѣрьбъстїи ѡ волохове [румыны, пользовавшїеся славянским письмом] въ мѣсто ѡ і ю. Аще лучїтса в прилучїяхъ писатїса бѣсѣ[!], ты же пиши жса сирѣчь бѣсѣ, псж, а' не укь ѡ, понеже оуподоблай по дѣйстви[!] его і има емѡ“.

ю, оу. с і (j) и без него находится в старославянских памятниках в слове ютро — оутро. В неодинаковом звуковом виде переданы и наречие юже — оуже, ю — оу, нсю и чаще нсоу — „еще не“. Более старые элементы представляют сочетания этого наречия с ю. Так, в архаической части Зографского кодекса (от Иоанна) находится ю, юже, в другой части обычно оу, оуже; в Клоцовом Сб. юже (4 раза), 1 раз нс оу, обычно оуже. В Саввиной книге чаще ю (юже), чем оу (оуже). В Ассеманиевом кодексе постоянно нс оу, но обычно юже. Может быть, уже в доисторическую эпоху произносились в некоторых фонетических условиях эти слова без j, хотя j тут не был вторичного происхождения: и в других индоевропейских языках имеется соответствующее образование с j или его заменой: ср. лит. jай, гот. ju, др.-верхн.-нем. iu — „уже“. В болгарских диалектах XI в. эти слова без j стали употребляться чаще, чем раньше, в особенности часто без j было оу, нс оу. Внутри фразы, после гласного, в болгарских говорах XI в. мог отсутствовать j в передаче с je разного происхождения: и в jes (jesь, jesi...) и в jego, jemu.

В jesь... j был вторичного происхождения; он появился в славянских группах в доисторическое время перед e.

в jego... j был более давнего происхождения: соответствия ему имеются в других индоевропейских языках: ср. лит. jд, jдs... На отсутствие j в таких сочетаниях указывает результат ассимиляции e с конечным e или ѡ предшествующего слова. Такие примеры представляет Син. пс.: азъ же-смъ (вм. азъ же есмь); спїи-е-го (вм. спїи е го, т. е. спїаннн е го); създаннн-го (вм. създаннн е го); срътаннн-го (вм. срътаннъ е го) и др:

§ 201. *i* в середине слова: *aia* (*aǐ*) → *aa*. В Киевских лл. не отразилась утрата *i*: *вънатьрънъ* (= *-ии*), *вътънозъ*, *милостивъ*... Так же часты такие сочетания в Саввиной книге; но в ней находятся и сочетания с утраченным *i*: *блага*. В других памятниках сочетания с *aa* часты: *каа*, *покланнѹ* — *покланнѹ*, *злаа*, *окланнѹ*...

aie → *aa* → *a*. Форма прилагат. родит. ед. мужск. и средн. рода: *добраго*. В таком виде (с *-го* или с *-го*) эта форма была свойственна языку кирилло-мефодиевских переводов. С окончанием *-аго* ее представляют некоторые глаголические памятники (Зограф., Марин., Син. пс., 1 раз в Клоц.). Но в этих и в других памятниках окончанием формы род. ед. является *-аго*, *-аго*. Только *-аго* в Киевских лл. и в Саввиной книге.

Форма 2 и 3 л. ед. и множ. числа: *подобаетъ* (*-ютъ*, *-отъ*) → *подобаатъ* → *подобатъ* (в Зограф., Ассем., Син. пс., в Супр. и в особенности в Марин.), *ѣи* [*ѣа*] → *ѣа*: *дѣити* → *дѣати*, *зѣлодѣа* (Син. тр.); *ѹе* → *ѹе* → *ѹи* → *ѹ*. Так в форме дат. ед. мужск. и средн. рода ед. ч. прилагательных: *доброуѹмоу* → *доброуѹмоу* → *доброуѹмоу*.

В форме 3 л. ед., 2 л. мн. наст. вр. *другъ радоуѹтъ са*; *обѣдоуѹтъ* (3 л. ед.); *иѣъ съвѣдѣтельствоуѹтъ*; *съвѣдѣтельствоуѹтъ*. (Из Марин.).

ѣи изменилось или в *ѣа* и далее в *ѣ* или в *ѣа*: местн. ед. мужск. и ср. р. прилагат.: *добрѣамъ* → *добрѣамъ*, *добрѣамъ* (см. еще ниже, в замечании о диссимиляции).

Палатальность согласного, а также гласный *i* в предшествующем слоге благоприятствовали удержанию образования *i* (*j*). Так, в Синайском тревнике последовательно пишется *ѣа* после палатального согласного, а также *ѣ* (а не *ѣа*) после *n*: *трасавиѣ ютрнѣъ*. *послѣднѣъ ѣзѣ*. *хоудѣоумѣнаа i* *хоудѣснааа*. Ср. *ѣа* после палатального *n'*, *aa* вместо *-ѣа* (*-aia*) после твердого *n*, как и после других твердых согласных (*виднмаа*), *-нѣ*: *братрѣ житнѣ* (родит. ед.), *васнлѣ* (родит.), *пласнлѣ*, *вражѣнѣ* (родит. ед.), *похотѣаа възѣрѣнѣ* (именит. множ. средн. рода), *пнѣнѣство*, *виѣнѣца* и др.

§ 202. Выше были отмечены ассимиляции гласных: *aa* → *a*, *ѣe* → *aa* → *a*; *ѣe* → *ѣѣ* → *ѣ*, *ѹе* → *ѹѹ* → *ѹ*.

Кроме того: *ни* → *n*: *ѣ съпасѣннѣ* → *ѣ с[ѣ]пасѣннѣ*, *на распѣтннѣъ* → *на распѣтнѣъ*, *сѣди* (вм. *сѣдин*) *естѣ*, *прѣдѣ*, *прѣннѣ*.

ѣи → *ѣ*: *добрѣи* → *добрѣ* и др.

ѣе. В старославянском языке оказались новые, заимствованные слова с *ѣе*. Напр. греч.: *ѹѣѣнѣа*, *Вѣдѣѣѣ*. При фонетической тен-

денции к утрате $\dot{\text{I}}$ между гласными в передаче сочетания *ee* отразился процесс диссимилиации $ee \rightarrow eo$: *г'вона, вноълвомъ — вптлсомъ*. Но имеются в памятниках и передачи, близкие к греческому образцу, с *ee*: *внтлсомъ*.

Выше была отмечена судьба сочетания *ъв*: происходила утрата $\dot{\text{I}}$ и ассимиляция: $\text{ъв} \rightarrow \text{ъо} \rightarrow \text{ъз} \rightarrow \text{ъ}$: *добръвъмъ \rightarrow добръвъмъ \rightarrow добръмъ*, *въ поуствъмъ градъ нарицаюмъвъмъ* (Супр.). И в ином направлении изменилось *ъз*: происходила диссимилиация: $\text{ъз} \rightarrow \text{ъа}$: *добръамъ*. Так передана эта форма в Ассеманиевом кодексе. Такой же результат в форме сравнительной степени и в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. *добръа, оумъатъ*. (Марин. и др.).

Результат стяжения гласных представлен некоторыми старославянскими памятниками в отношении не всех гласных. Так, в Синайском требнике обычно *ъи* вместо *ъи*, *оу* вместо *оуоу*, *ъ* вместо *ъз*, но *аз*, *ни*: *върщны*, *не гашщни огнь*, *строупнѣтъхъ*, *живѣтъмъ* и *мрътѣтъмъ* (дат. мн.), *поучѣтъмъ* (дат. мн.) на *нѣсѣтъхъ* и *назѣмътъхъ* и *тръторъскытъхъ* (прилагат. от существ. *тръторъ — tárтарос*, „ад, преисподняя“), *словесътъмъ* и *животътъмъ*; *живоумоу*, *соухоржоумоу*, *сътворъшюмоу*, *зѣкъшюмоу*; *въ страшътъмъ* и *тروطътъмъ* *сѣдши*; *но: живаго*, *гладшаго*, *пришедшаго*; *рождъшннмъ са* (твор. ед.), *болащннмъ* (дат. мн.), *оутѣшнне сирѣващннмъ* и *плачущннмъ са оувътъ*; *смырънѣтъхъ* *молащннхъ*.

Выше было отмечено, что в старославянском языке конец одного слова во фразе тесно примыкал к началу следующего слова. Вследствие такого объединения происходил процесс ассимиляции: конечный *ъ* перед начальным *н* изменился в редуцированный *ъ*: *възалъ н \rightarrow възалън*. Конечный *ь* изменился перед *н* в редуцированный *н*: *пръдамъ н \rightarrow пръдаън н*. И позднее, после утраты конечных редуцированных *ъ*, *ь* действовал процесс объединения конца слова с началом следующего слова: *несет н \rightarrow несет -ы*.

После гласного *н* одного слова мог появиться $\dot{\text{I}}$ перед *а* другого слова: *н азъ \rightarrow н изъ* (см. выше).

Происходила и другого вида ассимиляция и стяжение гласных внутри фразы: *дъштере — ма* в м. *дъштере — см*, *рече — н* в м. *рече — ен*; *единого — тъ* в м. *единого — отъ* и др. Сообщенные примеры взяты из Маринского кодекса. Еще чаще такое явление отражается в Синайской пс.: *ѣпнѣ — го* в м. *ѣпнѣ — его*; *азъ же — смъ* в м. *азъ же есмь*; *сървтанъ — го* в м. *сървтанъ — его*; *знащши — ма тво* в м. *знащши — ма*; *любаши — ма* в м. *любаши ма*; *зълъбы — хъ* в м. *зълъбы — ихъ*; *гръхы —*

хъ вѣм. грѣхъ — нхъ; избъранаго — тѣ люди вѣм. избъранаго — отъ люди и др. Процесс объединения происходил в образовании и конечного согласного в сочетании с согласными, которым начиналось следующее слово: *мзѣком — оныѣ вѣм. мзѣком — моимѣ* (Син. пс.) и др., (см. ниже, в отделе о согласных).

§ 203. „Эпентетический“ *l'* был в языке кирилло-мефодиевских переводов, — был во всех тех сочетаниях, в которых он возник в доисторическую эпоху, — в начале слова и не в начале его (см. § 140):

а) *бл'юдн, бл'юдѣтеса, пл'юняти, бл'юдѣ* — „блюдо“.

в) *земл'и, земл'ѣ, земл'и, корабл'ь, корабл'ицѣ, прн:стѣп'ль, прн:стѣп'лѣш, оул:вл'енѣ, пр:славл'енѣ.*

В Киевских лл. в отношении „эпентетического“ *l'* не обнаружилось никаких изменений: *избавленнѣ, вѣжлюбленнѣ, прн:славѣ, прн:слѣпн, земл'скѣ* и др. подобные написания находятся и в других старославянских памятниках (XI в.), дойдя до этих рукописей из более ранних оригиналов, восходящих ко 2-й половине IX в.

На наличие „эпентетического“ *l'* в начале и не в начале слова указывают также древнерусские и древнесербские списки со старославянских оригиналов: в них не отразились написания без *l'*: *земьѣ, любьѣ* и т. д. Последовательность написаний с *l'* в этих рукописях (древнерусских и древнесербских) нельзя объяснить исключительно тем, что в русском и сербском языках было *l'* в начале и не в начале слова: несомненно, если бы в старославянских рукописях, которыми пользовались русские и сербские книжные люди, находились слова без *l'*, то некоторое количество их попало бы и в русские и в сербские списки.

В старославянских памятниках XI в. представлены весьма часто отступления в отношении передачи таких слов. Эти отступления не относятся к началу слова: в этом положении в старославянском языке XI в. не отражалось изменений, как не происходило их и в других славянских языках: *бл'юдѣ, пл'юяти*. Отступления относились не к начальному слогу и отражали значительное изменение, происшедшее в языке славян болгарских. Изменение состояло в том, что „эпентетический“ *l'* не в начальном слоге был утрачен. Изучение многочисленных передач слов с прежним *l'* epentheticum и замен этих слов дает возможность сделать следующие наблюдения в отношении этих сочетаний в конце X — в XI в. в говорах славян болгарских.

В ряде памятников (Зограф., Марин., Клоц., Синайский требник) отсутствует *l'* перед *ь, и;* но перед другими гласными „эпен-

тетический“ l' представлен. Несколько примеров из Зографского кодекса: *корабъ* — *корабь*, *оставь*, *оставьша*, *прнстѣпъ*, *прнстѣпша*, *зем'и* — *земн*, *корзѣн*, *корзѣнцю*;

днѣл'ѣхж — *днѣл'ѣхъ*, *корзѣл'ѣ*, *любѣл'ѣше*, *земл'а*, *корзѣл'а*, *прнѣмл'а*, *къжл'юбж*, *славл'ѣ са*, *земл'ѣ* — *земл'ѣ*, *корзѣлю*.

В Зограф. и Син. тр. отсутствует l' в формах *благословенъ*. В этих формах отсутствие l' не представляет собою явления фонетического. Нет основания видеть в этом результат диссимиляции с предшествующим слогом, имеющим л. Формы *благословен* представляют новообразование, которое несколько позднее отразится последовательно на образовании причастия прош. врем. страдат. залога глаголов с инфинитивной основой на -i: *ловено*, *любено*, *просено*, *градено* и т. д.

В Син. тр. нет l' в словах *оумръкъсно*, *оумръкъветь*. Утрата l' в этом сочетании произошла в зависимости от скопления артикуляции -rʃtvl'e-. Можно полагать, что в языке писцов этих памятников (Зогр., Мар., Клоц., Син. тр.) или их оригиналов l' epentheticum утрачен был не в одно и то же время во всех положениях: ранее образование этого согласного перестало производиться перед ь, и (i).

Прочие старославянские памятники обнаруживают утрату „эпентетического“ l' не только перед ь, и, но и перед другими гласными. Несколько примеров.

Ассеман.: *корзѣ*, *прѣломь*, *прнстѣпше*; *корзѣн*, *възлюбѣнъ*, *благословенъ*, *любѣлше*, *мѣлѣше*; *земл*; *възлюбѣж*.

Савв. кн.: *корабь* — *корабъ*, *оставьша*, *прнстѣпъ*, *корзѣн*, *възлюбѣнъ*, *ослзѣна*, *мѣвнѣнѣ*, *вънемѣте*, *земьш*, *земьл*, *земьшъ*.

Супр. рук.: *корабь*, *оставьша*, *прнстѣпша*, *добнн* (вм. *добл'ин*); *възлюбѣнѣна*, *ослзѣю нѣ*, *оставѣнѣна*, *оуправѣнѣнъ*, *въскръмѣнѣнъ*, *добьш* (вм. *добл'ю*), *дрѣвьшъ*, *днѣвьшж*, *добьш*, *капъш*, *корзѣлѣз*; *корзѣю*, *добьюмоу*...

§ 204. Теперь обратим внимание на то, каким образом передавались на письме замены прежних сочетаний с l'epentheticum. Перед ь, и нет особых обозначений при губном. Но перед другими гласными в ряде памятников (в Син. пс. и особенно в Савв. кн., в Супр. рук.) пишется ь или ѣ. Син. пс.: *земьъ*, *земьш*. Примеры из Савв. кн. и из Супр. рук. см. выше. Применение знака ь или ѣ указывает на то, что артикуляция губного согласного не находилась непосредственно перед гласным (кроме i): ее отделило какое-то образование; образование j (i): *земьш* = *зем'ja*. В Ассеманьевом кодексе отсутствуют ь, ѣ в этих случаях. Если отсут-

ствие этих знаков в таких написаниях не представляет собою неточности в передаче, то надо полагать, что в XI в. были такие болгарские говоры, в которых произошла ассимиляция *j* (вм. *l'*) с предшествующим мягким губным согласным: земл'а → → зем'ја → зем'а.

Перед *ь* и *i* особой артикуляции (*j* или *l'*) не выделялось. артикуляция замены палатального *l'* в этом положении ассимилировалась с *ь* и *i* и разделила его судьбу (утрата *ь* в слабом положении): коравь, прѣтапъша.

§ 205. Кроме фонетического процесса изменения *l'* после губного согласного не в начале слова, появились сочетания без *l'* морфологического происхождения. Таково происхождение в некоторых случаях формы причастия прош. врем. страд. залога в глаголах с инфинитивной основой на *-i* с предшествующим губным согласным: *-вн-, -бн-, -пн-, -ми:* левѣти, възлюбѣти и др. — възлюбѣнъ... В Супрасльской рукописи и в Саввиной книге, в которых пишется *ь* или *ъ* на месте утраченного *l'*, в передаче форм причастия прош. вр. страдат. залога в ряде случаев нет *ь* (*ъ*) — наставѣни, отравѣни, разломѣни (Супр. рук.); възлюбѣнъ, прославѣнъ, благословѣнъ (Савв. кн.). Такие формы представляли собою новообразование, которое последовательно отразится несколько позднее на всех глаголах с инфинитивной основой на *-i*, — отразится в морфологической системе всех болгарских говоров, — и на востоке и на западе. Это новообразование состояло в том, что перед суффиксом *-ен* стала применяться глагольная основа с тем согласным, какой был и в других формах: просено, возено, обѣсено, простено.

Процесс утраты *l'*epentheticum не в начале слова пережит всеми болгарскими говорами. Современные говоры представляют указание на такую же замену сочетаний губного согласного с *l'*, какая обнаружилась уже в XI в., по данным старославянских памятников: губн. согл. *+j+* гласный или мягкий губн. согл. *+j+* гласный: зем'ја и чаще зем'а. Говоры западной Болгарии и северной Македонии имеют *пп'*, которое указывает на *пj* предшествующей фонетической стадии: земн'а. Изменение *пj* разного происхождения в *пп'* происходило во многих славянских областях: и украинские, и польские, и чешские (в Чехии и в Моравии) говоры знают *п'* (*пп'*) такого происхождения вместо *j* после *п*. В некоторых из этих говоров возникновение *п'* нормировано было уже условием нахождения *пj* перед гласным заднего

ряда. Такой же фонетический процесс происходил и в неславянских языках. Напр., в новогреческих говорах (mp'a в м. *μá*), в румынских (n'edzu в м. mp'edzu, а это восходило к *mēdius* и др.).

Сохранение сочетания pl', bl' в начальном слого связано было с фонетикой начала слова: в этом положении слог в первой своей части представляет наибольшую высоту шума, которая благоприятствовала удержанию палатальной артикуляции pl', bl'.

§ 206. Наконец, замечание о форме *земн*, часто встречающейся в старославянских памятниках. Возможно, что *земн* представляет собою фонетическую замену более раннего *земли* (*земли* — им. ед.). С л (л') эта форма (*земли*) также находится в памятниках, идя от ранних рукописных оригиналов. Но также возможно полагать, что форма *земн* без л была в языке и в IX в. Эта форма от имени *земь* с основой на -ī (-ь). При основе на -ī была основа и на -ja: *zemja* → *zeml'a*. Такие дублиеты форм этого слова имеются и в русском языке: бросил *на-земь*; ударил *о-земь*; лежа на *земь*, *зем'* была сырая (последний пример из Курской области, Белгородский район).

Палатальные согласные.

§ 207. О составе палатальных согласных старославянского языка см. в § 35. О происхождении их см. в соответствующих §§. В дополнение отметим следующее.

Ѡ, ѡ. Это были палатальные *št'*, *žd'*. Графика для этих согласных ясно указывает на такие элементы в образовании их: глаголич. *Ш* или *Ш* ∞, *Ж* ∞, кирилл. *Ѡ* или *ѡ*, *ѡ*. Но среди книжных людей X—XI вв. были и такие, в речи которых были *št'š* или *št'š* и *ždž* или *žd'*. При наличии *štš* (шч) могло быть *žd'*, с утраченной фрикацией в конце звонкого образования. Редукция в образовании звонких согласных, как более слабых, чем глухие, выражалась в разное время в разных славянских языках. Такое состояние представляют говоры Македонии и юго-западной Болгарии и в позднейшее время: *štš* (шч) — *ždž* или *žd'*. В других болгарских областях была пережита утрата фрикации в конце образования, — утрата и в голосовом и в безголосном образовании: *št'* — *žd'*. Такой процесс был пережит восточными группами славян болгарских и некоторыми группами на западе. *št'* — *žd'* во 2-й половине IX в. были и в говоре Солунского края. Лица же, в речи которых были *štš* или *št'š*, *ždž* или *žd'* (или *žd'ž*), действовали не только на

Балканском полуострове, но были и в числе учителей восточно-славянских книжников: последние усвоили произношение буквы ψ как $\widehat{st\check{s}}$ (шч) — усвоили по произношению своих учителей. По их произношению русские книжные люди читали буквы τ и ν как \diamond и ϵ . Это также указывает на македонское происхождение южно-славянских книжных людей, работавших среди восточных славян в конце X — в XI в. У восточных славян \diamond вместо сильного τ , ϵ вместо сильного ν появились во 2-й половине XII в.

Происхождение старославянских ψ , μ было разное.

1) Вместо ранних доисторических $tj, d\check{j}$; о процессе изменения этих сочетаний см. § 139. В славянских группах, легших в основу болгарских, направление в изменении долгих палатальных $\widehat{t'}$, $\widehat{d'}$ (вм. $tj, d\check{j}$) было такое же, как и в группах, легших в основу других южнославянских (сербо-хорватских и словинских) и восточнославянских групп: $\widehat{t'} \rightarrow \widehat{t's}$, $\widehat{d'} \rightarrow \widehat{d'z}$. Отличие в фонетическом процессе в языке предков славян болгарских было то, что фрикация, как антиципация, появилась и перед затвором $\widehat{st's}$, $\widehat{zd'z}$. В дальнейшем происходило усиление фрикации: $\widehat{st's} \rightarrow \widehat{zd'z}$. Такие образования согласных представляют до сих пор говоры юго-западной Болгарии, Македонии и Албании. Но по этим говорам происходила утрата фрикации в конце голосового (звонкого) образования, при удержании ее в безголосном (глухом) $\widehat{st's} \rightarrow \widehat{zd'}$. В других болгарских группах происходила утрата фрикации не только в голосовом, но и безголосном образовании: $\widehat{st'} \rightarrow \widehat{zd'}$. Так в говорах юго-восточной Македонии и далее на северо-востоке (в восточноболгарских говорах). В этих говорах утрачена была фрикация во второй части $\widehat{st's} \rightarrow \widehat{zd'z}$ всякого происхождения (см. ниже). Итак: *съѡзъ, отъѡзати, поѡзати, люѡни* (ср. степень к лють); *меѡда, меѡдо, прѡжда, поѡждати, постѡжда са, съѡждаѡ, граѡданинъ, ѡѡжда, дѡжда* (повелит. накл.); *енѡи ѡ гѡваѡдами жѡлѡми* (последний пример из Супр. рук.).

2) ψ вместо давних доисторических kt, gt перед гласным переднего ряда. Во всех славянских языках, как отмечено было в § 148, заменой kt (из kt и gt) перед гласным переднего ряда был долгий палатальный t' , который изменялся в доисторическое время так же, как из tj . Поэтому замены kt (gt) перед гласным переднего ряда по славянским языковым группам такие же, что и замены tj . Ст.-сл. *ноѡць, веѡць, вѡѡни* (вм. *velkti*), *дѡѡни, помоѡць* (вм. *romogtĭ*)...

аффрикату \widehat{dz} . В кириллических памятниках XI в. в случае необходимости передать согласный \widehat{dz} пользовались видоизменением буквы z : z . Так в листках Ундольского, Хиландарских, Зографских, Македонском.

Данные старославянских памятников указывают на изменение, пережитое болгарскими говорами в отношении аффрикаты \widehat{dz} : по говорам она утратила затвор, — явление, пережитое в разное время славянскими языками в звонких аффрикатах ($d\check{z}$, dz). Болгарские говоры XI в., сохранившие эту аффрикату, отразились в следующих старославянских памятниках: в Синайской пс., в Ассеманиевом кодексе и в названных выше кириллических отрывках с z (в листках Ундольского, Хиландарских, Зографских, в Македонском). Несколько примеров.

Син. пс.: *зъло, звъзды, нозъ, полъзъ* в м. *пользъ, мънозъ, вразъхъ, вразн, помози, къназъ, стъзм* (им.-вин. множ.), *гобъзюмъщнмъ* — „изобилующим“, — перевод греч. *τοῖς εὐθῆ νόστ*; прилагат. *гобъзъ*, ср. гот. *gabigs* — „изобильный, богатый“, *помизъщѣ отима, въдвизѣм*.

Посредством z передано и греческое ζ в заимствованном слове *топаньсно* — греч. *τοπάσιον*: *злата і топаньсна* (164). Хиланд. лл.: *пѣл'ъзъ, ѣзъ, мънозн*.

В Синайской пс. находится написание с z вместо s в повелит. накл.: *раждъз*, 30, 18 — „разожги“. В этой форме была аффриката dz : *-ъdzil* Вероятно написание Синайской пс. указывает все-таки не на z , а на s (dz); редуцированный $ь$ после $жд$, находясь в слабом положении, был утрачен; оказалось сочетание $жддз$, которое изменилось в $ждз$, что и передано посредством $ждз$ со вставочной буквой $ь$: *раждъз* — *раждзи!*¹.

Зограф. лл. *мнозъхъ; пользевати, водензаште*.

§ 209. В говорах того времени, имевших в своей системе аффрикату dz , такое же образование появилось в некоторых словах и вместо давнего z . Так было в начале слова и реже между гласными — *зак-* → *зав-* и с префиксом *про-*: *прозаво* в Ассеман., *прозавнати* в лл. Ундольского. То же явление представляют среднеболгарские памятники письменности и современные говоры юго-западных болгарских областей (в юго-западной Болгарии и в Македонии). Примеры из области Охрида (в юго-западной Македонии):

¹ Другой пример с z вместо s , находящийся в печатном издании памятника, дано на 49^{об.}, 14, недостоверен: в словарном указателе это слово показано с s .

1) в м. давнѣго s: дзвезда, бладѣе — „хорошо“, дѣлди — именн. множ.; 2) в м. z: дзѣмнам вместо дзѣбнам — „зябну“ (Велес), дзид — „стена“, сѣлдза — „слеза“, нѣдзот — „назад“ и др.

§ 210. *сц* — *ст*, *зл*. Сочетание *сц* было в языке кирилло-мефодиевских переводов вместо давнего *sc*, появившегося в историческое время в связи с процессом изменения задненебных согласных *k, g, ch* в *c, dž, ś*: *отъ влццнѣа его* (Син. пс.), *в оудръжнн людсцѣмь*, *старци юдѣнцни*, *ѣтрци вкр'нцни* (Син. тр.).

Сочетание *sc* представляли и восточнославянские языки.

В западнославянских языках было *šč*, получившееся в давнее время вместо *sc*. Такое изменение *sc* было вызвано следующим: перед палатальным *c* согласный *s* был тоже палатальным (*š*); в группах же, легших в основу западнославянских языков, палатальный *š* изменился в *ṣ̌*, при шипящем же *š* и аффриката стала образовываться с шипящей фрикативной: *sc (šc) → šč*. Ср. судьбу *s̄t', z̄d'* вместо *stj, zdj*: *s̄t' → š̄t' → š̄t'̣* повсюду у славян (§ 139). В отдельных западнославянских группах происходила утрата второго шипящего элемента *šč → š̄t'*. Так по говорам чешским, в лужицких языках. И так: чешск. *v' Polšt'e*, старопольск. *v Polšče*. (Совершенно безосновательна попытка объединить процесс изменения *sk̄e* в западнославянских и восточнославянских, в противоположность процессу, отразившемуся в южнославянских языках: „Revue des études slaves“, VI, 216—223).

По болгарским говорам произошла утрата второго фрикативного элемента: *š̄s̄(sc) → st(ст)*. Результат такого изменения отразился в ряде памятников: *людьстни*, *зъмьстни*, *фъриснетни*, *морьствн*, *на дьств* и др. Но были говоры, в которых такое изменение не отразилось. Так в памятниках: Син. тр., Клоц. Сб., Савв. книга, в более архаической части Зографского кодекса (при одном случае с *ст*: *галилѣистѣмь*).

Примеров к *zaz* в старославянских памятниках нет, кроме одного *драздъ* — местн. ед. (Супр. рук.) к имени *дразга* — „лес“. Ничего определенного нельзя сказать о судьбе *zaz* в разных болгарских группах IX—XI вв.

Особо отметим сочетания суффиксов (префиксов) на *z(s)*; *iz, bez, orz (раз), vьz* — со словом, начинавшимся с *z, s, š, c, č*. Перед *s, z, š* в старославянском языке был представлен результат фонетического изменения: один согласный обычного образования *с, з, ш* вместо долгих *šš, zz, šš̄*, получившихся некогда вследствие объединения артикуляции согласного в предлоге и согласного *s,*

z, š, которым начиналось слово: възълобы, възакѣнениѣ, ншѣдъ вѣм. isšydъ, възснѣти.

Перед ч сочетания с этими предлогами в памятниках старославянского языка представлены не в одинаковом виде во всех случаях.

1) сч: исцѣлѣти — в разных памятниках; вѣсцѣннаго (Супр. рук.).

2) ст: с результатом того же изменения, как и в окончании слова: sc → st: исцѣлѣти в Син. пс., в поздней части Зограф., 1 раз в Супр. рук.

3) и,-во-: исцѣлѣти в разных памятниках; и-црѣкъво (Зограф.), и-црѣкъ (Остром.), ицѣлѣн, ицѣлѣно, вѣсцѣнѣтѣмъ (Син. тр.). Повидимому, такие сочетания возникли под влиянием сочетаний с предлогом (префиксом) нз (не), въз (во) перед з, с, ш под влиянием ишѣдъ, во-зълобы...

1) С результатом фонетического изменения: sč → šč → št' (щ) ирѣзо, ирѣзати — „исчезать“, ирѣва — „из чрева“, иштѣсти; ишѣдию вѣм. is-šed-; вѣшадѣнѣ — „бездетный“; вѣшислѣнѣ — „бесчисленный“.

2) и-ч-, во-ч-: и-чрѣва, ичѣзати, во-чѣсти (именит. чѣсть). Эти сочетания возникли так же, как ицѣлѣти, вѣсцѣнѣтѣ.

В Синайском требнике отразилось различие в звуковом виде образований с предлогом (префиксом) не сравнительно с образованиями с предлогом (префиксом) во: -н- ч- вместо не-ч — вѣщ вместо во-ч-: ичрѣва, масть не ичѣна. Но ичѣзоша, так как префикс не здесь не воспринимался языковым чутьем говорящего: ичѣслоша, вѣщислѣмъхъ.

3) Изредка книжное образование с не-, въз, вѣс: не чрѣва (Савв.), възъ чѣсла, вѣсчѣстѣнѣ, възчѣудитѣ (последние 3 примера из Супр. рук.).

§ 211. л', н', р'. В образовании палатальных л', н' не было пережито изменений, кроме сочетаний с палатальным л' после губного согласного не в начале слова: зѣм'л'н. → зем'л'а → зем'а.

Что касается палатального р', то, может быть, в некоторых болгарских говорах XI в. не было уже палатального р'; произошло отверждение его. Может быть, на такое явление указывают написания рѣ вместо рѣ (рѣ), рѣу вѣм. рѣу, рѣ вѣм. рѣ в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи.

Савв. кн.: рѣспѣрѣ, варѣтъ — „ожидает“, сѣмѣрѣтъ сѣ и др. Но имеются обычные написания с рѣ (вѣм. рѣ): чорѣ род. ед. сѣмѣрѣл... Супр. рук.: сѣтворѣ, творѣста, вѣзѣрѣ, покарѣмъ (при покар'ѣмъ), сѣм'ѣлѣра, сѣм'ѣлѣроу, тут же именит. ед. сѣмѣлѣрѣ, сѣм'ѣлѣрни, греч. σακελλάριος — „казначей“.

§ 212. ш, ж, ы, џ (шт), жд, ц, з — з, с (š: вьста, вьсе). В фонетической системе тех болгарских говоров, которые легли в основу языка кирилло-мефодиевских переводов, эти согласные были палатальными („мягкими“). После этих согласных гласные заднего ряда а, и, о были передвинуты несколько вперед в зависимости от палатальности предшествующего согласного: à (среднего ряда) или ä (переднего ряда), ù (среднего ряда) или ü (переднего ряда), ô или õ. Написания ▲ (ъ в кириллических памятниках) вм. а, ю, џ могут свидетельствовать о таком произношении гласных и вместе с тем о мягкости предшествующих согласных.

Киев. лл.: нашъ (= наша), мьшъ (= мьша — messa), срьдьца, обьцьль... .

Син. пс.: ыша, жьбы (= жкты), шюмоу, ыюдоу, люю, наоуыж, притъуыж, хюдыж, вьзъвцьшъ, вьсь (именит. ед. жен. = вься), вьсьж (вин. ед.), вьсакъ и др.

Такие написания имеются и в других старославянских памятниках. Но во всех дошедших до нас памятниках находятся и написания с а, оу, ж: наша, пнтъуа, мжжа... Так и в Киевских лл.: съгръшати, папожа, срьдьцл. Так и в других памятниках. При этом написания с ю после ы, ш, ж (ютя, мжю, шюмъ) встречаются чаще, чем написания с а вм. а: уасъ, наша, мжжа, оуасъ... Но в Супрасльской рукописи обычно оу: тоудо, вьвьшоу, жоупаны...

В написаниях с а (вм. а — ▲) после ы, ш, ж и других давних палатальных согласных видят обычно указание на отвердение этих согласных, а более частые написания с ю (мжю, шюмъ) объясняют не тем, что предшествующий согласный был мягким, а тем, что буквою ю писцы передавали здесь гласный ü, т. е. в образовании согласного произошло изменение — он отвердел, а следовавший за ним ü, ранее зависевший в своем переднем образовании от палатальности согласного, остался без изменения ü. С таким объяснением нельзя согласиться. В отношении мягкости судьба палатальных ы, ж, ш была не во всех говорах одинакова с судьбою ц, з — з, с'. Написания с а (уасъ, а не уьсъ, наша...) не представляют обязательного указания на отвердение ы, ш, ж. Такое написание могло отражать диссимиляцию, происшедшую в сочетании мягкого (палатального) согласного с гласным переднего или среднего ряда, — процесс, подобный давнему славянскому изменению ě в а после j, č, ž, š: kričati, žagъ, slyšati. После ш, ж в среднеболгарскую эпоху произошло изменение ▲ в ж, произошло независимо от твердости этих соглас-

ных. Данные современных болгарских диалектов в отношении шипящих согласных представляют следующее. В одних из них ч, ш, ж, шт (шч), жд (ждж) являются мягкими в той или иной степени. Такими являются эти согласные преимущественно на юго-западе, в говорах Македонии и соседних местностях юго-западной Болгарии. В других говорах шипящие согласные тверды. Как видно, отверждение шипящих согласных не произошло в значительной языковой болгарской области. Мягкими были эти согласные, разумеется, и в IX—XI вв., в говорах, отразившихся в языке старославянских глаголических памятников XI в. Полагаем, что и на востоке Болгарии отверждение ч, ш, ж, шт, жд относится к среднеболгарской эпохе.

§ 213. Что касается ряда ч, з (з), с (сьс), то можно полагать, что их отверждение произошло гораздо ранее диалектического отверждения шипящих согласных: по болгарским диалектам ч, з (з), с были тверды уже в XI в. В отношении этих согласных обращает на себя внимание обычное написание чз, за (зз): написания чь, зь (зь) редки. Также обычны -соу (-зоу): къназоу (къназоу), пьназоу (пъназоу). Отметим судьбу сочетания чь: в XIII в. в говорах западной Болгарии и северо-восточной Македонии было чз вм. чь (чана), изменения же ь после других согласных еще не обнаруживалось. Более раннее изменение ь (â) в а в этом положении находилось в связи с отверждением согласного ч. Параллельно с отверждением ч происходило отверждение з (з): полъза — полъза. Кроме написаний -за (-за) старославянских памятников, о твердости з (вм. з) может косвенно указывать и книжное русское пол'за с твердым з вместо русского пол'з'а с мягким з', как это представлено и доныне в севернорусских говорах.

Был твердым с в местоимениях вса, вса по болгарским диалектам XI в. Несомненно, таким он был в говорах, отразившихся в языке Супрасльской рукописи, Саввиной книги. С таким с были эти местоимения и в восточноболгарском оригинале Остромирова евангелия.

Согласные перед гласными переднего ряда.

§ 214. В фонетической системе всех славянских языков некогда согласные перед гласными переднего ряда были мягки. Имеются следы такого образования согласных и в системе давнего,

доисторического времени. Но степень палатализации согласных перед гласными переднего ряда была не такой высокой, с какой артикулировались палатальные *j*, *r'*, *l'*, *n'*: перед гласным переднего ряда мягкость согласных была средней; см. § 148. Такими были согласные в этом положении в старославянском языке. На мягкость их может указывать такая деталь письма. В Мариинском и Зографском кодексах имеются написания модифицированного юса малого, с хвостиком с левой стороны ѣ . Такой знак употреблялся в передаче формы именит. ед. мужск. и средн. рода причастия наст. вр. в основах на *e/o* и для глаголов *вѣти*, *вѣсти* (*вѣсти*): *градѣ*, *сѣ*, *вѣдѣ*. Традиционным окончанием формы причастия наст. вр. именит. ед. в этих основах было *-ы(ы)*: *грады*, *сы*, *вѣды*. В разных славянских языках пережито было объединение в окончании этих форм с формами основ на *-i*, где окончанием был гласный *-a* или его замена: *posę* (*поса*), *vidę* (*вида*). При этом объединении сохранилась твердость согласного, с какой он произносился перед *ы*: *vedy* (*вѣды*), *grędy* (*грады*): *vedę*, *grędę*; ср. в истории русского языка наличие форм этого причастия с *a* с заменой более раннего *ę* и с твердостью предшествующего согласного: *веда*, *неса*, *мога*; ср. в чешском языке ту же форму на *a* после твердого согласного: *veda*, *pleta*... То же происходило и в болгарском языке: объединение в окончании *-a*, но с сохранением твердости предшествующего согласного. Чтобы отметить такое произношение *-da*, *-sa* и др. в *grada*, *sa*, *veda*, писцы изменили знак *а* (ѣ): ѣ . Такая отметка понадобилась потому, что ею хотели отличить эти *-da* (*-dѣ*), *-sa* (*-sѣ*) от основ на *-i*: *vida*, *prosa*: последние отличались от *grada* не гласным, а согласным: в *grada* он был твердым, а в *vida* не твердым, мягким в той или иной степени. В Мариинском кодексе встретилось дважды *горѣ* с ѣ и в основах на *-i*: традиционным было *гора*. Возможно, что и в данном случае отмечалась твердость согласного, твердость ѣ его отверждение произошло уже по болгарским диалектам того времени.

В таком же направлении изменялась эта форма в других болгарских говорах XI в., отразившихся в прочих старославянских памятниках. В этих памятниках нет особого значка, который указывал бы на твердость предшествующего согласного в этих случаях: пользуются знаком *а* (ѣ) — *градан* (сложная форма *града-* и в Мариин.), *жида* в Син. тр., *градан*, *са* (вместо *сы*) в Сб. Клоца, *градм* в Ассеман. ев., *жѣра*, *вѣда* в Супр. рук., *жиѣа*, *са* в Савв. кн.

Фонетико-морфологическое значение этого окончания было то же, что и окончания с гласным, переданным в Зографском и Маринском ев. посредством ѣ.

Отвердения согласных перед гласными переднего ряда не было в XI—XII вв. по болгарским говорам (кроме отвердения р'; процесс отвердения был иного содержания и не зависел от следующего гласного). Если бы согласные перед гласными переднего ряда отвердели, то неизбежно изменился бы гласный *ā* (*а*) из *ě* (*lěto*). Полагаем, что он изменился бы при отвердении предшествующего согласного в *с*: произошло бы взаимное сближение артикуляции согласного и гласного, — процесс, противоположный более раннему процессу изменения *чъ* в *ча*: *ч* отвердевал, а следовавший за ним *ъ*, имевший более открытое образование, чем он имел позднее по болгарским диалектам на западе, изменился в *а*. Процесс изменения *t'ā* в *те* (*t* какой-нибудь согласный) происходил в среднеболгарский и новоболгарский периоды на юго-западе болгарской области (процесс этот проходит в разное время по западноболгарским группам). Далее держалось более открытое образование *ъ* (*ā*) на востоке Болгарии. Там и больше следов мягкости согласного перед гласным переднего ряда, в том числе перед *ā*, а также перед *а* из *ā*: *л'ато* в Родопах и на северо-востоке; *л'ато*, но *летен* в Прибалканье.

Группы согласных. Конец слова.

§ 215. Вследствие утраты слабых *ъ*, *ь* оказались сочетания согласных, в том числе такие сочетания, которые раньше были не свойственны фонетической системе: *та*, *да*, *ти*, *ди*, *пт*, *пе*, *пи*, *ли* и др.: *сѣтъ*[ъ]*лѣтъ*[ъ], *д*[ъ]*ни*, *п*[ъ]*тица*, *сгупта*, *п*[ъ]*си* и др.

В это время, в XI в., появились подобные сочетания и иного происхождения, — сочетания, оказавшиеся при новом образовании основы. В языке старославянских памятников находятся слова с *пи*, *ви*, возникшими вследствие нового присоединения суффиксов *-нж-* (в инфинитивной основе), *-нв-* (в наст. времени) к корню на *-п*, *-в*, т. е. к корню в том звуковом виде, в каком он находился перед гласным в других образованиях: въ *доунакъ истопнѣша*, *осльпнѣша* (Супр. рук.) с *-п* как *слѣп-*; *погыбнѣти* (Марин., Син. пс.) — с *гьк-* как *погыбати*; *прозѣбнѣти* (Марин., Син. пс.), — с *зѣб-*, как *прозѣбати* и т. п.

стр.: появился вторичный согласный *т* между *с* — *р* взамен давнего сочетания *сog-* (*ser-*) перед согласным: *страм*[ъ] вместо более

раннего срамъ (из согшъ). Так в Синайской псалтыри: *страмомъ* срамить см. Такое явление (str-), со вторичным t, было пережито почти всеми говорами Македонии и юго-западной Болгарии: *страм*, *страмота*, *страчка* („сорока“), *страда*, *стред* („среди“). Там же находится и сочетание *zdr* со вторичным d: *здрее(т)*, *здрав*.

жств → *ств*: *вство* вместо *въство* (Маринн. и др.);

сд → *зд*: *здо* вместо *съдо* (Зограф.);

кд → *гд*: *гдо*, *гда* вместо *къдо*, *къда* (Маринн.).

гк: по утрате редуцированного гласного оказалась группа согласных *гк* в прилагательном *лъгъа*, *лъгъо*. Эта группа в одних славянских языках подверглась диссимиляции: *гк* → *кк* (ср. в русском *лехка*). В других языках сочетание *гк* ассимилировалось в долгий *к(кк)*. Так было в южнославянских языках. Такое изменение отразилось в Син. тр.: *лъкъков*, *бълъкън*, *лъкъка*.

кч → *хч*. Любопытное указание представляет Супрасльская рукопись в отношении судьбы сочетания согласных *кч*, оказавшихся рядом после утраты *ъ*: *кч* → *хч* — *кн'ихуни* (69).

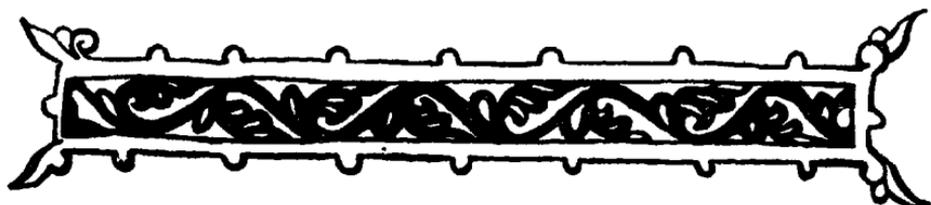
§ 216. С утратой слабых *ъ*, *ь* изменился весьма значительно конец слова: раньше слова оканчивались только на гласный, теперь же много слов получило иное звуковое оформление: они стали оканчиваться на согласные: *бъзд*, *друг*, *сын*, *вѣт'*, *вѣст*...

Вследствие тесного объединения слов во фразе произошла в ряде сочетаний ассимиляция конечного согласного одного слова с начальным согласным следующего слова, — явление, отмеченное выше и в отношении гласных. Многочисленные примеры такой ассимиляции находятся в Син. пс.: *на-дѣлы* *вм*, *над-дѣлы*; *бѣ-зѣла* *вм*. *бѣз-зѣла*, *памя-тѣвъ* *вм*. *память-тѣвъ*, *оудобѣлѣмъ-тѣгда* *вм*. *оудобѣлѣтъ-тѣгда*, *подѣ шзыкомомъ* *вм*. *подѣ шзыкомъ-шонмъ*. Из Супр. рук. *мъзда* — *многъмъ*.

По говорам согласные губные в конце слова, по утрате конечного *ь* отвердели: *въмъ* 1 л. ед. → *въм*; *прѣдъмъ* → *прѣдм*.

§ 217. О сочетаниях, в которые входили предлоги (префиксы) *вън-*, *сън-*, *кън-*, см. замечания выше, § 150: *вънѣдръ*, *вънѣтръ*, *вънѣти*, *въноушѣти*, *кънѣмати*, *кънѣмн*, *сънѣти*, *сънѣмъ*, *сънѣмище*, *вън'ь*, *кън'емоу*, *сън'нмъ*...

В сочетаниях предлогов с именами, начинавшимися с гласного звука, в старославянских памятниках нет *въ*, *съ*, *къ*: уже задолго до IX в. произошло в славянских языковых группах обобщение этих предлогов в виде *въ*, *къ*, *съ*: *въ оустахъ*, *к отъ'*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Введение. Фонетика

ВВЕДЕНИЕ

Начало славянской письменности

§ 1. Старославянский язык	7
§ 2. Источники по истории возникновения древнейшей славянской письменности: славянские, греческие, латинские	—
§ 3. Главнейшие факты из истории славянской письменности	9
§ 4. Деятельность учеников Мефодия у хорватов и в Болгарии	14
§ 5. Судьба старославянской письменности в Моравии и в Чехии	—
§ 6. Элементы языка кирилло-мефодиевских переводов. Исторические и лингвистические (словарные и синтаксические) указания, свидетельствующие о славяно-болгарской основе языка старославянских переводов	15
§ 7. Фонетические и морфологические черты языка кирилло-мефодиевских переводов, указывающие на язык болгарских славян как на основу языка старославянского	20
§ 8. Паннонская теория. Слова латинские и немецкие в языке старославянских памятников	23
§ 9. Элементы языка славянского городского населения, отразившиеся в старославянском языке. Книжные, литературные элементы старославянского языка	25
§ 10. Переводческая техника Константина и его учеников	28
§ 11. Переводы более поздние, X—XI вв.	31
§ 12. Тюркские слова в старославянских памятниках	33
§ 13. Термины по отношению к языку древнейших славянских переводов: древнецерковнославянский, древнеболгарский, старославянский	34
§ 14. Значение изучения старославянского языка	—
§ 15. Славянские азбуки. Глаголица и кириллица. Анализ некоторых бунв Киевских листов по сравнению с буквами других глаголических рукописей. Моравское происхождение писца Киевских листов. Писцы других глаголических памятников	35

§ 16. Памятники, писанные кириллицей. Их писцы. Черты языка этих памятников по сравнению с языком памятников глаголических	38
§ 17. Источники кириллицы	39
§ 18. Источники глаголицы	43
§ 19. Числовое значение букв кириллицы и глаголицы	53
§ 20. Надписные знаки. Знаки препинания	—
§ 21. Взаимоотношения между кириллицей и глаголицей	55
§ 22. Возникновение кириллицы	59
§ 23. Применение глаголицы на востоке Болгарии	60
§ 24. Палимпсесты	61
§ 25. Названия „кириллица“ и „глаголица“	62
§ 26. Порядок букв в славянских азбуках	63
§ 27. Анализ статьи Храбра о письменах	64

Старославянские памятники

§ 28. Памятники глаголические	67
§ 29. Памятники кириллические	74
§ 30. Памятники, написанные на основе старославянских рукописей у восточных славян, у хорватов, у сербов, у чехов	78
§ 31. Памятники с чертами чешского языка	79
§ 32. Памятники с чертами сербо-хорватского языка	80
§ 33. Словинские (Фрейзингенские) тексты	81
§ 34. Памятники с чертами русского языка	82
§ 35. Среднеболгарские памятники	92

Звуковой состав старославянского языка

§ 36. Гласные и согласные звуки и их обозначения	94
§ 37. Актуальность некоторых фонетических тенденций, отразившихся на передаче заимствованных слов	99
§§ 38—40. Отношение старославянского языка к другим славянским языкам	100—103

ФОНЕТИКА

Общественное и языковое состояние славян доисторической эпохи

§ 41. Ранние исторические упоминания о славянах. Область ранних славянских поселений. Общественный строй славян и их занятия. Свидетельство лексики	107
§ 42. Языковое состояние славянских родовых групп доисторической эпохи	109
§ 43. Анализ языковых процессов доисторической эпохи	—

а

§§ 44—47. Гласный а. Его долгота. Происхождение	112—114
---	---------

о

§§ 48—51. Гласный о. Его краткость. Происхождение. Изменение о у славян	114—116
---	---------

и

§§ 52—55. Гласный и. Его долгота. Фонетическое положение. Происхождение. Разная интонация на и	117—119
--	---------

у (ы)

- §§ 56—61. Гласный у (ы). Долгота. Происхождение. Дислабиализация гласных ъ и ѣ. і вместо и после палатального согласного 120—123

е

- §§ 62—63. Гласный е. Краткость гласного е. Его положение после непалатальных и палатальных согласных. Изменение гласного е. 123—125

ѐ, ѡ

- §§ 64—66. Гласный ѐ. Долгота ѐ. Фонетическое положение. Происхождение. Разная интонация на ѐ 125—127
- § 67. Образование ѐ 129

і

- § 68. Долгота гласного і . . . 133
- §§ 69—74. Происхождение гласного і 133—138

ѡ, ѣ

- §§ 75—76. Носовые гласные ѡ, ѣ. Их образование по славянским группам 139—142
- § 77. Гласные в сочетании с носовыми п, т по славянским группам 142
- § 78. Долгота ѡ, ѣ —
- §§ 79—84. Происхождение ѡ, ѣ не в конце слова. Разная интонация на ѡ, ѣ 142—148
- § 85. Носовые гласные в конце слова . . . 148
- § 86. Носовые гласные позднейшего происхождения 152

ъ, ь

- § 87. Редуцированные гласные ъ, ь. Их образование . . . 152
- §§ 88—90. Происхождение ъ, ь . . . 153—155
- § 91. Ослабленная ступень в давнем чередовании о—е . . . 155
- § 92. Редукция слова в зависимости от значения его и от способа произношения . . . —

ѣ, і

- § 93. Редуцированные ѣ, і. Их происхождение . . . 159

t̑rt, t̑rt, t̑lt, t̑lt

- § 94. Слоговая функция плавных и ее судьба в славянских языковых группах 160
- § 95. Палатализация т̑ в сочетании t̑rt. Лабиевеляризация і перед согласным в языке предков восточных, поморских и полабских славян 162
- § 96. Долгота слога с т̑г, ьг, т̑ь, ьь перед согласным —
- § 97. Интонация этих слогов . . . 163

tȓt, tȓt, t̑rt, t̑rt

- §§ 98—99. Сочетания tȓt, tȓt, t̑rt, t̑rt . . . 164—165
- § 100. Их судьба в славянских языках 165

or, er, ol, el перед согласными

- § 101. Сочетания tort, tert, tolt, telt. 166
- § 102. Долгота и интонация or, er, ol, el перед согласным 167
- § 103. Изменения tort, tert, tolt, telt. 168
- § 104. čelt, želt и их изменения. 172
- §§ 105—107. ort, olt в начале слова 173—175

Положение славянских языковых групп среди других индоевропейских языков в отношении согласных

§ 108. Согласные s, z в соответствии согласным k, g некоторых других языков .	176
§§ 109—111. Славянские k, g и соответствующие им согласные в других индоевропейских языках	178—179
§ 112. Славянские соответствия придыхательным согласным других индоевропейских языков	180
Небно-зубные t, d, n, s, z	
§ 113. Согласные t, d	182
§ 114. Согласный n	—
§ 115. Согласные s, z	183
s—ch	
§§ 116—123. Согласный ch у славян и его происхождение	184—189
§ 124. Вопрос о согласном h	190
Плавные r, ł, l, l'	
§ 125. Плавный r . . .	194
§ 126. Плавные ł, l, l'	—
m, p, b, v	
§ 127. Губные m, p, b, v	195
u, w, v	
§§ 128—130. Губно-зубной v, билабиальный w, неслоговой u .	195—196
§ 131. ur, ul в начале слова	197
i, j	
§§ 132—133. Неслоговой i и согласный j	197—198
k, g, ch	
§ 134. Изменение k, g, ch в ć, ź, ś	199
§ 135. Изменение k, g, ch в c, dz, ś перед заменой дифтонга oi, т. е. перед é, i	200—201
§ 136. kvě-, gvě- в славянских языковых группах	201
§ 137. Передача заимствованных слов с k, g перед гласными переднего ряда	204
§ 138. c', dz', s' вместо k, g, ch после i, e, ь	205
Сочетания согласных с j	
§ 139. Сочетания kj, gj, chj, nj, rj, lj, sj, zj, tj, dj	208
§ 140. Сочетания губных согласных с j	—
§ 141. Сочетания skj, zgj. Сочетания stj, zdj	209
§ 142. Происхождение ś, ź, ć	210
§ 142a. Сочетание sk' в начале слова	—
Группы согласных	
§§ 142б—147. Группы согласных	210—217

Согласные перед гласными переднего ряда

§ 148.	Согласные перед гласными переднего ряда	218
Начало и конец слова		
§§ 149—151.	Начало слова	219—224
§§ 152—153.	Конец слова. Фонетика конца слова.	224—226
Количество слога		
§ 154.	Количество слога. Сокращение долгот в давнее время	233
§ 155.	Позднейшие долготы	234
Интонация. Акцент		
§§ 156—157.	Интонация. Акцент	235—236
§ 158.	Метатония	236
§ 159.	Интонация на кратком слоге	239
§ 160.	Изменения в месте ударения	240
Чередование гласных		
§ 161.	Чередование гласных. Фонетико-морфологическое значение чередования	242
§ 162.	Двухслововые базы и их редукция	245
§ 163.	Чередование долгих \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} со ступенью редукции \bar{e} — у славян \bar{e} , \bar{a} , \bar{a} , \bar{y} , \bar{y}	246
§ 164.	Морфологическое значение чередования гласных в языке славян	—
§ 165.	Чередование e — o	247
§ 166.	Чередование em (en) — om (on)	248
§ 167.	Чередование er (er) — or (ol)	250
§ 168.	Чередование eu — ou	253
§ 169.	Чередование $\bar{e}i$ — $\bar{o}i$. . .	256
§ 170.	Чередование долгих \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} . Чередование с \bar{a}	257
Фонетические черты языка старославянских памятников		
§ 171.	Фонетические черты памятников старославянского языка . . .	259
§§ 172—176.	\bar{z} в старославянском языке . . .	259—268
§§ 177—179.	\bar{z} , \bar{a} в старославянском языке. Образование этих гласных	268—271
§§ 180—181.	\bar{z} , \bar{a} в Синайской псалтыри и в Маринском кодексе	272—277
§ 182.	Дублиеты с \bar{z} и \bar{o}	277
§ 183.	Дублиеты с \bar{z} и \bar{z} . . .	278
§ 184.	\bar{z} , \bar{a} в старославянском языке. Позднейшие \bar{z} , \bar{a} в передаче заимствованных слов	279
§ 185.	Изменения \bar{z} , \bar{a} , отразившиеся в языке старославянских памятников. Утрата \bar{z} , \bar{a}	281
§ 186.	\bar{z} вместо \bar{z} , \bar{a} в начале слова	285
§ 187.	Смещение \bar{z} , \bar{a} . . .	—
§§ 188—189.	\bar{z} , \bar{a} в сильном положении. Показания старославянских и среднеболгарских памятников, с одной стороны, и современных болгарских диалектов — с другой	290—293
§ 190.	Редуцированные \bar{z} , \bar{a} перед i , u (перед \bar{i} и перед \bar{u}). Их судьба в слабом положении	294
		335

§ 191. Редуцированные <i>ы, и</i> в сильном положении. Условия такого положения	295
§ 192. <i>ъ, ѡ</i> перед <i>и</i> : <i>вольи, людьи</i>	297
§ 193. <i>ъ, ѡ</i> в конце слова перед <i>и</i> следующего слова . . .	299
§ 194. <i>ръ, рь, лъ, ль</i> перед согласным вместо давних <i>ьгѣ, ѡгѣ, ѣгѣ, ѡгѣ</i> : <i>грьдѣ, зрько</i>	301
§ 195. Их изменение.	302
§§ 196—197. <i>ръ, рь, лъ, ль</i> перед согласным вместо давних <i>гьѣ, гьѣ, ѡгѣ, ѡгѣ</i> : <i>крьвь, сьльзѣ</i>	303—306
§ 197а. Группа <i>-тъѣ-</i>	306
§ 198. <i>ы</i> . Написания с <i>и</i> вместо <i>ы</i> и с <i>ы</i> вместо <i>и</i>	307
§ 199. <i>е</i>	308
§ 200. <i>і</i> после гласного	309
§ 200а. <i>ј</i> в начале слова	—
§§ 201—202. <i>ј</i> в середине слова	314
§§ 203—204. <i>l'epentheticum</i> в старославянском языке. Его изменение не в начале слова, отражающееся в старославянских памятниках. Значение способа образования следующего гласного	316—317
§ 205. Формы без <i>а'</i> морфологического происхождения	318
§ 206. <i>земь, zeml'a</i>	319
§ 207. Палатальные согласные <i>ѡ, ѡд</i> . Их происхождение.	—
§§ 208—209. <i>з (dz)</i> . Показания старославянских памятников в отношении судьбы аффрикаты <i>з</i>	321—322
§ 210. <i>сѣ — ст, зѣ</i> в языке старославянских памятников. Сочетание <i>сѣ</i> в славянских языках	323
§ 211. <i>а', и', ѡ'</i> в старославянском языке	324
§§ 212—213. <i>ш, ж, т, ѡ, ѡд, ч, з (ж), ѡ (къш)</i> в отношении палатальности	325—326
§ 214. Согласные перед гласными переднего ряда в старославянском языке	326
§ 215. Группы согласных.	328
§ 216. Конец слова.	329
§ 217. <i>къ-и-, сѣ-и-, къ-и</i>	—